

ИЗВЕСТИЯ

Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины

№ 1 (118)

Гуманитарные науки

2020

Гомельский государственный университет
имени Ф. Скорины

ИЗВЕСТИЯ

Журнал зарегистрирован в Министерстве информа-
ции Республики Беларусь
(свидетельство о регистрации
№ 546 от 06.07.2009 года)

Журнал включен ВАК Республики Беларусь
в перечень научных изданий Республики Беларусь,
в которых публикуются результаты
диссертационных исследований
(приказы № 207 от 13.12.2005, № 9 от 15.01.2010,
№ 57 от 16.05.2013)

Журнал включен в библиографические базы данных
ВИНИТИ и Научную электронную библиотеку
eLIBRARY.RU

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор **С.А. ХАХОМОВ**,
д-р. физ.-мат. наук, доцент
Зам. главн. редактора **О.М. ДЕМИДЕНКО**,
д-р тех. наук, профессор
Зам. главн. редактора **М.В. СЕЛЬКИН**,
д-р физ.-мат. наук, профессор

Члены редакционной коллегии:

Г.Г. Гончаренко, д-р биол. наук, проф.,
чл.-кор. НАН Беларуси
Ф.В. Кадол, д-р пед. наук, проф.
В.Н. Калмыков, д-р филос. наук, проф.
В.И. Коваль, д-р филол. наук, проф.
Г.Г. Лазько, д-р ист. наук, проф.
И.В. Семченко, д-р физ.-мат. наук, проф.
В.С. Смородин, д-р тех. наук, проф.
Б.В. Сорвилов, д-р экон. наук, проф.
В.М. Хомич, д-р юрид. наук, проф.
О.Г. Шляхтова, ответственный секретарь

Члены редакционной коллегии по гуманитарным наукам:

В.А. Дятлов (Украина), д-р ист. наук, проф.
А.И. Зеленков, д-р филос. наук, проф.
Ю.А. Лабынцев (Россия), д-р филол. наук, проф.
А.М. Литвин, д-р ист. наук, проф.
О.А. Макушников, д-р ист. наук, проф.
С.И. Михальченко (Россия), д-р ист. наук,
проф.
А.А. Станкевич, д-р филол. наук, проф.
Г.П. Творонович-Севрук (Польша),
д-р филол. наук, проф.
И.Ф. Штейнер, д-р филол. наук, проф.
Я.С. Яскевич, д-р филос. наук, проф.

АДРЕС РЕДАКЦИИ:
246019, Беларусь, Гомель, ул. Советская, 104,
Телефоны: +375 (232) 51-03-21
E-mail: vesti@gsu.by
Интернет-адрес: <http://vesti.gsu.by>

Francisk Scorina Gomel State University

PROCEEDINGS

The Journal is registered in the Ministry of Information of
Republic of Belarus
(registration certificate
number 546 dated 06.07.2009)

The Journal is included in the Republic of Belarus
Higher Attestation Commission list of scientific publica-
tions of the Republic of Belarus, which publish the main
results for the degree of Doctor (Candidate) of Sciences
(order number 207 dated 13.12.2005, number 9 dated
15.01.2010, number 57 dated 16.05.2013)

The Journal is included in bibliographic databases of the
All-Russia Institute of Scientific and
Technical Information (VINITI), Scientific electronic
library eLIBRARY.RU

EDITORIAL BOARD

Editor-in-chief **S.A. KHAKHOMOV**,
Sc. D., Docent of Physics
Deputy editor-in-chief **O.M. DEMIDENKO**,
Sc. D., Professor
Deputy editor-in-chief **M.V. SELKIN**,
Sc. D., Professor

Members of editorial board:

G.G. Goncharenko, Sc. D., Professor, Corre-
sponding Member NASB
F. V. Kadol, Sc. D., Professor
V.N. Kalmykov, Sc. D., Professor
V.I. Koval, Sc. D., Professor
G.G. Lazko, Sc. D., Professor
I.V. Semchenko, Sc. D., Professor
V.S. Smorodin, Sc. D., Professor
B.V. Sorvirov, Sc. D., Professor
V.M. Homich, Sc. D., Professor
O.G. Shlyahтова, executive secretary

Members of editorial board for the humanities:

V.A. Diatlov (Ukraine), Sc. D., Professor
A.I. Zelenkov, Sc. D., Professor
Y.A. Labyntsev (Russia), Sc. D., Professor
A.M. Litvin, Sc. D., Professor
O.A. Makushnikov, Sc. D., Professor
S.I. Mihalchenko (Russia), Sc. D., Professor
A.A. Stankevich, Sc. D., Professor
G.P. Tvoronovich-Sevruk (Poland),
Sc. D., Professor
I.F. Shteiner, Sc. D., Professor
Y.S. Yaskevich, Sc. D., Professor

EDITORIAL OFFICE ADDRESS:
246019, Belarus, Gomel, Sovetskaya Str., 104,
Tel: +375 (232) 51-03-21
E-mail: vesti@gsu.by
Site: <http://vesti.gsu.by>

ИЗВЕСТИЯ

Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины

НАУЧНЫЙ И ПРОИЗВОДСТВЕННО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Издается с 1999 г.
Выходит 6 раз в год

• 2020, № 1 (118) •

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ: ИСТОРИЯ • ФИЛОЛОГИЯ • ФИЛОСОФИЯ

СОДЕРЖАНИЕ

История

Бороденко Е.А. Метрические книги как источники историко-демографической информации о брачности украинского социума второй половины XVIII – первой половины XIX в.	5
Ганжуров А.И. Аппиан и Римская республика	11
Елизаров С.А. Оплата труда руководящих работников советского государственного аппарата власти и управления Гомельской губернии (1919–1926 гг.).....	17
Кірчанаў М.В. Да пытання аб ролі «Групы гісторыкаў Камуністычнай партыі Вялікабрытаніі» ў фарміраванні новай сацыяльнай гісторыі Ангельскай рэвалюцыі	24
Круглик И.И. БССР в составе команды СССР на Играх Олимпиад и Олимпийских зимних играх исторического периода с 1952 по 1992 гг. (эволюционно-исторические статистические характеристики)	29
Лудзіч А.Р. Структура і функцыі паліцэйскіх павятовых органаў на тэрыторыі Беларусі ў другой палове XIX – пачатку XX ст.....	34
Моторова Н.С. Организация продовольственной помощи сельскому населению белорусских губерний в XIX – начале XX вв.	41
Рожкова С.Н. Рапальский договор и развитие советско-германских отношений в белорусской постсоветской историографии.....	46
Сидорова С.О. Профессиональная подготовка почтово-телеграфных служащих на территории Беларуси в конце XIX – начале XX века.....	52
Скрябина Л.С. Специфика налогообложения на оккупированной территории Гомельщины в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.).....	56
Такас М. Религиозная политика Демократической партии Турции (1946–1950).....	61
Хуан Сюйшэн. Эволюция внешнеполитической стратегии КНР по отношению к странам Латинской Америки и место в ней Бразилии в начале XXI века.....	67
Чайкин С.Н. Формирование системы поощрений и дисциплинарных взысканий личного состава тюрем на белорусских землях во второй четверти XIX – начале XX вв.....	71

Филология

Абакумова О.Б., Кирюхина Н.В. Конструирование гендера в русских пословицах и антипословицах.....	77
Бобрык У.А. Да некаторых мянушак – характарыстык псіхічных якасцей асобы ў гаворках Гомельшчыны	81
Гречаникова Е.Л. «Военная» проза в рамках литературного процесса 1980-х гг.: художественные особенности, задачи и перспективы (на материале эссеистики А. Адамовича)....	85

Гулак Н.А. <i>Масавая самадзейная творчасць Беларусі 1940–1950-х гг. у кантэксце дыялогу з соцыумам</i>	89
Захарова М.С. <i>Функциональные характеристики эпиграфа в художественном тексте</i>	94
Иоскевич М.М. <i>Реализация социального мифа через акт рассказывания в художественном произведении</i>	99
Лиденкова О.А. <i>Особенности репрезентации национальной истории в белорусской литературе Young Adult</i>	104
Ляшчынская В.А. <i>Аб вытоках колеравай семантыкі і сімволікі прыметніка белы на матэрыяле фразеалагізмаў</i>	109
Паўлавец Д.Д. <i>«Шалёны рык Ракі», або Вобраз Дняпра ў прозе У. Караткевіча</i>	114
Пятроўская Т.М. <i>Вобразы бацькоў у сучасных падлеткавых творах</i>	118
Сажина Е.В. <i>Развитие прагматического потенциала полемиического дискурса печатных СМИ (на материале британской прессы)</i>	122
Самохіна А.М. <i>Міфасемантыка сувязяў «сірата – слёзы – дождж» у беларускай традыцыйнай культуры</i>	127
Серигов Г.В. <i>Этнокультурный ракурс в преподавании РКИ</i>	132
Скоробогатая Т.И. <i>Деривационные средства представления семантики деструкции у глаголов в современном немецком языке</i>	136
Собко А.В. <i>Английские антропонимы в русских художественных текстах</i>	140
Станкевіч А.А. <i>Рытміка-інтанацыйная арганізацыя беларускага парэміянага дыскурсу</i>	145
Степанова В.В. <i>Языковые отличия в репрезентации профессионального знания носителями разных лингвокультур</i>	150
Хазанава К.Л. <i>Граматычныя асаблівасці параўнальных канструкцый у беларускіх прыказках і прымаўках</i>	155
Хоменко Е.В. <i>Специфика реализации коммуникативных интенций автора англоязычной научно-популярной статьи</i>	160
Цзи Хэхэ. <i>Национальное сознание В.М. Васнецова в восприятии В.Л. Кигна-Дедлова</i> ..	165
Цімашэнка Н.П. <i>Сінтаксічная функцыя злучальных слоў у даданных азначальных частках складаназалежнага сказа (на матэрыяле зборніка Барыса Пятровіча «Спакушэнне»)</i>	169

ФИЛОСОФИЯ

Баньковская Ю.Л. <i>Социальная коммуникация как предмет социально-философского анализа</i>	174
Ермаков Е.С. <i>К вопросу определения сепаративных процессов в сложных синергетических системах природы, техносферы и социума</i>	179
Калмыков В.Н. <i>Философия – открытая система</i>	185
Одиноченко В.А. <i>Десекуляризация как фактор модернизации современной Беларуси</i> ..	190

PROCEEDINGS

of Francisk Scorina Gomel State University

SCIENTIFIC, PRODUCTION AND PRACTICAL JOURNAL

There are 6 times a year

Published since 1999

• 2020, № 1 (118) •

HUMANITIES: HISTORY • PHILOLOGY • PHILOSOPHY

CONTENTS

HISTORY

O.A. Borodenko. <i>Metric books as a source of historical and demographic information about the marriage rate of Ukrainian society in the second half of the 18th – first half of the 19th century</i>	5
A.I. Ganzhurov. <i>Appian and the Roman Republic</i>	11
S.A. Elizarov. <i>Remuneration of labor of senior employees of the Soviet state apparatus of public authorities and administration of the Gomel province (1919–1926)</i>	17
M.W. Kyrchanoff. <i>On the role of the «Group of historians of the Communist Party of Great Britain» in the formation of new social history of the English Revolution</i>	24
I.I. Kruglik. <i>BSSR as a part of the USSR team at the Olympics and Olympic Winter Games of the historical period from 1952 to 1992 (evolutionary historical statistical characteristics)</i>	29
A.R. Ludzich. <i>Structure and function of district police authorities in the territory of Belarus in the second half of XIX – early XX century</i>	34
N.S. Motorova. <i>Organization of food assistance to the rural population of the belarusian provinces in the XIX – early XX centuries</i>	41
S.N. Rozhkova. <i>The Rapallo Treaty and the development of Soviet-German relations in Belarusian post-Soviet historiography</i>	46
S.O. Sidorova. <i>Professional training of postal and telegraph employees in Belarus in the late XIX – early XX centuries</i>	52
L.S. Skryabina. <i>The specifics of the tax policy of the occupation authorities on the territory of the Gomel region during the Great Patriotic War (1941–1945)</i>	56
M. Takas. <i>Democratic Party of Turkey and its religion policy (1946–1950)</i>	61
Huan Syujshen. <i>The evolution of China's foreign policy strategy in relation to Latin American countries and the place of Brazil in it at the beginning of the XXI century</i>	67
S.N. Chaikin. <i>Formation of a system of incentives and disciplinary sanctions for personnel of prisons on Belarusian lands in the second quarter of the XIX – early XX</i>	71

PHILOLOGY

O.B. Abakumova, N.V. Kiriukhina. <i>Structuring of gender component in Russian proverbs and antiproverbs</i>	77
U.A. Bobryk. <i>Some nicknames – mental qualities of personality characteristics in the speeches of the Gomel region</i>	81
E.L. Grechanikova. <i>«Military» prose in the framework of the literary process of the 1980s: artistic features, tasks and prospects (based on the essays by A. Adamovich)</i>	85
N.A. Gulak. <i>Mass amateur creativity of Belarus 1940–1950-ies in the context of dialogue with society</i>	89

M.S. Zaharova. <i>Functional characteristics of an epigraph in a literary text</i>	94
M.M. Ioskevich. <i>Realization of social myth through the act of storytelling in a work of art ...</i>	99
O.A. Lidenkova. <i>Peculiarities of representing National history in Belarusian literature in 'Young Adult' genre</i>	104
V.A. Lyashchynskaya. <i>On the origins of color semantics and symbols of the adjective white on the phraseologisms material</i>	109
D.D. Paulavets. <i>«The frantic roar of the River» or image of the Dnieper in prose of U. Karatkevich</i>	114
T.M. Pyatrouskaya. <i>Images of parents in today's writings for teenagers</i>	118
E.V. Sazhina. <i>The development of the pragmatic potential of the polemic discourse of the printed media (based on the British press)</i>	122
A.M. Samohina. <i>Mythological and semantized ties «orphan – tears – rain» in the Belarusian traditional culture</i>	127
G.V. Serikov. <i>Ethnic and cultural perspective in the teaching of Russian as a foreign language</i> .	132
T.I. Skorobogataya. <i>Derivative means of representing the semantics of destruction in verbs in modern German</i>	136
A.V. Sobko. <i>English anthroponyms in Russian fiction</i>	140
A.A. Stankevich. <i>Rhythmic and intonation organization of the Belarusian pareomic discourse</i> ...	145
V.V. Stepanova. <i>Linguistic differences in the representation of professional knowledge by speakers of different linguistic cultures</i>	150
K.L. Hazanova. <i>Grammatical features of comparative constructions in Belarusian proverbs and sayings</i>	155
E.V. Homenko. <i>The specifics of the implementation of communicative intentions of the author of an English-language popular science article</i>	160
Czi Hekhe. <i>National Consciousness of V.M. Vasnetsov in the perception of V.L. Kign-Dedlov</i>	165
N.P. Tsimashenka. <i>Syntactic function of the syndetic words in the attributive clauses of the complex sentence (on the material of the collection of Boris Petrovich «Temptation»)</i>	169
PHILOSOPHY	
Yu.L. Bankouskaya. <i>Social communication as a subject of social-philosophical analysis</i>	174
E.S. Ermakov. <i>On the issue of determining separative processes in complex synergetic systems of nature, technosphere and society</i>	179
V.N. Kalmykov. <i>Philosophy is an open system</i>	185
V.A. Odinochenko. <i>Desecularization as a factor of modernization of modern Belarus</i>	190

История

УДК 316.36:929.532](477) «175/182»

Метрические книги как источники историко-демографической информации о брачности украинского социума второй половины XVIII – первой половины XIX в.

Е.А. БОРОДЕНКО

Представлен анализ метрических книг церквей Левобережной Украины второй половины XVIII – первой половины XIX в. как источников в изучении историко-демографических вопросов брачности. Показана обеспокоенность высших государственных органов Российской империи необходимостью систематизации статистических данных о главных демографических процессах населения. Выявлены изменения формуляров-записей метрических книг. Проведен краткий компаративный анализ содержательной части церковной документации с утвержденными на общегосударственном уровне формами. Представлены значимые фрагменты из источников.

Ключевые слова: брачность, брачующиеся, венчание, историко-демографические процессы, метрические книги.

The article presents an analysis of the metric books of the churches of the Left-Bank Ukraine of the second half of the 18th – first half of the 19th century as sources in the study of historical and demographic issues of marriage rate. The concern of the highest state bodies of the Russian Empire about the need to systematize statistical data on the main demographic processes of the population is shown. Changes in the form-records of metric books are revealed. A brief comparative analysis of the substantive part of church documentation with the forms approved at the state level has been carried out. Significant fragments from the sources are shown.

Keywords: wedding, historical and demographic processes, metric books, engaged, marriage rate.

В течение второй половины XVIII – первой половины XIX в. главным доказательством заключенного семейного союза считались метрические книги. В случае сомнений достоверности метрических записей, события таинства венчания доказывались сведениями обыскных или исповедных книг, показаниями священно и церковнослужителей, совершавших обряд, а также очевидцев, которые свидетельствовали под присягой. Подтвердить или опровергнуть матримониальный¹ статус могли путем проведения следствия [2, с. 52], [3, с. 253], [4, с. 7]. Названные церковные документы важны не только с точки зрения констатации брака, но и определения, систематизации данных о главных демографических процессах, происходивших в украинском обществе: деторождение, брачность² и смертность. Вместе с фискальными источниками (компутами, ревизиями, Генеральной описью Левобережной Украины 1765–1769 гг. и т. д.), которые вели учет населения, метрические книги содержат ценный информационный материал для изучения демографических колебаний украинского социума второй половины XVIII – первой половины XIX в.

Указанные материалы церковного делопроизводства выделяем в учетно-статистическую группу официально-служебного направления актовой документации [6, с. 32]. Учитывая однородность, повторяемость содержания, однотипность форм, документы такого типа классифицируем как массовые церковного происхождения [7, с. 154–157].

¹Матримониальный – связан с женитьбой, супружеской жизнью; брачный [1, с. 652].

²Брачность – в узком смысле процесс заключения браков, в широком смысле – совокупность процессов вступления в брак и прекращения браков из-за развода или смерти одного из супругов [5, с. 24].

Источниковедческая база исследования представлена указами Российской империи, Сводами законов, периодическими, информационно-публикаторскими изданиями и метрическими книгами. Церковные документы принадлежали к разным регионам Левобережной Украины, а именно: Георгиевской церкви с. Галка Роменского уезда Полтавской губернии за 1748–1848 гг. [8]; Успенской церкви с. Талалаевка Роменского уезда Полтавской губернии за 1748–1853 гг. [9]; Покровской церкви с. Новицкая Слобода Роменского уезда Полтавской губернии за 1760–1853 гг. [10]; Николаевской церкви г. Красный Колядин Прилуцкого полка за 1754–1783 гг. [11]; Вознесенской церкви г. Ромны Роменского уезда Полтавской губернии за 1781–1826 гг. [12]; Рождество-Богородицкой церкви г. Хмелев Роменского уезда Полтавской губернии за 1785–1849 гг. [13]; Георгиевской церкви г. Ахтырка Ахтырского уезда Харьковской губернии за 1774–1809 гг. [14]; церкви Иоанна Воина с. Рогозное Сумского уезда Слободско-Украинской губернии (Харьковской) за 1790–1823 гг. [15]; Покровской церкви с. Калиновка Роменского уезда Полтавской губернии за 1804–1849 гг. [16]; Крестовоздвиженской церкви с. Ярьски Миргородского уезда Полтавской губернии за 1757–1775 гг. [17] и другие.

Путем вычисления по метрическим записям ежемесячной, ежегодной численности родившихся, умерших и сочетавшихся браком, представляется возможным систематизировать историко-демографические показатели определенного сообщества. В исследовании проанализируем метрические книги разных населенных пунктов сельского и городского социума Левобережной Украины за столетний период, второй половины XVIII – первой половины XIX в. Раскроем информативную составляющую учетно-статистических источников в исследовании историко-демографических вопросов об украинском населении и, прежде всего, сосредоточимся на проблематике брачности. Покажем заинтересованность государственных органов власти необходимостью подсчета, группирования и публикации данных о главных демографических процессах населения. Проанализируем изменения в написании, представлении информации об украинском сообществе в церковно-учетных документах. В контексте заявленной проблематики сосредоточимся на записях о венчанных особах. Представим значимые фрагменты источников, проведем короткий компаративный анализ содержательной части с общепределенными формами метрик, которые регламентировались отдельными указами.

Впервые на общегосударственном уровне указом Синода от 20 февраля 1724 г. отмечалось о важности систематизации демографических показателей по материалам вышеназванных книг. Священный Синод мотивировал введение в церковное делопроизводство метрических книг необходимостью «вѣдать о количествѣ всего Россійскаго Государства людей, рождающихся и вѣ брачное супружество совокупляющихся и умирающихъ...». По актовым документам такие «записки» ежегодно пересылались к архиереям [18, с. 266]. Очевидно, такой порядок сохранялся и в первой половине XIX в., так как похожее требование встречаем в Уставе духовных консисторий от 27 марта 1841 г. [3, с. 235].

Актовая документация 1801–1802 гг. подчеркивала значимость проведения ежегодных переписей, ревизий «со всевозможною точностью» о посевах, урожае и количестве жителей вообще [19, с. 157]. Церковно-учетная и фискальная документация содержали статистические сведения о главных демографических процессах населения, которые исчислялись и систематизировались. Первые шаги упорядочения демографических показателей заметны с 80-х гг. XVIII в., когда выходили в свет описания наместничеств Левобережной Украины. Эти издания включали квантитативные показатели об определенном региональном сообществе.

В частности, в 1788 г. было опубликовано «Топографическое описаніе Харьковскаго намѣстничества» [20, с. 142–168]. С начала XIX в. вышли в свет фундаментальные труды о Полтавской и Харьковской губерниях, прежде всего записки, военно-статистические обзоры и т. д. [21], [22]. Годовые показатели основных демографических процессов, начиная с 60-х гг. XIX в., систематизированы и показаны в публикациях. Они собраны в памятных книгах отдельных губерний, которые издавались губернскими статистическими комитетами или Центрально-статистическим комитетом Министерства внутренних дел Российской империи [23].

С 1866 г. приходское духовенство ежегодно представляло в губернские статистические комитеты сведения о движении православного населения империи, прежде всего, таблицы по определенным формам о родившихся, умерших и тех людях, которые венчались [24, с. 898]. Следовательно, метрические книги были важным источником для сбора демографической

информации о населении за отдельные годы. Метрические свидетельства о возрасте брачующихся, проведенных обрядах венчания, крещения или отпевания одного из представителей супружеской пары обязательно учитывались священниками, которые проводили церковно-обычные действия относительно будущих участников таинства брака. Такие справки доказывали незыблемость матримониальных православных требований в проведении венчания и позволяли помолвленным создавать семейный союз.

Метрические книги также были источником выдачи свидетельств о возрасте молодых мужчин, которые пополняли ряды рекрутов [25, с. 144], [26, с. 307]. Подобные возрастные выписки представлялись в судебные инстанции «о летах преступниковъ, выдающихъ себя за малолетныхъ», поскольку преступник, не достигший совершеннолетия (семнадцатилетия), избегал тяжелых наказаний, например, смертной казни [27, с. 317], [28, с. 641], [29, 174–175], [30, с. 375]. Итак, метрические книги фактически были документом-разрешением на жизнь в общине. Метрические свидетельства позволяли венчаться, избегать наказания малолетним преступникам, определять рекрутский возраст молодых мужчин и т. п.

В процессе систематизации статистических данных всегда делался упор на формуляризации представленных сведений из метрических книг к Священному Синоду. В пункте № 29 «Прибавления къ Духовному Регламенту» за 1722 г. декларировались основные положения ведения метрических книг [31, с. 707]. Образец написания церковной документации продемонстрирован в указе Синода от 20 февраля 1724 г. с четко выделенными тремя частями (родившихся, венчанных и умерших), заполненными по годам.

Часть вторая «О бракосочетавшихся» показана четырьмя столбцами таблицы, которые описывали обвенчанных людей: номером супружеской пары, обозначением лиц, «кто именно вѣнчаны», датой венчального обряда с указанным днем, месяцем, годом и присутствовавшими свидетелями («поручителями или поѣзжаніемыми»). По особой форме указывались имена священников, которые проводили таинство венчания [18, с. 266–267].

Все последующие указы 1779, 1806 гг. в разъяснениях, которые касались содержательной части церковно-учетных книг, ссылались на указания к вышеупомянутым актовым документам 1722 и 1724 гг. [32, с. 883], [33, с. 254]. Копии директивно-распорядительных документов переписывались в консисториях и рассылались в приходы. В частности, такой указ-копия обнаружен в письме от Киевской духовной консистории и адресован Глуховскому духовному управлению от 31 декабря 1779 г. [34]. Образец ведения церковной документации был представлен поверхностно, поэтому представители приходского духовенства несколько по-разному вносили персонифицированные данные о главных участниках венчания.

Изучая метрические книги в разные годы, замечаем особенности в написании. В некоторых учетно-статистических книгах, например, церкви Иоанна Воина с. Рогозное, первые страницы представляли правила ведения метрических книг, выписанные из вышеназванных указов [35, л. 131]. Отдельные фолианты были разграничены на три части. Первая показывала сведения рожденных детей по годам. Вторая часть книг представляла описание лиц, которые венчались. Третья демонстрировала ежегодный учет количества умерших людей. Такой была метрическая книга Крестовоздвиженской церкви с. Яреськи [17]. Правда, большинство церковно-учетных книг демонстрировали ежегодные сведения о родившихся, венчанных и умерших. Реестры главных демографических показателей приходской общины за отдельные годы начинались с нового листа.

Записи об желающих сочетаться браком в большинстве документов 40-х – 80-х гг. XVIII в. представлены сжатыми сообщениями. Информация о супружеской паре ограничивалась одним предложением. В частности, метрическая книга 1748 г. с. Галка декларировала следующее: «22 травня галецкий житель Петро Брагинъ вдовъ съ удовою Евдокиєю Лавреновнго вторымъ бракомъ» [8, л. 3 об.]. Подобно записаны и супруги 1748 г. с. Талалаевка, 1754 г. с. Красный Колядин [9, л. 2], [11, л. 4 ,б.]. В другой книге с. Новицкая Слобода за 1760 г. иногда вместе с именем и фамилией жениха добавлялось отчество [10, л. 1 ,б.].

Изменения в ведении учетно-статистических книг замечаем с 80-х гг. XVIII в. В метриках г. Ромны 1781 г., г. Хмелев 1785 г. к описанию брачующихся добавлялись краткие сведения о свидетелях обоих участников венчания [12, л. 6; 13, л. 3]. Отличительными от других и

особенно ценными в изучении историко-демографических аспектов являются церковные книги двух населенных пунктов: г. Ахтырка за 1774–1809 гг., в которой, начиная с 1794 г., указан возраст новобрачных, подобно этому – с. Юрковое за 1799 г. [14, л. 135], [36, л. 4].

С началом XIX в. информативное наполнение несколько расширялось. В частности, в метрических записях 1804 г. с. Калиновка декларировалось так: «Села Калиновки козакъ Василий Ємельяновъ сынъ Бабенко, холостъ поучинению указанного обыска обвенчанъ умершего козака Калиновки Захария Величка дочерью Уляною первымъ бракомъ...» [16, л. 4]. Далее перечислялись свидетели, которые присутствовали при осуществлении требы. Итак, в XVIII в. сведения об обвенчанных лицах были более устойчивыми, представляли краткие данные о супружеских парах, но уже в конце века их содержательная часть несколько дополнялась.

Второй этап в формуляризации метрических книг наблюдаем с 30-х гг. XIX в. Синодский указ от 28 февраля 1831 г., названный «О новыхъ формахъ метрическимъ книгамъ», представлял усовершенствованные рекомендации по ведению церковных ведомостей [37, л. 203, 817]. В частности, по новому образцу часть вторая церковно-учетных книг об обвенчанных лицах состояла из трех столбцов: номера семейной пары, «когда и кто имено вѣнчаны», «кто были поручители» со стороны обоих участников обряда. Обязательно указывалось число и месяц венчания. Основные сведения о новобрачных фиксировались в записях второй составляющей таблицы. В форме приведены семь возможных примеров-записей о супружеских парах. Описание повенчанных начиналось с имени, отчества и фамилии «жениха». Отмечалась социальная принадлежность к определенному сословию. Для военных или гражданских служивых показаны звания, должности, а купцов – гильдии.

Семейный статус обозначался несколько по-разному: для тех, кто первый раз вступал в брак – в виде «холостъ»/«девица», а повторно брачующихся детализировался вдовой численностью («вторымъ или третимъ бракомъ»). Невесты-первобрачницы записывались только именем и отчеством. Далее фиксировалось имя, отчество и фамилия отца, его социальный статус. Вдовы показывались именем и данными о последнем муже, которые представлялись подобно записям отца с обозначением числа, месяца и года смерти. За разрешением «мѣстнаго Духовнаго Начальства» венчались разведенные, иноверцы, а также женщины, мужья которых были высланы в Сибирь. Определялось административно-территориальное происхождение новобрачных. В третьей части записей описывались свидетели церковного обряда со стороны «жениха» и «невѣсты»: чин или звание, имя, отчество, фамилия, место службы и жительства. Законность заключенного брака каждой супружеской пары свидетельствовали члены приходского клира, с участием которых происходило таинство. Они представлялись именем, отчеством, фамилией и духовным саном [37, л. 203, 817].

Еще более совершенная форма ведения метрических книг была заявлена Сенатским указом от 7 февраля 1838 г. В новом образце таблица конкретизировала данные в девяти столбцах. По сравнению с предыдущей формой сведения об участниках венчания разграничивались по гендерному признаку в две составляющие таблицы, добавлялись возрастные показатели брачующихся, указывалось вероисповедание. В последней части свидетели обряда по желанию ставили подписи [38, с. 91–92]. Все остальные требования совпадали с предыдущими, но по содержанию вписывались в разные столбцы. С 1838 г. большинство приходских священников стремилось следовать приведенным в образцах рекомендациям. По крайней мере, достаточно широкий круг изученных метрик это доказывает, хотя обнаружены и некоторые опiski, зачеркивания и другие нарушения. В целом, обзор метрических книг второй половины XVIII – начала XIX в. показал изменения форм записей об обвенчанных. Мотивацией формуляризации церковной документации была унификация украинского делопроизводства в общероссийскую систему деловых бумаг. Персонифицированные сведения зависели от тщательности ведения книг духовными лицами, от региональных различий в написании, а также административно-территориальной принадлежности церкви к городской или сельской общине и т. п. Начиная с 40-х гг. XIX в., регистрация населения в метрических книгах по новым формам была более четкой. Это определялось ужесточением наказаний представителей приходского клира за нарушения исполнительской дисциплины в ведении церковной документации.

Подытоживая, хотелось бы отметить значимость метрических книг, которые вместе с фискальными являются ценными источниками в проведении историко-демографических исследований второй половины XVIII – первой половины XIX в., и прежде всего брачности. Начиная с 1724 г., высшие государственные учреждения Российской империи демонстрировали заинтересованность в статистических данных о главных демографических процессах сообщества, а с 80-х гг. XVIII в. систематизировались и описывались в различных информационно-публикаторских изданиях. С целью унификации церковной документации в пределах Российской империи вводились единые формуляры метрических книг. Во второй части документов представлялась информация о лицах, которые сочетались браком. Церковная документация регламентировалась указами 1722, 1724, 1779, 1806, 1831, 1838 гг. Записи метрических книг второй половины XVIII в. о брачующихся представлены короткими сообщениями, а с 80-х годов XVIII в. несколько дополнялись. Более усовершенствованная форма обвенчанных лиц требовалась от приходского духовенства указом 1838 г. Она особенно информативна в историко-демографическом аспекте и изучении проблематики брачности.

Литература

1. Словник української мови. Академічний тлумачний словник (1970–1980) [Электронный ресурс]: в 11 т. – Т. 4. – Режим доступа : <http://sum.in.ua/s/matrimonialjnyj>. – Дата доступа : 17.05.2019.
2. Указатель алфавитный къ Своду законов Россійской Имперіи. – Санктпетербургъ : Въ Типографіи Отдѣленія Собственной Его Императорскаго Вѣличества Канцеляріи, 1834. – 1007 с.
3. Полное собраніе законов Россійской имперіи, с 1646 года (ПСЗРИ) : в 45 т. – СПб. : Тип. II Отд. Собственной Е.И. В. Канцелярии. 1830. – Собрание второе. – Т. XVI. – Ч. 1. – 924 с.
4. Сводъ законовъ Россійской имперіи, изданія 1857 года. – Т. X. – Ч. I. Законы Гражданскіе. – Санктпетербургъ : Печатано въ Типографіи II Отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, 1857. – 1225 с.
5. Демографический понятийный словарь / Под ред. Л.Л. Рыбаковского. – М. : ЦСП, 2003. – 352 с.
6. Ділова документація Гетьманщини XVIII ст.: зб. документів. / АН України. Ін-т укр. археографії та ін. ; упоряд., автор передмови та комент. В.Й. Горобець ; відп. ред. Л.А. Дубровіна. – Київ : Наук. Думка, 1993. – 392 с.
7. Легун, Ю. Класифікація джерел з генеалогії селянства: історіографія питання / Ю. Легун // Спеціальні історичні дисципліни: питання теорії та методики : зб. наук. пр. – Київ, 2006. – Вип. 13. – Ч. 1. – С. 144–177.
8. Государственный архив Сумской области (ГАСО). – Фонд 960. – Оп. 3. – Д. 537. – 356 л.
9. ГАСО. – Фонд 960. – Оп. 3. – Д. 591. – 366 л.
10. ГАСО. – Фонд 960. – Оп. 3. – Д. 571. – 160 л.
11. ГАСО. – Фонд 960. – Оп. 3. – Д. 616. – 60 л.
12. ГАСО. – Фонд 960. – Оп. 3. – Д. 582. – 113 л.
13. ГАСО. – Фонд 960. – Оп. 3. – Д. 598. – 303 л.
14. ГАСО. – Фонд 745. – Оп. 2. – Д. 48. – 1006 л.
15. ГАСО. – Фонд 94. – Оп. 1. – Д. 1. – 482 л.
16. ГАСО. – Фонд 960. – Оп. 3. – Д. 546. – 106 л.
17. Государственный архив Полтавской области (ГАПО). – Фонд 1011. – Оп. 1. – Д. 157. – 66 л.
18. ПСЗРИ. – Собрание первое. – Т. VII. – 922 с.
19. Щелковъ, К.П. Историческая хронологія Харьковской губерніи / К.П. Щелковъ. – Харьковъ : Въ Университетской Типографіи, 1882. – 380 с.
20. Топографическое описаніе Харьковскаго намѣстничества съ историческимъ предувѣдомленіемъ о бывшихъ въ сей странѣ съ древнихъ временъ перемѣнахъ, взятымъ къ объясненію Дѣяній и Хронологій. – Москва : въ Типографіи Компаніи Типографической, съ Указнаго дозволенія, 1788. – 171 с.
21. Арендаренко, Н. Записки о Полтавской губерніи, Николая Арендаренка, составленныя въ 1846 г.: Въ трехъ ч. / Н. Арендаренко. – Полтава : Въ типографіи Губернскаго Правленія, 1849. – Ч. II. – 393 с.
22. Военно-статистическое обозреніе Россійской имперіи. Издаваемое по Высочайшему позеленію при 1-мъ отдѣленіи Департамента Генеральнаго Штаба. – Санктпетербургъ : Въ типографіи Департамента Генеральнаго Штаба, 1850. – Т. XII. – Ч. I. Харьковская губернія. – 178 с.

23. Харьковская губернія. Списокъ населенныхъ мѣстъ по свѣдѣніямъ 1864 года / Издавъ Центральнымъ статистическимъ комитетомъ Министерства внутреннихъ дѣлъ. – Санктпетербургъ : 1869. – 210 с.
24. Рѣшеніе одного изъ вопросовъ относительно правильнаго веденія метрическихъ книгъ // Полтавскія епархіальныя вѣдомости. Часть официальная. – 1881. – № 18, 15 сентября. – С. 897–902.
25. ПСЗРИ. – Собраніе второе. – Т. XIX. – Ч. 1. – 921 с.
26. Сводъ законовъ Россійской имперіи, изданія 1857 года. – Санктпетербургъ : Печатано въ Типографіи II Отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, 1857. – Т. IX. – Ч. I. Законы Гражданскіе. – 572 с.
27. ПСЗРИ. – Собраніе первое. – Т. XVII. – 1115 с.
28. ПСЗРИ. – Собраніе первое. – Т. XI. – 988 с.
29. ПСЗРИ. – Собраніе первое. – Т. XII. – 960 с.
30. ПСЗРИ. – Собраніе первое. – Т. XVI. – 1016 с.
31. ПСЗРИ. – Собраніе первое. – Т. VI. – 815 с.
32. ПСЗРИ. – Собраніе первое. – Т. XX. – 1034 с.
33. ПСЗРИ. – Собраніе первое. – Т. XXIX. – 1370 с.
34. ГАСО. – Фонд 624. – Оп. 1. – Д. 25. – 2 л.
35. ГАСО. – Фонд 94. – Оп. 1. – Д. 1. – 482 с.
36. ГАПО. – Фонд 706. – Оп. 4. – Д. 12. – 4 л.
37. ПСЗРИ. – Собраніе второе. – Т. VI. – Ч. 1. – 790 с.
38. ПСЗРИ. – Собраніе второе. – Т. XIII. – Ч. 1. – 1067 с.

Полтавский национальный педагогический
университет им. В.Г. Короленко

Поступила в редакцию 14.06.2019

УДК 94(37).06(093.3)

Аппиан и Римская республика

А.И. ГАНЖУРОВ

Исследуется отношение Аппиана к гражданским войнам в Риме в I в. до н.э., завершившимся установлением монархического режима принципата. Новизна темы характеризуется комплексным подходом к изучению «Римской истории» Аппиана в его отношении к гражданским войнам в Риме в I в. до н.э.

Ключевые слова: Аппиан, Римская республика, гражданские войны, религия, монархия, принципат, демократия, социальные стереотипы.

The attitude of Appian to civil wars in Rome in the I century B.C., which ended with the establishment of the monarchical regime of the Principate, is investigated. The novelty of the topic is characterized by a comprehensive approach to the study of «Roman history» by Appian in his attitude to the civil wars in Rome in the I century B.C.

Keywords: Appian, Roman Republic, civil wars, religion, monarchy, Principate, democracy, social stereotypes.

Аппиан родился в египетской Александрии между 90 и 100 гг. в местной аристократической семье греческого происхождения [1, с. 231], [2, с. 624], [3, с. 194], [4, с. 74], [5, с. 9], [6, с. 416]. Полученное им образование у александрийских риторов, их антиимперские памфлеты и первые проведенные исследования в местной библиотеке Мусейона [7, с. 74–75] привили Аппиану склонность пользоваться первоисточниками и критически их осмысливать [8, с. 196], [2, с. 632], [3, с. 196], [7, с. 84]. Аппиан жил в так называемый «золотой век» Римской империи времен «хороших императоров» от Нервы до Марка Аврелия, то есть в период относительной стабильности. Этот имперский период давал возможность относительно откровенно выражать свои мысли в литературных произведениях, что по свободе самовыражения приближало его к эпохе поздней республики [2, с. 636]. Взгляды Аппиана не расходятся с некоторыми независимыми воззрениями других его ярких современников, в частности Флора [7, с. 85], а также Лукиана Самосатского в области религии, философии и отношения к демократии. Смерть историка пришлось на время не ранее 70-х гг. II в. н.э. [3, с. 194], [4, с. 74], [5, с. 9].

Аппиан занимал высокие должности в городском управлении Александрии. Вероятно, при Адриане (117–138 гг.) Аппиану были дарованы права римского гражданства, при этом он был зачислен во всадническое сословие [3, с. 194]. Также известно о его жизни в Риме, где Аппиан был адвокатом. В дальнейшем он стал прокуратором в одной из провинций, чем очень гордился [3, с. 194], [2, с. 625], [5, с. 9]. В это же время (160–165 гг.), в уже пожилом возрасте Аппиан написал свой главный труд «Римская история» на греческом языке, который не успел довести до конца [6, с. 417], [3, с. 194], [2, с. 625], [5, с. 10].

Что касается религиозных воззрений Аппиана, то в интересующей нас проблеме оценки гражданских войн I века до н.э. этим историком, они занимают центральное место. Для Аппиана характерна демонстрация убежденности в ответственности богов за смену демократического устройства на монархическое. Он отмечал, что рождение мула, пожар Капитолийского храма летом 83 года до н.э. и обрушение других храмов было воспринято как предсказание ниспровержения существующего государственного строя Суллой [9, с. 352], [10, с. 691]. При переходе Цезаря через Рубикон и его приближении к Риму боги определились с окончательным уничтожением демократии и приходом монархии, послав знаки [9, с. 391]. При Фарсале, по мнению Аппиана, Помпей уступает сенату в проведении военной стратегии «поврежденный в разуме божеством и на сей раз, как и в других случаях в течение всей войны» [9, с. 406], его прельщает «божественное наваждение» из-за того, что «так распорядилось божество, чтобы установить ту власть (*принципат* – А.Г.), которая теперь охватывает

все» [9, с. 408]. Аппиан проявлял открытую симпатию к демократии своим описанием эпизода с вызовом сенатом из Этрурии гаруспиков. По прибытии гаруспиков «старейший из них сказал, что старинная власть (*монархия* – А.Г.) возвратится вновь и что все, кроме него одного, станут рабами, затем прикрыл рот и задержал дыхание, пока тут же не скончался» [9, с. 499]. Самоубийство священнослужителя, как последнего свободного человека ради желания умереть при демократии показывало, по замыслу Аппиана, связь государственного строя с волей богов, с одной стороны, и восхищение поступком гаруспика, с другой.

У Аппиана Брут и Кассий подвергаются «гневу божества, часто подававшего им об этом знамения» за «их грех в отношении Цезаря» [9, с. 558]. Октавиана «божество привело ... в Абальский залив», спасая жизнь будущего принцепса после проигранного им морского сражения [9, с. 610]. В конечном итоге, Октавиан, победивший всех, «первый стал в глазах римлян священным и получил от них еще при жизни прозвище Август» [9, с. 312].

Вероятно, наиболее наглядно отношение Аппиана к демократии проявляется через призму религии в диалоге республиканца Гая Кассия Лонгина с его греческим учителем философии из Родоса Архелаем [9, с. 527–529]. В доказательствах участников диалога достоинств демократии и необходимости ее совместной защиты от второго триумvirата Аппиан проводил через речь философа Архелая совет «в интересах римской республики, всегда и во всяком деле признавать вождами богов» [9, с. 528], давая понять, что только богам дано право определять победителя, и, таким образом, политическое устройство Римской республики. По всей видимости, Аппиан вкладывал в речь Архелая собственное видение религии по отношению к метаморфозам государственного устройства Рима. Отговаривая своего ученика нападать на Родос и город, давший Кассию образование, за союз с приверженцем Антония Долабеллой, Архелай подчеркивал свое уважение и приверженность демократическим свободам.

Исходя из вышеизложенного, можно сказать, что Аппиан, будучи в целом эпикурейски настроенным мыслителем, придавал важнейшее значение в развитии государства и его формы правления сверхъестественным причинам. Именно этой причиной и обусловлено расположение Аппиана современному ему принципату. Он не пытался понять волю богов во введении монархического режима в государстве и слепо принимал ее, ставя на центральное место в своем мировоззрении и в описании гражданских войн. Превалирование у Аппиана расположения к монархии отмечено большинством исследователей, и это совершенно верно [11, с. 96], [2, с. 636–637], [3, с. 194], [7, с. 73], [5, с. 9], [12, с. 119]. Однако личные симпатии историка лежали в демократической плоскости, а неоднозначность и противоречивость его промонархической позиции также неоднократно отмечалась в исследовательской литературе с признанием высокой оценки Аппианом Брута и Кассия [3, с. 194], [12, с. 119]. Таким образом, симпатия к демократии у Аппиана скорее вызывает его сожаление о решении богов ее неприменимости в условиях империи.

Гражданские войны Аппиан считал самыми страшными для римлян [9, с. 12]. Он особенно отмечал факт пролития первой крови в противостоянии народа в лице трибунов и сената: «Тибериус Гракх, народный трибун, внесший свои законопроекты, первый погиб во время народного волнения», и «после этого гнусного дела волнения уже не прекращались, причем всякий раз враждующие партии открыто поднимались одна против другой. Часто пускались в ход кинжалы...» [9, с. 309], [13, р. 178]. А «Гракха погубил составленный им превосходный план, потому что Гракх для осуществления его прибег к насильственным мерам. Гнусное дело, случившееся в первый раз в народном собрании, потом неоднократно повторялось от времени до времени и применялось к другим подобным Гракху лицам. А из-за убийства Гракха Рим поделился надвое: одна часть печалилась, другая – радовалась. Одни сожалели о себе, сожалели о Гракхе, сожалели о том положении, в каком находилось государство, где не было больше законного правления, но где господствовали кулачное право и насилие. Зато другие полагали, что они достигли выполнения всех своих желаний» [9, с. 318]. Аппиан считал законы Тибериуса Гракха необходимыми для сохранения республиканского устройства с помощью боеспособной силы граждан-воинов [9, с. 314–315]. Аппиан особенно лоялен к Тиберию Гракху и в изложении хода дальнейших войн, педантично подчеркивал каждый случай первого убийства претора, консула, жреца и других магистратов с подробным описанием этих убийств. В результате

«стали образовываться уже олигархические правительства с руководителями партий во главе», ведущие друг с другом войну на уничтожение, а «на деле же против родины» [9, с. 310]. Из рациональных причин падения демократии именно факту непринятия земельных законов Гракха и первому физическому уничтожению политического противника, как важному прецеденту подражания в ведении политической борьбы, Аппиан отдавал главное значение.

В своем труде Аппиан многократно использовал понятие чаще материальной и реже политической выгоды для государства или отдельных лиц как рационального аргумента для обогащения от завоевания новых земель или принятия новых законов. Он не видел смысла завоевывать «варварские бедные народы, кои не могли бы принести им никакой выгоды», так как эти народы были убыточными и отсюда «они не будут полезны» [9, с. 8]. По этой причине римляне «по мудрому решению предпочитали сохранять уже приобретенное, чем распространять свою власть до бесконечности» [9, с. 8]. Здесь проявляется отсутствие личных милитаристских устремлений историка, что выступает противовесом латинским историкам периодов республики и принципата. Выгода государству усматривалась Аппианом законами Гракха, которые были «большой и существенной пользой», чтобы «в лице их (*бедных – А.Г.*) получить для государства боеспособную силу» [9, с. 315]. Личная выгода второго триумвирата заключалась, по мнению историка, в проскрипциях [9, с. 500, 511], так как деньги были «главным нервом войны» [9, с. 542].

Республиканский период Рима Аппиан характеризовал как «аристократический образ правления» [9, с. 7]. К 53 г. до н.э. уже «среди многих шла болтовня о том, что единственным спасением от теперешних зол была бы монархическая власть» [9, с. 382], а «затем Гай Цезарь ... сохранил внешнюю форму и имя Республики, но себя поставил монархом над всеми» [9, с. 7]. Что касается императоров, то, по мнению Аппиана, «на деле они во всем являются настоящими царями» [9, с. 7]. С момента завоевания Египта Октавианом «само государство римлян превратилось в монархию» [9, с. 12]. Подобные оценки в дальнейшем звучат у Аппиана неоднократно: «римляне ... снова испробовали царскую власть» [9, с. 360–361], «старинная (*царская – А.Г.*) власть возвратится вновь и ... все... станут рабами» [9, с. 499], «государство объединилось под монархической властью» [9, с. 312].

Самыми яркими впечатлениями от гражданских войн Аппиан делится, описывая проскрипции второго триумвирата. Под проскрипции попали близкие родственники триумвиров, их братья и дяди [9, с. 500]. Начались повальные попытки бегства проскрибированных из Рима, различные экзотические способы умерщвления, «произошла противоестественная перемена с сенаторами, консулами, преторами, трибунами, кандидатами на все эти магистратуры или состоявшими в этих должностях; теперь они бросались к ногам своих рабов с рыданиями, называли слугу спасителем и господином» [9, с. 503]. По словам Аппиана, «каждый становился предателем по отношению к своим домашним» [9, с. 504], [14, с. 202]. Вероятно, наиболее впечатляющим является рассказ о матери, отказавшейся от своего шестнадцатилетнего сына Атилия из-за угрозы смерти триумвирами укрывателям проскрибированных: юноша «отправился к матери. Когда же и та из страха его не приняла, он, не решившись просить милосердия у других после отказа матери, побежал на гору» [9, с. 511]. Позже от голода он попал в рабство, а оттуда сбежал к искавшим его с целью убийства центурионам, что они и осуществили. Обратные истории защиты родственниками друг друга у Аппиана редки.

По Аппиану Цицерон «бесспорно, ... казался спасителем гибнущего отечества. Когда Катон называл его отцом отечества, народ приветствовал это криками. Некоторые полагают, что такое благоговение, начавшись с Цицерона, перешло на лучших из теперешних императоров» [9, с. 377]. При этом «тогда возникло своего рода единовластие демагога» [9, с. 506]. Также историк считал, что этот муж оказал отечеству «величайшие услуги во время своего консульства», а после смерти он подвергался глумлению [9, с. 507]. Однако Аппиан отмечал, что тот же Цицерон распускал клевету на первый триумvirат, обвиняя их в единодержавии [9, с. 380]. Вообще следует отметить, что Аппиан интересовался Цицероном и специально посещал виллу, на которой был убит знаменитый оратор, что обозначено им как печальное событие [9, с. 506]. Подобное поведение также выдает симпатии историка к демократиче-

скому прошлому. Звучат нотки сожаления и гордости в повествовании о самоубийстве морального авторитета и борца за республику Катона, а также отмечается доблестная смерть Гнея Помпея Младшего, Лабиена, самоубийства Луция Сципиона, Юбы, Петрея, Скапула и других республиканских полководцев, продолжавших борьбу с Цезарем [9, с. 420–424].

По сведениям Аппиана, уже к 53 г. до н.э. из-за анархии шли разговоры, вероятно среди сенаторов и всадников, что «единственным спасением от теперешних зол была бы монархическая власть», при этом указывалось на Помпея как человека сильного и милостивого, причем «было неважно, таков ли он или только таким казался» [9, с. 382]. В итоге сенат, «со страхом взирая на Помпея как на будущего диктатора», избрал его единственным консулом [9, с. 384]. По Аппиану, Помпей, будучи по силе подобен монарху, соперничая с Цезарем, считался демократическим правителем [9, с. 415]. Тем не менее, как замечал Аппиан, окружение Помпея позже считало, что в случае победы при Фарсале, он не отрекся бы от единовластия [9, с. 407]. А после победы, Цезарь все поражения своих врагов изобразил на различных статуях и картинах, за исключением «одного только Помпея, его одного Цезарь воздержался показать, так как его все еще оплакивали» [9, с. 422]. В самом Риме «было еще много таких, которые увлекались памятью о Помпее Великом и полны были обаяния славы этого человека» [9, с. 605]. В слова Брута и Кассия Аппианом вкладывалась оценка Помпея как самого демократического гражданина среди римлян [9, с. 440]. Но выше Аппианом было указано, что Помпей, неоднократно «поврежденный в разуме божеством», совершил ряд ошибок, приведших к поражению партии сената [9, с. 403, 406, 408].

Цезарь прямо охарактеризован Аппианом как тиран [9, с. 425], который в гражданскую войну «был вовлечен или из страха, как он сам говорил, или из жажды власти» [9, с. 447]. Вообще страх смерти у Цезаря неоднократно подчеркивался Аппианом [9, с. 386, 393, 423, 440]. Важным для Аппиана представлялось и указание на крайнюю бедность рода Цезаря, несмотря на знатность и знаменитость [9, с. 447]. Однако самой выразительной оценкой Цезаря Аппианом является характеристика действий Брута и Кассия, которые называются грехом против жреца и властителя, «равного которому не было, принесшего пользу и родине и власти более всех других» [9, с. 558]. Во введенном Аппианом рассказе о том, что перед битвой при Фарсале Помпей и Цезарь прослезились и преисполнились раскаянием перед беззаконием вовлечения множества граждан в кровопролитную битву [9, с. 411], просматривается явно воспитательная позиция историка для будущих поколений. Для самих римлян «не было тайной, что тот из них, кто одержит верх, повернет к монархии» [9, с. 397]. Аппиан также подчеркивал, что Цезарь совершал тяжкие и неподобающие поступки [9, с. 425], истреблял сенаторов [9, с. 421], от его действий погибло множество достойных граждан, и изгонялись народные трибуны из города без суда [9, с. 440–441].

Второму триумvirату Аппианом даются наиболее критические оценки, что неоднократно отмечалось исследователями [2, с. 637], [7, с. 84]. Антоний, Октавиан, Лепид обозначались тиранами [9, с. 596, 541, 575], которые ведут войны не ради пользы Рима, а в собственных интересах, желая произвести государственный переворот, чтобы уже более не возрождалась демократия [9, с. 566]. Тирания приписывается и Сексту Помпею за его открытое стремление вхождения в триумvirат [9, с. 596, 593]. Как и в случае с Цезарем, Аппиан неоднократно обращал внимание на страх смерти Октавиана, в том числе сразу после смерти Цезаря [9, с. 453, 454, 469, 491], [15, с. 136]. Договор второго триумvirата с Секстом Помпеем римляне, по словам Аппиана, считали появлением еще и четвертого тирана [9, с. 596], [16, с. 37]. Однако первые успехи и развившаяся на их фоне выраженная религиозная эйфория Секста [9, с. 605], привели его не к успеху, а к окончательному разгрому.

У Аппиана хорошо прослеживается эволюция преторианской гвардии императоров. Сулла после добровольного сложения власти отменяет ликторов для себя, оставляет своих телохранителей и свободно появляется среди толпы «один, лишь со своими друзьями» [9, с. 363]. При этом Аппианом подчеркивалось, что он не боялся «ни оставшихся в Риме (*его противников* – А.Г.), ни изгнанников, ни тех городов, которых он лишил цитаделей, стен, укреплений, денег и привилегий» [9, с. 363]. Цезарь по окончании гражданской войны уволил преторские когорты, которые охраняли его с начала войны «и появлялся в сопровождении одних лишь народных ликторов» [9, с. 424]. Вместе с тем, «он предложил своим друзьям охра-

нять его, так как он дал врагам, ищущим повод предпринять враждебные действия против него, прекрасную к тому возможность. Когда же друзья спросили его, не призвать ли опять испанские когорты для его охраны, он ответил: «Ничего нет хуже продолжительной охраны. Это примета того, кто находится в постоянном страхе» [9, с. 426]. Характерно, что при новом походе Брут и Кассий считали, что возле него будет большая военная охрана [9, с. 428]. Резюме Аппиана по этому вопросу: «Он (*Цезарь* – А.Г.) телохранителей не любил и довольствовался только общественными прислужниками» [9, с. 431]. Таким образом, Цезарь, не отказавшийся от пожизненной диктатуры по примеру Суллы, также сохранил отношение последнего к собственной охране, чем подал обратный пример действий будущим диктаторам своей смертью.

Аппиан обращал особое внимание на то, что на основании мирного договора триумвиров с Секстом Помпеем (39 г. до н.э.) было принято официальное решение через четыре года «возвратить управление государством народу» [9, с. 595]. В результате мирного договора много изгнанников, придерживавшихся демократических взглядов, стали возвращаться в Рим, и «возвращение стольких именитых людей, спасшихся вопреки ожиданиям, вызвало в толпе новую радость и всяческое ликование» [9, с. 595]. В том числе и по этой причине Октавиан был вынужден дважды посылать Мецената в Рим для подавления волнений, так как там оставалось много таких, которые увлекались памятью о республике [9, с. 605, 610]. Вообще о волнениях тех, «кто совершенно не признавал нового государственного строя», Аппианом сообщается неоднократно [9, с. 572]. Триумвиры, как подчеркивал историк, постоянно обещали вернуть реальную власть республиканским учреждениям [17, р. 248, 267], [18, р. 189]. И наконец, сам Октавиан, по Аппиану, обещал «вполне восстановить государственный строй после возвращения Антония из парфянского похода, ибо он был убежден, что и тот пожелает, с прекращением гражданских войн, сложить свою власть» [9, с. 618]. Именно, чтобы подтолкнуть Октавиана к выполнению этого обещания, его избирают пожизненным трибуном, «чтобы этой пожизненной властью побудить отказаться от прежней» [9, с. 618], [19, с. 280], [16, с. 43]. Здесь можно сделать заключение, что демократические настроения преобладали более в сенатской и всаднической среде, и, вполне вероятно, что Октавиан мог в зрелые годы размышлять о выполнении своих обещаний возвращения демократии, как об этом сообщал Светоний [20, с. 45].

Подводя итог, можно заключить, что Аппиан объяснял прежде всего религиозными причинами смену режима государственного устройства с демократического на монархический. Именно этой причиной и обусловлено расположение Аппиана современному ему принципату. Он не пытался понять волю богов в установлении монархического режима в империи и, слепо принимая ее, ставил на центральное место в своем описании гражданских войн. Симпатия к демократии лежит у Аппиана в области ярко выраженных личных предпочтений и, скорее, вызывает его сожаление о решении богов ее неприменимости в условиях империи, но однозначно не осуждение воли сверхъестественных сил. Для Аппиана гражданские войны являются самыми страшными для римлян. Из рациональных причин падения демократии главное значение он отдает фактам непринятия земельных законов Гракха для сохранения связи граждан – воин и пролития первой крови в противостоянии римлян в лице трибунов и сената. Подчеркивается им первое убийство трибуна в лице Тиберия Гракха и в дальнейшем уделяется пристальное внимание первичности убийств других магистратов и жрецов. В подборке исторических данных просматривается симпатия не столько к Гракхам и другим трибунам, сколько к самому институту народного трибуната и соответственно к демократии. Аппиану характерен акцент на выгодность тех или иных действий или приобретений для государства или нобилей. Он выделял выгодность завоевания одних земель и невыгодность завоевания других. Аппианом отводилась выгода и деньгам вторая по значимости рациональная причина падения демократии, являющимися, по его меткому выражению, «главным нервом войны».

У Аппиана заметно отсутствие милитаристских устремлений, что выступает противовесом к латинским историкам италийского происхождения. Императоры обозначались Аппианом «настоящими царями», а само государство является монархией. Цезарю, второму триумвирату, Сексту Помпею и периоду владычества трибунов приписывается тирания. Аппиан интересовался Цицероном, положительно отзывался о нем и специально посещал вил-

лу, на которой был убит знаменитый оратор, что обозначено им как печальное событие. Само подобное поведение также выдает симпатии историка к демократическому прошлому. В оценках мотивов Цезаря и Октавиана Аппиан неоднократно указывал на их страх смерти как причину вовлечения в гражданские войны и принятие ими власти. Самой же выразительной оценкой Цезаря является определение действий Брута и Кассия против Цезаря, которые называются грехом против жреца и властителя, «равного которому не было, принесшего пользу и родине и власти более всех других». Аппиан прослеживал эволюцию преторианской гвардии императоров. Сулла и Цезарь еще сохраняли республиканские традиции в этом отношении, что говорит о силе республиканских социальных стереотипов. Аппиану принадлежат самые яркие и подробные страницы описания трагичности проскрипций. Существенным для Аппиана представлялось невыполнение официальных решений и обещаний второго триумвирата о возвращении государственного устройства к демократии.

Литература

1. Ковалев, С.И. История Рима / С.И. Ковалев. – СПб. : Полигон, 2002. – 864 с.
2. Маяк, И.Л. Аппиан и его «Римская история» / И.Л. Маяк // Аппиан Александрийский. Римская история. – М. : Наука, 1998. – С. 624–638.
3. Соболевский, С.И. Научная проза I–III вв. н. э. / С.И. Соболевский // История греческой литературы. – М. : АН СССР, 1960. – Т. 3. – С. 187–208.
4. Бокщанин, А.Г. Источниковедение древнего Рима / А.Г. Бокщанин. – М. : МГУ, 1981. – 160 с.
5. Жебелев, С.А. Аппиан и его «Гражданские войны» / С.А. Жебелев // Аппиан. Римские войны. – СПб. : Алетейя, 1994. – С. 9–14.
6. Лукомский, Л.Ю. Римская история Аппиана / Л.Ю. Лукомский // Аппиан. Римские войны. – СПб. : Алетейя, 1994. – С. 413–428.
7. Хан, И. Аппиан и Александрия / И. Хан // Вестник древней истории. – 1968. – № 1. – С. 72–85.
8. Короленков, А.В. Аппиан и Серторий / А.В. Короленков // Античность: общество и идеи. – Казань : 2001. – С. 193–199.
9. Александрийский, Аппиан. Римская история / Аппиан Александрийский. – М. : Наука, 1998. – 726 с.
10. Балахванцев, А.С. Комментарии / А.С. Балахванцев // Аппиан Александрийский. Римская история. – М. : Наука, 1998. – С. 639–708.
11. Гаспаров, М.Л. Памятники поздней античной научно-художественной литературы II–V вв. / М.Л. Гаспаров. – М. : Наука, 1964. – 415 с.
12. Машкин, Н.А. Принципат Августа / Н.А. Машкин. – М–Л. : АН СССР, 1949. – 688 с.
13. Wiseman, T.P. The ethics of murder / T.P. Wiseman // Idem. Remembering the Roman People. Essays on Late Republican Politics and Literature. – Oxf. : 2009. – P. 177–210.
14. Короленков, А.В. Caedes Mariana и tabulae Sullanae: террор в Риме в 88–81 гг. до н.э. / А.В. Короленков // Вестник древней истории. – 2012. – № 1. – С. 195–211.
15. Борухович, В.Г. После мартовских ид 44 г. до н. э. / В.Г. Борухович // Античный мир и археология. – Саратов : 1983. – Вып. 5. – С. 123–154.
16. Токарев, А.Н. К вопросу о трансформации политики Октавиана в сфере идеологии в 36 г. до н.э. / А.Н. Токарев // Иресиона. Античный мир и его наследие. К 130-летию Белгородского государственного университета. К 20-летию кафедры всеобщей истории БелГУ. – Белгород : 2006. – Вып. 3. – С. 36–46.
17. Millar, F. Rome, the Greek World and the East / F. Millar // The Roman Republic and the Augustan Revolution. – Chapel Hill and London : The University of North Carolina Press, 2002. – Vol. I. – P. 241–270.
18. Rich, J.W. Leges et Iura P.R. Restituit: A New Aureus of Octavian and the Settlement of 28–27 B.C. / J.W. Rich, J.H.C. Williams // The Numismatic Chronicle. – 1999. – Vol. 159. – P. 169–213.
19. Егоров, А.Б. Добродетели щита Августа / А.Б. Егоров // Античный мир. Проблемы истории и культуры. – СПб. : 1998. – С. 280–293.
20. Гай, Светоний Транквилл. Жизнь двенадцати цезарей / Гай Светоний Транквилл. – М. : Наука, 1993. – 368 с.

УДК 94 (476.2) «1919–1926» : 343.35

Оплата труда руководящих работников советского государственного аппарата власти и управления Гомельской губернии (1919–1926 гг.)

С.А. ЕЛИЗАРОВ

Рассмотрены вопросы генезиса системы оплаты руководящих работников советского административно-управленческого аппарата Гомельской губернии (ответственных политических работников). Отмечается, что система оплаты их труда эволюционизировалась от уравнительности к ее значительной дифференциации. Официально фиксировавшиеся в статистике размеры их материального достатка зачастую не соответствовали реальному положению дел. Это затрудняет научный анализ проблемы, давая широкий простор различного рода интерпретациям материального обеспечения советских руководителей.

Ключевые слова: Гомельская губерния, тариф заработной платы, местный советский государственный аппарат, ответственные политработники, номенклатура,

The article deals with the genesis of the system of payment of managers of the Soviet administrative apparatus of the Gomel province («responsible politicians»). It is noted that the system of payment for their labor has evolved from egalitarianism to its significant differentiation. The size of their material wealth officially recorded in statistics often did not correspond to the real state of affairs. This complicates the scientific analysis of the problem, giving a wide scope of various estimates of the material support of the soviet leaders.

Keywords: Gomel province, wage-rate, local soviet state apparatus, responsible politicians, nomenclature.

Введение. С приходом большевиков к власти им пришлось решать множество конкретных практических вопросов, которые ранее представлялись малозначимыми и простыми на фоне ожиданий мировой пролетарской революции и скорейшего установления пролетарского господства в ведущих странах мира. В том числе необходимо было разработать новую систему оплаты труда, определить принципы ее построения, механизм функционирования, роль материального стимула в кадровой политике советской власти. В частности, требовалось решить вопрос о месте материальной заинтересованности в работе руководящих советских работников, соотношении уровня и качества их заработной платы с уровнем и качеством заработной платы рабочих и рядовых служащих.

В постсоветской историографии главным образом вопрос платы труда в 1920-е гг. рассматривается при анализе проблем новой экономической политики. Среди специальных работ следует выделить монографию российского исследователя А.А. Ильюхова, в которой автор на российских материалах исследует политику советской власти в сфере оплаты труда с 1917 до 1941 гг. [1]. Главным образом автор анализирует эту политику в отношении рабочих, затронув служащих довольно схематично.

В последнее время появляются также работы, посвященные генезису становления и развития советской системы оплаты труда в российских регионах [2]–[3]. Исторические процессы, проходившие в Гомельской губернии, до 1926 г. входившей в состав РСФСР, у российских исследователей в целом интереса не вызывают и их изучение остается делом белорусских историков, которые, в свою очередь, сосредоточили свое внимание на белорусской территории в рамках ССРБ – БССР. Таким образом, изучение региональной гомельской истории остается прерогативой и задачей прежде всего гомельских историков.

В связи с этим, автор поставил своей целью показать генезис системы оплаты труда руководящих кадров местных советских органов государственной власти и управления в первое десятилетие существования БССР, а также раскрыть механизм функционирования этой системы.

При подготовке статьи использованы как уже опубликованные правовые нормативные акты, регулировавшие оплату труда, так и оригинальные архивные материалы из фондов Национального архива Республики Беларусь, Государственного архива Гомельской области, Го-

сударственного архива общественных объединений Гомельской области, большинство которых впервые вводятся в научный оборот. Применялись научные принципы историзма и системности, общенаучные и конкретно-исторические методы (историко-генетический, историко-сравнительный, историко-системный). Принцип историзма предполагает рассмотрение механизма становления и функционирования системы оплаты труда в контексте общих тенденций политического развития советского общества в первое десятилетие советской власти. Системный подход реализуется через изучение механизма заработной платы ответственных политических работников как составного элемента системы советской кадровой политики.

Основная часть. В первые годы советской власти система оплаты труда руководящих кадров советских органов власти и управления, в том числе и административно-управленческих, основывалась на еще прежних, закрепившихся в «довластный» период эгалитаристских представлений о соответствии ее размеров уровню заработной платы среднего квалифицированного рабочего: «плата не выше платы рабочего» (В.И. Ленин, «Государство и революция») [4, с. 109].

Первоначально зарплата советских руководителей регулировалась общими для всех советских служащих (совслужащих) правовыми актами: постановлением СНК РСФСР от 26 апреля 1918 г. «О порядке выплаты жалованья служащим правительственных учреждений» и последующими Декретами СНК РСФСР «Об оплате труда служащих и рабочих советских учреждений» (от 27 июня 1918 г. и от 12 октября 1918 г.).

С января 1919 г. в РСФСР переходят к унифицированной тарифной системе оплаты труда служащих, за основу которой была принята 35-ти разрядная тарифная сетка. Соотношение крайних разрядов (1 к 35) составляло 1 : 5 [5, с. 174].

Однако такая система вовсе не заменяла или отменяла специальные тарифы. В частности, в 1919 г. появляются специальные тарифы «ответственных политических работников»: 16 апреля 1919 г. Президиум ВЦИК принял постановление «Об оплате труда ответственных политических работников» [6, с. 79–80]. Все ответственные политработники по оплате делились на 4 группы. Соотношение зарплаты 4 (низшей) группы к 1 (высшей) составляло 1 : 1,2 (1700–2000 руб.), что отражало эгалитаристские предпочтения тогдашнего партийного и советского руководства. Из местных госуправленцев к этой категории относились только члены городских исполкомов.

Постановлением ВЦИК (октябрь 1919 г.) «О тарифе ответственных политических работников» в тариф были внесены изменения [7, с. 168–170]. Они делились уже на 5 групп. Список ответственных политработников значительно расширили за счет разного уровня руководителей областного, окружного, губернского и уездного звеньев власти и управления. В связи с этим изменилось и соотношение между 1 (низшим) и 5 (высшим) разрядами – 1 : 1,35 (3100–4200 руб.).

8 июня 1920 г. новый Декрет ВЦИК «О тарифе ответственных политических работников» делил тарифные ставки политработников на три группы: первая включала работников районов с развитой промышленностью, вторая – полупромышленных районов, третья – непромышленных районов. Распределение по группам осуществляли на местах губернские профессиональные союзы совместно с губисполкомами и утверждал ВЦСПС (Всероссийский Центральный Совет Профессиональных Союзов). Одновременно все ответственные политические работники по-прежнему распределялись на 5 разрядов. Члены губисполкомов относились к 2–4 разрядам (в зависимости от числа жителей губцентров). Все остальные члены исполкомов (в том числе уездных, волостных и сельских) зачислялись в 1 (низший) разряд, при этом члены волисполкомов получали зарплату на 20 % меньше членов уисполкомов, а сельских исполкомов – на 20 % ниже членов волисполкомов. Соотношение между 1 и 5 разрядами было по всем группам одинаковое – 1 : 3. Сверх тарифной ставки никаких вознаграждений ни в виде премии, оплаты за сверхурочную работу и т. п. не допускалось. Работа ответственных политработников временем не ограничивалась [8, с. 17–19]. Кроме того, заработная плата зависела и от соответствующего тарифного пояса. В 1920 г. Гомель относился к 4 тарифному поясу, где оплата труда составляла 120 % от основной тарифной ставки (Витебск был отнесен к 3 поясу – 130 %, а Минск – к 5 – 100 %) [9]. В 1921 г. Гомель «опустился» на 7 тарифный пояс (к этому времени их число увеличилось до 10), хотя процент прибавки увеличился до 150 % [10].

23 июня 1921 г. постановлением ВЦСПС с 1 мая 1921 г. вводилось в действие новое положение о тарифе ответственных работников профсоюзных, экономических, советских и партийных организаций. Для этой категории служащих оплата труда впервые официально устанавливалась в зависимости от размера среднего заработка рабочих и служащих предприятий и учреждений (он брался за 100 %), где они работали. Сами тарифные ставки ответственных работников дифференцировались по 6 разрядам: отнесенные к первому (низшему) разряду получали 100 % среднемесячного заработка служащих 20 разряда, к шестому (высшему) – 150 % [11].

Согласно инструкции ВЦСПС к ответственным работникам относились «профессиональные, партийные, кооперативные, советские и хозяйственные работники, принимающие ответственное участие в деле профессионального, партийного, кооперативного, советского и хозяйственного строительства, несущие ответственность не только за техническое исполнение возложенных на них обязанностей, но являющиеся ответственными за идейное и политическое направление и проведение возложенных на них функций» [12, л. 96].

В первом полугодии 1921 г. денежная зарплата председателя гомельского губисполкома Н.Н. Колотилова и членов президиума губисполкома, заведующего губотделом управления составляла 11 тыс. 220 руб., секретаря губисполкома – 10560 руб. [13, л. 53]. В это же время средний денежный заработок рабочего составлял около 10 тыс. руб. (в переводе на хлеб – 3 пуда 35 фунтов), а максимальный – 30 тыс. руб. (7 пудов 20 фунтов) [14, с. 44]. Цены на «вольном» рынке (см. таблицу 1) были высокими даже для зарплаты высших должностных лиц губернии, не говоря уже о рядовых служащих (так, машинистки губисполкома получали в месяц по 3036 руб., конторщики – по 2772 руб., курьеры – по 2138 руб.).

Таблица 1 – Рыночные цены на продукты питания и массового потребления в Гомельской губернии за июнь–август 1921 г. (тыс. руб.) [15, с. 134].

Название продукта или товара	Единица	Цена	
		на 1 июня 1921 г.	на 1 августа 1921 г.
рожь	пуд	51	61,5
крупа	пуд	70	93,5
картофель	пуд	13,5	16
масло сливочное	фунт	9,5	16,5
мясо	пуд	140	177,5
сало	пуд	390	720
соль	пуд	120	121,5
спички	десяток	2,5	2,75
мыло	пуд	300	328
махорка	пуд	280	201

С конца 1921 г. происходит переход от 35-разрядной на 17-разрядную тарифную сетку, официально отменявшей тариф «ответственный». Эта система была закреплена в новом Кодексе о труде, принятом на IV сессии ВЦИК 9 ноября 1922 г. Теперь ответственные работники советских госорганов власти и управления получали оплату по тарифам 12–17 разрядов. Из руководителей местного звена власти и управления сюда были отнесены члены президиумов губернских и уездных исполкомов и горисполкомов, члены губисполкомов, уисполкомов и волисполкомов, зав. отделениями губисполкомов и уисполкомов, губернские и уездные инспектора труда.

В условиях экономической разрухи, деградации финансовой системы, быстрой девальвации официальной советской денежной единицы реальную ценность представляли продукты питания и товары широкого потребления, а не деньги.

Первоначально натуральный паек получали лишь военнослужащие и отдельные категории рабочих, а остальные, в том числе и советские служащие, буквально оказывались на грани голодной смерти. В апреле 1920 г. коллегии гомельского губюста, губфинотдела и некоторых других отделов губисполкома обратились с заявлением об улучшении материального положения своих служащих, заявив о необходимости «выдавать продовольственные пайки всем рабочим и служащим, и в первую очередь, придерживающимся твердых тарифов». В целях унификации оплаты труда предлагалось установить только две категории пайков – «нормальный» и «голодный» [15, л. 105–105 об.]

Таких заявлений, предложений и требований с мест было немало. 31 января 1920 г. на заседании Пленума ЦК РКП(б) было рассмотрено предложение Г. Зиновьева «провести через пленум ВЦИК – постановление о едином трудовом пайке». В результате решили: «Признавая желательным введение единого трудового пайка, поручить т. Цюрупе ускорить представление своего заключения в форме проекта декрета» [16, с. 198].

Единая для всех категорий работников система распределения продуктов питания была введена Декретом СНК РСФСР от 30 апреля 1920 г. «О введении трудового продовольственного пайка». Согласно этому декрету продовольственный паек стал распространяться и на лиц, занятых «умственным и конторским трудом в советских учреждениях и предприятиях», при этом размеры пайка советским служащим устанавливались на 25 % ниже, чем для рабочих физического труда, занятых в советских предприятиях и учреждениях [17, с. 132–136].

На местах распределением натуральных пайков занимались губернские комиссии по снабжению рабочих продовольствием, созданные при губернских продовольственных комитетах Декретом СНК РСФСР от 12 октября 1920 г. из представителей от губпродкомов, губернских СНХ и губернских советов профсоюзов (см. таблицу 2).

Таблица 2 – Месячный продовольственный паек ответственных работников гомельского губисполкома и губотдела управления (за апрель 1921 г.) [18, л. 221]

Должность	Кол-во едоков	Мука (фунты)	Сахар (фунты)	Соль (фунты)	Спички (коробки)	Табак (фунты)
председатель губисполкома	1	42	0,5	0,5	3	1/8
секретарь губисполкома	2	56	0,5	0,5	3	1/8
зав. отделом управления	1	28	0,5	1	3	1/8
начальник губмилиции	2	56	0,5	2	3	1/8
начальник уездной милиции	2	56	0,5	2	3	1/8
зав. губ ЗАГС	2	56	1	3,5	6	1/4

Для улучшения продовольственного снабжения высшего слоя губернского руководства 1 января 1921 г. президиум Гомельского губисполкома предоставил право бесплатного довольствия в столовой губисполкома членам губисполкома и губкома с семьями, сотрудникам губисполкома и губкома РКП(б), а также отдельных ответственных работников по разрешению председателя губисполкома [18, л. 18].

Кроме столовой губисполкома, на государственном снабжении находились столовые губпросфсоюза, губкома, губрозыска и губЧК [18, л. 98]. Но уже с 1 октября 1921 г. «в связи с циркуляром ЦК РКП(б) и СНК РСФСР об экономии продресурсов» все эти столовые были сняты с государственного снабжения. За обеды устанавливалась цена, но не выше себестоимости. Кроме того, столовые губрозыска и губЧК получили право «отчислять в свою пользу 10 % обнаруженного после краж продовольствия, подлежащего передаче продорганам» [19, л. 107 об.].

В ходе успешного проведения финансовой реформы к середине 1923 г. из зарплат практически исчезла ее натуральная часть. Постановлением Наркомата труда СССР от 6 февраля 1924 г. снимались ограничения на дополнительную оплату труда руководящих кадров: разрешалось устанавливать дополнительную надбавку в размере до 50 % для тех ответственных политработников, которые «во внеслужебное время по характеру своей должности выполняют работы, не поддающиеся учету» [20, с. 315].

Постановлениями НКТ СССР от 31 марта, 27 апреля и 17 ноября 1925 г. вновь была скорректирована система тарифной оплаты ответственных политработников по 17-ти разрядной тарифной сетке служащих. Устанавливалось соотношение 1 разряда к 17 как 1 : 8. По оплате труда все ответственные политработники делились на 5 поясов, для каждого из которых устанавливался свой размер расчетной ставки 1 разряда. Закреплялось право повышения тарифной ставки на 50 %, при этом рекомендовалось дифференцировать этот рост в зависимости от разряда: для 10-го разряда – до 10 %, для 17-го – до 50 %. В связи с довольно широким толкованием категории «ответственные политические работники» постановление уточняло, что под ними следует понимать только тех руководителей, которые «несут ответственность не только за техническое ис-

полнение возложенных на них обязанностей, но также являются ответственными за политическое и идейное проведение возложенных на них обязанностей». По местным государственным административно-управленческим органам власти и управления союзных республик к ответственным политработникам постановление относилось зав. основными отделами, членов областных и губернских исполкомов (16–17 разряды), членов окружных исполкомов и исполкомов уездных городов с населением свыше 40 тыс. человек (15 разряд), членов уездных и районных исполкомов (14 разряд), членов волисполкомов (11 разряд) и председателей сельсоветов (10 разряд). По профсоюзной сетке к ответственным политработникам также относились заместители губотделами труда, инспекторы и инструкторы труда [20, с. 357–360].

В конце 1925 г. (ноябрь – декабрь) оклады председателя Гомельского губисполкома, его заместителя, секретаря губкома, председателя губсуда, зав. губРКИ, председателя губплана составлял по 129 руб. 60 коп. Но в то время это не были самые высокооплачиваемые должности в губернском аппарате власти и управления: губернский инженер беспартийный С.Д. Шабуневский получал значительно больше – 200 руб. [21, л. 206, 209]. Председатель волисполкома получал в месяц 68 руб., члены волисполкомов – 50 руб., председатели сельсоветов – от 12 до 50 руб. Для сравнения: в уездах делопроизводитель (в зависимости от категории) получал от 24 до 50 руб., сельский учитель – от 28 до 32 руб., сельский врач – 70 руб., агроном – 75 руб., врач – 46 руб. [22, л. 334].

В 1925 г. рассчитанный по губернии месячный бюджет средней рабочей семьи составлял по доходам 69 руб. 94 коп. (в том числе зарплата по основному роду деятельности – 63 руб. 35 коп.) при месячных расходах в 70 руб. 32 коп. В расходах рабочих основную часть составляли продукты питания (на 33 руб. 39 коп.), затем – одежда и обувь (16 руб. 60 коп.), оплата жилья и топлива (4 руб. 48 коп.) и т. п. [23, л. 269]. Так что официальный уровень зарплаты ответственных политработников губернского уровня уже значительно превышал материальный достаток рабочих. Однако начиная с волостного уровня материальное положение этой категории служащих уступало (а председателей сельсоветов – уступало значительно) рабочим.

При этом важно учитывать значительное различие в материальном обеспечении разных категорий ответственных работников. Наибольшую (в количественном отношении) часть их составляли председатели сельсоветов, зарплата которых была значительно ниже зарплаты не только рабочих, но и практически всех категорий служащих: по СССР в 1925–26 хоз. г. среднемесячная зарплата работников сельсоветов составляла лишь 38,5 % от средней зарплаты госслужащих [24, с. 73].

Конечно, тарифные ставки не отражали реального положения дел с оплатой труда ответственных политработников. У многих из них материальное обеспечение было заметно лучше, учитывая отмеченные выше различного рода надбавки, премии. Кроме того, несмотря на неоднократные предупреждения центральных органов власти и управления о недопустимости дополнительной оплаты труда ответственных политработников, на местах это требование нарушалось. Так, в апреле 1921 г. все уездные отделы управления Гомельской губернии получили сообщение о неправильных действиях Горецкого уездного отдела, выплатившего премиальные ответственным политическим работникам волисполкомов, так как этим «игнорируется ... декрет ВЦИК /14 июня 1920 г./, где ясно указывается, что политработники не получают кроме окладов по ставкам никакого дополнительного вознаграждения за труд...» [25, л. 20]. 9 октября 1923 г. президиум губисполкома принял решение привлечь к ответственности через дисциплинарный суд виновных в нарушениях финансового законодательства путем увеличения ставок советским работникам без соответствующего разрешения губисполкома [26, л. 298].

Кроме того, уровень заработной платы лишь частично характеризовал уровень материального обеспечения ответственных политработников губернии. Немалую часть (кроме явных нарушений финансового законодательства) составляли различные льготы и выплаты. Так, решением президиума губисполкома от 6 мая 1921 г. «О жилищных условиях ответственных работников» члены губернского и уездных исполкомов, губернского и уездных комитетов РКП(б), заведующие и члены коллегий отделов губернского и уездных исполкомов не могли быть переселены или уплотнены без утверждения Президиума соответствующего исполкома. При этом все перечисленные лица имели право на «совершенно отдельную комнату для себя лично независимо от того, живут ли они в семье или отдельно» [18, л. 74].

21 мая 1921 г. материальная комиссия при губкоме РКП(б) признало необходимым организовать детские ясли для детей коммунистов за счет средств губисполкома [27, л. 304]. Однако на деле это превратилось в организацию яслей имени Самойловича и «детского очага» (детского сада) только для детей высшей местной номенклатуры: решением губисполкома от 13 августа 1921 г. туда принимались только дети членов губисполкома, заведующих губотделами, членов губернских коллегий и других ответственных работников, а также «по представлению Губкома» [19, л. 54].

13 апреля 1923 г. президиум гомельского губисполкома постановил организовать специальный дом отдыха для ответственных работников [26, л. 124об.], а в мае 1923 г. – создать «специальный фонд для выдачи пособий ответственным работникам, уезжающим в отпуск» в размере 100 тыс. руб. Члены губисполкома и губкома могли получить к отпуску пособие в размере двухмесячного заработка, все остальные ответственные работники – от двухнедельного до месячного оклада «в зависимости от занимаемой должности и выполняемой работы» [27, л. 147].

Тариф «ответственный» фактически был тарифом «номенклатурным», создавая материальную основу функционирования номенклатурного принципа кадровой политики. По такому тарифу регулировалась зарплата номенклатурных работников, а их перечень практически повторял перечень лиц, на которых этот тариф распространялся. Да и сам процесс формирования номенклатурной системы во многом начинался именно с особого тарифного регулирования оплаты труда: первые перечни лиц, отнесенных по оплате к тарифу ответственных политических работников, фактически уже определяли круг лиц будущих номенклатур.

Заключение. На протяжении первых десяти лет советской власти отношение к оплате труда ответственных политработников претерпело существенную трансформацию. Во-первых, расширился и корректировался список советских служащих, отнесенных к тарифу ответственных политработников. Во-вторых, менялось отношение к принципам определения их зарплат. Первоначально господствовали эгалитаристские настроения, зарплата руководителей мало отличалась от оплаты труда других категорий совслужащих. В дальнейшем стала проводиться линия на значительный рост материального обеспечения ответственных политработников не только за счет повышения тарифных ставок, но и различного рода дополнительных выплат. При этом официально фиксировавшиеся в статистике размеры их материального достатка зачастую не соответствовали реальному положению дел. Это и сегодня затрудняет научный анализ проблемы, давая широкий простор различного рода оценкам материального обеспечения советских руководителей.

Литература

1. Ильюхов, А.А. Как платили большевики: политика советской власти в сфере оплаты труда в 1917–1941 гг. / А.А. Ильюхов. – М. : РОССПЭН ; Фонд Первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2010. – 415 с.
2. Прокофьева, Е.Ю. Труд и заработная плата рабочих на промышленных предприятиях Центрального Черноземья: проблемы государственного регулирования в 1920-е годы / Е.Ю. Прокофьева. – Белгород : Изд-во БелГУ, 2010. – 512 с.
3. Корноухова, Г.Г. Повседневность и уровень жизни городского населения СССР в 1920–1930-е гг. (На материалах Астраханской области) : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Г.Г. Корноухова. – М., 2004. – 197 с.
4. Ленин, В.И. Государство и революция / В.И. Ленин // Полн. собр. соч.: в 55 т. – М. : Политиздат, 1969. – Т. 33. – 434 с.
5. Иванов, В.М. Трансформация тарифной системы оплаты труда: исторический аспект / В.М. Иванов // Известия Оренбургского гос. аграрного университета. – 2013. – № 2. – С. 174–177.
6. Декреты Советской власти / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Ин-т истории СССР АН СССР. – М. : Политиздат, 1971. – Т. 5 (1 апреля – 31 июля 1919 г.). – 701 с.
7. Декреты Советской власти / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Ин-т истории СССР АН СССР. – М. : Политиздат, 1973. – Т. 6 (1 августа – 9 декабря 1919 г.). – 584 с.
8. Декреты Советской власти / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Ин-т истории СССР АН СССР. – М. : Политиздат, 1978. – Т. 9 (июнь–июль 1920 г.). – 460 с.
9. Собрание узаконений (СУ) РСФСР. – 1920 г. – № 78. – Ст. 367.

10. СУ РСФСР. – 1921 г. – № 59. – Ст. 402.
11. СУ РСФСР. – 1921 г. – № 53. – Ст. 326.
12. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Фонд 4п. – Оп. 1. – Д. 441.
13. НАРБ. – Фонд 4п. – Оп. 1. – Д. 401.
14. Отчет Гомельского губернского экономического совета. – Гомель : Гос. изд-во, 1921. – 146 с.
15. Государственный архив Гомельской области (ГАГО). – Фонд 24. – Оп. 1. – Д. 67.
16. Деятельность Центрального Комитета партии в документах (события и факты). 3–31 января 1920 г. // Известия ЦК КПСС. – 1990. – № 8. – С. 185–198.
17. Декреты Советской власти (апрель–май 1920 г.) / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Ин-т истории СССР АН СССР. – М. : Политиздат, 1976. – Т. 8. – 444 с.
18. ГАГО. – Фонд 24. – Оп. 1. – Д. 70.
19. ГАГО. – Фонд 24. – Оп. 1. – Д. 71.
20. Данилова, Е.Н. Действующее законодательство о труде Союза ССР и Союзных республик: в 4 т. / Е.Н. Данилова. – М. : Вопросы труда, 1925–1926. – Т. 1. – 1925. – 532 с.
21. ГАГО. – Фонд 24. – Оп. 1. – Д. 511.
22. Государственный архив общественных объединений Гомельской области (ГАООГО). – Фонд 1. – Оп. 1. – Д. 2710.
23. ГАГО. – Фонд 24. – Оп. 1. – Д. 63.
24. Государственный аппарат СССР. 1924–1928 гг. / ЦСУ. – М. : Стат. изд-во, 1929. – 126 с.
25. ГАГО. – Фонд 24. – Оп. 1. – Д. 402.
26. ГАГО. – Фонд 24. – Оп. 1. – Д. 77.
27. ГАГО. – Фонд 24. – Оп. 1. – Д. 78.

Гомельский государственный технический
университет им. П.О. Сухого

Поступила в редакцию 31.10.2019

Да пытання аб ролі «Групы гісторыкаў Камуністычнай партыі Вялікабрытаніі» ў фарміраванні новай сацыяльнай гісторыі Ангельскай рэвалюцыі

М.В. КІРЧАНАЎ

Аўтар аналізуе гісторыю «Групы гісторыкаў Камуністычнай партыі Вялікабрытаніі». Мяркуецца, што Група стала важным этапам у інтэлектуальнай і гістарыяграфічнай гісторыі Англіі. Унутраныя і знешнія фактары, уключаючы англійскую гістарыяграфічную спадчыну і еўрапейскія кантынентальныя ўплывы, сталі культурнымі і інтэлектуальнымі стымуламі для ўзнікнення левых трэндаў у ангельскай гістарыяграфіі. Аўтар мяркуе, што Група была рэвізіянісцкай супольнасцю, якая прапаноўвала фактычна мадэрнісцкія падыходы. Група, як мяркуе аўтар, прыняла актыўны ўдзел у трансфармацыі гісторыі як навукі, актуалізавала яе сацыяльныя і эканамічныя вымярэнні. Гісторыкі Групы вызначалі сябе як марксістаў, але фактычна яны былі актыўныя ў спробах замяніць пазітывісцкі дыскурс спробамі ўяўлення мінулага. Мяркуецца, што ідэі групы маюць прынцыпова важнае значэнне для вывучэння гісторыі Ангельскай рэвалюцыі і працэсаў мадэрнізацыі, у тым ліку сацыяльных і эканамічных трансфармацый і змяненняў.

Ключавыя словы: гістарыяграфія, супольнасць гісторыкаў, «Група гісторыкаў Камуністычнай партыі Вялікабрытаніі», сацыяльная гісторыя, метадалогія, рэвізіянізм, мадэрнізм, канструктыўзм, інтэлектуальная гісторыя.

The author analyzes the history of the «Group of Historians of the Communist Party of Great Britain». It is assumed that the Group became an important stage in the intellectual and historiographic history of England. Internal and external factors, including the English historiographic heritage and European continental influences, became cultural and intellectual stimuli for the emergence of left trends in English historiography. The author believes that the Group was a revisionist community that proposed modernist and constructivist approaches. The group, as the author believes, took an active part in the transformation of history as a science, actualizing its social and economic dimensions. From a formal viewpoint, the historians of the group defined themselves as Marxists, but in fact they attempted to replace the positivistic discourse with the invention and imagination of the past as the main languages of historical science. It is assumed that the ideas of the Group have fundamental importance for the further studies of the history of the English Revolution and the processes of modernization, including social and economic transformations and changes.

Keywords: historiography, community of historians, «Group of historians of the Communist Party of Great Britain», social history, methodology, revisionism, modernism, constructivism, intellectual history.

Фармулёўка праблемы. 20 стагоддзе – важны этап у развіцці сучаснай брытанскай гістарыяграфіі. Ангельскія гісторыкі аддавалі перавагу спробам вылучаць сябе з еўрапейскага гістарыяграфічнага канона, але агульнагістарыяграфічныя, метадалагічныя і тэарэтычныя ўплывы адбіліся на асноўных тэндэнцыях развіцця ангельскай гістарыяграфіі. У гэтай сітуацыі наўрад ці ўяўляецца магчымым пісаць аб прамым і непасрэдным уплыве, напрыклад, еўрапейскай кантынентальнай мікрагісторыі, гістарычнай антрапалогіі або гісторыі ментальнасці на развіццё ангельскай гістарыяграфіі.

Аўтар мяркуе, што больш карэктным будзе канстатаваць факт развіцця ангельскіх нацыянальных школ у сучаснай гістарыяграфіі, якія былі звязаны з еўрапейскімі гістарыяграфічнымі тэндэнцыямі, але генетычна сталі працягам развіцця ангельскай гістарыяграфіі 19 стагоддзя. Аналізуючы ўклад ангельскіх гісторыкаў у развіццё гістарычнай навукі, верагодна, варта згадаць дзве тэндэнцыі, якія сталі прыкметнымі інтэлектуальнымі і культурнымі з'явамі ў гістарыяграфіі. Гаворка ідзе пра «сацыяльную гісторыю» і «народную гісторыю», якія фактычна сталі спробамі ангельскай інтэлектуальнай супольнасці даць свой адказ на тыя выклікі, з якімі сутыкнулася пазітывісцкая гістарыяграфія ў другой палове 20 стагоддзя.

Мэта. Мэтай аўтара з'яўляецца аналіз ролі і ўплыву Групы гісторыкаў Камуністычнай партыі Вялікабрытаніі як акадэмічнага і інтэлектуальнага аб'яднання на развіццё ангельскай гістарыяграфіі ў кантэкстах вывучэння сацыяльнай і культуральнай (культурнай) гісторыі у рамках акадэмічных даследаванняў гісторыі ангельскай рэвалюцыі і яе ролі ў палітычнай мадэрнізацыі і трансфармацыі ангельскай ідэнтычнасці.

Ангельская рэвалюцыя ў гістарыяграфіі: ад пазітывізму да мадэрнізму. Што ўяўляла з сябе ангельская гістарыяграфія да сярэдзіны 20 стагоддзя? Генетычна яна была звязана з раннімі гістарыяграфічнымі школамі, але асноўнай і адзінай мовай гісторыі быў пазітывізм, але ён да 1940-х гг. запаў у стан глыбокага метадалагічнага крызісу: гісторыкі-пазітывісты не маглі даць адэкватныя адказы і нармальныя тлумачэнні тым сістэмным выклікам, з якімі сутыкнуўся Захад у 1920–1940-я гг. Чыста падзейныя версіі апісання і напісання гісторыі былі, вядома, цікавыя і інфарматыўныя, але яны не маглі растлумачыць ні першую, ні другую сусветныя вайны, ні генезіс, ні развіццё левых і правых недэмакратычных рэжымаў.

Таму да сярэдзіны 1940-х гг. пазітывісцкая мадэль гістарычнага ўяўлення аказваецца ў крызісным стане, што стымулюе культурныя і інтэлектуальныя пошукі ангельскіх гісторыкаў, якія апынуліся надзвычай успрымальнымі да новых тэарэтычных і метадалагічных павеваў і тэндэнцый. Адказам прадстаўнікоў англійскай гістарычнай супольнасці, якія прытрымліваліся прынцыпаў радыкальнай эпістэمالогіі, стала «Група гісторыкаў Камуністычнай партыі Вялікабрытаніі» ці «Communist Party Historians Group» [1], якая стала папулярызатарам радыкальнай эпістэمالогіі, заснаванай на мадэрнісцкіх і канструктывісцкіх тактыках і стратэгіях разумення мінулага.

«Група гісторыкаў Камуністычнай партыі Вялікабрытаніі»: фармальныя арыентацыі. З фармальнага пункту гледжання «Група гісторыкаў Камуністычнай партыі Вялікабрытаніі» (далей: Група), у склад якой уваходзілі ангельскія гісторыкі левых поглядаў і перакананняў, была структурнай часткай Камуністычнай партыі [2]. Прыналежнасць да партыі, верагодна, стала тым фактарам, які абумовіў мэты Групы, якія складаліся ў вывучэнні гісторыі рэвалюцыі і ўжыванні марксісцкіх метадаў для аналізу мінулага. Група [3] практычна з самых першых крокаў свайго існавання заявіла пра сябе як пра аб'яднанне, удзельнікі якога выкарыстоўвалі радыкальную эпістэمالогію, не апісваючы гераічнае мінулае ў стылі рамантычнай і пазітывісцкай гістарыяграфіі, але рэканструючы сацыяльныя, палітычныя і эканамічныя факты і працэсы.

Некалькі ангельскіх гісторыкаў і інтэлектуалаў, уключаючы Морыса Добба (1900–1976) [4], [5], Крыстафера Хілла (1912–2003) [6], Родні Хілтана (1916–2002) [7], Эрыка Хобсбаўма (1917–2012) [8], [9], [10] і некаторых іншых уваходзілі ў склад Групы. З пункту гледжання гістарыяграфічнай спадчыны, Кр. Хілл і Эрык Хобсбаўм былі найбольш значнымі фігурамі Групы.

Група [11] узнікла ў другой палове 1940-х гг., дынамічна развіваючыся да 1956 г. Падзеі ў Венгрыі прымусілі некаторых левых ангельскіх інтэлектуалаў усумніцца ў універсальнасці і выключнай правільнасці камунізму. Важным этапам у гісторыі Групы стаў 1952 г., калі па яе ініцыятыве быў заснаваны часопіс «Past and Present» [12], [13], які стаў адным з найбольш значных, аўтарытэтных і ўплывовых перыядычных выданняў у сучаснай ангельскай гістарыяграфіі. Фармальна Група перастала існаваць у 1991 г., калі КП Вялікабрытаніі спыніла сваю дзейнасць.

Культурны, інтэлектуальны і гістарыяграфічны ўклад у вывучэнне Ангельскай рэвалюцыі. Нягледзячы на тое, што некаторыя ангельскія гісторыкі [14] спрабавалі задаваць пытанне аб адсутнасці марксісцкай традыцыі ў інтэлектуальнай гісторыі Англіі і самі адказвалі негатыўна з-за сваіх ідэалагічных і палітычных пераваг, левыя трэнды, тым не менш, сталі важнай з'явай у інтэлектуальнай гісторыі і гісторыі ідэй брытанскай гістарыяграфіі ў другой палове 20 стагоддзя.

Удзельнікі Групы былі актыўныя ў сваіх спробах знайсці новую мову для гісторыі як навукі. Адпрэчваючы пазітывізм і рамантызм, як архаічныя з'явы ў гістарыяграфіі, яны імкнуліся зблізіць гісторыю і эканоміку, мяркуючы і спадзеючыся, што выкарыстанне эканамічных метадаў будзе больш эфектыўным для тлумачэння фактаў і працэсаў сацыяльнай і эканамічнай гісторыі, у першую чаргу – Ангельскай рэвалюцыі. Кр. Хілл не быў адзіным прыхільнікам і тэарэтыкам сацыялізацыі англійскай гісторыі. У бліжым напрамку працаваў і іншы левы гісторык Родні Хілтан [15], [16], [17], [18], [19], які аналізаваў гісторыю сярэднявечнага сялянства ў кантэкстах сацыяльнай гісторыі і інтэрпрэтаваў акты пратэсту як праявы класавай барацьбы, але найбольш значны ўклад у вывучэнне гісторыі Ангельскай рэвалюцыі з удзельнікаў групы унёс Крыстафэр Хілл.

Крыстафэр Хілл, які стаў адным з інтэлектуальных лідэраў ангельскай гістарыяграфіі другой паловы 20 стагоддзя [20], [21], вядомы сваімі працамі па гісторыі Ангельскай рэвалюцыі, якія не толькі былі для свайго часу рэвізіянісцкімі, але і фактычна сталі спробай прапанаваць новую акадэмічную мову для апісання/напісання гісторыі рэвалюцыі. Тэксты

Кр. Хілла мелі рэвізіянісцкую накіраванасць таму, што ён адмаўляўся ад рамантычнага або пазітывісцкага ўспрымання рэвалюцыі, аддаючы перавагу метадам мадэрнізму і канструктывізму для яе апісання – гісторыю рэвалюцыі ён канструяваў, уяўляў і вынаходзіў як працэс сацыяльных і эканамічных трансфармацый.

У гэтай інтэлектуальнай сітуацыі Кр. Хілл можа быць прызнаны як гісторык, які ўнёс уклад у генезіс новай сацыяльнай гісторыі, якая прапанавала новы погляд на сацыяльную гісторыю, адмовіўшыся ад прымітыўнага калекцыянавання фактаў і іх фармалізаванай класіфікацыі на карысць інтэрпрэтацыі працэсаў праз спробы канструкцыі ці наадварот дэканструкцыі, і таму гэтыя працэсы ўспрымаліся як гістарыяграфічныя канструкты і вынаходкі папярэдніх пакаленняў гісторыкаў. Кр. Хілл фактычна паспрабаваў дэканструяваць ранні наратыў пра рэвалюцыю як палітычны і рэлігійны канфлікт, уявіўшы яе як сацыяльны канфлікт і частку класавай барацьбы.

Тэксты ранняга Кр. Хілла былі вельмі ідэалагічныя і часам артадаксальныя – напрыклад, яго даследаванні аб Ангельскай рэвалюцыі, праведзеныя ім у 1940-я гг. [22], калі гісторык знаходзіўся пад уплывам уражанняў ад паездкі ў Савецкі Саюз і кантактаў са сваімі савецкімі калегамі (для чаго ён вывучыў рускую мову), сцвярджалі выснову, што рэвалюцыя інстытуцыяналізавала капіталізм як аснову ангельскай эканомікі. Гэтая выснова гісторыка мела рэвізіянісцкую накіраванасць і натхніла яго канфлікт з іншымі гісторыкамі, якія настойвалі, што капіталізм зацвердзіўся, як мінімум, за стагоддзе да рэвалюцыі. Кр. Хілл, у сваю чаргу, быў прыхільнікам канцэпцыі позняга зацвярджэння капіталізму ў ангельскай эканоміцы, мяркуючы, што больш раннія формы стасункаў не могуць быць вызначаны як класічныя капіталістычныя. Як інтэлектуал, які быў левым, Кр. Хілл пакутліва выбіраў паміж базісам і надбудовай – калі ў ранніх працах ён надаваў пераважна ўвагу базісу, то пачынаючы з сярэдзіны 1950-х гг. перайшоў да аналізу праблем надбудовы, мяркуючы, што сацыяльныя [23], культурныя [24], рэлігійныя [25] і інтэлектуальныя кантэксты [26] маюць большае значэнне для вывучэння гісторыі Ангельскай рэвалюцыі.

Пераглядаючы больш раннія пункты гледжання сваіх гістарыяграфічных папярэднікаў або апанентаў, Кр. Хілл прыйшоў да высновы, што культурныя, рэлігійныя [27] і інтэлектуальныя актыўнасці [28] рэвалюцыйных лідэраў або дзеячаў, якія жылі за некалькі дзесяцігоддзяў да рэвалюцыі, сталі шырокім фонам, інтэрпрэтацыі і рэінтэрпрэтацыі якога канструявалі розныя вобразы рэвалюцыі. Кр. Хілл як гісторык-рэвізіяніст канструктывісцкага кірунку быў актыўны і ў смелых інтэлектуальных эксперыментах – менавіта яму належаць нешматлікія ў ангельскай гістарыяграфіі тэксты, якія разглядаюць Ангельскую рэвалюцыю не толькі як буржуазную рэвалюцыю або рэлігійны праект, але і як няўдалую спробу дэмакратычнай рэвалюцыі [29].

Менавіта з радыкальнымі рэвалюцыйнымі трэндамі 17 стагоддзя Кр. Хілл звязваў генезіс ангельскай левай палітычнай і інтэлектуальнай традыцыі [30]. У цэлым, Кр. Хілл успрымаў рэвалюцыю як канструкт [31], а ў пазнейшых тэкстах, перагледзеўшы больш раннія канцэпцыі, прапанаваў апісваць рэвалюцыю як адначасова рэлігійны, палітычны, культурны і сацыяльны канструкт, які зацвердзіў і зрабіў легітымнымі ў Англіі каштоўнасці і прынцыпы нацыяналізму. У сваю чаргу іншыя прадстаўнікі Групы [32] аналізавалі сацыяльныя і культурныя адгалоскі рэвалюцыі ў ангельскай сацыяльнай гісторыі 18–19 стагоддзяў. Найбольш актыўным у вывучэнні наступстваў рэвалюцыі стаў Эрык Хобсбаўм [33], [34], [35], [36]. Ён не стаў аўтарам спецыяльных даследаванняў аб ангельскай рэвалюцыі, але іншыя яго тэксты былі сфакусаваныя на тых гістарычных, сацыяльных, палітычных, эканамічных, культурных і інтэлектуальных з’явах, працэсах і інстытутах, чыё з’яўленне было немагчыма без Ангельскай рэвалюцыі, стаўшы яе палітычнымі або сацыякультурнымі адгалоскамі. Калі Кр. Хілл імкнуўся сацыялагізаваць і эканамізаваць гісторыю рэвалюцыі, апісаўшы яе як канструкт, то заслуга Э. Хобсбаўма складалася ў генералізацыі гэтага падыходу і яго трансплантацыі на падзеі сусветнай гісторыі пасля рэвалюцыі.

Высновы. Падводзячы вынікі, варта памятаць пра ролю некалькіх фактараў.

«Група гісторыкаў Камуністычнай партыі Вялікабрытаніі» стала важнай з’явай у інтэлектуальнай гісторыі, гісторыі ідэй, культуральнай гісторыі, і гісторыі ангельскай гістарыяграфіі 20 стагоддзя. Генезіс гэтага часткова фармальнага аб’яднання меў пераважна ангельскія вытокі, але гэта не выключае фактар еўрапейскіх кантынентальных культурных, інтэлектуальных, гістарыяграфічных і палітычных уплываў. Самым важным фактарам, які стымуляваў з’яўленне

гэтай групы, стаў поспех камунізму ў СССР, які прывёў да інстытуцыяналізацыі асаблівай, у значнай ступені ідэалагізаванай, версіі гістарычнага пазнання, якая, у адрозненне ад пазітывізму, аперавала якасна новым метадалагічным інструментарыем і дазваляла пісаць не толькі падзейную гісторыю, але і актуалізаваць сацыяльныя і эканамічныя фактары.

Іншым фактарам, які стымуляваў з'яўленне гэтай гістарыяграфічнай плыні, стала развіццё левых палітычных, культурных і інтэлектуальных трэндаў у Вялікабрытаніі. Трэцім фактарам, які, верагодна, у выпадку з англійскімі гісторыкамі быў дамінуючым і самым важным стаў крызіс традыцыйнай пазітывісцкай эпістэمالогіі гісторыі, заснаванай на гістарыяграфічнай спадчыне 19 стагоддзя. Інстытуцыяналізацыя «Групы гісторыкаў Камуністычнай партыі Вялікабрытаніі» стала важнай з'явай у гісторыі ангельскай сучаснай гістарыяграфіі. Яе дзейнасць дазволіла якасна змяніць і абнавіць метады, якія гісторыкі выкарыстоўвалі пры фарміраванні наратываў. Тая версія гісторыі, якую пісалі гісторыкі гэтай групы, захоўвала сувязі з традыцыйнай версіяй гістарычнага ўяўлення, будучы пераважна гісторыяй гранд-наратываў, але ангельскія левыя гісторыкі змаглі вызваліць наратывы ад прыгнёту падзейнасці і путаў гераічнага міфа, натхніўшы яго сацыялізацыю і інтэграцыю з метадалогіяй эканамічнай гісторыі.

Дзейнасць «Групы гісторыкаў Камуністычнай партыі Вялікабрытаніі» садзейнічала таму, што ангельская гістарыяграфія стала разнастайнай і гетэрагеннай, а яе метадалагічны і тэарэтычны ўзровень вырас у параўнанні з раннімі этапамі, калі амаль непадзельна дамінавала пазітывісцкая логіка ўспрымання мінулага і напісання/апісання гісторыі. Гістарычная роля «Групы гісторыкаў Камуністычнай партыі Вялікабрытаніі» параўнальная з тымі эфектамі, якія мелі для развіцця еўрапейскіх кантынентальных гістарыяграфій з'яўленне «школы “Аналаў”» у Францыі або развіццё мікрагісторыі ў Італіі. Калі роля апошніх двух не выклікае сумненняў у фарміраванні новых падыходаў да ўспрымання гісторыі французскай рэвалюцыі або працэсу генезісу пераменаў і мадэрнізацыі, то ангельскія левыя гісторыкі сталі наватарамі, якія прапанавалі новую метадалагічную мову для апісання/напісання гісторыі ангельскай рэвалюцыі. Фармальна быўшы левымі, ангельскія «камуністычныя гісторыкі» не абмяжоўвалі сябе толькі і выключна левым палітычным канонам, імкнучыся пісаць сінтэтычныя і гетэрагенныя гісторыі ангельскай рэвалюцыі, які адначасова былі сацыяльнымі, культуральнымі, інтэлектуальнымі, рэлігійнымі макра- і мікрагісторыямі.

Марксізм «Групы гісторыкаў Камуністычнай партыі Вялікабрытаніі» быў ангельскім еўрапейскім левым праектам, які знаходзіўся ў супярэчнасці з савецкай версіяй марксізму – менавіта гэтым, верагодна, варта тлумачыць тое, што некаторыя члены «Групы», з аднаго боку, адышлі ад Камуністычнай Партыі, якую ўспрымалі як занадта прасавецкую, а, з другога, тое, што іх тэксты на працягу доўгага часу былі ігнаруемы савецкай гістарыяграфіяй, чые прадстаўнікі фармальна мелі больш свабоды ў вывучэнні правых, чым ідэалагічна блізкіх і роднасных левых інтэлектуалаў.

Таму аўтар мяркуе, што гістарыяграфічныя спадчына «Групы гісторыкаў Камуністычнай партыі Вялікабрытаніі» мае патрэбу ў далейшым вывучэнні ў кантэкстах гісторыі ангельскай гістарыяграфіі, гісторыі левых ідэй і гісторыі рэвалюцыйных працэсаў як часткі радыкальнай палітычнай і сацыяльнай мадэрнізацыі, якая дазволіла перайсці ад традыцыйнай дынастычнай дзяржавы да дзяржавы-нацыі. Зварот да ідэйнай і інтэлектуальнай спадчыны «Групы гісторыкаў Камуністычнай партыі Вялікабрытаніі» можа стаць тым фактарам, які дазволіць пашырыць гарызонты інтэрпрэтацый гэтага працэсу як у ангельскай, так і еўрапейскай перспектывах.

Літаратура

1. Himmelfarb, G. The new history and the old: critical essays and reappraisals / G. Himmelfarb. – Cambridge, Mass. : Belknap Press, 2004. – 288 p.
2. Hobsbawm, E. Interesting times: A twentieth-century life / E. Hobsbawm. – L. : Allen Lane, 2002. – 447 p.
3. Kaye, H. The British Marxist Historians: an introductory analysis / H. Kaye. – Cambridge : Polity Press, 1984. – 316 p.
4. Hollander, S. The economics of Karl Marx: analysis and application / S. Hollander. – Cambridge : Cambridge University Press, 2008. – 532 p.
5. Meeks, R. Obituary of Maurice Herbert Dobb / R. Meeks // Proceedings of the British Academy. – 1977. – Vol. 53. – P. 333–344.

6. Adamo, P. Christopher Hill e la rivoluzione inglese: itinerario di uno storico / P. Adamo // *Società e Storia*. – 1990. – Vol. XIII. – P. 129–158.
7. Byers, T. Rodney Hilton (1916–2002): in memoriam / T. Byers // *Journal of Agrarian Change*. – 2006. – Vol. 6, № 1. – P. 1–16.
8. Bounds, Ph. From Folk to Jazz: Eric Hobsbawm, British communism and cultural studies / Ph. Bounds // *Critique: Journal of Socialist Theory*. – 2012. – Vol. 40, № 4. – P. 575–593.
9. Cronin, J. Creating a Marxist historiography: the contribution of Hobsbawm / J. Cronin // *Radical History Review*. – 1979. – Vol. 19, № 1. – P. 87–109.
10. Elliott, G. Hobsbawm: history and politics / G. Elliott. – L. : Pluto Press, 2010. – 216 p.
11. Samuel, R. British Marxist Historians, 1880–1980 / R. Samuel // *New Left Review*. – 1980. – Vol. 120. – March–April. – P. 21–96.
12. Hill, Ch. Past and Present. Origins and Early Years / Ch. Hill, R. Hilton, E. Hobsbawm // *Past and Present*. – 1983. – № 100. – P. 3–14.
13. Le, Goff J. Past and Present. Later History / J. Le Goff // *Past and Present*. – 1983. – № 100. – P. 14–28.
14. McKibbin, R. Why was there no Marxism in Great Britain? / R. McKibbin // *The English Historical Review*. – 1984. – Vol. 99, № 391. – P. 297–331.
15. Hilton, R. A Medieval Society: the West Midlands at the end of the thirteenth century / R. Hilton. – Cambridge : Cambridge University Press, 1966. – 320 p.
16. Hilton, R. Bond Men Made Free: medieval peasant movements and the English rising of 1381 / R. Hilton. – L. : Routledge, 1973. – 252 p.
17. Hilton, R. English Peasantry in the Later Middle Ages / R. Hilton. – Oxford : Oxford University Press, 1975. – 256 p.
18. Hilton, R. The economic development of some Leicestershire Estates in the 14th & 15th centuries / R. Hilton. – Oxford : Oxford University Press, 1947. – 236 p.
19. Hilton, R. The English rising of 1381 / R. Hilton. – Cambridge : Cambridge University Press, 1950. – 232 p.
20. Davis, J. Myth and history: the ranters and the historians / J. Davis. – Cambridge : Cambridge University Press, 1986. – 371 p.
21. Reviving the English Revolution: reflections and elaborations on the work of Christopher Hill / eds. G. Eley, W. Hunt. – L. : Verso, 1988. – 364 p.
22. Hill, Ch. The English Revolution, 1640 / Ch. Hill. – L. : Lawrence and Wishart, 1940. – 64 p.
23. Hill, Ch. The century of revolution, 1603–1714 / Ch. Hill. – L. : W.W. Norton & Company, 1961. – 296 p.
24. Hill, Ch. Society and Puritanism in pre-revolutionary England / Ch. Hill. – L. : Seeker & Warburg, 1964. – 464 p.
25. Hill, Ch. Puritanism and revolution: studies in interpretation of the English Revolution of the 17th century / Ch. Hill. – L. : Secker & Warburg, 1958. – 380 p.
26. Hill, Ch. Economic problems of the church: from Archbishop whitgift to the long Parliament / Ch. Hill. – L. : Clarendon Press, 1956. – 367 p.
27. Hill, Ch. God's Englishman: Oliver Cromwell and the English Revolution / Ch. Hill. – L. : Dial Press, 1970. – 324 p.
28. Hill, Ch. Intellectual origins of the English Revolution / Ch. Hill. – L. : Clarendon Press, 1965. – 440 p.
29. Hill, Ch. The world turned upside down: radical ideas during the English Revolution / Ch. Hill. – L. : Penguin Book, 1972. – 432 p.
30. Hill, Ch. A Nation of change and novelty: radical politics, religion and literature in seventeenth-century England / Ch. Hill. – L. : Bookmarks, 1995. – 224 p.
31. Hill, Ch. The English Bible and the seventeenth-century revolution / Ch. Hill. – L. : Penguin Book, 1992. – 480 p.
32. Saville, J. Rural depopulation in England and Wales, 1851–1951 / J. Saville. – L.: Routledge, 1957. – 253 p.
33. Hobsbawm, E. Industry and empire: from 1750 to the present day / E. Hobsbawm. – L. : Pelican Books, 1968. – 384 p.
34. Hobsbawm, E. Nations and Nationalism since 1780: programme, myth, reality / E. Hobsbawm. – Cambridge : Cambridge University Press, 1991. – 191 p.
35. Hobsbawm, E. Primitive rebels: studies in archaic forms of social movement in the 19th and 20th centuries / E. Hobsbawm. – Manchester : Manchester University Press, 1959. – 208 p.
36. Hobsbawm, E. The age of revolution: Europe 1789–1848 / E. Hobsbawm. – L. : Abacus, 1962. – 361 p.

УДК: 378.147+796.032

БССР в составе команды СССР на Играх Олимпиад и Олимпийских зимних играх исторического периода с 1952 по 1992 гг. (эволюционно-исторические статистические характеристики)

И.И. Круглик

Рассмотрены основные эволюционные характеристики системы Олимпийской подготовки на основе выступления спортсменов Игр Олимпиад и Олимпийских зимних играх периода с 1952 по 1992 гг. Приводятся статистические данные по количеству и качеству олимпийских наград, количеству участников, соотношению мужчин и женщин, количеству видов спорта. Определены тенденции и причинно-следственные взаимосвязи изменения показателей системы Олимпийской подготовки на основе выступления спортсменов БССР.

Ключевые слова: БССР, СССР, Олимпийские игры.

The main evolutionary characteristics of the Olympic training system based on the performance of athletes of the Olympics and the Olympic Winter Games from 1952 to 1992 is discussed. Statistical data on the number and quality of Olympic awards, the number of participants, the ratio of men and women, the number of sports are given. The tendencies and causal relationships of changes in the indicators of the Olympic training system based on the performance of the BSSR athletes are determined.

Keywords: BSSR, USSR, Olympic Games.

Введение. В мае 1951 г. 45-я сессия Международного олимпийского комитета (МОК) признала Национальный олимпийский комитет СССР. Выход Советского Союза на олимпийскую арену определил новый этап в развитии олимпийского движения, особенностью которого стало усиление спортивного и политического соперничества. Спортсмены современной территории Беларуси принимали участие в Олимпийских играх 1952–1980, 1988 гг. по летним и зимним видам спорта в составе команды СССР. В 1992 г. в составе объединенной команды стран СНГ (благодаря усилиям Виталия Смирнова и Хуана Антонио Самаранча) под флагом МОК. После объявления независимости и признания НОК Республики Беларусь МОК-Ком, выступают самостоятельной командой. Актуальность изучения эволюционных характеристик системы Олимпийской подготовки не вызывает сомнений. Изучение эволюционных характеристик выступления спортсменов БССР позволит определить основные тенденции и установить причинно-следственные взаимосвязи выступления спортсменов БССР на Играх Олимпиад и Олимпийских зимних играх исторического периода 1952–1992 гг. [1]–[5].

В белорусской историографии отсутствуют работы системного характера, касающиеся изучения эволюционных характеристик Олимпийской подготовки при выступлении на Играх Олимпиад и Олимпийских зимних играх.

Цель исследования: проанализировать выступления спортсменов БССР на Играх Олимпиад и Олимпийских зимних играх исторического периода 1952–1992 гг.

Методы исследования: библиографический поиск, анализ и систематизация данных литературных источников, метод историзма, метод сравнения и аналогии.

Результаты исследования и их обсуждение. Первый статистический показатель, характеризующий систему олимпийской подготовки в стране, – количество участников. Исходя из количества участников под влиянием эволюционного развития можно отследить изменения системы, выявить явления динамизма, установить прогрессивные либо регрессивные тенденции, установить факторные и причинно-следственные взаимосвязи [2]–[4]. Количество участников от БССР в составе команды СССР на Играх XV–XXV Олимпиады 1952–1992 гг. изменяется, ступенчато возвышаясь от Игр к Играм – 6 (1952 г.), 8 (1956 г.), 10 (1960 г.), 10 (1964 г.), 15 (1968 г.), 21 (1972 г.), 21 (1976 г.), 38 (1980 г.), 48 (1988 г.), 52 (1992 г.) (рисунки 1).

Рисунок 1 – Количество участников команды БССР в составе команды СССР на Играх Олимпиад исторического периода 1952–1992 гг. (в 1992 – объединенная команда СНГ)

Количественное соотношение (мужчин и женщин) от БССР в составе команды СССР на Играх XV–XXV Олимпиады 1952–1992 гг. изменяется, имея положительную динамику от Игр к Играм, минимальное значение было 6 участников (Игры XV Олимпиады), максимальное – 52 участника (Игры XXV Олимпиады), наибольший скачек произошел между Играми XXI и XXII Олимпиады, это можно охарактеризовать Олимпиадой-80, прошедшей в Москве, в Играх XXIII Олимпиады 1984 г., прошедших в Лос-Анджелесе, участники СССР и БССР участия не принимали, на Играх XXIV и XXV Олимпиады количество участников только увеличивалось. Общие статистические сведения по количеству участников: 6 муж., 0 жен. (1952 г.), 6 муж., 2 жен. (1956 г.); 8 муж., 2 жен. (1960 г.); 7 муж., 3 жен. (1964 г.); 12 муж., 3 жен. (1968 г.); 14 муж., 7 жен. (1972 г.); 16 муж., 5 жен. (1976 г.); 31 муж., 7 жен. (1980 г.); 29 муж., 19 жен. (1988 г.); 30 муж., 22 жен. (1992 г.) (рисунок 2). Мужчин принимало участие больше, чем женщины. Территориальный фактор проведения Олимпийских игр существенным образом влияет на количество участников.

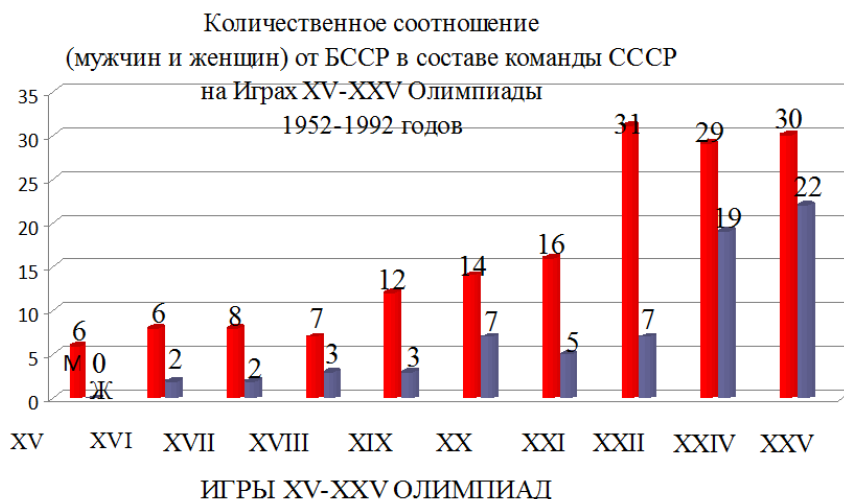

Рисунок 2 – Количественное соотношение (мужчин и женщин) команды БССР в составе команды СССР на Играх XV–XXV Олимпиад исторического периода 1952–1992 гг. (в 1992 – объединенная команда СНГ)

Количество видов спорта, в которых участвовали представители от БССР в составе команды СССР на Играх XV–XXV Олимпиады 1952–1992 гг., изменяется, ступенчато возвышаясь от Игр к Играм – 2 (1952 г.), 2 (1956 г.), 5 (1960 г.), 5 (1964 г.), 6 (1968 г.), 10 (1972 г.), 11 (1976 г.), 16 (1980 г.), 16 (1988 г.), 16 (1992 г.) (рисунок 3). Количество видов спорта на каждой Олимпиаде постепенно увеличивалось, стабилизируясь начиная с Олимпиады-80.

Рисунок 3 – Количество видов спорта представителей команды БССР в составе команды СССР на Играх XV–XXV Олимпиад исторического периода 1952–1992 гг. (в 1992 – объединенная команда СНГ)

Количество участников от БССР в составе команды СССР на XI–XV Олимпийских зимних играх (ОЗИ) 1964–1992 гг. практически не меняется, на XI–XIV Олимпийских зимних играх по одному участнику (1), только на XV ОЗИ 4 участника (1964 г.), 1 (1968 г.), 1 (1984 г.), 1 (1988 г.), 4 (1992 г.), (рисунок 4). В период с 1964–1988 гг. зимние виды спорта на территории БССР практически не культивировались. Только на ОЗИ в Альбервиле БССР выставила 4 участника, это можно связать с окончанием СССР и созданием независимых республик, где спорт является хорошим политическим средством продвижения национальных интересов государства.

Рисунок 4 – Количество участников от БССР в составе команды СССР на Олимпийских зимних играх исторического периода 1952–1992 гг.

Количественное соотношение (мужчин и женщин) от БССР в составе команды СССР на XI–XV ОЗИ 1952–1992 гг. изменяется от Игр к Играм – 1 муж., 0 жен. (1964 г.); 1 муж., 0 жен. (1968 г.); 0 муж., 1 жен. (1984 г.); 1 муж., 0 жен. (1988 г.); 3 муж., 1 жен. (1992 г.), (рисунок 5).

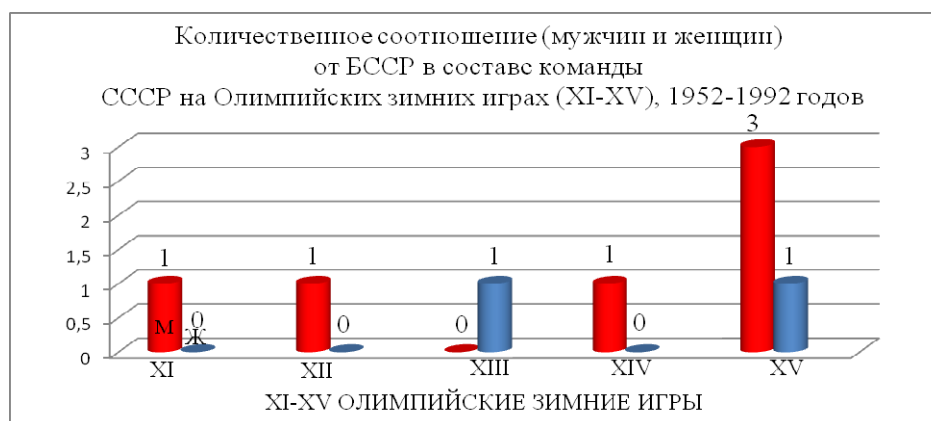

Рисунок 5 – Количество участников от БССР в составе команды СССР на Олимпийских зимних играх исторического периода 1952–1992 (1992 – объединенная команда СНГ)

Количество видов спорта участников от БССР в составе команды СССР на Играх XI–XV Олимпиады 1964–1992 гг. практически не изменяется, на Играх XI–XIV Олимпиады по одному виду спорта, только на Играх XV Олимпиады 2 участника – 1 (1964 г.), 1 (1968 г.), 1 (1984 г.), 1 (1988 г.), 2 (1992 г.) (рисунок 6). Количество видов спорта меняется незначительно, так как на территории БССР данного исторического промежутка времени культивировались только лыжные гонки и биатлон.

Рисунок 6 – Количество видов спорта участников от БССР в составе команды СССР на Олимпийских зимних играх исторического периода 1952–1992 (1992 – объединенная команда СНГ)

Заключение. Таким образом, эволюционно-исторические статистические характеристики (количество участников, количественное соотношение мужчин и женщин, количество видов спорта) позволяют определить изменения системы, выявить явления динамизма, установить прогрессивные либо регрессивные тенденции, установить факторные и причинно-следственные взаимосвязи.

Эволюционные особенности Игр Олимпиад (1952–1992 годов) характеризуются следующим образом: ступенчато-возвышаемым изменением количества участников от Игр к Играм (1952–1992). Положительная динамика от Игр к Играм имеется и по показателю, характеризующим соотношения мужчин и женщин, минимальное значение было 6 участников (Игры XV Олимпиады), максимальное – 52 участника (Игры XXV Олимпиады), наибольший скачок произошел между Играми XXI и XXII Олимпиады, это можно охарактеризовать Олимпиадой-80, прошедшей в Москве, в Играх XXIII Олимпиады 1984 г., прошедших в Лос-Анджелесе, участники СССР и БССР участия не принимали, на Играх XXIV и XXV Олимпиады количество участников только увеличивалось. На всех Играх Олимпиад отмечается превалирование мужчин над женщинами и установлено положительное влияние на показатель по количеству участников территориального города проведения Олимпийских игр. Количество видов спорта на каждой Олимпиаде постепенно увеличивалось, стабилизируясь начиная с Олимпиады-80. **Эволюционные особенности Олимпийских зимних игр (1952–1992 гг.):** в период с 1964–1988 гг. зимние виды спорта на территории БССР практически не культивировались. Только на ОЗИ в Альбервиле БССР выставила 4 участника, это можно связать с окончанием СССР и созданием независимых Республик, где спорт является хорошим политическим средством продвижения национальных интересов государства. Количество видов спорта меняется незначительно, так как на территории БССР данного исторического промежутка времени культивировались только лыжные гонки и биатлон.

Литература

1. Круглик, И.И. Влияние олимпийского образования на современное общество / И.И. Круглик, Ю.Ф. Курамшин // Олимпийское движение: история и современность: сб. статей / под общ. ред. Н.В. Рекутиной. – Омск : Изд-во СибГУФК, 2013. – С. 234–240.

2. Мельникова, Н.Ю. История Олимпийских зимних игр (1924–2014 гг.) : монография / Н.Ю. Мельникова. – М., 2014. – 126 с.
3. Мельникова, Н.Ю. История Игр Олимпиад (1896–2012 гг.) : монография / Н.Ю. Мельникова. – М., 2014. – 152 с.
4. Мельникова, Н.Ю. Социальные факторы эволюции Олимпийских зимних игр / Н.Ю. Мельникова // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. – 2015. – № 7. – С. 129–132.
5. Мельникова, Н.Ю. Методологические подходы к изучению эволюции Олимпийских зимних игр / Н.Ю. Мельникова // Педагогико-психологические и медико-биологические проблемы физической культуры и спорта. – 2015. – № 02 (35). – С. 97–100.

Российский государственный социальный
университет (филиал г. Минска)

Поступила в редакцию 01.11.2019

УДК 351.744(476)(091)''1861/1914''

Структура і функцыі паліцэйскіх павятовых органаў на тэрыторыі Беларусі ў другой палове XIX – пачатку XX ст.

А.Р. Лудзіч

Артыкул прысвечаны аналізу структуры і функцый паліцэйскіх павятовых органаў на тэрыторыі Беларусі ў 1861–1914 гг. Прааналізаваны заканадаўчыя акты, якія рэгулявалі структуру, прававы статус павятовых паліцэйскіх. Выяўлена дзейнасць павятовых паліцэйскіх устаноў і іх супрацоўнікаў, накіраваная на павышэнне эфектыўнасці працы органаў паліцыі. Разгледжаны паўнамоцтвы пасадовых асоб павятовай паліцыі і іх асноўныя абавязкі і правы. Паказана палітыка ўрада, накіраваная на ўзмацненне паліцэйскай сістэмы і ўлады паліцэйскіх чыноўнікаў на месцах.

Ключавыя словы: Міністэрства ўнутраных спраў, павятовыя паліцэйскія ўпраўленні, павятовыя спраўнікі, жандармскія павятовыя ўпраўленні, станавыя прыставы, паліцэйскія ўраднікі, конная і пешая варта, дзесяцкія, соцкія, тысячкія.

The structure and functions of the administrative and police district authorities in the territory of Belarus in 1861–1914 are analyzed. The review of the legislative acts which regulate the structure and legal status of the district police officers is given. The activities of the district police institutions and their staff aimed at improving the efficiency of the police are studied. In the work the authority of the boarding persons in the district police, their basic responsibilities and rights are examined. Besides the government policy aimed at strengthening the police system and the power of police officers in practice are described.

Keywords: Ministry of Internal Affairs, district police departments, district police, gendarmerie district governments, police officers, equestrian and pedestrian guard, desyatskys, sotniks, tysyatskys.

Уводзіны. Асобае месца ў сістэме мясцовага кіравання Расійскай імперыі займала паліцыя. Менавіта на паліцэйскі персанал была ўскладзена рэалізацыя большасці ўнутрыпалітычных мерапрыемстваў цэнтральнай улады. Даследаванне ролі павятовай паліцыі ў дзяржаўным механізме, бясспрэчна, дазволіць паглыбіць і пашырыць веды аб развіцці праваахоўных органаў, эфектыўнасці іх дзейнасці, глыбока і крытычна ацаніць падзеі, якія адбываюцца ў сучаснай дзяржаве. Мэтай дадзенага даследавання з’яўляецца вызначэнне структуры і функцый паліцэйскіх павятовых устаноў на тэрыторыі Беларусі ў 1861–1914 гг.

У айчыннай гістарыяграфіі тэме арганізацыі і дзейнасці паліцыі на тэрыторыі Беларусі ў 1861–1914 гг. прысвечана некалькі прац. Функцыянаванне органаў Міністэрства ўнутраных спраў было разгледжана ў манаграфіі В.А. Шэўкапляс [1]. Дзейнасці павятовай паліцыі прысвечаны даследаванні А.А. Кісялёва і А.А. Падарожняй [2], [3], [4]. Аб’ектам даследавання С.І. Бусько з’яўляецца арганізацыя і функцыянаванне жандармерыі на тэрыторыі Беларусі [5].

Асноўная частка. Курс расійскага самадзяржаўя ў парэформенны перыяд, накіраваны на сацыяльна-эканамічныя і палітычныя змены, патрабаваў рэарганізацыі мясцовай паліцэйскай сістэмы. Да паліцэйскай рэформы 1862 г. арганізацыя паліцэйскага кіравання была прадугледжана «Палажэннем аб земскай паліцыі» ад 3 чэрвеня 1837 г., якое вызначыла структура і сферу дзейнасці павятовай паліцыі [6, с. 463–484]. У межах павета ажыццяўленне паліцэйскіх абавязкаў было ўзложана на земскія суды на чале з земскім спраўнікам. Широкае і невызначанае кола абавязкаў, вялікая колькасць папярковых спраў, якая паглынала ўсю дзейнасць паліцэйскіх чыноўнікаў, маруднасць, бяздзейнасць і злоўжыванні сталі тыповымі з’явамі для тагачаснай паліцыі [7, с. 50]. Таму самадзяржаўе імкнулася да ўмацавання ўлады і аўтарытэта паліцэйскіх органаў, да эфектыўнасці іх ўздзеяння на шырокія слаі насельніцтва.

25 снежня 1862 г. імператарам Аляксандрам II былі зацверджаны «Часовыя правілы аб упарадкаванні паліцыі ў гарадах і паветах» [8, с. 588–593]. Згодна з Палажэннем ад 25 снежня 1862 г. земская і гарадская паліцыя была аб’яднаная ў адзіныя павятовыя паліцэйскія ўпраўленні з пашырэннем кампетэнцыі іх дзеяння на ўвесь павет. Выключэнне складалі некаторыя «больш значныя гарады», дзе захавалася гарадская паліцыя, не падпарадкаваная

павятовай. Гарадскія і павятовыя паліцэйскія ўпраўленні падпарадкоўваліся непасрэдна губернатару. На аснове арт. 1, 5, 8. выканаўчая сіла ў павеце засяродзілася ў руках павятовых паліцэйскіх упраўленняў, распараджэнні якіх на месцах выконвалі паліцэйскія [8, с. 588]. Земскія спраўнікі былі перайменаваны ў павятовых спраўнікаў. Меркавалася, што «Часовыя правілы» будуць дзейнічаць вызначаны час, да моманту распрацоўкі і прыняцця новага закона. Аднак гэты акт меў сілу да 1917 г.

Рэфармаванне паліцэйскіх структураў мела тут некаторую спецыфіку з-за палітычнага становішча беларускіх земляў пасля паўстання 1863–1864 гг. Дзейнасць павятовай паліцыі ў цэнтральных губернях па-ранейшаму заставалася ў руках памешчыкаў-дваран. Павятовы спраўнік прызначаўся губернатарам з іх ліку, дваранскія сходы выбіралі двух дваранскіх засядацеляў. Аднак такія захады не падыходзілі для беларускіх губерняў, мясцовае дваранства якіх не карысталася даверам урада. У Беларусі павятовыя спраўнікі прызначаліся міністрам унутраных спраў па рэкамендацыі губернатара. Пры падборы кандыдатаў губернатарам дазвалялася не зважаць на адпаведнасць пасады чыну. Такая кадравая палітыка адлюстроўвала, што дабрадзейнасць да самадзяржаўя была ключавым крытэрыем прызначэння на пасаду кіраўніка мясцовай паліцыі, чым яго прафесійны ўзровень [1, с. 9].

На чале павятовага паліцэйскага ўпраўлення знаходзіўся павятовы спраўнік. Акрамя яго ў склад ўваходзілі памочнік спраўніка, 2 столаначальнікі, станавыя прыставы, засядацелі, рэгістратар, сакратар, наглядчыкі павятовых цэнтраў [7, с. 63]. Колькасць членаў прысутнасці ў залежнасці ад памераў павета мянялася. Напрыклад, у штаце Гродзенскага павятовага паліцэйскага ўпраўлення знаходзіўся 21 чалавек, у Валкавыскім – 14, у Слоніўскім і Пружанскім – 13, у Кобрынскім – 11 [9, арк. 9–10, 18–19, 23–24, 30–31, 35]. Заўвага да арт. 6 «Часовых правілаў» прадугледжвала, што да канчатковага пераўтварэння пасады засядацеляў маглі займаць у павятовых упраўленнях земскія суддзі [8, с. 590]. Гэта было прадугледжана тым меркаваннем, што да правядзення судовай рэформы частку судовых функцый возьме на сябе паліцэйскае ўпраўленне. Пры паліцэйскім ўпраўленні дзейнічала на чале з сакратаром канцылярыя і рассыльныя.

17 лютага 1863 г. МУС былі зацверджаны штаты павятовых паліцэйскіх упраўленняў для беларуска-літоўскіх губерняў. У параўнанні з былымі штатамі земскай паліцыі склад павятовай паліцыі павялічыўся па прычыне ўключэння ў яго расфарміраваных гараднічых упраўленняў. У 5 беларускіх губернях было адкрыта 48 павятовых паліцэйскіх устаноў, дзе служылі толькі 516 штатных супрацоўнікаў павятовай паліцыі: 48 спраўнікаў, 48 памочнікаў спраўнікаў, 48 сакратароў, 96 столаначальнікаў, 48 рэгістратараў, 167 станавых прыстава, 2 паліцэйскія прыставы, 5 іх памочнікаў, 28 паліцэйскіх наглядчыкаў 27 [2, с. 60]. Аднак, на думку А.А. Кісялёва, істотнага павелічэння колькасці паліцэйскіх не адбылося.

Рэарганізаваўшы структуру павятовых паліцэйскіх упраўленняў, урад пакінуў фактычна без зменаў іх кампетэнцыю. Да іх функцый належаў нагляд за выкананнем законаў і прысудаў судовых устаноў, ахова грамадскай бяспекі, вядзенне следства. Справы гаспадарча-распарадчыя: нагляд за парадкам выканання земскіх павіннасцей, кантроль над фабрычнай прамысловасцю, будаўнічымі і дарожнымі работамі, нагляд за гандлем і станам шляхоў зносін, набор рэкрутаў, спагнанне падаткаў і нядоімак, займаліся пытаннямі добраўпарадкавання ў павеце, ажыццяўлялі нагляд над продажам віна, займаліся пытаннямі санітарнага становішча, доглядам бедных, барацьбой з голадам, пажарамі і г. д. [7, с. 74]. Змест арт. 25 паказвае, што гэты орган быў дарадчым пры начальніку мясцовай паліцыі, бо большасць спраў вырашалася менавіта спраўнікам [8, с. 59]. Палажэнне 25 снежня 1862 г. ўзмацніла бюракратызацыю агульнай прысутнасці. У ходзе падрыхтоўкі рэформы камісія М. Мілюціна прыйшла да высновы, што калегіяльны характар не прыносіць карысці, парушае хуткасць і самастойнасць працы. Таму калегіяльным чынам вырашаліся другасныя пытанні: разгляд скаргаў да дзеяння паліцэйскіх, заснаванне варты, меры перасцярогі пры эпідэміях, распараджэнні пры дзяленні павета на станы і сотні і г. д. [7, с. 99–100].

Цэнтралізацыя павятовай паліцыі ўзмацніла ўладу спраўнікаў, цяпер у яго кампетэнцыі знаходзіліся ўсе справы паліцэйскага кіравання. Старшыня павятовай паліцыі прымаў кандыдатаў на службу, перамяшчаў, узнагароджваў і звальняў чыноўнікаў, накладваў на іх дысцыплінарныя спагнанні; выконваў распарадчыя функцыі – займаўся пытаннямі

распрацоўкі і прыняцця загадаў, палажэнняў, цыркуляраў, інструкцый і іншай дакументацыі. Спраўнік ажыццяўляў следча-пошукавыя функцыі, у тым ліку палітычны допыт і пошук; нагляднае функцыі – сачыў за рабочым і сялянскім рухам, масавымі выступамі, рэвалюцыйным рухам. Да функцый павятовага спраўніка належала кіраўніцтва ўправай і агульнай прысутнасцю, нагляд за станам грамадскага парадку і бяспекі, правільным і хуткім ходам разгляду спраў. Спраўніку прадстаўлялася права кантролю над служачымі валасной і сельскай упраў, магчымасць хадайнічаць перад губернатарам аб іх звальненні. Спраўнік сачыў за дзейнасцю станавых прыставаў, а па ўказу ад 9 чэрвеня 1878 г. і іх бліжэйшых памочнікаў – паліцэйскіх ураднікаў, а з 1903 г. яму была падпарадкавана павятовая паліцэйская ахова [10, с. 398], [11, с. 477–481]. Пасля ліквідацыі агульнай прысутнасці паліцэйскіх упраўленняў і пасадаў засядацеляў па загадзе Дзяржаўнага савета ад 8 чэрвеня 1889 г. павятовы спраўнік атрымаў адзінасобную ўладу для вырашэння ўсіх спраў, якія знаходзіліся ў кампетэнцыі паліцыі [12, с. 328–330]. Неабходна ўказаць, што спраўнік, акрамя паліцэйскіх функцый, з'яўляўся важным адміністрацыйным звязом ў павеце, бо па прычыне існуючай структуры і парадку службы быў вымушаны часам аб'язджаць павет для правядзення кантролю за дзейнасцю дзяржаўных служачых, разгляду скарг на іх дзеянні і выканання іншых даручэнняў губернатара [2, с. 62]. Такія неакрэсленыя нарматыўнымі дакументамі абавязкі адрывалі спраўніка ад непасрэднага кіраўніцтва мясцовай паліцыяй, што адмоўна адбівалася на эфектыўнасці яе службы.

Важную ролю адыгрываў і памочнік спраўніка, які выконваў даручэнні старшыні, ажыццяўляў кантроль над справаводствам і на правах гарадскога прыстава выконваў выканаўчыя паліцэйскія функцыі ў тых гарадах, дзе адсутнічалі пасады паліцэйскіх прыставаў. У выпадку адсутнасці павятовага спраўніка памочнік выконваў яго абавязкі, акрамя вырашэння кадравых пытанняў, ён не мог выносіць рашэнне па той справе, калі ўзніклі рознагалоссі, скасоўваць загады спраўніка і г. д. [8, с. 592].

Для большай цэнтралізацыі ў кіраванні павет быў падзелены на паліцэйска-тэрытарыяльныя адзінкі з некалькіх валасцей – станы, на чале якіх стаяў станавы прыстаў. Прыстаў займаўся ўсімі выканаўчымі, следчымі, судова-паліцэйскімі і гаспадарча-распарадчымі справамі на падуладнай яму тэрыторыі. Ён на месцах прыводзіў ў выкананне распараджэнні паліцэйскага ўпраўлення і нес непасрэднае нагляд за парадкам і бяспекай у стане, выконваў прысуды судоў, веў працу па ацэнцы, вопісе і продажы маёмасці, спаганяў з насельніцтва падаткі, арганізоўваў правядзенне рэкруцкага набору і мабілізацыі, веў нагляд за бяспекай і спраўным станам шляхоў зносін, дабрабытам населеных пунктаў. Станавым прыставам таксама прадстаўлялася права на разгляд дробных злачынстваў на тэрыторыі стана. Паліцэйская рэформа 1862 г. унесла змены ў працэс зацвярджэння служачых на пасаду станавых прыставаў. Па палажэнні ад 25 снежня 1862 г. ён прызначаўся на пасаду губернатарам, па прадстаўленні павятовага спраўніка. Цяпер прыстаў быў пастаўлены ў непасрэднае падначаленне спраўніку, які па закону мог прыцягваць прыставаў да адказнасці, разглядаць скаргі на іх дзейнасць, пазбаўляць пасады [7, с. 103]. Колькасць станаў звычайна складала ад двух да пяці (залежала ад велічыні тэрыторыі павета і колькасці жыхароў), а змяненне іх колькасці ажыццяўлялася праз загад міністра ўнутраных спраў. Напрыклад, ў 1862 г. Віленская губерня была падзелена на 50 станаў, Віцебская – 36 станаў, Гродзенская – 10 станаў, Мінская – 31 стан, Магілёўская – 36 станаў [6, с. 12–13].

З прычыны таго, што на паліцыю ўскладзены нагляд за выкананнем законаў, якія мелі разнастайныя патрабаванні, паліцэйскія служачыя мелі тут шырокія паўнамоцтвы. Акрамя нагляду за выкананнем законаў, папярэджання і прадухілення розных злачынстваў паліцэйскія ўстановы былі адказны за шэраг спецыяльных абавязкаў, якія пераважна належалі да кампетэнцыі іншых органаў мясцовай улады. «Бясконца перапіска, адказ на шматлікія патрабаванні і апавяшчэнні аднімае ў паліцыі час неабходны для нагляду за распараджэннямі на месцы,» – пісаў віленскі генерал-губернатар А.Л. Патапаў ў звароце да гродзенскага начальніка губерні [13, арк. 3].

Ніжэйшымі чынамі паліцыі ў паветах былі выбраныя ад сялян дзесяцкія, соцкія, пяцісоцкія і тысяцкія, якія вялі нагляд за бяспекай і парадкам ў сельскай мясцовасці і асобных мястэчках. На свае пасады ніжэйшыя паліцэйскія чыны выбіраліся валасным сходам, які прапаноўваў спраўніку кандыдатуры для зацвярджэння, а апошні правяраў звесткі аб узросце,

добранадзейнасці, стане паводзін і адсутнасці судзімасцей. Тэрміны, заробак па службе вызначаліся сумесна валасной управай і спраўнікам [14, арк. 20]. Затым аб выбары паведамлялася ў губернскае праўленне і па зацвярджэнні служачыя прыводзіліся да прысягі [7, с. 13]. У паселішчы прызначаліся дзесяцкія, пад наглядом якіх знаходзілася мясцовасць ад 10 да 30 сельскіх двароў [13, арк. 5]. Соцкія і дзесяцкія, як правіла, паступалі на службу на год, а пяцісоцкія маглі служыць без вызначанага тэрміну. Змена колькасці або складу соцень адбывалася толькі з дазволу губернатара па прадстаўленні спраўніка, але з улікам адпаведнага рашэння мясцовага станавага прыстава. Важнай перавагай у службе соцкіх было вызваленне ад павіннасцей падчас службы. У абавязкі тысяцкіх уваходзіў агульны паліцэйскі нагляд за насельніцтвам, пошук і збор звестак, абвешчэнне афіцыйных указаў. Напрыклад, у 3-м стане Віцебскага павета ў 1869 г. служылі 3 пяцісоцкія, 8 соцкіх і 70 дзесяцкіх. Усе дзесяцкія стана служылі па выбары, а соцкія і пяцісоцкія – па найму [14, арк. 17]. Утрыманне ніжэйшага паліцэйскага персаналу лягло на мясцовых памешчыкаў. Спагнаныя сродкі ўносіліся ў мясцовыя казначэйствы ў выглядзе дэпазітаў павятовых паліцэйскіх упраў. Месцы тысяцкіх павінны былі займаць «пераважна асобы рускага паходжання і праваслаўнага веравызнання», а «асобы польскага паходжання дапускаліся толькі ў выпадку вострай неабходнасці» [2, с. 61].

Нягледзячы на шматлікасць павятовай паліцыі, што дазваляла ёй мець паўсюдна сваіх агентаў, назіраецца нізкая эфектыўнасць службы ніжэйшых паліцэйскіх чыноў, што неаднаразова трапляла пад крытыку кіраўніцтва краю. У цыркуляры да гродзенскага губернатара ад 2 жніўня 1868 г. начальнік Віленскага генерал-губернатарства А.Л. Патапаў адзначаў, што «дзесяцкія, соцкія і пяцісоцкія пераўтварыліся ў рассільных станавага прыстава і не выконваюць добрасумленна сваіх абавязкаў... Бескарыснасць іх існавання пацвярджаецца тым, што яны выбіраюцца непісьменнымі, няздольнымі да службы сялянамі. Такім чынам, захаванне спакою ў павеце з'яўляецца абавязкам паліцэйскіх чыноўнікаў: спраўнікаў, іх памочнікаў, станавых прыставаў» [13, арк. 3–4].

У сувязі з узмацненнем хвалі народніцкага руху ў 1870-я гг. структура павятовых паліцэйскіх органаў была рэфармавана. На аснове Палажэння ад 9 чэрвеня 1878 г. у паветах уводзіўся інстытут паліцэйскіх ураднікаў – ніжэйшых чыноў паліцыі, якія падпарадкоўваліся станаваму прыставу, павятоваму спраўніку [10, с. 398–400]. Ураднікі прызначаліся ў кожны са станаў павета (звычайна адказвалі за тэрыторыю роўную воласці), як памочнікі станавых прыставаў для нагляду за дзейнасцю дзесяцкіх і соцкіх на месцах. У месцах, дзе з 1903 г. уводзілася павятовая паліцэйская варта, ураднік з'яўляўся непасрэдным кіраўніком гэтых служачых. Пры гэтым неабходна адзначыць, што пасады паліцэйскіх ураднікаў камплектаваліся з ліку унтэр-афіцэраў і ніжэйшых чыноў запasu арміі.

Кола абавязкаў паліцэйскіх ураднікаў было дастаткова шырокім. У адпаведнасці з Палажэннем ад 9 чэрвеня 1878 г. ураднікі назіралі за грамадскім парадкам, павінны былі супрацьдзейнічаць антыўрадавым дзеяннем. Акрамя таго, кожны служачы павінен быў сачыць за выкананнем санітарных і супрацьпажарных нормаў [15, арк. 45 адв.]. У сваёй дзейнасці яны абавязваліся на службовых асоб сялянскага самакіравання – соцкіх і дзесяцкіх. Улада ўрадніка над сялянамі была практычна неабмежаванай. Да 1887 г. паліцэйскія ўраднікі мелі паўнамоцтвы ў вядзенні следства, выступалі на баку абвінавачвання па крымінальных справах, вялі справаводства. Новая паліцэйская пасада была зацверджана з мэтай умацавання ніжняга звяна, павышэння якасці іх працы [1, с. 26].

Цэнтралізацыя ў паліцэйскім кіраванні была завершана ў 1881 г., калі павятовая паліцыя перайшла ў падпарадкаванне Дэпартаменту паліцыі МУС [16, с. 256]. Кампетэнцыя павятовай паліцыі толькі пашыралася пасля выхаду 14 жніўня 1881 г. «Палажэння аб ахове дзяржаўнага парадку і грамадскага спакою». Гэты закон надзяліў паліцэйскіх шырокімі паўнамоцтвамі, якія павінны былі садзейнічаць падаўленню рэвалюцыйнай хвалі на тэрыторыі імперыі. Згодна з законам, у мясцовасці, якая абвешчана на стане ўзмоцненай аховы, павятовыя спраўнікі атрымалі права выдаваць распараджэнні аб папярэднім затрыманні асоб, падазроных у здзяйсненні дзяржаўных злачынстваў і ўдзеле іх у нелегальных арганізацыях, а таксама праводзіць ператрусы ў любых памяшканнях і будынках, накладваць арышт на розную маёмасць падазроных асоб [17, с. 261–266]. Закон даваў паліцыі права на такія дзеянні і на сумежнай тэрыторыі.

Неэфектыўнасць сельскіх паліцэйскіх чыноў, неабходнасць удасканалення сістэмы нагляду за грамадскім парадкам шляхам колькаснага павелічэння служачых падштурхоўвае

ўрадавыя колы да чарговага структурнага пераўтварэння мясцовай паліцыі. Загадам Дзяржаўнага савета ад 5 мая 1903 г. ствараецца павятовая варта, перад якой стаяла задача «аховы грамадскага спакою і парадку ў мясцовасцях, падведаных павятовай паліцыі» [11, с. 477]. Былі ліквідаваны пасады ўраднікаў (замест іх уводзілася пасада – ураднік павятовай паліцэйскай варты) і выбарных паліцэйскіх чыноў ад сялянскіх абшчын (дзесяцкіх і соцкіх). У выніку былі створаны каманды паліцэйскіх пешых і конных чыноў, якіх наймала на службу дзяржава. Аднак фарміраванне паліцэйскай варты ў беларускіх губернях завяршылася толькі ў 1905 г. [3, с. 63]. Узначальваў варту павятовы спраўнік, а ў межах стана – станава прыстаў. Грамадзянскі губернатар размяркоўваў служачых аховы па губерні, а павятовы спраўнік – перамяшчэнні ў межах павета. Павятовая паліцэйская варта камплектавалася з асоб, якія дасягнулі 25-гадовага ўзросту пераважна з адстаўных і звольненых у запас салдат. Частка вартаўнікоў служыла ў пешых камандах (атрадах), кожны з якіх быў размеркаваны за вызначаным населеным пунктам, другая частка складала конныя каманды, якія пражывалі ў казармах. У кожнай воласці ці мястэчку прызначаўся атрад на чале з ураднікам (афіцэрам) і некалькімі коннымі і пешымі вартаўнікамі, колькасць якіх вызначалася з падліку адзін вартаўнік на 2500 жыхароў. Напрыклад, у 1908 г. у Мінскай губерні менш за ўсё іх служыла ў Навагрудскім павеце – 98, з якіх 73 і 25 конных і пешых вартаўнікоў (2 пешыя і 3 конныя атрады), а самай шматлікай была варта Мінскага павета – 186 чал. (67 і 119 конных і пешых, аб'яднаных ў 4 конныя і 5 пешых атрадаў, суадносна) [18, арк. 1]. Усяго ў складзе паліцэйскай варты ў паветах Мінскай губерні налічвалася 203 ураднікі і 1018 вартаўнікоў [18, арк. 1]. Для параўнання адзначым, што штат паліцэйскай варты ў паветах Магілёўскай губерні агулам складаўся з 129 ураднікаў і 823 вартаўнікоў [19, арк. 34–40]. Такім чынам, павятовая варта складала ўзброеную апору дзеяннем станавага прыстава і паліцэйскіх ураднікаў замест ненадзейных валасных і сельскіх служачых з сялян.

У сістэму органаў паліцыі неабходна ўключыць органы жандармерыі, якія знаходзіліся ў распараджэнні штаба корпуса жандармаў. Згодна з «Палажэннем аб корпусе жандармаў», ад 9 верасня 1867 г. асновай жандармскага ведамства беларускіх губерняў сталі губернскія жандармскія ўпраўленні, якім падпарадкоўваліся служачыя павятовых ўпраўленняў [20 с. 73–80]. У сувязі з асобым палажэннем ў 6 беларуска-літоўскіх губернях было створана дадаткова 50 павятовых жандармскіх упраўленняў. Жандармскія ўпраўленні былі незалежны ў дзейнасці ад улады губернатараў і падпарадкоўваліся шэфу Корпуса жандармаў, а з ліквідацыяй III Аддзялення канцылярыі ў 1880 г. – дэпартаменту паліцыі МУС і ваеннаму міністру [16, с. 274]. Галоўная задача жандармаў – вядзенне следства па палітычных справах, забеспячэнне аховы дзяржаўнага парадку і грамадскай бяспекі ў краі. Жандармы былі надзелены шырокім колам каральных функцый; пасылаліся для ўціхамірвання хваляванняў, прысутнічалі на кірмашах, народных святах, парадах; садзейнічалі папярэджанні злачынстваў супраць самадзяржаўя; наглядалі за выкананнем законаў на месцах [5, с. 9]. Да канчатковай адмены ваеннага становішча для беларускіх губерняў ў 1870 г. начальнікі павятовых упраўленняў выконвалі функцыі ваенна-павятовых начальнікаў. Ім таксама было загадана аб'язджаць тэрыторыю павета не менш двух разоў на месяц.

28 лютага 1869 г. па ўказу імператара з 50 павятовых упраўленняў было загадана скараціць іх шэраг да 28, а агульны штат пакінуць у колькасці 28 начальнікаў упраўленняў і 310 унтэр-афіцэраў. Згодна з палажэннем, у Віленскай губерні стваралася 4 аб'яднаныя павятовыя ўпраўленні (Віленская і Свянцянская; Ашмянская і Лідская; Троцкая; Вілейская і Дзісенская), у Гродзенскай – 5 (Гродзенская і Сакольская; Слоніўская і Ваўкавыская; Кобрынская і Пружанская; Беластоцкая і Бельская; Брэст-Літоўская), у Мінскай – 4 (Мінская, Барысаўская і Ігуменская; Рэчыцкая і Бабруйская; Мозырская і Пінская; Слуцкая і Навагрудская), у Магілёўскай – 5 (Магілёўская і Быхаўская; Чавуская, Мсціслаўская і Горыцкая; Чэрыкаўская і Клімавіцкая; Аршанская і Сенненская; Рагачоўская і Гомельская), у Віцебскай – 6 (Віцебская і Гарадоцкая; Суражская і Веліжская; Полацкая і Лепельская; Себежская і Нэвэльская; Рэжыцкая і Люцынская; Дзвінская і Дысенская) [21, с. 44–45].

Павятовыя жандармскія ўпраўленні на тэрыторыі Беларусі былі ліквідаваны 14 мая 1887 г., а іх служачыя былі ўключаны ў склад губернскіх жандармскіх упраўленняў [22, с. 225]. Уводзіліся пасады памочніка начальніка ўпраўлення, кожнаму з іх даручалася

вызначаная колькасць паведаў. Памочнікі начальніка ажыццяўлялі ўсе функцыі губернскай жандармскай управы на ўзроўні вызначаных паведаў. Напрыклад, у Мінскай губерні было 3 памочнікі (па Мінскаму, Барысаўскаму, Ігуменскаму паведах; па Бабруйскаму, Слуцкаму, Навагрудскаму паведам; па Пінскаму, Мазырскаму, Рэчыцкаму паведах) [5, с. 11].

Заклучэнне. У сувязі з паліцэйскай рэформай 1862 г. узрастае ўплыў павятовай паліцыі на розныя сферы жыцця. Паліцыя атрымала пашыраныя выканаўча-паліцэйскія, судзебна-следчыя і адміністрацыйныя функцыі. Парадак дзеянняў павятовай паліцыі быў вызначаны больш дакладным, але яна была пастаўлена пад кантроль губернскай адміністрацыі. Структура павятовых паліцэйскіх органаў была адзінай для беларускіх губерняў, а стварэнне разгалінаванага паліцэйскага апарату было накіравана на ўзмацненне бяспекі і парадку. Асноўным органам стала павятовае паліцэйскае ўпраўленне на чале са спраўнікам. У калегіяльным парадку вырашала толькі невялікая колькасць спраў на пасяджэннях прысутнасці паліцэйскага ўпраўлення. Тым не менш у сістэме павятовай паліцыі не было адзінага прынцыпу арганізацыі. З аднаго боку, мясцовая адміністрацыя прызначала на ключавыя пасады сваіх назначэнцаў: паліцмайстраў, павятовых спраўнікаў, станавых прыставаў, ураднікаў. А з другога, ніжэйшы паліцэйскі персанал быў прадстаўлены выбарнымі асобамі з сялян: дзесяцкімі, соцкімі і тысяцкімі. З 1867 г. у павятовую паліцэйскую сістэму былі ўключаны і жандармскія ўпраўленні. Стварэнне ў пачатку XX ст. павятовай паліцэйскай варты дазволіла змяніць служачых, выбраных сялянамі, павысіць яе колькасць і склад, што садзейнічала ўмацаванню паліцэйскага нагляду ў павеце. Аднак неакрэсленая спецыялізацыя ў межах павятовых ўпраўленняў, невялікія памеры штатаў прыводзяць да высновы, што арганізацыя выканаўчай паліцыі ў павеце не ў поўнай ступені адказвала патрабаванням часу. Разам з тым намаганні стварыць эфектыўную сістэму паліцыі засталіся не закончаныя па прычынах асаблівага кіравання беларускімі губернямі, недасканаласці нарматыўна-прававой базы і агульнай палітычнай сітуацыі ў імперыі.

Літаратура

1. Шелкопляс, В.А. Карательный аппарат России во второй половине XIX века : учеб. пособ. / В.А. Шелкопляс. – Минск, 1994. – 130 с.
2. Киселев, А.А. Уездная полиция белорусских губерний Российской империи в 60-х – первой половине 70-х гг. XIX в. / А.А. Киселев // Идеологические аспекты военной безопасности. – 2012. – № 4. – С. 60–64.
3. Киселев, А.А. Создание уездной полицейской стражи в Виленской и Гродненской губерниях в начале XX в. / А.А. Киселев // Идеологические аспекты военной безопасности. – 2014. – № 1. – С. 58–63.
4. Подорожня, Е.А. Местные органы государственной власти и управления в Беларуси (1861–1914 гг.) : структура, функции, кадры : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Е.А. Подорожня. – Минск, 2014. – 180 л.
5. Бусько, С.И. Структура и кадровый состав губернских жандармских управлений на территории Беларуси (конец XIX – начало XX в.) / С.И. Бусько // Працы гістарычнага факультэта БДУ: навука. зб. / рэдкал.: У.К. Коршук (адк. рэд). – Мінск: БДУ, 2010. – Вып. 5. – С. 9–18.
6. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). – 2-е собр. – Т. 12. – Отд. 1. – № 10305. Положение о земской полиции. – СПб., 1837. – С. 463–484. Штаты и табели. – С. 12–13.
7. Труды комиссии о губернских и уездных учреждениях. – [Б.м.], 1860–1863. Учреждения уездные.
8. ПСЗРИ. – 2-е собр. – Т. 37. – Отд. 2. – № 39087. Временные правила об устройстве полиции в городах и уездах губерний, по общему учреждению управляемых от 25 декабря 1862 г. – СПб., 1865. – С. 588–593.
9. Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно (НИАБ в г. Гродно). – Фонд 1. – Оп. 6. – Д. 664. Списки чиновников городской и уездной полиции, переписка с военными начальниками об их предоставлении.
10. ПСЗРИ. – 2-е собр. – Т. 53. – Отд. 1. – № 58610. Проект Временного положения о полицейских урядниках в 46-и губерниях, по общему учреждению управляемых. – СПб., 1880. – С. 398–400.
11. ПСЗРИ. – 3-е собр. – Т. 23. – № 22906. Об учреждении в 46-и губерниях Европейской части России полицейской стражи. – СПб., 1903. – С. 477–481.
12. ПСЗРИ. – 3-е собр. – Т. 9. – Отд. 1. – № 6087. Об упразднении общих присутствий городских и уездных управлений. – СПб., 1891. – С. 328–330.

13. НИАБ в г. Гродно. – Фонд 1. – Оп. 6. – Д. 1449. Дело об упразднении заседателей полицейских управлений и учреждении должностей помощников приставов, а вместо пятисотских, сотских и десятских ввести должности участковых надзирателей.
14. НИАБ. – Фонд 2500. – Оп. 1. – Д. 688. Ведомости численности тысяцких и десятских, о сборе таковым содержания (1870 г.).
15. НИАБ. – Фонд 1430. – Оп. 1. – Д. 36172. Дело о предоставлении уездными исправниками сведений о деятельности полицейских урядников.
16. Могилевская губерния: государственные, религиозные и общественные учреждения (1772–1917) / Е.К. Анищенко [и др.]; сост. Ю.Н. Снапковский, Д.Л. Яцкевич; редкол.: Д.В. Яцевич (глав. ред.). – Минск: Беларусь, 2014. – 814 с.
17. ПСЗРИ. – 3-е собр. – Т. 1. – № 350. Положение о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия. – СПб., 1885. – С. 261–266.
18. НИАБ. – Фонд 295. – Оп. 1. – Д. 7880. О введении полицейской стражи в Минской губернии.
19. НИАБ. – Фонд 1430. – Оп. 1. – Д. 47142. Материалы об организации полицейской стражи.
20. ПСЗРИ. – 2-е собр. – Т. 42. – Отд. 1. – № 44956. Положение о корпусе жандармов. – СПб., 1871. – С. 73–80.
21. ПСЗРИ. – 2-е собр. – Т. 44. – Отд. 1. – № 46800. Об упразднении уездных жандармских управлений в Северо-Западном крае. – СПб., 1873 – С. 178–179. Приложение 1. – С. 44–45.
22. ПСЗРИ. – 3-е собр. – Т. 7. – Отд. 1. – № 4449. Об упразднении уездных жандармских управлений в Северо-Западном крае. – СПб., 1889. – С. 225.

Белорусский государственный университет

Поступила в редакцию 07.08.2019

УДК 94(476)«18/19»:364.682:352.071

Организация продовольственной помощи сельскому населению белорусских губерний в XIX – начале XX вв.

Н.С. МОТОВА

Проанализированы правовые акты, которые регулировали оказание продовольственной помощи сельскому населению белорусских губерний в XIX – начале XX в. Указано, что основные формы помощи и ее базовые принципы сложились еще в дореформенный период и были закреплены в Положении 1834 г. Их изменение было обусловлено негативным опытом борьбы с неурожаем 1891–1892 гг. в центральных губерниях Российской империи. Соответствующие нормы были закреплены во Временных правилах, изданных в 1900 г.

Ключевые слова: продовольственная помощь, натуральные запасы, денежные капиталы, сельская местность, белорусские губернии.

The legal acts that governed the provision of food assistance to the rural population of the Belarusian provinces in the XIX – early XX centuries are analyzed. It is noted that the main forms of assistance and its basic principles developed in the pre-reform period and were fixed by the Statute of 1834. Their change was due to negative experience in combating crop failure in 1891–1892 in the central provinces of the Russian Empire. The relevant standards were enshrined in the Temporary Rules, published in 1900.

Keywords: food assistance, in-kind reserves, cash capital, rural areas, Belarusian provinces.

На протяжении XIX в. сельское население белорусских губерний сталкивалось с продовольственной проблемой, вызванной периодически повторявшимися неурожаями. В этих условиях государство должно было принимать меры, направленные на ее разрешение. Их реализация на региональном уровне обеспечивалась при непосредственном участии представителей губернской администрации и местного дворянства, а также самих крестьян.

Проблема организации продовольственной помощи сельскому населению белорусских губерний в контексте всей Российской империи получила освещение в дореволюционной историографии. В этой связи необходимо отметить исследование, подготовленное в начале 1890-х гг. Хозяйственным департаментом МВД, – «Исторический обзор правительственных мероприятий по народному продовольствию в России» [1]–[2], а также юбилейное издание, посвященное столетию МВД [3]. Подробный анализ правительственной политики по продовольственному вопросу и оценка ее эффективности представлены в работе А.С. Ермолова «Наши неурожай и продовольственный вопрос» [4]–[5]. Ее автор являлся одним из наиболее компетентных специалистов по данной проблематике, так как с 1894 по 1905 гг. занимал пост министра земледелия и государственных имуществ Российской империи.

После революции вопросы организации продовольственной помощи населению не получали должного освещения в связи с изменением тематики и методологии научных исследований. В современной историографии (как белорусской, так и российской) данная проблематика также не рассматривается.

Исходя из изложенного, цель данной статьи состоит в целостном анализе организации продовольственной помощи сельскому населению белорусских губерний в XIX – начале XX вв. Достижение поставленной цели предполагает решение следующих задач: выделить основные формы и методы оказания продовольственной помощи, которые сложились до отмены крепостного права; охарактеризовать их эволюцию в пореформенный период; проанализировать изменения в организации продовольственного обеспечения сельского населения, которые произошли в начале XX в.

Проблема поддержки сельского населения при неурожаях в Российской империи обрабатывала на себя внимания государства еще в дореформенный период. Так, в 1799 г. был принят закон о создании хлебных запасных магазинов в казенных и владельческих селениях, в 1822 г. – денежных капиталов [1, с. 91–92, 173–174, 177]. Однако неурожай 1833 г. продемонстрировал,

что их ресурсов недостаточно для обеспечения продовольственных потребностей населения. Это привело к пересмотру действовавшего законодательства и изданию в 1834 г. Положения о запасах для пособия в продовольствии. Оно вошло в состав Устава о народном продовольствии и действовало в белорусских губерниях до конца XIX в. [6, с. 691–705], [7].

В Положении 1834 г. была сохранена практика создания для каждой губернии на случай неурожая продовольственных запасов в денежной и натуральной формах. Зерно должно было храниться в хлебных запасных магазинах, а собранные деньги составляли капитал для оказания помощи населению. Вводилось четкое нормирование натуральных запасов: на каждую ревизскую душу должно было приходиться по 1 четверти (примерно 209,9 л.) ржи и пшеницы, по 0,5 четверти овса или ячменя. Общий размер денежного капитала определялся исходя из нормы 1 руб. 60 коп. на ревизскую душу. Надзор за состоянием хлебных запасных магазинов и продовольственных капиталов был возложен на губернские комиссии народного продовольствия. В распоряжение каждой из них выделялось 10 000 руб. для оказания экстренной помощи населению. В крайнем случае комиссия могла позаимствовать до 25 000 руб., сообщив об этом в МВД. Сверх этого, ведомство могло разрешить использовать еще 50 000 руб. из местных продовольственных капиталов. Если требовались расходы в большем размере или был необходим заем хлеба из запасов других губерний, то этот вопрос представлялся через Комитет министров на разрешение императора [6, с. 691–693, 695–696, 699–701].

Законодательно был регламентирован порядок выделения продовольственных ссуд. Они могли быть двух видов – частные и общие чрезвычайные. Последние выделялись исключительно по разрешению правительства в тех случаях, когда от неурожая пострадала вся губерния или ее большая часть. Частные ссуды предоставлялись только в натуральной форме по распоряжению губернского начальства в тех случаях, когда от неурожая или стихийных бедствий (пожаров, градов и т. п.) пострадали отдельные селения или семейства. В общей сложности допускалось заимствование из запасных магазинов не более одной четверти наличных запасов. Пособия из средств денежных капиталов назначались в крайних случаях по разрешению МВД и императора. Пострадавшие могли получить из этих сумм заимообразные пособия в денежной форме либо эти средства использовались для приобретения хлеба для них. Полученные ссуды должны были возвращаться в течение двух-трех лет. При этом за первые два года проценты не назначались, а за третий год нужно было уплатить 6 % от размера задолженности [6, с. 698, 701].

После отмены крепостного права обязанности по обеспечению продовольственных потребностей были возложены на крестьян. Натуральные запасы, хранившиеся в запасных магазинах, и денежные капиталы объявлялись собственностью крестьянских обществ и поступали в их полное распоряжение. Право назначения продовольственных ссуд было передано сельским сходам. Надзор за состоянием продовольственных запасов должен был осуществлять сельский староста [8, с. 143, 146, 148–150].

Однако в 1861 г. из материалов, собранных МВД, выяснилось, что во многих помещичьих имениях запасных магазинов никогда не было. Некоторые владельцы ранее собирали с крестьян деньги на их создание, но распоряжались ими по своему усмотрению [3, с. 141]. На различные злоупотребления в этой сфере указывали и представители губернской администрации. Например, могилевский губернатор А.П. Беклемишев в отчете за 1861 г. сообщал, что большая часть хлебных запасных магазинов в частных имениях существовала только на бумаге [9, л. 19 об.–20 об.].

24 декабря 1862 г. был принят закон, согласно которому в селениях временнообязанных крестьян были упразднены должности попечителей магазинов. Эти обязанности были возложены на сельских старост и волостных старшин, а общее наблюдение за состоянием запасов – на уездных предводителей дворянства. Важным нововведением стала отмена взимания процентов по ссудам, выданным из продовольственного капитала [10, с. 585]. В 1866 г. хлебные запасные магазины, а также специальные суммы, заменившие хлебные запасы в некоторых селениях, окончательно поступали в заведование соответствующих сельских обществ. В белорусских и других неземских губерниях дела о запасах продовольствия были переданы из палат государственных имуществ губернским комиссиям народного продовольствия [11, с. 474, 476].

Предоставление сельским обществам широких прав по распоряжению хлебными запасами привело к тому, что почти повсеместно они были разобраны крестьянами без особой необходимости [2, с. 225]. В этой связи правительство было вынуждено ввести ограничительные меры в этом отношении. В 1867 г. был принят закон, который регулировал выдачу пособий из хлебных запасов в тех губерниях, которые пострадали от неурожая. В неземских губерниях ссуды из запасных магазинов в тех случаях, когда заимствовалось до половины наличных запасов, могли выделяться по разрешению местных комиссий народного продовольствия. Если требовалось заимствование в большем размере, тогда нужно было получить разрешение МВД [12, Дополнение к XLII т., с. 12]. В 1868 г. эти правила были распространены на всю Российскую империю [13, с. 431–432].

Затем МВД признало необходимым, чтобы и хранение продовольственных капиталов было сосредоточено в комиссиях народного продовольствия в неземских губерниях и в губернских управах в земских регионах. Соответствующее циркулярное распоряжение было сделано 13 февраля 1874 г. и фактически применялось повсеместно [2, с. 228]. В 1883 г. был принят закон, в соответствии с которым продовольственные капиталы в белорусских губерниях были переданы в ведение комиссий народного продовольствия, продолжая при этом оставаться в распоряжении сельских обществ [14, с. 46–47]. В целом МВД придерживалось идеи о необходимости сохранять в губерниях продовольственные запасы в натуральной форме. Ведомство неоднократно указывало на положительный пример белорусских и других неземских губерний, где ссуды назначались из запасных магазинов, которые содержались в полной исправности [2, с. 272–273].

Крестьяне постоянно обращались в магазины за ссудами как продовольственного, так и семенного зерна в случае локальных неурожая или стихийных бедствий. К 1892 г. на территории пяти белорусских губерний функционировало 7 260 хлебозапасных магазинов общей вместимостью 2 799 345 четвертей. Их количество было определено, исходя из числа ревизских душ мужского пола. Однако оно не соответствовало реальному количеству населения, которое к этому времени более чем в три раза превысило количество ревизских душ (4 830 182 против 1 539 916) [подсчитано по: 15, с. 179]. На это обращали внимание в своих отчетах главы местных администраций, например, виленские губернаторы А.А. Фрезе и сменивший его И.И. Чепелевский [16, с. 1], [17, с. 7–8].

В целом, в государстве назрела необходимость внести изменения в существовавшую систему продовольственной помощи. Непосредственным поводом для этого послужил неурожай 1891–1892 гг. в центральных губерниях. В правительстве развернулись работы по подготовке нового законодательства, регулировавшего продовольственную сферу. Их итогом стали Временные правила об обеспечении продовольственных потребностей сельских обывателей, утвержденные 12 июня 1900 г. На основании данного правового акта в белорусских губерниях были ликвидированы комиссии народного продовольствия, а заведование продовольственными запасами было передано в крестьянские учреждения [18, с. 764–766].

Согласно новому закону каждое сельское общество могло избрать тот механизм формирования продовольственных запасов, который в наибольшей степени соответствовал его потребностям: сохранить засыпку в магазины, перейти к уплате денежного продовольственного сбора либо использовать оба способа. Была облегчена процедура перехода от натуральных запасов к денежным. Для этого было достаточно приговора сельского общества и одобрения губернского присутствия. К участию в формировании продовольственных запасов были привлечены все обыватели, проживавшие в сельской местности, а не только крестьяне, как это было ранее. Временные правила отменяли устаревшее нормирование натуральных запасов в соответствии с числом ревизских душ мужского пола. Размер продовольственных запасов должно было рассчитываться, исходя из количества наличного населения обоих полов и всех возрастов. Норма на одного человека определялась министром внутренних дел по согласованию с министром финансов отдельно для каждой губернии на основании заключений губернских присутствий. Ее минимальный размер не фиксировался, а максимальный размер был установлен на уровне 4 пудов (пуд составлял чуть больше 16 кг). Четко определялся размер продовольственных ссуд: 1 пуд зерна на взрослого человека, полпуда – на детей до 5 лет [18, с. 766–767, 771, 774, 773].

Однако новые правила обладали и определенными недостатками. В частности, организация продовольственного дела была полностью выведена из-под контроля органов местного самоуправления. Общее попечение и надзор за ней должны были осуществлять генерал-губернаторы и губернаторы. Непосредственное заведование продовольственным делом было возложено на губернские присутствия или аналогичные им крестьянские учреждения. Они распоряжались губернскими продовольственными капиталами и выделяли из него ссуды, давали разрешение на замену натуральных запасов денежными и т. д. На уровне уездов вопросы, связанные с организацией продовольственного обеспечения сельского населения, были возложены на уездные съезды и земских начальников. Последние должны были следить за состоянием запасных магазинов, составлением списков лиц, которые должны были уплачивать продовольственные сборы, определяли размеры необходимой продовольственной помощи. Волостные правления обязаны были вести отчетность по взиманию продовольственных сборов и выдаче семенных и продовольственных ссуд [18, с. 767–770].

Вся организация продовольственной помощи на основании новых правил была сосредоточена в руках местных чиновников и дворян. Это было обусловлено рядом факторов. Во-первых, неурожай 1891–1892 гг., вызвавший голод в центральных губерниях, продемонстрировал несостоятельность прежней модели продовольственного обеспечения населения и заставил искать новые организационные формы при сохранении правительственного контроля в этой сфере. Во-вторых, в условиях трансформации структуры общества государство традиционно рассматривало дворянство как наиболее устойчивую социальную опору.

На территории Беларуси Временные правила об обеспечении продовольственных потребностей сельских обывателей должны были вступить в силу с 1 января 1901 г. [18, с. 764]. Однако в Витебской, Минской и Могилевской губерниях они начали действовать в конце 1901 г., а в Виленской и Гродненской – в 1903 г. [19, с. 8], [20, с. 687–689]. Это было связано с тем, что здесь отсутствовал институт земских начальников, которые должны были играть одну из главных ролей в организации продовольственной помощи сельскому населению.

С 1903 г. к участию в организации продовольственного обеспечения в сельской местности были привлечены управления по делам земского хозяйства, созданные в Витебской, Минской и Могилевской губерниях. В круг их обязанностей входили «попечение об устранении недостатка продовольственных средств и оказание пособий нуждающемуся в продовольствии населению способами, выходящими из круга ведения подлежащих учреждений» [20, с. 338]. Однако эти способы не были конкретизированы. Любое постановление о заимствовании средств из продовольственных капиталов на оказание помощи населению требовало одобрения со стороны губернского присутствия, а затем через губернатора направлялось в Земский отдел МВД. Данная практика сохранялась и после введения в перечисленных губерниях полноценного земского самоуправления.

Таким образом, основные формы помощи сельскому населению, пострадавшему от неурожая, оформились еще в дореформенный период и представляли собой выделение натуральных и денежных ссуд. На территории белорусских губерний оказание продовольственной помощи регулировалось Положением 1834 г. В нем были определены механизмы создания продовольственных запасов на региональном уровне, порядок выделения натуральных и денежных ссуд. Основные обязанности по организации помощи населению в случае неурожая были возложены на губернаторов и губернские комиссии народного продовольствия. После отмены крепостного права обеспечение продовольственных потребностей было возложено на крестьянские общества. Хлебозапасные магазины и денежные капиталы были объявлены собственностью крестьянских обществ. Однако на протяжении 1867–1883 гг. на территории белорусских губерний был восстановлен контроль за распоряжением этими ресурсами, который был сосредоточен в губернских комиссиях народного продовольствия. Они были ликвидированы в результате введения Временных правил об обеспечении продовольственных потребностей сельских обывателей 1900 г., а их обязанности были переданы учреждениям по крестьянскому делу и земским начальникам. В новом законе были пересмотрены нормы и механизмы формирования продовольственных запасов при сохранении сложившихся ранее форм оказания продовольственной помощи.

Литература

1. Исторический обзор правительственных мероприятий по народному продовольствию в России : в 2 ч. / изд. Хоз. деп-та Мин-ва внутр. дел. – СПб. : Тип. Мин-ва внутр. дел, 1892–1893. – Ч. I. – 1892. – 277 с.
2. Исторический обзор правительственных мероприятий по народному продовольствию в России : в 2 ч. / изд. Хоз. деп-та Мин-ва внутр. дел. – СПб. : Тип. Мин-ва внутр. дел, 1892–1893. – Ч. II. – 1893. – 407 с.
3. Министерство внутренних дел. 1802–1902. Исторический очерк. – СПб. : Тип. Мин-ва внутр. дел, 1901. – 235 с.
4. Ермолов, А.С. Наши неурожаи и продовольственный вопрос : в 2 ч. / А.С. Ермолов. – СПб. : Тип. В. Киршбаума (отд-ние), 1909. – Ч. I. – 610 с.
5. Ермолов, А.С. Наши неурожаи и продовольственный вопрос : в 2 ч. / А.С. Ермолов. – СПб. : Тип. В. Киршбаума (отд-ние), 1909. – Ч. II. – 152 с.
6. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ РИ). – Собрание 2. – Том IX : 1834. – Отделение 1. – От №6685–7379. – СПб. : Тип. II Отд-ния Собств. Е.И.В. Канцелярии, 1835. – 891 с.
7. Устав о народном продовольствии // Свод законов Российской империи повелением государя императора Николая Первого составленный : в 15 т. – Издание 1857 год. – СПб. : Тип. II Отд-ния Собств. Е.И.В. Канцелярии, 1857. – Том 13 : Уставы о народном продовольствии, общественном призрении и врачебные. – С. 1–163.
8. ПСЗ РИ. – Собрание 2. – Том XXXVI : 1861. – Отделение 1. – От №36490–37190. – СПб. : Тип. II Отд-ния Собств. Е.И.В. Канцелярии, 1863. – 1057 с.
9. Отчет о состоянии Могилевской губернии за 1861 г. // Российский государственный исторический архив. – Фонд 1281. – Оп. 6 (1862 г.). – Д. 8.
10. ПСЗ РИ. – Собрание 2. – Том XXXVII : 1862. – Отделение 2. – От №38622–39116. – СПб. : Тип. II Отд-ния Собств. Е.И.В. Канцелярии, 1865. – 851 с. разд. паг.
11. ПСЗ РИ. – Собрание 2. – Том XLI : 1866. – Отделение 1. – От №42861–43602. – СПб. : Тип. II Отд-ния Собств. Е.И.В. Канцелярии, 1868. – 1079, [3] с.
12. ПСЗ РИ. – Собрание 2. – Том XLII : 1867. – Отделение 2. – От №44895–45355. – СПб. : Тип. II Отд-ния Собств. Е.И.В. Канцелярии, 1871. – 1543 с. разд. паг.; 28 л. ил.
13. ПСЗ РИ. – Собрание 2. – Том XLIII : 1868. – Отделение 1. – От №45356–46062. – СПб. : Тип. II Отд-ния Собств. Е.И.В. Канцелярии, 1873. – 939 с.
14. ПСЗ РИ. – Собрание 3. – Том III : 1883. – От №1293–1933 и дополнения. – СПб. : Гос. тип., 1886. – 979 с. разд. паг.; 27 л. ил.
15. Сборник сведений по России, 1896. – СПб. : Тип. кн. В.П. Мещерского, 1897. – [4], VI, 405 с. – (Статистика Российской империи. XL).
16. Всеподданнейший отчет виленского губернатора за 1895 год. – Без тит. л. – 6 с.
17. Рапорт виленского губернатора за 1896 год. – Без тит. л. – 17 с.
18. ПСЗ РИ. – Собрание 3. – Том XX : 1900. – Отделение 1. – От №17968–19504 и дополнения. – СПб. : Гос. тип., 1902. – 1168, 10, [8] с.
19. ПСЗ РИ. – Собрание 3. – Том XXI : 1901. – Отделение 1. – От №19505–20931 и дополнения. – СПб. : Гос. тип., 1903. – 1265, 35, [3] с.
20. ПСЗ РИ. – Собрание 3. – Том XXIII : 1903. – Отделение 1. – От № 22360–23838 и дополнения. – СПб. : Гос. тип., 1905. – 1167, 136 с.

УДК 930(476) «20»:94:327((47+57)+430) «1918–1922»

Рапалльский договор и развитие советско-германских отношений в белорусской постсоветской историографии

С.Н. РОЖКОВА

Проанализировано содержание постсоветской белорусской историографии по проблеме рапалльской политики в советско-германских отношениях. Выявлены основные положения, сформулированные современными белорусскими историками по указанной проблеме. Показано, что большое внимание уделяется изучению роли Беларуси в отношениях между Советским государством и Веймарской Германией.

Ключевые слова: советско-германские отношения, Рапалльский договор, белорусская историография, СССР, Германия.

In the article the content of post-Soviet Belarusian historiography on the problem of the Rapallo policy in Soviet-German relations is analysed. The basic provisions formulated by modern Belarusian historians on the specified problem are revealed. It is shown that much attention is paid to studying of the role of Belarus in the relations between the Soviet state and the Weimar Germany.

Keywords: soviet-German relations, Treaty of Rapallo, Belarusian historiography, USSR, Germany.

Советско-германские отношения межвоенного периода являлись существенным фактором международной ситуации, поэтому всегда привлекали к себе повышенное внимание историков. Интерес, в частности, белорусских исследователей к этой проблематике обусловлен тем, что характер отношений между Советским государством и Германией существенно влиял на судьбу белорусского народа, формирование белорусской государственности, в том числе и в рапалльский период советско-германских отношений. Историографический анализ наработок белорусских авторов по указанной теме позволяет обобщить имеющийся материал и определиться с направлениями дальнейших исследований. На сегодняшний день отсутствуют обобщающие работы, в которых давалась бы основательная характеристика содержания современной белорусской историографии по проблеме советско-германских отношений веймарского периода. Имеются отдельные статьи [1], [2], частично затрагивающие данную проблему. Некоторые авторы во введении к монографии перечисляют работы историков по данной теме [3], [4]. Цель статьи – охарактеризовать современную белорусскую историографию рапалльского периода в советско-германских отношениях.

В начале 1990-х гг. начинается новый постсоветский этап развития белорусской германистики, в рамках которого произошло коренное изменение подходов белорусских историков к изучению, в том числе, и рапалльской политики. Важным рубежом в оценке достижений, общего состояния и перспектив исследования рапалльской политики в Беларуси и странах постсоветского пространства стал научный семинар «Рапалльская политика: истоки, традиции и современность», проведенный в 1992 г. в Минске [1, с. 12–17].

Современные белорусские историки определяют целый комплекс причин, обусловивших подписание Рапалльского договора. В.А. Космач, во-первых, указывает на схожесть международного положения Советской России и Германии после Первой мировой войны. Оба государства оказались в роли изгоев Версальской системы международных отношений «от политики и торговли до науки и культуры». В результате, неприятие Версальской системы стало основой для сближения двух стран [5, с. 7]. При этом, в борьбе с Версалем антипольский аспект выступал для России и Германии как первостепенный. Во-вторых, по мнению В.А. Космача, Германию на сотрудничество с Советской Россией толкали опасения, что последняя пойдет на соглашение с Антантой и потребует свою долю репараций. В качестве третьей причины подписания Рапалльского договора отмечается заинтересованность двух стран в экономическом сотрудничестве [6, с. 32]. В.А. Космач указывает, что определенную роль в сближении Советской России и Германии сыграли кампании «пролетарской солидарности» в обеих странах, а также искренние симпатии к России демократически настроенной немецкой интеллигенции [5, с. 10]. Д.А. Мигун акцентирует внимание на том, что Германия,

проиграв в Первой мировой войне, стала второстепенной державой в мире, потеряв все свои колонии и рынки сбыта. Навязанный Германии странами Антанты Версальский договор от 28 июня 1919 г. привел к ее изоляции на международной арене. Это толкало Германию к сближению с Советской Россией [3, с. 46]. Н.Н. Мезга отмечает, что германское руководство рассчитывало на Генуэзской конференции добиться смягчения репарационных выплат, но страны Антанты на это не пошли. Поэтому 16 апреля 1922 г. между Германией и Советской Россией был подписан Рапалльский договор, имевший антиверсальский характер. Таким образом, к сближению Советскую Россию и Германию подталкивала общая цель – ликвидация установленного Версалем порядка [4, с. 20]. Антиверсальский аспект советско-германского сближения отмечен в работах Д.А. Мартиновича [7, с. 185], Ф.А. Шумского [8, с. 152].

При характеристике содержания Рапалльского договора современная белорусская историография отмечает, что он предусматривал возобновление дипломатических и консульских отношений между двумя государствами, взаимный отказ от претензий в вопросах об ущербе, причиненном во время Первой мировой войны, и национализацией в России [9, с. 42–43]. В частности, Советская Россия отказалась от репараций с Германии, предусмотренных статьёй 116 Версальского договора. Германия, со своей стороны, отказалась от претензий в связи национализацией советской властью немецкого имущества на территории России [4, с. 37]. Д.А. Мигун особый акцент делает на то, что договор служил экономическим интересам двух государств, констатирует, что благодаря договору была прервана политическая блокада вокруг РСФСР, и Германия также вышла из международной изоляции [3, с. 49–51]. Оценивая Рапалльский договор, В.А. Космач отмечает, что он открыл возможности для сотрудничества между двумя государствами, в первую очередь, в области экономики, науки и техники [5, с. 33], а также для военно-политических и военно-технических контактов [6, с. 3]. Н.Н. Мезга, оценивая масштабы и направления советско-германского сотрудничества, делает вывод, что согласно Рапалльскому договору Советская Россия и Германия фактически стали союзниками на антиверсальской основе, и сотрудничество с Германией являлось в 1920-е гг. одним из основных факторов советской внешней политики [4, с. 43, 47]. Белорусские историки сделали вывод, что значение Рапалльского договора выходило за рамки советско-германских отношений. В работах Н.Н. Мезги и Г.Г. Лазько показано, что Рапалльский договор привел к изоляции Польши в Центрально-Восточной Европе, образовал для нее геополитические тиски [4, с. 36], [10, с. 15].

В постсоветской белорусской историографии исследуется динамика рапалльской политики. Н.Н. Мезга отмечает улучшение советско-германских отношений осенью 1922 г. после некоторого похолодания в них летом и указывает ряд факторов, которые к этому привели. Во-первых, это желание предпринимательских кругов Германии активизировать экономические отношения с РСФСР. Во-вторых, назначение немецким послом в Москве У. Брокдорф-Ранцау, сторонника советско-германского сближения. В-третьих, подписание соглашения о распространении Рапалльского договора на другие советские республики [4, с. 48].

Современные отечественные исследователи активно изучают белорусский вопрос в контексте советско-германских отношений рапалльского периода. Д.А. Мигун отмечает, что интересы Беларуси в Рапалльском договоре не учитывались, так как Беларусь, как наиболее пострадавшая от событий Первой мировой войны, ничего не получала в качестве компенсации от Германии. В тоже время, благодаря рапалльской политике Германия официально признала БССР, что позволило вывести на новый уровень белорусско-германские отношения [3, с. 50]. По условиям соглашения от 5 ноября 1922 г. о распространении условий Рапалльского договора на союзные с РСФСР советские республики, отмечают исследователи, БССР получила право создать в Германии свои торговые бюро, белорусские граждане уравнивались с гражданами РСФСР в плане защиты их прав в Германии. Советская Беларусь обязывалась воздерживаться от антиправительственной пропаганды в Германии [9, с. 43], [11, с. 65]. По дополнительному договору, отмечает Д.А. Мигун, граждане, прибывающие на территорию другой стороны, пользуются правовой охраной их личности в соответствии с международным правом и законами того государства, в которое они прибывают. Благодаря приграничному положению БССР с Западной Европой и прохождению транзитного пути для торговых отношений СССР с Западной Европой, белорусскому руководству Москва разрешила иметь собственного торгового представителя в Германии [12, с. 15], [5, с. 6].

Белорусские историки делают вывод, что в 1920-е гг. успешно развивались торговые, научно-технические и культурные связи между БССР и Германией. Был установлен обмен между белорусским и немецким научными центрами. Развивались связи между спортсменами [13, с. 29], [5, с. 43–44]. В 1922–1923 гг. на экспорт из Беларуси вывозилось 20 наименований товаров. По темпам роста экспорта в Германию Беларусь вышла на одно из первых мест среди союзных республик. В 1925–1926 гг. экспорт белорусских товаров превышал импорт в 4 раза, что было характерной чертой внешней торговли БССР [5, с. 45].

Не менее важным моментом в советско-германских отношениях были культурные связи между Советской Россией и Германией. В.А. Космач называет четыре фактора, которые сыграли решающую роль в активном сотрудничестве Германии с СССР в культурной сфере в 1917–1932 гг.: во-первых, стремление Германии выйти из международной изоляции во внешней культурной политике; во-вторых, активное культурное сотрудничество с Советской Россией могло быть фоном для военного сотрудничества с советским руководством в обход Версаля; в-третьих, с помощью культурных связей Германия популяризировала немецкий образ жизни и собирала информацию о советском государстве, используя шпионаж; в-четвертых, через культурную политику немецкие власти боролись с большевизмом, чтобы вернуть Германию в Европу в число демократических государств [6, с. 141]. Наибольшего развития научно-технические связи достигли в 1922–1932 гг., акцентируют внимание историки. Советские и немецкие ученые провели ряд совместных исследований почти во всех областях науки. Между Советской Россией и Германией велся обмен научной информацией и специалистами в разных сферах науки и техники. Наиболее распространенными формами советско-германского культурного сотрудничества были: участие в выставках и ярмарках, книгообмен, совместные научные эксперименты и экспедиции, проведение недель различных наук и др. [5, с. 71], [14, с. 213–214].

Советско-германские отношения в условиях рурского кризиса рассматриваются Н.Н. Мезгой. Он акцентирует внимание на том, что советское руководство поддержало Германию во время оккупации Рурской области. Автор объясняет позицию Советской России тем, что она старалась сохранить своего единственного союзника в Европе, чтобы не оказаться в полной международной изоляции. Советское руководство понимало, что в случае подчинения Германии французскому влиянию, возникала угроза создания единого блока капиталистических государств против СССР. Поэтому в сложившейся ситуации советское государство оказывало поддержку Германии [4, с. 64]. Автор, анализируя события рурского кризиса, приходит к выводу, что, несмотря на тесное сотрудничество с Германией, в 1923 г. советское руководство готовило социалистическую революцию в Германии [4, с. 98].

Среди современных белорусских историков распространено мнение, что события осени 1923 г. в Германии существенно повлияли на развитие советско-германских отношений. Г.А. Космач отмечал, что немецкая экономика была в кризисном состоянии, государство было на грани полного банкротства. В связи с этим, немецкое руководство решило использовать внеэкономическое принуждение и иностранные займы, чтобы выйти из кризиса. Страны Запада оказали значительную помощь Германии путем реализации плана Дауэса, который был ей выгоден. После принятия этого плана германская экономика стала быстро восстанавливаться, указывал Г.А. Космач [15, с. 54–55]. Н.Н. Мезга в своем исследовании показывает, что в конце 1923 г. Германия стремится к сближению с Западом, чтобы пересмотреть итоги Первой мировой войны. Автор отмечает, что принятие плана Дауэса, намерение Германии вступить в Лигу Наций вызывало беспокойство советского руководства относительно сохранения курса Рапалло в советско-германских отношениях [4, с. 106, 108].

Следующим важным фактором, повлиявшим на развитие отношений между СССР и Германией, стали подготовка и подписание Гарантийного Рейнского пакта. Подготовка Гарантийного пакта, считает Н.Н. Мезга, вызвала кризис рапальской политики в советско-германских отношениях в начале 1925 г. Германия с помощью этого пакта хотела обеспечить неприкосновенность германо-французской и германо-бельгийской границ, а советское руководство расценило этот факт как создание антисоветского фронта капиталистических государств, прежде всего усилиями Англии [16, с. 60]. Н.Н. Мезга отмечает, что через заключение Гарантийного пакта «Германия стремилась уравновесить свои отношения с Востоком и Западом». Он подчеркивает, что в основе советско-германского сотрудничества лежало стремление оттеснить Польшу к ее

этническим границам. Поэтому в условиях сближения Германии с Западом СССР был заинтересован в сохранении напряженности в польско-германских отношениях, что являлось гарантией сохранения рапалльского курса в советско-германских отношениях [16, с. 62–63].

Н.Н. Мезга отмечает, что подписание Локарнских соглашений создало новую ситуацию в Европе. Поменялась расстановка сил среди европейских держав. Ведущей державой в Европе вместо Франции стала Англия. Германия в Локарно была уже равноправным партнером стран Антанты. Подписание Локарнских соглашений вызывало беспокойство в советском руководстве, так как оно опасалось вовлечения Германии в антисоветский фронт. Советская сторона пыталась нейтрализовать антисоветскую направленность Локарнских соглашений заключением торгового и политического договоров с Германией. В Локарно Германия добилась права самостоятельно трактовать статью 16 Устава Лиги Наций, т. е. самой определять меру собственного участия в санкциях против агрессора. Это позволило Германии, вступая в Лигу Наций, продолжать рапалльскую политику, не идти на разрыв с СССР [4, с. 163, 165], [16, с. 61].

Д.А. Мигун, характеризуя советско-германский торговый договор от 12 октября 1925 г., отметил, что в его основу легли принципы Рапалльского договора, «нашедшие применение в экономической области» [3, с. 57]. Договор регулировал экономические отношения обоих государств. Для Советского Союза было важно согласие немецкого руководства на предоставление «кредита в размере 100 млн. марок для финансирования советских заказов в Германии» [3, с. 58], [5, с. 39]. После подписания торгового договора между СССР и Германией, отмечает автор, в Берлине открылось торговое представительство БССР (Белвнешторг), благодаря чему Германия стала основным внешнеполитическим торговым партнером Беларуси. Промышленные предприятия обоих государств активизировали свою деятельность для закупки необходимых товаров для своих организаций [3, с. 63–64].

Н.Н. Мезга указывает, что к заключению советско-германского торгового договора Германию побудило несколько причин. Во-первых, воспрепятствовать улучшению советско-польских отношений, чтобы оставить актуальной тему ревизии польских границ вместе с СССР. Во-вторых, стремление использовать договор как средство давления на Запад, чтобы вступить в Лигу Наций на германских условиях. В-третьих, подписание торгового договора с Советским Союзом показало стремление Германии к сохранению курса Рапалло [4, с. 163–164].

В современной белорусской историографии в качестве важнейшего элемента рапалльской политики признается военное сотрудничество между СССР и Германией. В.А. Космач акцентирует внимание на том, что разоружение Германии в соответствии с Версальским договором и слабость военно-оборонительных возможностей Советской России способствовали военному сотрудничеству обоих государств. На протяжении всего рапалльского периода Германия в обход Версаля стремилась возрождать свой военный потенциал, в том числе используя для этого и территорию СССР, отмечает автор. Сотрудничество Красной Армии и рейхсвера включало самые разнообразные формы: совместные маневры и полевые учения, обмен визитами командного состава, академические курсы и др. [5, с. 77–78], [6, с. 40].

Белорусские исследователи отмечают, что в соответствии с тайными советско-германскими соглашениями рейхсвер получил право создавать на советской территории военные объекты для проведения испытаний вооружений, обучения личного состава [17, с. 39]. В СССР были организованы школы по обучению немецких офицеров, проводились испытания нового вооружения. Советско-германские военно-промышленные предприятия на советской территории маскировались под концессии. На этих предприятиях производили самолеты, боеприпасы и отравляющие вещества. Было открыто три военные школы рейхсвера на территории Советской России: военно-воздушный центр в Липецке, школа химической войны под Саратовом, бронетанковая школа в Казани. На содержание военных школ Германия выделяла огромные суммы, и школы имели важное значение для строительства вооруженных сил Германии. В.А. Космач отмечает, что без Липецка Гитлеру понадобилось бы еще десять лет, чтобы создать современную авиацию [6, с. 71–72].

Высшей точкой в развитии рапалльской политики еще советская историография определила подписание Берлинского договора о нейтралитете. В.А. Космач констатирует, что интересы Германии заставили ее правительство подтвердить рапалльский курс, поэтому 24 апреля 1926 г. министр иностранных дел Германии Г. Штресеман и советский посол Н. Крестинский подписали в

Берлине договор о ненападении и нейтралитете. Автор отмечает, что Берлинский договор продолжил рапалльскую политику и улучшил экономическое советско-германское сотрудничество [5, с. 40]. Германия выделила кредит советскому государству на сумму 300 млн. марок. Большая часть этих средств была использована советским руководством для закупок в Германии оборудования и станков для промышленности. Увеличился также советский экспорт в Германию, главными товарами которого были хлебопродукты, мясо, яйца, нефтепродукты, лесоматериалы и пушнина. В 1926 г. на эти товары приходилось более 91 % всего импорта Германии из СССР [6, с. 41].

Берлинский договор стал политической платформой для дальнейшего тесного сотрудничества двух государств, отмечают историки. Н.Н. Мезга подчеркивает, что подписание Берлинского договора о нейтралитете имело важное значение для СССР, так как согласно ему Германия оставляла за собой право не участвовать в санкциях Лиги Наций против СССР [4, с. 185]. Названный автор акцентирует внимание на том, что Германия соглашалась войти в состав Лиги Наций при условии предоставления ей постоянного места в Совете Лиги. Советская Россия опасалась, что это приведет к сворачиванию рапалльской политики, так как Германия будет в составе враждебной СССР группировки. Советское руководство, чтобы сохранить рапалльскую политику, делает акцент на антипольскую направленность советско-германского сотрудничества, отмечает Н.Н. Мезга. Данная позиция стала важнейшим фактором сохранения советско-германских отношений в духе Рапалло и содействовала подписанию Берлинского договора [4, с. 122–123].

Белорусская постсоветская историография не обходит вниманием и проблемы, противоречия, существовавшие в советско-германских отношениях в период Рапалло. В.А. Космач отмечает, что налаживание экономического советско-германского сотрудничества было сложным и противоречивым процессом. В германских правящих кругах делались попытки выдвигать неприемлемые условия, которые тормозили советско-германские отношения. С одной стороны, Германия опасалась, что страны Антанты вытеснят немецкие фирмы с российского рынка. А с другой стороны, немецкие предприниматели хотели устранить советскую монополию внешней торговли, так как желали неограниченных прав выхода на рынок Советского государства. В свою очередь, советское руководство оказывало «идеологический прессинг против капиталистического Запада», что постоянно осложняло советско-германское экономическое и техническое, культурное сотрудничество. Несмотря на существовавшие советско-германские противоречия, отношения между Советской Россией и Германией продолжали развиваться. Уже в 1923 г. немецкие предприниматели имели на территории СССР 16 концессий в торговле и транспорте, 20 – в легкой промышленности. В 1924 г. немецкие фирмы занимали первое место в торговом обороте СССР [5, с. 38]. В.А. Космач отмечает, что правящие круги Германии на протяжении всего рапалльского периода также вели идеологическую борьбу против СССР, особенно в области внешней культурной политики. Автор делает вывод, что немецкое руководство налаживало экономические связи с РСФСР для того, чтобы в России восстановить капитализм [6, с. 41]. Н.Н. Мезга также указывает на негативное влияние идеологического аспекта на советско-германские отношения периода Рапалло. Он отмечает, что Москва, с одной стороны, поддерживала фактически союзные отношения с германским правительством, а с другой – оказывала поддержку коммунистам Германии в их антигосударственной деятельности [4, с. 106].

В целом, современная белорусская историография при исследовании рапалльской политики в советско-германских отношениях исходит из ее антиверсальской направленности. Стремление Советской России и Германии добиться ревизии Версаля, преодолеть международную изоляцию, считают современные белорусские историки, привело к заключению Рапалльского договора. Для обеих сторон он был способом решения целого комплекса международных проблем послевоенного восстановления и развития. Особый акцент делается на важность экономического сотрудничества двух стран. Для белорусских исследований рубежа 20–21 веков характерно сохранение определенных традиций советской историографии с одновременным расширением международного контекста при исследовании рапалльской политики. Признается наличие ревизионистских устремлений по отношению к той же Польше в рамках рапалльского курса не только со стороны Германии, но и СССР. Антиверсальский и антипольский факторы представляются в современной историографии как наиболее важные в определении политики сотрудничества между СССР и Германией. Важным направлением исследований стало изучение места Беларуси в общей системе германо-советских отношений,

конкретизация этапов, основных направлений и форм германо-белорусского сотрудничества. Новым направлением исследований стало изучение военного сотрудничества между СССР и Германией. Исследователями отмечается противоречивый и неоднозначный характер советско-германских отношений в период Рапалло. На наш взгляд, наиболее важными направлениями дальнейшего исследования для белорусских историков должны стать проблема советско-германские отношения в период Рапалло и Беларусь, такие вопросы, как противоречия рапалльской политики, позиция различных партий Германии и политических деятелей и социальных групп двух стран относительно тех или иных аспектов рапалльской политики.

Литература

1. Космач, Г.А. Состояние и проблемы белорусской германистики на современном этапе / Г.А. Космач // Рапалльская политика: истоки, традиции и современность : тезисы докладов и сообщений участников научного семинара, Минск, 26–27 мая 1992 г. – Мн. : Изд. МГПИ им. А.М. Горького, 1992. – С. 3–6.
2. Елисеев, М.Г. Новая и новейшая история Германии в трудах белорусских исследователей (20–30-е годы XX в.) / М.Г. Елисеев, О.Г. Радькова // Гістарычная навука і гістарычная адукацыя ў Рэспубліцы Беларусь: новыя канцэпцыі і падыходы: у 2 ч. – Мн. : Універсітэцкае, 1995. – Ч. 2. – С. 149–157.
3. Мигун, Д.А. Беларусь в германо-советских отношениях (ноябрь 1918 – июнь 1941 гг.) / Д.А. Мигун. – Мн. : Изд. Центр БГУ, 2013. – 303 с.
4. Мезга, Н.Н. В тисках Рапалло: германский фактор в польско-советских отношениях 1921–1926 годов / Н.Н. Мезга. – Гомель : УО «ГГУ им. Ф. Скорины», 2010. – 195 с.
5. Космач, В.А. Советская Беларусь и Германия в 1917–1932 гг.: кампания солидарности, торговля, культурный обмен (уроки истории для современности) / В.А. Космач, Д.В. Романовский. – Витебск : Изд-во ВГУ им. П.М. Машерова, 2001. – 155 с.
6. Космач, В.А. До и после Рапалло / В.А. Космач. – Витебск : Изд-во ВГУ им. П.М. Машерова», 2003. – 178 с.
7. Марціновіч, Д.А. Вільгельм Кнорын і праблемы Германіі / Д.А. Марціновіч // Беларусь і Германія: гісторыя і сучаснасць : матэрыялы Міжнароднай навуковай канферэнцыі. – Мн., 2010. – С. 185–200.
8. Шумский, Ф.А. От Генуи к Рапалло – трудный путь выхода советского государства из международной изоляции / Ф.А. Шумский // Беларусь і Германія: гісторыя і сучаснасць : матэрыялы Міжнароднай навуковай канферэнцыі. – Мінск, 2012. – С. 152–159.
9. Тихомиров, А.В. Проблемы белорусско-германских отношений в 1914–1922 гг. / А.В. Тихомиров // Белорусский журнал международного права и международных отношений. – 2002. – № 4. – С. 36–44.
10. Лазько, Р.Р. Перад патопама (Еўрапейская палітыка Польшчы. 1932–1939 гг.) / Р.Р. Лазько. – Мн. : БДУ, 2000. – 354 с.
11. Снапкоўскі, У.Е. Аб пашырэнні Рапальскага дагавора паміж РСФСР і Германіяй на іншыя савецкія рэспублікі / У.Е. Снапкоўскі // Беларусь і Германія: гісторыя і сучаснасць : матэрыялы Міжнароднай навуковай канферэнцыі. – Мн., 2009 – С. 65–70.
12. Мигун, Д.А. Политика Германии в отношении Беларуси (1914–1922 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.03 / Д.А. Мигун. – Мн. : БГУ, 2001. – 20 с.
13. Ганшевская, И.А. Белорусско-германские экономические, научно-технические и культурные связи в 20-е годы XX века / И.А. Ганшевская // Рапалльская политика: истоки, традиции и современность : тезисы докладов и сообщений участников научного семинара, Минск, 26–27 мая 1992 г. – Мн. : Изд. МГПИ им. А.М. Горького, 1992. – С. 28–30.
14. Саракавік, І.А. Беларуска-германскія навуковыя сувязі (1920-я – пачатак 1930-я гг.) / І.А. Саракавік // Беларусь і Германія: гісторыя і сучаснасць : матэрыялы Міжнароднай навуковай канферэнцыі. – Мн., 2017. – С. 212–216.
15. Космач, Г.А. Рабочий вопрос в политике правящих партий Веймарской Германии в 1924–1929 годах / Г.А. Космач. – Мн. : Борисовская укрупненная типография им. 1 Мая, 2003. – 329 с.
16. Мезга, Н.Н. Советско-германские отношения в условиях подготовки Рейнского гарантийного пакта / Н.Н. Мезга // Современная научная мысль. – 2015. – № 4. – С. 59–67.
17. Дешко, И.Ф. К вопросу о военных отношениях между Германией и СССР (1920–1933 гг.) / И.Ф. Дешко // Рапалльская политика: истоки, традиции и современность: тезисы докладов и сообщений участников научного семинара, Минск, 26–27 мая 1992 г. – Мн. : Изд. МГПИ им. А.М. Горького, 1992. – С. 38–40.

УДК 656.8(091)(476)

Профессиональная подготовка почтово-телеграфных служащих на территории Беларуси в конце XIX – начале XX века

С.О. Сидорова

Статья посвящена вопросам профессиональной подготовки почтово-телеграфных служащих на территории Беларуси в конце XIX – начале XX вв. В статье отмечается, что после почтово-телеграфной реформы 1884–1885 гг. Низкий уровень профессионального образования служащих почты и телеграфа не устраивал правительство. Однако первые действенные шаги в направлении организации постоянных курсов и специальных школ по подготовке чиновников почтово-телеграфного ведомства стали предприниматься только в конце XIX – начале XX вв.

Ключевые слова: почтово-телеграфный округ, почтово-телеграфная школа, служащие связи, профессиональная подготовка, обучение.

The article is devoted to the training of postal and telegraphs employees on the territory of Belarus in the late XIX – early XX centuries. It is noted that after the postal and telegraph reforms of 1884–1885 the requirements for professional skills and knowledge of employees of communication institutions increased, and training at local institutions lagged behind. The low level of professional education of postal and telegraph employees did not suit the government. However, the first effective steps towards the organization of permanent courses and special schools for the training of officials of the postal and Telegraph Department began to be taken only in the late XIX – early XX centuries.

Keywords: postal telegraph district, postal and telegraph school, communication officers, training, training.

В конце XIX – начале XX вв. существенным условием успешного функционирования ведомства связи являлись хорошо подготовленные кадры. От профессионального и высококвалифицированного персонала учреждений связи зависела скорость и качество обмена информацией. Однако отсутствие опыта в организации обучения связистов и недостаточное финансирование со стороны правительства тормозили развитие профессиональной подготовки специалистов для почтово-телеграфного ведомства.

В некоторой степени вопросу профессиональной подготовки почтово-телеграфных служащих Российской империи уделили внимание в своих работах по истории развития и деятельности почтово-телеграфной связи К. Базилевич, А. Стеткевич, М. Псурцев и др. Однако профессиональная подготовка чинов почтово-телеграфного ведомства на территории Беларуси еще не стала предметом отдельного исследования в отечественной историографии. Исходя из актуальности данной темы с опорой на архивные источники и литературу, в статье раскрыты и проанализированы некоторые аспекты профессиональной подготовки служащих связи на территории Беларуси в конце XIX – начале XX вв.

Реформа почтово-телеграфного дела 1884–1885 гг. привела к созданию окружной системы управления отраслью и объединению почтовых и телеграфных учреждений. Территория белорусских губерний вошла в состав четырех почтово-телеграфных округов (далее – ПТО): Виленский (Виленская губерния), Гродненский (Гродненская губерния), Минский (Минская и Могилевская губернии) и Смоленский (Витебская губерния). С самого начала деятельности объединенного почтово-телеграфного ведомства перед ним встал вопрос комплектации учреждений квалифицированными кадрами, так как новые условия работы требовали от почтово-телеграфных работников освоения широкого круга обязанностей, что повышало требования к подготовке служащих связи [1, с. 8].

В первую очередь началась переподготовка начальников учреждений почтово-телеграфных контор и отделений, которые впоследствии сами должны были координировать переквалификацию своих подчиненных. Помимо переподготовки кадров, почтово-телеграфное ведомство занималось подготовкой кандидатов на вакантные должности в учреждениях связи. Целью обучения почтово-телеграфному делу являлось не только комплектование кадров почтово-телеграфных учреждений, но и создание запаса чиновников почто-

во-телеграфного ведомства на время военных действий. В крупных губернских почтово-телеграфных конторах действовали школы почтово-телеграфных чиновников V и VI разрядов и надсмотрщиков, а также курсы иностранных языков для служащих [2, с. 216].

Желающие вступить в должности чиновников почтово-телеграфного ведомства подавали специальные прошения начальнику почтово-телеграфного округа с предоставлением всех необходимых для поступления на службу документов. После чего они определялись в местные почтово-телеграфные школы. Ученикам на должность почтово-телеграфного чиновника устанавливался образовательный ценз не ниже городского или уездного училища, или полных четырех классов гимназии, реального училища или прогимназии. В ученики почтово-телеграфных школ зачастую поступали выходцы из крестьян, мещан, дети церковных служителей, «люди бедные, живущие исключительно на получаемое ученическое содержание». В число учеников школы могли быть приняты женщины не моложе 17 и не старше 25 лет, окончившие курсы женских институтов или гимназий [3, л. 12].

В почтово-телеграфных школах набор учеников проходил два раза в год: зимой и летом, занятия длились в среднем по пять месяцев с перерывом на каникулы. Набор на занятия в школах объявлялся в газетах заблаговременно. В случае необходимости руководство почтово-телеграфного округа специальным распоряжением могло приостановить набор в школы. В среднем на курсе обучалось от 20 до 35 человек, обучение в школе было бесплатным.

В школах преподавались основы почтового и телеграфного дела. Учебная программа давала основные знания, которые в дальнейшем могли пригодиться в практической работе. Помимо специальных предметов преподавались и общие предметы: закон божий, арифметика и т. д., для которых приглашались преподаватели из местных учебных заведений. На еженедельную учебную нагрузку на курсах влияла сложность изучения технического аспекта телеграфного дела и важность иностранных языков для конкретной местности. Поэтому часы распределялись следующим образом: на телеграфное дело – 44 % от общей нагрузки; на иностранные языки – 44 % и на почтовое дело – 12 % [4, л. 29].

В свободное от учебных занятий время ученики школы привлекались к исполнению служебных обязанностей в местной конторе и к практическим занятиям в мастерских при Управлении округов. Летом учащиеся школ переходили в распоряжение участковых механиков и выполняли работы по ремонту и постройке телеграфных линий и станций, за которое получали дополнительное жалование [5, с. 226].

Желающих поступить в школу заранее предупреждали о том, что «ни квартир, ни какого-либо денежного пособия» они получать не будут. Однако, во многом это зависело от конкретной местности и решения начальника округа. Так, в Виленской почтово-телеграфной школе содержание ученикам на должность почтово-телеграфных чиновников V разряда платили в размере 12 руб. в месяц, VI разряда и надсмотрщиков – по 8 руб. в месяц. Стипендия присваивалась тем, кто «проявлял успешность» и не ранее чем через 3 месяца со дня поступления в школу. Женщинам, изучающим почтово-телеграфное дело, стипендия не полагалась. Учащиеся школы проживали в жилых помещениях при Виленской почтово-телеграфной конторе. По мнению руководства, это было необходимо для постоянного наблюдения за жизнью учеников вне школы, для строгой дисциплины и воспитания у учащихся нравственных принципов [6, л. 61–66].

По окончании изучения почтово-телеграфного дела учащиеся сдавали экзамены по следующим дисциплинам: почтовое дело, правила телеграфной корреспонденции и технические навыки. 25 декабря 1884 г. Главное Управление почт и телеграфов утвердило программу для сдачи экзаменов лицам, вступающим на должности почтово-телеграфных чиновников. Согласно программе для телеграфистов испытания проводились по приему телеграмм на русском и иностранном языках (французском и немецком). Учитывалось число ошибок, время, затраченное на расшифровку, средний объем передаваемых и принимаемых двадцатисловных телеграмм в час. Экзаменационная комиссия под председательством начальника округа состояла из преподавателей, чиновника особых поручений и одного из механиков, получивших высшее образование. Пытаясь максимально ослабить субъективный фактор во время экзамена, начальник Главного управления почт и телеграфов М. Севастьянов в 1911 г. приказал проводить экзамен при управлении округа или в соседних конторах [7, л. 16].

Так как теоретические и практические знания и навыки ученики получали непосредственно во время работы в учреждении под наблюдением опытного чиновника, который руко-

водил процессом обучения, данный подход тем не менее имел свои недостатки. Прежде всего, нехватка свободного времени не давала возможность чиновникам полноценно управлять обучением, а ученикам качественно и основательно изучить необходимый теоретический материал для удовлетворительной сдачи экзамена. Результатом чего становились низкие показатели успешности обучения учащихся. Так, начальник Минского почтово-телеграфного округа в 1893 г. давал указания начальникам вверенного ему округа об проведении предварительных экзаменов при конторах и только при их успешном прохождении присылать учащихся на экзамен в Управление округа, так как был недоволен их низкой подготовкой [8, л. 10].

Преподавателям почтово-телеграфных школ заработная плата зачастую не выплачивалась, однако определенным стимулом для руководителей обучения служило вознаграждение в размере 8 руб. за каждого успешно подготовленного ученика. Нестабильность во взглядах руководства ГУ-ПиТ о целесообразности вознаграждения труда кураторов обучения и экономические трудности вызывали последовательную отмену или восстановление данного вида материального поощрения, что также негативно влияло на результаты обучения, так как чиновники, руководившие обучением, помимо своей основной работы чаще всего были незаинтересованы в результатах обучения [9, с. 95].

Расходы почтово-телеграфного ведомства по организации школ для чинов ведомства чаще всего сводились к подготовке помещения для учебных занятий, покупке канцелярских принадлежностей, оплата труда приглашенных преподавателей общеобразовательных предметов и др. В частности, в 1898 г. на содержание для школы надсмотрщиков и курсов иностранных языков в Виленском почтово-телеграфном округе расходовалось 925 руб., в Гродненском, Минском и Смоленском вознаграждение для преподавателей почтово-телеграфных школы предусмотрено не было, поэтому расходы на школы были существенно меньше и выражались в следующих цифрах – 395, 440 и 575 руб. соответственно [10, л. 103].

Несмотря на то, что подготовка специалистов-связистов в губерниях Российской империи проводилась в соответствии с общими рекомендациями Главного управления почт и телеграфов, в каждом почтово-телеграфном округе имелись свои особенности. Так, в Виленском почтово-телеграфном округе почтово-телеграфная школа для подготовки чиновников V и VI разрядов и надсмотрщиков размещалась в трех комнатах здания Виленской почтово-телеграфной конторы. Учебный курс для чиновников VI разряда и надсмотрщиков составлял 8 месяцев, для почтово-телеграфных чиновников V разряда – полтора года. В связи с тем, что на территории округа проживало большое количество католиков, в школу зачастую были вынуждены принимать лиц без должного образовательного ценза, которые, как отмечало руководство округа, «не знали русскую грамоту, арифметику и географию». Из-за недостатка учеников православного вероисповедания начальник Управления Виленского ПТО приглашал в школу кандидатов на должности чиновников почтово-телеграфных учреждений представителей из соседних губерний: Минской, Могилевской, Черниговской, Смоленской и др. Однако из-за высокого уровня жизни и низких чиновничьих окладов в губернии желающих на службу в почтово-телеграфный округ привлечь было сложно [10, л. 61–67].

С 3 октября 1894 г. в Минском ПТО были открыты курсы изучения французского и немецкого языков. Программа курсов была предназначена для учащихся, которые подготавливались на должности чиновников V разряда. От окончивших курсы требовался перевод легких статей с иностранных языков на русский и обратно. Количество уроков составляло 6 раз в неделю с продолжительностью урока в 1 час. Курс длился полтора года с перерывом на летнее время. Специального помещения для курсов в Минске не было, а преподавание иностранных языков проводилось приглашенными учителями из местного реального училища с окладом по 200 руб. в год. До 1897 г. преподавание языков было организовано в помещении канцелярии округа, а позже – в одном из операционных комнат. Это было сделано «с целью уменьшить произвольную трату времени на отлучки в школу чинов конторы» [11, л. 32]. Наблюдение за порядком в школе было возложено на лучшего ученика. Посещение курсов контролировалось лично начальником округа.

В конце XIX в. в Минском и Смоленском ПТО не было специальных школ для подготовки на должность чиновников и надсмотрщиков, и подготовка проводилась под руководством местных начальников учреждений. В частности, начальник Минского ПТО отмечал, что знания чиновников, особенно замещаемых на должности надсмотрщиков, являются «крайне слабыми для правильного отправления службы» и просил Главное Управление почт и телеграфов выделить средства на организацию постоянной школы для подготовки кандидатов [6, л. 87–88].

Только в 1910 г., испытывая недостаток высококвалифицированных и опытных специалистов, руководство Минского почтово-телеграфного округа получило возможность открыть в Минске постоянное образовательное учреждение для чинов почтово-телеграфного ведомства. В частности, школа для служащих связи располагалась в доме № 46 на ул. Петропавловской (сейчас – ул. Энгельса). Договор о найме помещения для размещения школы с арендной платой в размере 350 руб. в год сроком на 8 лет (с 20 августа 1912 г. по 1 июня 1919 г.) был заключен между домовладельцами и начальником Минского ПТО Кормилициным. Заведовал школой некоторое время заведующий Минской Городской телефонной сетью И.И. Кузьмин [11, л. 3].

При управлении Гродненского ПТО в конце XIX в. существовали курсы французского и немецкого языков и школа для подготовки на должность надсмотрщиков. На должности почтово-телеграфных чиновников VI разряда в округе подготовку не проводили. Обучение на курсах надсмотрщиков длилось 2 года. Занятия проводились только в зимние месяцы, в летние – изучающие службу надсмотрщика командировались на ремонт и постройку телеграфных линий для практики. В основном состав учеников на должность надсмотрщиков в Гродненском ПТО формировался из почтальонов, из которых выбирали наиболее способных, здоровых и прослуживших на должности почтальона несколько лет. Особых помещений для преподавания не было, иностранные языки изучали в техническом отделении Управления округа, в часы свободные от занятий, а преподавание в школе для надсмотрщиков производилось в помещении мастерской Управления Округа в часы, свободные от работы. Также в Гродненской школе надсмотрщиков ежегодно подготавливалось не менее 10 почтальонов [6, л. 102–103].

Таким образом, руководство почтово-телеграфного ведомства, понимая важное значение подготовки высококвалифицированных служащих, в конце XIX – начале XX вв. стало больше внимания уделять профессиональному обучению кадров. На территории белорусских губерний, которые входили в состав почтово-телеграфных округов, организовывались постоянные школы почтово-телеграфных чиновников V–VI разрядов и надсмотрщиков, а также курсы иностранных языков для служащих ведомства. Несмотря на некоторые различия в сроках обучения, формах и методах преподавания и организации деятельности, школы работали по программам, установленным объединенным почтово-телеграфным ведомством и не менялись вплоть до 1917 г. Обучение, имея некоторые недостатки, обеспечивало подготовку кандидатов на вакантные должности и переподготовку чиновников, увеличивая их потенциальную возможность для карьерного роста.

Литература

1. Министерство внутренних дел. Исторический очерк. Приложение второе. Почта и телеграф в XIX столетии. – СПб. : Типография министерства внутренних дел, 1901. – 248 с.
2. Базилевич, К. Основные моменты профдвижения работников связи в 1905–1906 годах / К. Базилевич. – М. : НКПиТ, 1926. – 616 с.
3. Об открытии курсов для изучения почтово-телеграфного дела // Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). – Фонд 2619. – Оп. 1. – Д. 10.
4. Подготовка учеников на знание должностей // НИАБ. – Фонд 2619. – Оп. 1. – Д. 17.
5. Циркуляры начальника почтово-телеграфного округа по вопросам деятельности почтово-телеграфных учреждений // НИАБ. – Фонд 448. – Оп. 1. – Д. 7.
6. О подготовке чинов в почтово-телеграфных школах // Российский государственный исторический архив (РГИА). – Фонд 1289. – Оп. 3. – Д. 719.
7. Циркуляры ГУПТ и переписка с начальниками почтово-телеграфных контор и отделений // НИАБ. – Фонд 448. – Оп. 1. – Д. 2.
8. Циркуляры начальника округа с предписаниями и разъяснениями начальников // НИАБ. – Фонд 3073. – Оп. 1. – Д. 5.
9. Стеткевич, А.С. Почта и телеграф в царствование императора Александра III / А.С. Стеткевич. – СПб. : тип. М-ва вн. дел, 1901. – 80 с.
10. О почтово-телеграфных школах // РГИА. – Фонд 1289. – Оп. 3. – Д. 702.
11. О найме помещения для школы надсмотрщиков и чиновников // НИАБ. – Фонд 449. – Оп. 1. – Д. 10.

Специфика налогообложения на оккупированной территории Гомельщины в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.)

Л.С. СКРЯБИНА

Анализируется специфика налоговой политики оккупационных властей на территории Гомельщины в условиях военной действительности (1941–1944 гг.). На основе выявленной в Государственном архиве Гомельской области (ГАГО) обширной базы архивных источников рассматриваются основные денежные налоги и сборы, выплачиваемые населением, предприятиями, учреждениями и организациями. Автор констатирует саботаж налоговой политики жителями Гомельщины.

Ключевые слова: Гомельщина, зона армейского тыла группы армий «Центр», Рейхскомиссариат «Украина», социально-экономическая политика, система налогообложения, налог с оборота, подоходный налог, промышленный налог, налог со строений, земельный налог, наемная пошлина, подушный налог, налог на собак, сборы и взносы, налоговый отдел районных управ, текущий счет «Митте».

The specific of the tax policy of the occupation authorities on the territory of the Gomel region in the circumstances of military reality (1941–1944) is analyzed. The main cash taxes and fees paid by the population, enterprises, institutions and organizations are considered on the database of archival sources identified at the State Archive of the Gomel Region (GAGO). The author notes the sabotage of tax policy by the residents of the Gomel region.

Keywords: Gomel region, rear zone of the Army Group «Center», Reich Commissariat «Ukraine», social and economic policy, taxation system, turnover tax, income tax, industrial tax, building tax, land tax, salary duty, poll tax, dog tax, fees and charges, tax department of district governments, «Mitte» current account.

В социально-экономической политике немецкие оккупационные власти в Беларуси значительное внимание уделяли системе налогообложения. В соответствии с принятыми ими документами система налогообложения делилась на натуральные поставки, а также на денежные налоги и сборы.

В рамках исследования оккупационной экономической политики традиционно уделялось основное внимание натуральным поставкам. В то же время гражданское население, промышленные предприятия, учреждения и организации платили множество налогов, без рассмотрения которых нельзя говорить о целостном восприятии налоговой политики оккупационных властей. В данной статье автор акцентирует внимание на денежной системе налогообложения, действующей на оккупированной территории Гомельщины. Возможность для объективного изучения вышеназванной проблемы дают нам трофейные документальные материалы, выявленные в Государственном архиве Гомельской области. В них содержится много сведений о том, какие денежные налоги удерживались с населения и предприятий.

В налоговой сфере немецкое законодательство фактически дублировало советское. Об этом, в частности, читаем в распоряжении гебитскомиссара Украины от 23 марта 1942 г.: «Взимание налогов и других денежных пошлин осуществлять по советским постановлениям» [1, л. 40]. Однако имели место и некоторые отличия, о чем пойдет речь далее.

Внимательный анализ распоряжения коменданта г. Гомеля от 26 марта 1942 г. показывает, что до 1 апреля 1942 г. на территории оккупированных районов, входящих в область тыла группы армий «Центр», действовали два основных постановления, изданных командующим тылом группы армий «Центр»: «О порядке взимания налогов и сборов» от 23 октября 1941 г. и «О взимании социально-страховых взносов» от 19 ноября 1941 г. 18 февраля 1942 г. оккупационные власти издали новое постановление «О временном взимании налогов», которое вступило в силу с 1 апреля 1942 г. и отменило все ранее изданные распоряжения и предписания, кроме распоряжения от 23 октября 1941 г. К 1942 г. была выработана система налогообложения и на территории рейхскомиссариата «Украина». Так, 23 марта 1942 г. было принято временное постановление «О взимании налогов и пошлин в областях, подчиненных рейхскомиссару Украины». В этих документах содержались конкретные указания о порядке удержания различных налогов, сборов и пошлин, а также распределения доходов от их поступления.

Так какие же денежные налоги взыскивались с граждан и предприятий оккупированной территории Гомельщины? Обратимся, в этой связи, к вышеупомянутому документу от 18 февраля 1942 г. В нем определялись следующие виды налогов: государственные, общинные налоги, сборы и взносы, и социально-страховые налоги, сборы и взносы на социально-страховые взносы. К государственным налогам относились: налог с товарного оборота, налог с нетоварного оборота, налог с заработной платы, налог с заработков самостоятельного труда. В каких же размерах взымались вышеуказанные налоги? Предприятия платили налог с товарного оборота по продаже промышленных товаров, размеры которого предусматривались по каждой группе товаров и колебались от 1 до 30 % от дохода. Например, по группе ткацко-прядильных изделий были установлены следующие тарифы для налога с оборота по их продаже: ткацко-прядильное сырье – 1 %; ткани, за исключением ткани из пеньки и бумаги, – 30 %; вязанные и тканые изделия – 30 % [2, л. 8]. Кроме того, предприятия платили налог с оборота, осуществляя другую деятельность, связанную с нетоварными торговыми операциями. К таким операциям относились: производство изделий из материалов заказчика, ремонт изделий, автомобильного и гужевого транспорта, работа фотоателье, парикмахерских, прачечных, а также другая деятельность, связанная с оказанием услуг. Налог взыскивался со всего валового дохода по следующим ставкам: для автомобильного и гужевого транспорта – 5 % со ста; для всяких других работ и услуг – 10 % со ста [1, л. 40]. Для предприятий, находящихся в частной собственности, налог с оборота по продаже товаров составлял 10 % от полученного дохода [3, л. 52].

Одним из обязательных налогов являлся единый подоходный налог, введенный еще в октябре 1941 г. в соответствии с распоряжением хозяйственного штаба «Ост», который взымался в размере 10 % от дохода при каждой выплате заработной платы. Подоходному налогу подлежали все граждане, имеющие доход, не обложенный сельскохозяйственным налогом. От уплаты этого налога освобождались только те граждане, доходы которых не превышали 150 руб. в месяц. Духовные лица также платили подоходный налог. При этом учитывался их оклад и натуральные доходы, перерасчет которых осуществлялся по розничным ценам со скидкой 10 %. Церкви же налоговому обложению не подлежали. Граждане, получающие доход не будучи рабочими или служащими учреждений, организаций, предприятий, обязаны были сами вносить в кассу районной управы определенную сумму налога не позднее 5 числа за каждый истекший месяц [4, с. 317]. Ремесленники, лица свободных профессий, не состоящие в кооперативах, обязаны были платить промышленный налог, который составлял 50 % подоходного налога [4, с. 318].

Взимание подоходного и промышленного налога с ремесленников, которые не могли указать размеры своего дохода из-за отсутствия книг учета, осуществлялось в соответствии с классностью предприятия. Предприятия же делились на три класса в зависимости, как указывается в одном из документов, «от рода и размера предприятия». Для каждой группы устанавливались максимальные и минимальные ставки доходов в месяц. Так, максимальная ставка предприятий I класса составляла 800 руб., минимальная – 601 руб.; соответственно II класса – 600 и 451; III класса – 450 и 151 руб. [3, л. 30].

Анализируя далее налоговую систему, необходимо отметить, что к категории общинных налогов относился налог со строений. Он являлся обязательным и включался в смету налоговых отделов районных управ. Этот налог должны были платить все лица, обладающие в городе строением по праву владения либо по праву собственности. Налог со строений взымался в размере 1,1 % от его стоимости. Постройки сельскохозяйственного назначения, к которым относились дома крестьян, а также здания общественного назначения, этим налогом не облагались [4, с. 318].

Кроме налога со строений в эту группу входил также земельный налог или земельная рента, которая взымалась со всех лиц, обладающих городской землей по праву собственности или пользования. Стоит отметить, что имелись региональные отличия в размерах уплаты земельной ренты. В частности, в тыловой зоне армий «Центр» она взыскивалась в размере 20 коп. с застроенных участков, а с незастроенных – 5 коп. за 1 кв. м [4, с. 318], а на территории, включенной в рейхскомиссариат «Украина», – 0,96 коп. за 1 кв. м [3, л. 51].

Лица немецкого происхождения освобождались от уплаты земельного, промышленного налога и налога со строений. Напротив, налог с оборота они должны были платить [3, л. 26].

Анализ архивных документальных материалов показывает, что оккупационные власти изменили взимание наемной пошлины, которую должны были платить лица, арендующие жилые помещения, а также использующие промышленные помещения в государственных зданиях. Если в довоенное советское время величина пошлины на арендованное жилье зависела от доходов, то уже с весны 1942 г. – от количества квадратных метров жилой площади. Ее месячный размер составлял для жилых помещений с водопроводом и канализацией – 1,10 руб.; без вышеуказанных характеристик – 1,00 руб.; для подвальных и чердачных – 0,90 руб.; для помещений с проходными комнатами и без окон – 0,80 руб. за 1 кв. м [4, с. 318]. При использовании промышленных помещений, лежащих на путях сообщения, наемная пошлина бралась в размере 2,00 руб., а не находящихся на путях сообщения – 1,50 руб. за 1 кв. м. Как подчеркивалось в одном из немецких документов, «вышеприведенные пошлины представляют наименьшие ставки... поскольку таковые по советскому праву выше настоящих» [1, л. 39].

Несмотря на то, что на самом деле существовали те же самые налоги, что в довоенное советское время, весной 1942 г. были отменены налоги, удерживаемые ранее с крестьян или хозяйств тех районов, которые входили в рейхскомиссариат «Украина». Вместо них вводился «единый налог», не превышающий в 1942 г. в среднем 150 руб. на крестьянское хозяйство или 40 руб. на человека. Этот налог устанавливался для каждой волости районным бургомистром, а волостной бургомистр распределял его между крестьянами и хозяйствами. При установлении размеров данного налога обращалось внимание на личные обстоятельства плательщика: количество работающих членов семьи, количество детей, лошадей, скота, военный ущерб и др. Средства, поступающие от уплаты этого налога, направлялись на покрытие издержек волостных управ по содержанию служб поддержания порядка, пожарной команды, школ и т. д. [3, л. 45], [4, с. 318].

С населения в возрасте от 13 до 65 лет, проживающего в районах, включенных в тыловую зону группы армий «Центр», взимался подушный налог в размере 100 руб. в год. От уплаты этого налога освобождались лица, имеющие заработок менее 200 руб. в месяц, а также учащиеся и лица, физически нетрудоспособные или нуждающиеся в опеке, полицейские. Лица, уклоняющиеся от уплаты подушного налога, наказывались повышением такового на 10 % [2, л. 6], [4, с. 318]. Кроме того, крестьяне, которые вели хозяйство на земле, обязаны были платить земельный налог, величина которого зависела от качества земли. Так, с каждого гектара «хорошей» земли бралось 80 руб., «средней» – 50, «плохой» – 20 руб. в год [4, с. 318]. Огороды же городских жителей площадью 1/10 гектара освобождались от налогов, т. е. выращенные плоды использовались исключительно на их личные нужды [3, л. 45].

Что касается сборов и взносов, то, как предписывалось в распоряжении коменданта г. Гомеля от 26.03.1942 г., они взимались с населения «для выполнения специальных задач общества или районных мероприятий», а также «за пользование услугами районного и общинных управлений» [1, л. 9]. Их ставки объявлялись местными оккупационными органами и собирались только с их разрешения. Так, за разрешение на право ловли рыбы удочкой нужно было заплатить 10 руб., сетями – 50 руб. Граждане, не имеющие такого разрешения, подвергались штрафу в размере 100 руб. Владельцы собак должны были в трехдневный срок зарегистрировать их и получить разрешение стоимостью 20 руб. на право их содержания. Сбор за разрешение на право торговли и промыслов составлял 22,50 руб. [5, л. 28, 31, 35].

Взимался также разовый сбор с торговли: с воза – 5 руб., с одной головы крупного рогатого скота – 10 руб.; с мелкого рогатого скота – 5 руб. Все граждане, которые владели велосипедами, должны были уплатить 8 руб. Регистрация брака оплачивалась в размере 25 руб., новорожденных – 10 руб., смерти – 5 руб., разводов – 5 руб. [6, л. 94].

Взносы на социальное страхование взыскивались с тех предприятий и организаций, в которых были заняты рабочие и служащие, и переводились в кассы районных управ. Их размер определялся по советскому законодательству: соответственно от 3,7 до 10,7 % от суммы заработной платы [2, л. 67]. Документальные материалы свидетельствуют также и о том, что для предприятий, учреждений и организаций, обеспечивающих занятость рабочих и служащих, устанавливалась денежная пошлина в размере 5 % от валовой суммы заработной платы на охрану здоровья и проведение санитарно-гигиенических мероприятий [3, л. 51].

Выполняя распоряжение полевой комендатуры № 551 от 13 января 1942 г., местные оккупационные органы ввели налог на собак, который удерживался в следующем порядке: за первую собаку – 200 руб., вторую и каждую последующую – 300 руб. в год. Налог на сторожевых собак понижался наполовину. В хуторах, лежащих в 500-х и более метрах от селений, первая собака не подлежала налогообложению, за вторую и каждую последующую следовало взимать 200 руб. в год. Это положение вступило в силу с 1 августа 1942 г. [3, л. 64], [4, с. 318].

Непосредственными исполнителями сбора налогов и пошлин являлись налоговые отделы районных управ. Перед ними стояла задача своевременно, в полном объеме, удерживать предусмотренные налоги. Этому служили ежемесячно составляемые сметы налогов, предусматривающие как доходы от их поступления, так и расходы. К примеру, доходная часть сметы налогового отдела Житковичской районной управы на октябрь 1942 г. составляла 63 573 руб., в которую вошли поступления по земельному налогу, налогу со строений, собак, подоходному налогу с рабочих и служащих, ремесленников и духовенства, налогу с сельской общины, наемной пошлины. Расходная же часть сметы составляла всего лишь 3 350 руб. Эти расходы были связаны с выплатой заработной платы в сумме 2 850 руб. работникам налогового отдела, состоящего из 7 человек и командировочных в сумме 500 руб. [1, л. 18].

В контексте изучения проблемы возникает вопрос: как же распределялись поступления от налогов? В этой связи представляют интерес распоряжения Полевой комендатуры № 551 от 13.01.1942 г. и коменданта г. Гомеля от 26.03.1942 г. В них с предельной точностью определен порядок распределения доходов от налогов и других денежных пошлин. Так, согласно вышеназванным документам, общинные налоги (налог со строений, земельный и другие сборы и взносы) поступали в распоряжение общины. В доход района поступали взносы только в том случае, если они взимались на мероприятия районного значения. 50 % государственного налога поступало в распоряжение районных управ и расходовалось на финансовые нужды района и общины. Оставшиеся 50 % переводилось районной управой на текущий счет «Митте» при государственной кредитной кассе в Минске, где они зачислялись в распределительный фонд для общин и районов и на финансирование хозяйственных мероприятий. Социально-страховые взносы полностью вносились районной управой на текущий счет «Митте» при госкредиткассе в Минске [2, л. 9].

Жители городов и сел стремились по самым различным причинам уклониться от уплаты многочисленных налогов и сборов. В архивных материалах много таких фактов. Например, в список граждан г. Добруша, не заплативших своевременно налог со строений и земельную ренту (а это 31 327 руб. за 1942 г.), включено более 100 чел., а в список по неуплаченному налогу на собак – 64 чел. (2 804 руб.) [1, л. 49], [4, с. 318]. Задолженность по земельному налогу жителей Брониславской волости Житковичского района за 1942 г. составляла 18 202 руб., а Люденевичской волости – 19 517 руб. [4, с. 319].

Введенные оккупантами налоги взыскивались в полном объеме. Гражданам-недоимщикам доводились конкретные сроки расчета, однако для многих из них это было значительной проблемой, поэтому жители обращались к местным властям с просьбами освободить их от уплаты тех или иных налогов. Архивные материалы содержат множество таких заявлений. Для иллюстрации приведем заявление жителя д. Набудово Житковичского района П.И. Некрашевича, направленное в налоговый отдел районной управы: «Прошу освободить меня от уплаты налога в сумме 159 руб. по той причине, что у меня нет никого из членов семьи трудоспособного. Я имею от роду 78 лет, а жене моей Некрашевич М., 70 лет. Поэтому у меня некому не только заработать денег на уплату земельного налога, но и трудно обеспечить свое существование» [4, с. 319]. Подобные заявления очень внимательно проверялись, и, в отдельных случаях, принимались решения в пользу заявителей. В частности, более 50 жителей г. Добруша были освобождены от уплаты подушного налога за 1942 г. по таким причинам, как болезнь, статус беженца, погорельцы или по бедности. 123 жителя Жгунской волости также были освобождены от взыскания подушного налога по причине инвалидности, бедности и др. [4, с. 319]. Однако эти просьбы по большей части не удовлетворялись. Граждан, не уплативших в срок тот или другой налог, штрафовали на 200 руб. или вынуждали отбывать две недели на принудительных работах, а в крайних случаях конфисковывали имущество [1, л. 24]. Владельцы собак, не заплатившие налог, должны были убить их, а кожу сдать на кожевенный склад.

Таким образом, знакомство с трофейными документальными материалами показывает, что в условиях войны многочисленные налоги и сборы, которые взыскивались оккупационными органами с гражданского населения белорусских земель, значительно отягощали и так их нелегкую повседневную жизнь.

Литература

1. Государственный архив Гомельской области (ГАГО). – Фонд 1842. – Оп. 1. – Д. 11.
2. ГАГО. – Фонд 1321. – Оп. 1. – Д. 240.
3. ГАГО. – Фонд 1842. – Оп. 1. – Д. 6.
4. Скрабіна, Л.С. Падаткаабкладанне на акупаванай тэрыторыі Гомельшчыны падчас Вялікай Айчыннай вайны (1941–1944) / Л.С. Скрабіна // Беларусь і суседзі: гістарычныя шляхі, узаемадзеянне і ўзаемауплывы : матэрыялы III Міжнар. навук. канф. – Гомель : ГДУ імя Ф. Скарыны, 2012. – С. 317–318.
5. ГАГО. – Фонд 1318. – Оп. 1. – Д. 1.
6. ГАГО. – Фонд 1318. – Оп. 1. – Д. 2.

Белорусский государственный
университет транспорта

Поступила в редакцию 10.10.2019

Религиозная политика Демократической партии Турции (1946–1950)

М. ТАКАС

Рассматриваются особенности религиозной политики Демократической партии (ДП) Турции, ее полемика с партией власти в контексте проблемы секулярности и государственной религиозной политики. Особое внимание уделяется подходу Демократической партии к вопросам религии в период ее создания и оппозиционной деятельности. Религиозная политика ДП подходила к вопросам секулярности с позиции демократических прав и свобод, в частности свободы совести. В связи с этим стали актуальными вопросы культа и религиозного образования, исключенные из публичной жизни в ходе реформ Ататюрка.

Ключевые слова: Демократическая партия Турции, секулярность, критика политики РНП, свобода совести, религиозная политика.

The peculiarities of the Turkish Democratic Party's (DP) religious policy and the polemic with the party in power in the context of the problem of secularity and state religious policy are considered. Special attention is paid to the approach of the Democratic Party to the questions of religion in the period of its creation and opposition activities. The religious policy of the DP approached the principle of secularity from the perspective of democratic rights and freedoms, in particular freedom of conscience. In this regard, issues of cult and religious education that were excluded from public life during the Ataturk reforms became relevant.

Keywords: Turkish Democratic Party, secularism, criticism of RPP's policy, freedom of conscience, religious policy.

Демократическая партия Турции, которая была официально создана 7 января 1946 года, пришла к власти 14 мая 1950 г. в результате выборов. Между этими двумя датами она фактически находилась в оппозиции, и религиозный вопрос был самым чувствительным для ее последователей. С переходом к многопартийной политической системе Демократической партии, как созданной совсем недавно, было еще важнее, чем прежде, завоевать благосклонность народа. В связи с этим «религия» (а именно религиозный вопрос в целом), была тем самым ключевым аргументом, привлекавшим внимание людей. Даже в конце 1945 г., еще до создания Демократической партии и перехода к многопартийной системе, наиболее обсуждаемыми в обществе вопросами были вопросы религии и ее связи с государством, секулярность и проблема свободы вероисповедания [1, с. 30].

Согласно утверждениям и предположениям того времени, приход Демократической партии к власти связывали с закреплением принципа свободы вероисповедания, подобно другим свободам, на которые человечество предъявляло свои священные права, как это было сказано в партийной программе. Нанесла ли религиозная политика Демократической партии какой-нибудь урон «Основным принципам» Турецкой Республики, рассматривая религиозный вопрос в контексте прав и свобод? С другой стороны, дал ли приход Демократической партии к власти надежду религиозным группам или общинам на то, что они действительно могут быть свободными в своих мыслях и действиях? Кроме того, предпринимала ли Демократическая партия какие-либо действия, направленные на усиление влияния религии в обществе, и, если – да, то что это были за действия? Вокруг ответов на все эти вопросы сосредоточено настоящее исследование.

Республиканская народная партия (РНП), заложившая основы Турецкой республики, и Демократическая партия, чье создание стало первым шагом к многопартийной системе, всегда подчеркивали свою приверженность принципам республики. В этой связи Джеляль Баяр, представлявший Демократическую партию в процессе ее создания, на встрече с лидером Республиканской народной партии и одновременно президентом Турецкой Республики Исметом Иноню заверил, что создаваемая партия не будет противоречить Республиканской народной партии по вопросам секулярности, образования и внешней политики [2, с. 80–81].

Однако в период становления Демократической партии и ее нахождения в оппозиции между ней и Республиканской народной партией возникло соперничество в дилемме ислама, они заняли в этом вопросе разные позиции и всячески старались найти сторонников. С одной стороны, Демократическая партия старалась открыто не противостоять официальной политике секулярности, с другой – предпринимала попытки ослабить движение Национальной партии, своего соперника, в борьбе за голоса сторонников большего влияния религии в обществе. В ходе всех этих событий и религиозная жизнь, и поддержка религиозных сообществ стали более явными, чем период правления Республиканской народной партии как на политической арене, так и в прессе, и в повседневной жизни [3, с. 39–44].

С наступлением 1945 г. внутрипартийная оппозиция Республиканской народной партии стала понемногу усиливаться. В этот новый период некоторые депутаты начали в резкой форме критиковать партийную администрацию, что стало предвестником партийных чисток. Напомним, что основатели Демократической партии сами были исключены из рядов РНП, и фактически начало этому процессу было положено тогда, когда Джеляль Баяр, будучи депутатом РНП, использовал свой голос для блокировки проекта бюджета на 1944 г., подготовленного его партией. Следует заметить также, что глубокий партийный кризис усугублялся спорами о законодательстве для фермеров и о бюджете 1945 г. Наконец, 7 июня 1945 г. Президиуму парламентской группы РНП был представлен документ, под которым подписались Джеляль Баяр, Аднан Мендерес, Фуат Кёпрюлю и Рефик Коралтан; впоследствии он получил название «Меморандум четырех». Этот документ стал политическим ультиматумом, в котором отражались ожидания перехода к демократическому правлению [4, с. 41]. Из авторов «Меморандума четырех» Ф. Кёпрюлю и А. Мендерес первыми покинули РНП, они были исключены 21 сентября 1945 г., а Р. Коралтан почти двумя месяцами позже – 27 ноября; 3 декабря того же года состав Республиканской народной партии покинул и Д. Баяр. 7 января 1946 года считается днем, когда на турецкой политической арене возник новый политический институт – Демократическая партия. Из выступлений и комментариев создателей партии стало ясно, что, с точки зрения уставов и программ, между Демократической партией и РНП существенных различий нет [5, с. 115–129].

В партийную программу, опубликованную в день создания Демократической партии, вошли и принципы Ататюрка. Таким образом, в программе партии есть положения, касающиеся вопроса о секулярности, а также ее позиции по отношению к религии: «Наша партия отвергает то ложное толкование государства, согласно которому оно не имеет ничего общего с политикой секулярности, не проявляет интереса к вопросам религии и не регулирует религиозные отношения с помощью закона; мы признаем свободу вероисповедания наравне с другими правами человека. Эксперты в области религиозного образования должны подготовить основополагающую программу, которая регулировала бы вопросы необходимого религиозного образования, а также деятельность учреждений, в которых будут обучать духовенство. В состав университетов должны быть включены факультеты богословия и теологические институты, наделенные автономией, подобно Министерству национального образования. Нельзя мириться с использованием религии в качестве политического инструмента, пропагандируя среди граждан отказ от любви и солидарности, мобилизуя фанатизм против свободомыслия» [6, с. 663–664].

Как видно из программы Демократической партии, которой она придерживалась в оппозиционный период своей деятельности, ее позиция по вопросам религии не имела коренных отличий от традиции правящей партии. Важно, однако, подчеркнуть существенное смещение акцентов: секулярности не придавался антирелигиозный смысл, а свобода вероисповедания вводилась наравне с иными правами и свободами человека.

В некоторых источниках эта деталь интерпретируется как отделение или даже разрыв с линией Ататюрка, однако такие суждения имеют статус поспешного обобщения в отношении партии, которая на тот момент даже не была у власти. Напротив, в программе отражено то, для чего в рассматриваемый период назрела серьезная необходимость, и что долгое время игнорировалось государственной политикой, а именно, востребованные в обществе религиозное образование и обучение духовенства. Отдельно следует отметить заявление о необхо-

димости признать автономию факультетов богословия. На момент создания программы Демократической партии медресе и другие учебные заведения религиозного профиля, не закрытые в период ужесточения политики секуляризма в 1920–1930 гг., были объединены со светскими учебными заведениями и находились под строгим контролем государства. В программе Демократической партии необходимость такой автономии обосновывалась положением религии вне политики, что, в общем, согласовывалось с позицией правящей партии, которая, тем не менее, стремилась полностью вывести религиозность из публичного пространства. Эту тонкость в позиции демократической партии (отрицание религии как политического инструмента с одновременным признанием полной автономии ее институтов) можно расценить и как урок, извлеченный авторами программы из опыта тех политических партий, которые ранее включали религиозные идеи и требования в собственные программы, но были ликвидированы государством или закрыты своими учредителями, поскольку их признали реакционными.

Особое внимание следует привлечь к демократическому аспекту в программе ДП. В частности, в ней всем гражданам гарантировались личные и социальные права и свободы, а также устанавливался принцип равенства между гражданами. Это стало предвестником тех правовых договоренностей, которые возникнут между Демократической партией и другими политическими организациями в период ее правления [4, с. 42].

Здесь важно отметить, что Республиканская народная партия к тому времени уже приняла определенные шаги, в известном смысле предупредившие политику в отношении религии, которую разрабатывали партии, созданные после 1945 г. РНП, предвидя негативные политические последствия сохранения линии жесткого секуляризма после перехода к многопартийной системе, взяла курс на смягчение религиозной политики. На седьмом съезде Республиканской народной партии, состоявшемся в 1947 г., обсуждался вопрос секуляризма, и были приняты решения, изменяющие подход партии к этому вопросу [7].

В начале 1947 г. правительству было дано право вводить курсы, посвященные вопросам религии, в школах, находившихся под юрисдикцией Министерства национального образования, а также создавать школы для духовенства. Кроме того, были открыты и некоторые гробницы (места поминаения святых), закрытые в 1925 г. по Закону о закрытии монастырей, религиозных обителей и гробниц. Республиканскую народную партию к умеренному секуляризму вынудил не только переход к многопартийной системе и амбиции Демократической партии в сфере религиозной политики. В этом вопросе она испытывала и серьезную внутреннюю критику [8, с. 78]. Кроме того, перед выборами 1946 г. достоянием широкой общественности стали такие изменения как переход к избирательной системе с прямыми выборами, замена «неограниченного срока полномочий» на четырехлетнее правление, упразднение Независимой группы РНП (*Müstakil Grup*), а также ряд изменений в законах, противоречивших принципам демократии.

5 июня 1946 г. РНП приняла Закон № 4918, разрешавший систему прямых выборов. В соответствии с Законом было решено проводить свободные выборы на основе единого тайного голосования, а также уничтожать избирательные бюллетени после объявления окончательных результатов голосования. 21 июля 1946 г. были проведены первые в Турции прямые выборы, и был осуществлен переход к многопартийной системе, что стало результатом напряженных дискуссий между правящей партией и оппозицией. В результате выборов, которые были подвергнуты жесткой критике со стороны оппозиции, в частности, из-за установления их даты, хода самих выборов и обвинений в коррупции, 465 депутатских мандатов распределились следующим образом: 395 – депутаты от РНП, 64 – от Демократической партии и 6 независимых кандидатов. Критика выборов и их проведение стали важным опытом как для РНП, так и для оппозиционной Демократической партии, однако к самим выборам 1946 г. сохраняется весьма неоднозначное отношение, как, например, в книге Мустафы Албайрака «Демократическая партия в истории турецкой политики 1946–1960 гг.» [4, с. 76–93].

Рассматривая деятельность Демократической партии в ее оппозиционный период, мы приходим к пониманию, что она не воспринималась партией власти в качестве серьезного конкурента. Однако продолжительные дебаты, которые не прекращались и после выборов

1946 г., с каждым днем укрепляли позиции Демократической партии. В этом отношении создание самой партии можно расценить как шаг на пути институционализации растущей в обществе и прессе оппозиции (ее оплотом были газеты «Ватан» и «Тан») [9, с. 1].

Новая демократическая партия создала в Турецкой Республике демократию в широком современном понимании и привнесла в политику идею созидającego служения. Период оппозиционной деятельности стал для партии периодом активного становления ее организации. После выборов 1946 г. она показала себя как основная сила оппозиции, обладающая значительным влиянием. Следующие четыре года она посвятила распространению идеи народности в стране, формированию собственной структуры и ознакомлению общества с основами своей программы. Демократическая партия преподносила себя как своего рода «щит» против бед и разочарований народа, а также провалов однопартийного периода, что сделало ее самым вероятным победителем будущих выборов. В своей пропаганде она делала ставку на две главные темы: экономические проблемы сельского хозяйства и забота о религиозных потребностях народа [3, с. 26].

Более детально осветить эту тему нам помогут идеи и высказывания лидеров Демократической партии данного периода. Джелаль Баяр, основатель партии и ее лидер до 1950 г., с 1950 по 1960 гг. занимавший пост Президента Турецкой Республики, став ее третьим Президентом, всегда заявлял о своей приверженности принципам светского государства, а секуляризм связывал с идеей свободы совести. В 1949 г. он выступил с речью на втором Большом конгрессе Демократической партии, в которой мы можем найти фрагмент, посвященный партийной точке зрения на секулярность и проблему религии. «В нашей программе свобода вероисповедания, как и другие свободы, признается священной. В ней секулярностью называется уважение к религии в самом лучшем смысле этого слова. Если бы мы были у власти, то воплотили бы эту подготовленную экспертами программу в жизнь. Турецкая нация – нация мусульманская, и она останется мусульманской. ...Вопрос религиозного образования – вопрос чисто технический. Некоторые мои выступления извращаются и потому осуждаются. Мы против религии как орудия политики. ...Мы против религиозной реакции. В нашей стране реакции нет, но если мы вовремя не заметим ее первые ростки и не придадим им значения, мы своими руками поведем нашу родину к катастрофе» [10].

Аднан Мендерес, возглавивший партию после Д. Баяра, был солидарен с ее бывшим предводителем. Об этом свидетельствуют его слова, произнесенные 22 апреля 1949 года на партийном собрании в Адане. «Те, кто когда-то называл Демократическую партию партией обманщиков, теперь со всей страстью показывают ее как врага религии и под флагом религии хотят укрепить собственные партии. Наша партия никогда не будет противницей религии – гарантией тому служит наша приверженность принципу свободы совести, как и другим демократическим принципам. Для нас разделение религии и государства означает свободу совести. Те, кто хочет использовать религиозные чувства нашего народа для политических действий, поступают вопреки принципам свободы совести светского государства» [11, с. 182].

Детали подхода к религиозной политике Демократической партии периода оппозиции особенно рельефно видны на фоне идей других партий того периода, которые можно найти в отраженных в архивах газет и журналов. В еженедельном журнале «Sebilürreşat», самом влиятельном печатном органе исламского движения, в этот период выходили статьи, посвященные трем самым популярным тогда партиям – партии власти и двум оппозиционным. В этих статьях подход Республиканской народной партии к управлению излагается следующим образом: «Несмотря на разрешение проводить религиозные занятия и открыть места поминовения святых, своим отношением к религии они огорчают турецких мусульман, вонзая кинжал им в самое сердце. Никакого согласия с мусульманской общиной нет» [3].

В том же журнале дается оценка и деятельности Демократической партии: «Демократическая партия, по сравнению с РНП, показывает себя как более свободная в религиозных вопросах. Однако религиозная политика этой партии остается неопределенной. Предводитель партии Джелаль Баяр по этому вопросу не говорит ничего определенного».

А Национальной партии в «Sebilürreşat» дается такой комментарий: «Они стали защитниками свойственного мусульманскому сообществу религиозного образа жизни. Националь-

ная партия покажет Турции истинный секуляризм, эта партия не позволит появляться новым безбожникам» [12, с. 28–29].

Среди печатных органов упоминается и журнал «Selamet» (*букв. – «Благо»*), который в 1947–1948 гг. издавал Омер Риза Догрул. Некоторые статьи из этого журнала, особенно посвященные Демократической партии периода ее оппозиционной деятельности, представляют значительный интерес для данного исследования. В статье о РНП, с отсылкой к упомянутому выше конгрессу 1947 г., оценивается религиозная политика партии, а также обсуждается часть ее обновленного устава под названием «Принципы народности и секулярности». В частности, партия власти, для которой данный конгресс, согласно всеобщему мнению, ознаменовал отход от традиционной светской линии, в статье показано как тот институт, которому следует «заглянуть в душу народа, но душой этой не управлять», а также подчеркивается глубинная связь турецкого народа с мусульманством. Республиканской народной партии отправлено своеобразное послание: «Турки так глубоко прониклись исламом, а его идеи заняли в их душе такое важное место, что понять турков и завоевать их доверие можно только заглянув в их душу и живя чаяниями этой души» [13, с. 5, 15]. Далее в статье предсказывается скорая потеря власти РНП, если она продолжит свою осмотровую линию в вопросах свободы совести и вероисповедания.

В другой статье из журнала «Selamet» цитируются слова Хамдуллаха Супхи Танрыювера, видного государственного деятеля Турции, бывшего в то время членом Демократической партии, о необходимости привлекать молодежь в исламский мир, о бедственном материальном положении религиозных деятелей, о том, что просвещение в области религии является не только внутренней потребностью Турции и что следует со всем вниманием относиться также и к туркам, живущим за рубежом [14, с. 4, 5, 16].

В еще одном номере журнала «Selamet» размещена статья, в которой цитируются слова Ахмета Хамди Аксеки, министра по делам религии данного периода, о том, что фетвы должны быть только обоснованными и необходимыми, а также о том, что публикаций и передач, разделяющих исламское общество, следует избегать. В статье также шла речь о том, что ислам – прогрессивная и обновляемая религия, и что народы, живущие в среде социальных разногласий, не могут быть счастливы, даже если они развиты.

Обращаясь к критическим высказываниям в адрес риторики и взглядов Демократической партии периода оппозиции, мы столкнемся с иной позицией. К слову, тех, кто относился к данной партии с недоверием, не стоит недооценивать. Фалих Рифки Атай, влиятельный журналист, член Республиканской народной партии, касаясь этой темы, говорит: «Религиозные пропагандисты, враги режима и реакционеры» все еще не оставили попыток прибрать политику к рукам, и ради этого они подстрекают оппозицию. Атай также говорит, что для этих целей могут использоваться и законы, принятые Великим национальным собранием Турции. В газете «Ulus» (*букв. – «Нация»*), печатном органе РНП, в номере от 23 апреля 1949 г., кроме «вреда, наносимого реакционерами и противниками режима», он также упоминает все еще существующую опасность, исходящую от противников Революции Ататюрка [15].

Хюсейн Джахит Ялчин, известный турецкий журналист, писатель, переводчик и политический деятель, в газете «Tanin» (*букв. – «Эхо»*) делает такое осторожное замечание: «Демократическая партия была создана в подходящих условиях, но слова оппозиции противоречат ее действиям» [16].

Самым большим достижением демократов стало то, что в период 1946–1950 гг. и даже позже, они смогли оказать поддержку народным массам благодаря своей вере в простого гражданина. Огромным новшеством было признать, что простой человек обладает рядом врожденных талантов, ценить его мысли и дать ему возможность активно участвовать в политике. Таким образом, власть отказалась от идеи, которую продвигала однопартийная система, а именно то, что обычный гражданин не может иметь весомого мнения об общественных процессах, и что группа из числа элиты должна действовать во имя народа. Вопреки ожиданиям созданная в 1946 г. Демократическая партия вместо «сговорчивой оппозиционной партии» стала сильным соперником РНП, способным на серьезное противостояние.

Рассматривая Демократическую партию Турции периода ее оппозиционной деятельности, можно сказать, что ее члены избегали прямых и резких высказываний о религии, стараясь, тем не менее, создать атмосферу умеренного религиозного дискурса. Ее главным аргументом стало то, что государство не может игнорировать такой фундаментальный демократический принцип, как свобода вероисповедания и, шире, свобода совести. В этот период стало заметно, что Демократическая партия, по сравнению с Республиканской народной партией, придерживается более либеральной позиции в отношении религии и ее роли в обществе, и что большинство поддерживает именно ее. Тем не менее, ситуация была такой, что всякий недовольный высказываниями и деятельностью РНП тут же переходил в лагерь сторонников Демократической партии. При этом фанатично и реакционно настроенные политики сторонились Демократической партии, поскольку четких заявлений о религии и возможной религиозной политике ее представители не делали. Результатом полемики Демократической партии с властью стало ослабление контроля над религией, в простых формах (уроки религии, школы для религиозных деятелей, открытие ритуально значимых мест) она вернулась в жизнь обычных граждан Турецкой Республики.

Литература

1. Kaçmazoğlu, H.B. Demokrat Parti Dönemi Toplumsal Tartışmaları / H.B. Kaçmazoğlu. – İstanbul : Doğu Kitabevi, 2012. – 232 s.
2. Toker, M. Tek Partiden Çok Partiye 1944–1950 / M. Toker. – Ankara : Bilgi Yayınevi, 1998. – 246 s.
3. Sitembölükbaşı, Ş. Türkiye’de İslam’ın Yeniden İnkişafı (1950–1960) / Ş. Sitembölükbaşı. – Ankara : İSAM&TDV, 1995. – 206 s.
4. Albayrak, M. Türk Siyasi Tarihinde Demokrat Parti 1946–1960 / M. Albayrak. – Ankara : Phoenix Yayınevi, 2004. – 641 s.
5. Geyhanlioğlu, H. Türk Siyasi Muhafazakârlığının Kurumsallaşması ve Demokrat Parti / H. Geyhanlioğlu. – İstanbul : Kadim Yayınları, 2011. – 328 s.
6. Tunaya, T.Z. Türkiye’de Siyasi Partiler 1859–1952 / T.Z. Tunaya. – İstanbul : Arba Yayınları, 1995. – 799 s.
7. Uzun, H. İktidarını Sürdürmek İsteyen Bir Partinin Kimlik Arayışı: Cumhuriyet Halk Partisi’nin 1947 Olağan Kurultayı / H. Uzun // Çağdaş Türkiye Tarihi Araştırmaları Dergisi. – 2012. – № XII / 25. – S. 101–139.
8. Ağaoğlu, S. Demokrat Partinin Doğuş ve Yükseliş Sebepleri Bir Soru / S. Ağaoğlu. – İstanbul : Baha Matbaası, 1972. – 235 s.
9. Eroğul, C. Demokrat Parti Tarihi ve İdeolojisi / C. Eroğul. – Ankara : Yordam Kitab, 2003. – 292 s.
10. Vatan gazetesi. – 1949. – 4 Apr.
11. Esirci, Ş. Menderes Diyor ki... Birinci Kitap 7 Ocak 1946 – 14 Mayıs 1950 / Ş. Esirci. – İstanbul : Demokrasi Yayınları, 1967. – 233 s.
12. Tunaya, T.Z. İslamcılık Cereyanı / T.Z. Tunaya. – İstanbul : Cumhuriyet Yayınları, 1998. – Cilt III. – 160 s.
13. Halk Partisinin Din Siyaseti // Selamet. – 1947. – № 27. – 21 Nov. – S. 4–15.
14. Türkiye’de Din Meselesi // Selamet. – 1947. – № 30. – 12 Dec. – S. 3–17.
15. Atay, F.R. Hangi Devir Nihayet Bulmalı? / F.R. Atay // Ulus. – 1949. – 23 Apr.
16. Yalçın, H.C. Dâhili Siyasette İlk Parlamento Çalışmaları / H.C. Yalçın // Tanin. – 1946. – 1 May.

УДК 94:327(510+81)"20"

Эволюция внешнеполитической стратегии КНР по отношению к странам Латинской Америки и место в ней Бразилии в начале XXI века

Хуан Сюйшэн

Рассмотрена эволюция внешнеполитической стратегии КНР в странах Латинской Америки и Карибского бассейна (далее – ЛАКБ) и основные черты такого взаимодействия. Автором изучена эволюция внешнеполитической стратегии КНР в отношении рассматриваемой группы стран в период с 2003 до 2013 гг. Выбор хронологических рамок исследования обусловлен тем, что в этот период КНР начинает реализацию активного внешнеполитического курса в отношении стран Латинской Америки. Интерес КНР к странам Латинской Америки первоначально основывается на экономических интересах, а затем развивается в векторе внешнеполитического сотрудничества. Именно в начале XXI в. сотрудничество стран становится наиболее продуктивным, об этом свидетельствует статистика, которая будет рассмотрена в настоящей статье, во вторых, активизация дипломатических и внешнеполитических связей государств. На основе изучения многосторонних отношений стран Латинской Америки и КНР сформулированы основные направления сотрудничества, обозначены проблемы в данной сфере. Особый акцент делается на Бразилии, так как именно Бразилия в рассматриваемый период выступает основным экономическим партнером КНР и сферой его внешнеполитических интересов.

Ключевые слова: Китай, Бразилия, Латинская Америка, внешняя политика, международные отношения, рынок сбыта, дипломатия.

The evolution of China's foreign policy strategy in Latin America, in the region of Latin America and the Caribbean (hereinafter – LAC), and the main features of such interaction are discussed. The author studies the evolution of China's foreign policy strategy in relation to this group of countries in the period from 2003 to 2013. The choice of the chronological framework of the study is due to the fact that during this period, China begins to implement an active foreign policy towards the countries, which is initially based on the economic interests of both countries, and then it is developed in the vector of foreign policy cooperation. It is at the beginning of the XXI century that cooperation between countries becomes the most productive, as evidenced by the statistics. It will be discussed in this article. The intensification of diplomatic and foreign policy relations between States is taken place. On the basis of the study of multilateral relations between Latin America and China, the main directions of cooperation are formulated. Problems in this area are identified. Particular emphasis is placed on Brazil, as Brazil in the period under review is the main economic partner of China and the sphere of its foreign policy interests.

Keywords: China, Brazil, Latin America, foreign policy, international relations, sales market, diplomacy.

В качестве периода исследования в настоящей статье выбран период с 2003 по 2013 гг. Выбор данного хронологического периода обусловлен тем, что именно с 2003 г. КНР начала проводить активный внешнеполитический курс в отношении стран Латинской Америки. Новый внешнеполитический курс под руководством Ху Цзиньтао был ориентирован на установление экономических и внешнеполитических отношений в отношении региона ЛАКБ, что было для КНР достаточно новой стратегией выхода на международный рынок [1, с. 76].

Объект исследования – внешнеполитические отношения КНР и Бразилии в начале XXI в.; предмет исследования – эволюция внешней политики КНР в отношении стран Латинской Америки и Бразилии; цель исследования – выявление особенностей внешнеполитического курса КНР в отношении стран Латинской Америки в начале XXI в. Новизна исследования – комплексный анализ эволюции внешнеполитического курса КНР в отношении стран Латинской Америки [2]. При подготовке статьи были использованы принципы объективности, научности и историзма. Общенаучные и специальные методы позволили изучить эволюцию и особенности внешнеполитического курса КНР и стран Латинской Америки.

В результате применения сравнительно-исторического метода были обозначены основные направления развития внешнеполитического курса КНР. Для анализа эволюции, тенденций развития внешнеполитических отношений был использован конкретно-исторический, описательный и ретроспективный метод.

Среди научных трудов по теме исследования следует обозначить преимущественно публикации и статьи Е.В. Гулиной [3], которая изучает развитие внешнеполитического курса КНР и Бразилии, а также публикации А.В. Иванова [4], Фроловой [5], в которых рассмотрены основные тенденции развития внешнеполитических отношений КНР и стран Латинского региона. Автором данной статьи также опубликована статья по теме исследования, в которой обозначены тенденции развития внешнеполитических отношений КНР и стран Латинской Америки в период с 2003 по 2013 гг. В целом, обобщая теоретические исследования по данной теме, следует обозначить, что проблема развития внешнеполитических отношений недостаточно разработана и требует дальнейшего рассмотрения.

Рассматривая хронологию внешнеполитического курса Китая и стран Латинской Америки, нельзя обозначить началом таких контактов начало XXI в. Безусловно, взаимосвязи КНР и стран Латинской Америки берут начало задолго до XXI в. Так, первое проникновение Китая в регион ЛАКБ началось во второй половине XIX в., когда в Бразилию, Панаму, Чили и Кубу прибыло в качестве трудовых иммигрантов около 500 тысяч человек [6].

С образованием КНР Китай начинает налаживать отношения со странами Латинской Америки. В 1960 г. Куба, разорвав отношения с Тайванем, стала первым латиноамериканским государством, которое признало КНР.

Дальнейшее развитие в сфере сотрудничества Китая и стран Латинской Америки происходит в 70-е гг. XX в. Тогда последовав примеру Кубы, правительство Чили устанавливает дипломатические отношения с КНР. В 1971 г. на 26-й Сессии Генеральной Ассамблеи ООН была принята резолюция № 2758 о приеме КНР в ООН и об исключении из нее Тайваня. В 1972 г. КНР была признана Аргентиной и Ямайкой, в 1974 г. – Венесуэлой и Бразилией, в 1976 г. – Суринамом, в 1977 г. – Барбадосом, а в 1980 г. – Колумбией. Уже в 1980 г. количество стран ЛАКБ, которые имели дипломатические связи с КНР, превысило количество государств, которые продолжали сотрудничать с Тайванем [7].

Дальнейшая эволюция отношений КНР со странами Латинской Америки была развернута в начале XXI в. Основными внешнеэкономическими партнерами КНР становятся страны Латинской Америки: Белиз, Гватемала, Гаити, Гондурас, Доминиканская Республика, Никарагуа, Панама, Парагвай, Сальвадор, Сент-Китс и Невис, Сент-Люсия, Сент-Винсент и Гренадины.

В течение 2000–2010 гг. торговля Китая со странами региона росла в среднем на 50 % в год. К началу 2012 г., по данным китайской статистики, внешнеторговый оборот КНР с Латинской Америкой составил уже 241,4 млрд. дол. Динамику торговли Китая со странами Латинской Америки представим в таблице.

Таблица – Динамика торгового оборота КНР со странами Латинской Америки, млн. долл.

Страна	1995	2000	2005	2010	2011
Всего по Латинской Америке	6114	12595	50466	183639	241388
Бразилия	1990	2844	14820	62586	84231
Мексика	389	1823	7763	24760	33344
Чили	640	2122	7141	25978	31385
Венесуэла	84	351	2142	10361	18260
Аргентина	644	1540	5124	12920	14759
Панама	603	1291	3173	11983	14599
Перу	605	704	2877	9934	12510
Колумбия	65	188	1135	5923	8234
Коста Рика	–	–	1151	3795	4728
Уругвай	132	344	455	2629	3415

Примечание – Источник [8].

Анализ товарооборота показывает очевидную динамику роста внешней торговли КНР со странами Латинской Америки. По объёму внешней торговли с Латинской Америкой Китай вышел на 3-е место после США и ЕС. Для Бразилии и Чили КНР стала крупнейшим по

величине торговым партнёром, для Аргентины, Мексики, Перу и Венесуэлы – вторым. По прогнозам экспертов, к 2015 г. КНР имеет все шансы вытеснить Евросоюз и выйти на 2-ое место среди торговых партнёров региона. Потребности КНР в природных ресурсах – решающий фактор в увеличении удельного веса сырья в структуре экспорта Латинской Америки. Показателен пример Бразилии: доля сырья в её экспорте в Китай в 2000 г. составляла менее 50 %, а в 2010 г. достигла 80 % [9].

В 2012 г. на заседании Экономической комиссии для Латинской Америки и Карибского бассейна (ЭКЛАК) КНР выдвинула ряд предложений в сфере сотрудничества со странами Латинской Америки:

- углубить стратегическое сотрудничество КНР и стран Латинской Америки на основе политического взаимодоверия;
- расширить торгово-экономическое сотрудничество стран;
- укрепить сотрудничество в области сельского хозяйства, науки, техники, создать научно-культурные форумы стран [10].

В рассматриваемый период расширилось и дипломатическое присутствие Китая в Латинской Америке. Так, увеличилась интенсивность взаимных контактов, а также визитов представителей Китая в страны Латинской Америки, активизировалось участие Китая в региональных организациях. Двусторонние визиты стран сопровождались подписанием ряда соглашений и меморандумов.

Еще одним направлением внешнеполитического сотрудничества является создание в 2011 г. СЕЛАК (Comunidad de Estados Latinoamericanos y Caribeños, CELAC) – региональный блок государств Латинской Америки и Карибского бассейна [11], куда вошли 33 государства региона.

Таким образом, проанализировав цели Китая во взаимодействии с Латинской Америкой как в области двустороннего сотрудничества, так и на мировой арене, можно заметить, какой стороне на тот момент принадлежало преимущество как по степени, так и по скорости осуществления. Пекин, очевидно, планомерно вытеснял из региона как Вашингтон, так и других внешнеполитических игроков в данном регионе, а также и самих латиноамериканских крупных игроков рынка. Рассчитывая на расширение собственной экономики, латиноамериканский сектор, напротив, способствует проникновению огромного китайского потока инвестиций [12].

Рассматривая место Бразилии среди основных экономических и внешнеполитических партнеров Китая, следует обозначить, что Бразилия, безусловно, занимала основную часть сотрудничества. Это было обусловлено большой территорией страны, значительными запасами ресурсов, так и тем, что Бразилия являлась одним из наиболее развитых стран Латиноамериканского региона во всех отношениях.

Литература

1. Виноградов, И.С. История развития внешней политики КНР / И.С. Виноградов // Общество: философия, история, культура. – 2018. – № 6. – С. 76–82.
2. Ахмадеева, Я.М. Развитие внешнеполитических концепций китайской Народной Республики с 1949 г. по начало XXI в. / Я.М. Ахмадеева // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Гуманитарные и общественные науки [Электронный ресурс]. – 2018. – № 1. – Режим доступа : <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-vneshnepoliticheskikh-kontseptsiiy-kitayskoy-narodnoy-respubliki-s-1949-goda-po-nachalo-xxi-veka>. – Дата доступа : 16.11.2019.
3. Гулина, Е.В. Внешнеполитический курс КНР: эволюция и тенденции развития / Е.В. Гулина // Актуальные проблемы современных международных отношений [Электронный ресурс]. – 2015. – № 5. – Режим доступа : <https://cyberleninka.ru/article/n/vneshnepoliticheskiiy-kurs-knr-evolyutsiya-i-tendentsii-razvitiya>. – Дата доступа : 16.11.2019.
4. Иванова, А.В. Политика КНР в Латинской Америке / А.В. Иванова // Актуальные проблемы современных международных отношений [Электронный ресурс]. – 2016. – № 8. – Режим доступа : <https://cyberleninka.ru/article/n/politika-knr-v-latinskoj-amerike>. – Дата доступа : 11.11.2019.
5. Фролова, И.Ю. Особенности курса КНР во взаимодействии с государствами Латинской Америки / И.Ю. Фролова // Международная политика. – 2014. – № 5. – С. 76–82.

6. Бразилия-Китай: стратегическое партнерство в конце XX – начале XXI вв. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.newtimes.az/ru/views/3721>. – Дата доступа : 15.11.2019.
7. Хуан, С. Роль Бразилии во внешней политике КНР в период председательства ХУ ЦЗИНЬ-ТАО (2003–2013) / С. Хуан // История, политология, социология, философия: теоретические и практические аспекты: сб. ст. по матер. XXVI Междунар. науч.-практ. конф. – № 11 (18). – Новосибирск : СибАК, 2019. – С. 4–8.
7. Демченко, Н.А. Геополитические интересы Китая в Латинской Америке в начале XXI в. : стратегическое партнёрство как способ их реализации / Н.А. Демченко // Россия и АТР. – 2012. – № 1. – С. 76–90.
8. Товарооборот КНР и Латинской Америки подскочил на 31,5 % // ChinaPRO. Деловой журнал про Китай [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.chinapro.ru/rubrics/1/8060/>. – Дата доступа : 05.12.2019.
9. Документ о политике Китая в отношении Латинской Америки и Карибского бассейна // Министерство иностранных дел КНР [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.fmprc.gov.cn/chn/pds/ziliao/tytj/zcwj/t521016.htm>. – Дата доступа : 15.11.2019.
10. Бразильские СМИ о БРИКС: вечно опаздывающий Владимир Путин и хищник Си Цзиньпин [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://inosmi.ru/politic/20191116/246246640.html>. – Дата доступа : 15.11.2019.
11. Рублевский, И.Ю. Ось «Бразилия–Китай» экономическое и глобальное сотрудничество [Электронный ресурс] / И.Ю. Рублевский. – Режим доступа : http://elib.bsu.by/bitstream/123456789/169622/1/rublevskiy2_2017_Actual_probl_IR_V4.pdf. – Дата доступа : 15.11.2019.
12. Иванова, А.В. Политика КНР в Латинской Америке / А.В. Иванова // Актуальные проблемы современных международных отношений [Электронный ресурс]. – 2016. – № 8. – Режим доступа : <https://cyberleninka.ru/article/n/politika-kr-v-latinskoy-amerike>. – Дата доступа : 11.11.2019.

Белорусский государственный университет

Поступила в редакцию 24.12.2019

УДК 343.812 (476)

Формирование системы поощрений и дисциплинарных взысканий личного состава тюрем на белорусских землях во второй четверти XIX – начале XX вв.

С.Н. ЧАЙКИН

На основе изучения архивных данных исследуется процесс формирования на белорусских землях во второй четверти XIX – начале XX вв. системы поощрений и дисциплинарных взысканий чиновников тюремной администрации и надзирателей. Определяется взаимосвязь этого процесса с законодательным оформлением тюремного заключения в качестве основного вида уголовных наказаний Российской империи. Исследуется развитие системы поощрений служащих тюремного ведомства, обусловленное ухудшением условий службы в местах лишения свободы в период революции 1905–1907 гг.

Ключевые слова: Российская империя, смотритель тюремного замка, тюремный надзиратель, тюремная реформа 1879 г., Главное тюремное управление, губернская тюремная инспекция, почетные граждане.

Based on the study of archival data, the process of creating a system of rewards and disciplinary sanctions for prison officials and prison guards on Belarusian lands in the second quarter of the 19th and early 20th centuries is investigated. The relationship of this process with the legislative execution of imprisonment as the main type of criminal punishment of the Russian Empire is determined. The development of the incentive system for prison officials due to the deterioration of conditions of service in places of deprivation of liberty during the revolution of 1905–1907 is examined.

Keywords: Russian Empire, warder of a prison castle, prison guard, prison reform of 1879, General Directorate of the Corps of Prison, County prison inspector, honorary citizens.

Введение. Необходимым условием развития пенитенциарной системы на землях Беларуси в XIX – начале XX вв., как одной из составляющих карательного аппарата Российской империи, являлось организация службы личного состава тюрем. В свою очередь, одним из средств обеспечения качественного несения службы чиновниками и надзирателями тюремного ведомства являлось привлечение их к дисциплинарной ответственности и поощрение наградами. Значение развития системы поощрений и дисциплинарных взысканий служащих мест лишения свободы в процессе тюремной реформы 1879 г. для обеспечения служебной дисциплины исследовалось российскими учеными как в начале XX в. (Н.Ф. Лучинским, С.В. Познышевым, А.П. Саломоном), так и в настоящее время (А.П. Печниковым и И.В. Упоровым). Однако исследований, посвященных становлению системы поощрений и дисциплинарных взысканий служащих тюрем на белорусских землях, до настоящего времени не проводилось.

Основная часть. С вхождением белорусских земель в состав Российской империи на их территории получило распространение и российское законодательство, регулирующее деятельность системы исполнения уголовных наказаний. Ее организационное и правовое формирование, как самостоятельного органа государственной власти, началось в 1830-х гг. с изданием нормативно-правовых актов, регламентирующих деятельность мест лишения свободы, «Инструкции смотрителю губернского тюремного замка» 1831 г. и «Свода учреждений и уставов о содержащихся под стражею» 1832 г. С этого времени развитие системы мест лишения свободы на белорусских землях сопровождалось формированием профессиональной службы тюремного ведомства, состоявшей из чиновников тюремной администрации и подчинявшихся им тюремных надзирателей. В свою очередь, законодательное оформление «Уложением о наказаниях» 1945 г. тюремного заключения в качестве одного из основных видов уголовных наказаний Российского государства обусловило необходимость повышения качества несения службы личным составом тюрем, одним из средств достижения которого стало применение к тюремным служащим поощрений и дисциплинарных взысканий.

Система дисциплинарных взысканий чиновников тюремной администрации или смотрителей тюремных замков сформировалась во второй четверти XIX в. В соответствии с «Уставом о службе по определению от правительства» 1832 г. и «Уложением о наказаниях уголовных и исправительных» 1846 г. к ним относились: замечание, выговор, вычет от полугодового до годового срока службы из служебного стажа, вычет из жалования, штраф, перемещение на нижестоящую должность, арест сроком до одной недели, увольнение с должности [1, с. 92].

В соответствии со статистикой начала XX в. о численности подвергнутых взысканиям тюремных чиновников, количестве взысканий, наложенных на служащих тюремной администрации на белорусских землях относительно общероссийского, было сравнительно невелико. Так, в 1908 г. из 66 наложенных на начальников тюрем взысканий к тюремной администрации на белорусских землях не было применено ни одного. В 1911 г. из 221 примененных к тюремным служащим Российской империи взысканий на чиновников тюремной администрации белорусских земель было наложено 6 взысканий, в 1913 г. из 187 взысканий к местной администрации их было применено 7, а в 1914 г. из 183 привлеченных к дисциплинарной ответственности чиновников на белорусских землях их было наказано 8 [2, с. 1393], [3, с. 1150], [4, с. 1600]. Наиболее часто в отношении чинов тюремной администрации как в Российской империи, так и на белорусских землях применялось взыскание в виде выговора. В 1911 г. на начальников и помощников начальников тюрем Российской империи было наложено 170 выговоров, в 1913 г. – 130 выговоров, а в 1914 г. – 138 выговоров. Налагалось это взыскание, как правило, за ненадлежащее осуществление контроля за охраной арестантов. В 1911 г. «за побег арестантов, допуск письменных сношений между ними и разрешение не положенных им личных свиданий» на белорусских землях выговора были применены к трем начальникам тюрем, в 1913 г. – к двум, в 1914 г. – к девяти [2, с. 1393], [3, с. 1150], [4, с. 1600].

Более строгое наказание в виде ареста применялось за совершение проступков, создающих негативное отношение к служащим тюремного ведомства. За период с 1911 по 1914 гг. в Российской империи дисциплинарному аресту было подвергнуто 42 начальника тюрем, в том числе на белорусских землях – 5. Например, в 1913 г. помощник начальника Могилевской тюрьмы Москаленко был подвергнут аресту «за непристойное поведение во внеслужебное время», а в 1914 г. «за употребление в общении с арестантами бранных слов» аресту был подвергнут помощник начальника Витебской тюрьмы Соколов [3, с. 1599], [4, с. 1148].

Системы дисциплинарных взысканий в отношении тюремных надзирателей, до начала тюремной реформы 1879 г. предусмотрено не было в связи с преобладанием до 1865 г. в тюремной охране военнослужащих местных гарнизонов, проступки которых рассматривались не смотрителями тюрем, а офицерами внутренней стражи. В итоге, в официальных отчетах тюремного ведомства отмечалось, что «надзиратели, не подчиненные в служебной деятельности никакому уставу, относились к своим обязанностям недостаточно добросовестно» [5, с. 42]. Единственным взысканием для тюремных надзирателей являлось увольнение со службы, что в условиях некомплекта этих должностей еще более затрудняло деятельность мест лишения свободы.

Законодательное оформление тюремного заключения в качестве одного из основных видов уголовных наказаний обусловило издание законов от 3 мая 1865 г. «О замене военных караульных постов в тюрьмах вольнонаемными надзирателями» и от 9 февраля 1882 г. «Об усилении средств надзора в губернских тюремных замках», в соответствии с которыми в Российской империи началось формирование профессиональной службы тюремных надзирателей. В процессе тюремной реформы 1879 г. одной из действенных мер, принятых МВД для повышения качества несения службы нижними тюремными чинами, стало определение 2 декабря 1883 г. необходимости получения от кандидата на службу письменных обязательств, в соответствии с которыми надзиратель обязывался «прослужить в тюремной страже не менее года, исполнять все указания начальника тюрьмы, службу нести честно и быть на службе постоянно трезвым» [6, с. 143]. При поступлении в тюремную стражу надзиратели обязаны были сделать гарантирующий добросовестное выполнение этих обязанностей денежный залог в сумме 10 рублей, удерживаемый из их денежного содержания в течении первых пяти месяцев службы. Добросовестно выполнявшие свои должностные обязанности надзиратели через год могли получить эти деньги с процентами [6, с. 144].

Наиболее эффективной мерой для соблюдения служебной дисциплины надзирателями стало определение для них в 1883 г. системы мер дисциплинарных взысканий, к которым относились: замечание, выговор, денежный штраф от одного до пяти рублей, арест до семи суток и увольнение со службы [6, с. 144]. Количество взысканий, наложенных губернаторами на тюремных надзирателей белорусских земель, в сравнении с их общим количеством по Российской империи в целом, также было невелико. В 1911 г. из 54 привлеченных к ответственности надзирателей на белорусских землях был наказан 1 надзиратель, в 1913 г. из 25 наказанных надзирателей к ответственности на белорусских землях было привлечено 3 надзирателя, а в 1914 г. из 59 дисциплинарных взысканий на местных надзирателей их было наложено 11 [7, с. 150], [8, с. 1393], [4, с. 1599]. Количество взысканий, налагаемых на надзирателей начальниками тюрем, было значительно больше. Например, в начале второго десятилетия XX в. в Витебской губернии к дисциплинарной ответственности, в среднем, ежемесячно привлекалось от десяти до двенадцати служащих тюремной стражи.

Наиболее легкими в системе взысканий являлись замечания и выговоры, применявшиеся за незначительные проступки, например, за выявленный в первый раз сон на посту. Характерно, что такие нарушения, как «грубое обращение с арестантами», наказаний тяжелее выговора также за собой не влекли. Самой распространенной мерой дисциплинарного воздействия на надзирателей являлся денежный штраф. Из 47 взысканий, наложенных за четыре месяца 1912 г. на тюремных надзирателей Витебской губернии, 38 взысканий составляли штрафы от 50 копеек до 5 рублей [9, с. 50]. В основном штрафы налагались за небрежное несение службы, повлекшее нарушение режима содержания арестантов (например, «за позволение напиться конвоируемому арестанту пьяным»). Такой проступок, как «причинение арестантам побоев», также наказывался штрафом в размере не более двух рублей. Недостаточно строго наказывалось и появление надзирателей на службе в пьяном виде. В 1913 г. из 28 наложенных на тюремных надзирателей Витебской тюрьмы штрафов 11 штрафов было применено в отношении надзирателей, «пришедших пьяными на службу» либо «напившихся пьяными на выводных работах вместе с арестантами» [10, с. 120]. Недостаточно строгая дисциплинарная ответственность за злоупотребление спиртным на службе способствовала распространению пьянства среди надзирателей и крайне негативно сказывалось на качестве несения службы. Например, в 1913 г. надзиратель Витебской тюрьмы Журавлев подвергся штрафу за нахождение на службе в пьяном виде пять раз, и только на шестой раз за эти нарушения он был подвергнут аресту сроком на 7 суток [10, с. 120]. В основном наказание в виде ареста применялось к надзирателям за ненадлежащую охрану арестантов, повлекшую их побег. Например, в 1913 г. в Витебской губернии «за небрежное окарауливание арестантов, из-за чего они бежали» аресту сроком на 5 суток были подвергнуты надзиратели Дризенской, Лепельской и Полоцкой тюрем [8, с. 1393] (Т.в. 1913, с. 1009).

Наиболее нетерпимыми проступками считались невыполнение распоряжения начальства, взяточничество и передача арестантам запрещенных предметов. Признавая исключительную важность профилактики этих правонарушений для сохранения служебной дисциплины, тюремная администрация в большинстве случаев наказывала эти проступки увольнением надзирателей со службы «как неблагонадежных». В 1913 г. из 39 наложенных на надзирателей Витебской тюрьмы взысканий 7 взысканий составили увольнения со службы «за принятие подарков от пришедшей на свидания публики, попытки пронести арестантам водку и дерзкое отношение к старшим надзирателям» [10, с. 117]. В целом, определение для служащих тюремной стражи системы дисциплинарных взысканий имело большое значение как для недопущения совершения ими повторных нарушений, так и для сохранения в тюремной страже наиболее дисциплинированных и опытных служащих.

Не менее важной для качественной организации службы личным составом мест лишения свободы являлась система применяемых к ним поощрений. Из 12 предусмотренных «Уставом о службе по определению от правительства» поощрений гражданских чиновников служащие тюремного ведомства поощрялись в основном орденами и медалями, а также единовременными денежными выплатами в размере до годового оклада их жалования. В качестве орденов, предназначенных для награждения гражданских чиновников до пятого чина вклю-

чительно, законом предусматривались ордена Св. Станислава трех степеней, Св. Анны второй и третьей степени, а также Св. Владимира третьей и четвертой степени. Получение очередной награды допускалось только через три года после получения предшествующей награды, за исключением денежной выдачи, поощрять которой разрешалось ежегодно. При этом деньги для премирования, в первую очередь, выделялись чиновникам образованных 21 марта 1890 г. структурных подразделений Главного тюремного управления – губернских тюремных инспекций. Например, в конце 1911 г. в Витебской тюремной инспекции все служащие получили премии в размере от 20 до 200 рублей. Премией в размере 30 рублей были поощрены даже машинистки, проработавшие в инспекции меньше года, в то время как премии, выплачиваемые ежедневно рисковавшим жизнью тюремным надзирателям в основном не превышали 10 рублей и выплачивались в среднем один раз в пять лет [11, с. 5].

Чиновники губернских тюремных инспекций имели преимущественное право и на награждение орденами. По состоянию на 1913 г. тюремный инспектор по Могилевской губернии был награжден пятью орденами, по Витебской губернии – тремя орденами, по Минской губернии – двумя орденами [12, с. 56]. Начальники тюрем на белорусских землях награждались значительно реже. Например, в 1906 г. из 40 награжденных орденами начальников тюрем Российской империи из администрации мест лишения свободы на белорусских землях был награжден только начальник Струнской тюрьмы. В 1908 г. из 123 награжденных орденами служащих тюремной администрации из начальников тюрем на белорусских землях были награждены лишь начальники Игуменской и Ошмянской тюрем. В 1909 г. из 77 награжденных чиновников из местной администрации ордена получили начальники Оршанской и Лидской тюрем, а в 1911 и 1913 гг. служащие тюремной администрации на белорусских землях не награждались вообще. В 1914 г. из 72 награжденных орденами начальников тюрем из служащих на белорусских землях был награжден только начальник Речицкой тюрьмы [13, с. 8]. К тому же, награждение орденами немногочисленных представителей тюремной администрации на белорусских землях, осуществлялось лишь по истечении довольно длительного срока их службы. Например, к 1912 г. из шести начальников тюрем Витебской губернии по одному ордену имели лишь три начальника, служебный стаж которых составлял от 14 до 32 лет [12, с. 15].

Для тюремных надзирателей до начала реформы 1879 г. награждения медалями предусмотрены не были. В ходе реформирования пенитенциарной системы к концу XIX в. одной из мер стимулирования качественного несения службы надзирателями стало формирование системы их поощрений. Наиболее часто надзиратели поощрялись благодарностями в основном за предотвращение побегов арестантов. Также «за отлично – усердную службу» надзиратели могли поощряться денежными премиями в размере от 10 до 25 рублей. Большое значение для повышения престижа службы тюремных надзирателей имело учреждение для них системы наград. В соответствии с законом от 15 июня 1887 г. «Об устройстве управления отдельными местами заключения гражданского ведомства и тюремной стражи» тюремные надзиратели впервые получили право на награждение специально учрежденной для них серебряной медалью «За беспорочную службу в тюремной страже» на Анненской ленте для ношения на груди. Награждались ею надзиратели, прослужившие в тюремной страже не менее пяти лет. В 1902 г. на тюремных надзирателей было распространено право награждения медалями, предусмотренное «Положением о награждении низших чинов полиции и пожарных команд» от 8 декабря 1888 г., в соответствии с которым «за особенные отличия» надзиратели, не выслужившие пятнадцатилетнего срока и не имевшие медалей, могли награждаться серебряной медалью «За усердие» на Станиславской ленте, а имевшие медаль «За беспорочную службу» – медалью «За усердие» на Александровской ленте. Младшие надзиратели, выслужившие 15 лет, и старшие надзиратели, выслужившие 10 лет, могли представляться к награждению серебряной медалью «За усердие» на Анненской ленте, а надзиратели, прослужившие 5 лет после награждения этой медалью, могли награждаться золотой медалью «За усердие» на Владимирской ленте. В итоге, уже в 1903 г. из 227 награжденных серебряными медалями тюремных надзирателей Российской империи на белорусских землях было награждено 15 надзирателей [13, с. 235].

В конце XIX – начале XX в. условия несения службы личным составом тюрем значительно ухудшились. Формирование в местах заключения организованных преступных сооб-

ществ, так называемых «арестантских общин», и активизация в Российской империи революционного движения, сопровождавшаяся арестами его участников, продолжавших в тюрьмах антиправительственную деятельность, существенно усложнили в них криминальную обстановку. Дальнейшее ухудшение состояния тюремного правопорядка произошло в период революции 1905–1907 гг., сопровождавшейся ростом количества противоправных действий в отношении служащих тюремного ведомства. В 1906 г. в Российской империи было зарегистрировано 96 убийств и ранений тюремных служащих, а в 1907 г. их число увеличилось до 152. На белорусских землях в 1906–1907 гг. арестантами было убито 2 начальника тюрем и 2 тюремных надзирателя. [14, с. 67]. Необходимость стимулирования службы тюремных чиновников и надзирателей в условиях ее ухудшения обусловило определение льготного порядка предоставления их к наградам. 29 мая 1906 г. императорским указом было разрешено представлять к наградам чинов тюремного ведомства из расчета «один кандидат из 12 служащих» вместо установленного для провинциальных учреждений соотношения «один кандидат на 40 служащих» [15, с. 12]. В итоге, численность поощренных наградами тюремных служащих, в первую очередь, тюремных надзирателей, значительно увеличилась. В 1907 г. из 1 087 поощренных медалями тюремных надзирателей золотыми и серебряными медалями было награждено 14 надзирателей, служивших в тюрьмах на белорусских землях. В 1909 г. из 584 получивших медали надзирателей было награждено 8 местных служащих. В 1910 г. из 503 награжденных медалями надзирателей серебряными медалями было поощрено 7 белорусских надзирателей, а в 1912 г. из 505 награжденных золотыми и серебряными медалями было награждено 15 надзирателей тюрем на белорусских землях [16, с. 188].

В продолжение политики льготного предоставления надзирателей к наградам, по инициативе императора в 1906 г. они были причислены к лицам, имеющим право на получение звания почетного гражданина как потомственного, так и личного, которого удостоивались лишь немногие государственные служащие: доктора наук, врачи, инженеры, художники и артисты. В 1907 г. званий потомственных и личных почетных граждан были удостоены 25 надзирателей, в 1911 г. – 8 надзирателей, а в 1912 г. – 15 надзирателей [17, с. 10]. Звания почетных граждан присваивались и тюремным надзирателям на белорусских землях. Например, в 1909 г. звания личного почетного гражданина был удостоен надзиратель Брестской тюрьмы Павел Миклош, а в 1913 г. звания личного почетного гражданина и потомственного почетного гражданина получили старший надзиратель Витебской тюрьмы Мефодий Шарков и старший надзиратель Минской тюрьмы Петр Олейчик [18, с. 908].

Заключение. Таким образом, со второй четверти XIX в. развитие системы мест лишения свободы на белорусских землях сопровождалось формированием штата тюремных служащих, состоящего из чиновников тюремной администрации и подчиненных им тюремных надзирателей. Для организации службы руководства тюрем к середине XIX в. сформировалась система применяемых к ним поощрений и взысканий. Однако порядок осуществления поощрений и дисциплинарных взысканий тюремных надзирателей в связи с охраной заключенных в первой половине XIX в. преимущественно военнотюремными местными гарнизонами не был определен до последней четверти XIX в. Правовое определение тюремного заключения в качестве одного из основных видов уголовных наказаний и формирование на белорусских землях со второй половины XIX в. профессиональной службы тюремных надзирателей обусловило определение в процессе тюремной реформы 1879 г. системы применяемых к ним поощрений и взысканий. В условиях ухудшения условий несения службы личным составом тюрем на белорусских землях в период революции 1905–1907 гг. система поощрений служащих тюремного ведомства получила дальнейшее развитие, выразившееся в определении льготного порядка представления их к наградам и предоставлении тюремным надзирателям права на получение звания почетных граждан.

Литература

1. Старилов, Ю.Н. Служебное право / Ю.Н. Старилов. – М. : Изд. БЕК, 1996. – 698 с.
2. Хроника тюремной жизни // Тюремный вестник – 1911. – № 12. – С. 1390–1393.
3. Хроника тюремной жизни // Тюремный вестник – 1913. – № 6. – С. 1144–1150.

4. Хроника тюремной жизни // Тюремный вестник – 1914. – № 8. – С. 1590–1600.
5. Обзор десятилетней деятельности Главного тюремного управления: 1879–1889 гг. – СПб. : Тип. Министерства внутренних дел, 1890. – 115 с.
6. Печников, А.П. Тюремные учреждения российского государства (1649 – октябрь 1917 гг.): историческая хроника / А.П. Печников. – М. : Щит-М, 2004. – 325 с.
7. Хроника тюремной жизни // Тюремный вестник – 1911. – № 2. – С. 145–152.
8. Хроника тюремной жизни // Тюремный вестник – 1913. – № 9. – С. 1390–1395.
9. Сведения о взысканиях, наложенных на тюремных надзирателей // Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). – Фонд 2637. – Оп. 1. – Д. 53.
10. Жалобы заключенных на должностных лиц в местах заключения Витебской губернии // НИАБ. – Фонд 2637. – Оп. 1. – Д. 271.
11. Послужные списки для предоставления надзирателей к наградам // НИАБ. – Фонд 2637. – Оп. 1. – Д. 49.
12. Список лиц, представленных за выслугу лет к награждению орденами // НИАБ. – Фонд 2637. – Оп. 1. – Д. 157.
13. Высочайшие награды // Тюремный вестник – 1903. – № 3. – С. 230–235.
14. Отчет по Главному тюремному управлению за 1908 г. // Тюремный вестник – 1910. – № 2. – С. 1–81.
15. Отчет по Главному тюремному управлению за 1909 г. // Тюремный вестник – 1911. – № 2. – С. 1–57.
16. Высочайшие награды // Тюремный вестник – 1913. – № 2. – С. 188–193.
17. Отчет по Главному тюремному управлению за 1912 г. // Тюремный вестник – 1912. – № 6. – С. 8–40.
18. Высочайшие награды // Тюремный вестник – 1913. – № 6. – С. 908.

Могилевский государственный
университет им. А.А. Кулешова

Поступила в редакцию 02.04.2019

УДК 81-116.3

Конструирование гендера в русских пословицах и антипословицах

О.Б. АБАКУМОВА, Н.В. КИРЮХИНА

Статья посвящена вопросам конструирования образа мужчины и женщины в современных антипословицах русского народа. Антипословицы являются показателем динамики развития паремий, одним из современных источников их жизни в языке. В ходе исследования нами была предпринята попытка описания современного социального статуса, а также места и роли, закрепленной за образом, мужчины и женщины в русском лингвокультурном сообществе. Анализ антипословиц показал андроцентричный характер русской субкультуры при сохранении мужского видения мира.

Ключевые слова: пословица, антипословица, гендерная маркированность, антропометрические лексемы, конструирование образа, мужчина, женщина.

The paper deals with issues of structuring images of man and woman in modern anti-proverbs of the Russian people. Antiproverbs show dynamics of proverbs' existence, they are one of the new sources of their life in the language. The research gave us an opportunity to describe the modern social status, place and role of men and women in Russian lingo cultural community. The analysis showed the androcentric character of Russian culture in the background of masculine view of the world.

Keywords: proverb, antiproverb, gender markers, anthropogenic lexemes, construction of image, man, woman.

Введение. Паремиологический фонд обладает неисчерпаемым потенциалом, который позволяет хранить и передавать информационные модели, раскрывающие национально-культурную ценностную картину мира того или иного народа, а также отражать и соотносить лингвокультурологические средства коллектива с социокультурными изменениями, имеющими место в определенный период развития общества. В данной работе авторы хотели бы предложить вниманию читателей своеобразную классификацию так называемых антипословиц, содержащих гендерный компонент в виде антропометрической лексемы, чтобы показать, как структурируется образ мужчины и женщины в определенных слоях современного русскоязычного общества.

Исследование гендерного компонента в современной фразеологии. Как отмечает И.В. Зыкова, «фразеологическое пространство языка как культурный срез того или иного народа может более полно раскрывать особенности концептов «маскулинность» / «фемининность», отражающих характерный для различных сообществ социальный опыт» [1, с. 18]. Под гендером исследователь предлагает понимать «совокупность норм поведения и позиций, которые обычно ассоциируются с лицами мужского и женского пола в данном обществе. В основе гендера лежит идея о том, что важны не биологические или физические различия между мужчинами и женщинами, а то культурное и социальное значение, которое общество придает этим различиям» [1, с. 7].

Среди отечественных и зарубежных исследователей, затрагивающих в своих трудах гендерный фактор, можно отметить С.В. Бондарь, В.В. Потапова, Т.И. Шевченко, Т.Н. Медведеву, В.Н. Телию, А.В. Кирилину, И.В. Зыкову, В.А. Виноградова, Л.И. Сидорову, R. Brend, R.Fowler, A.L. Wallin-Aschcroft и др.

Прежде всего в области отечественных гендерных исследований следует выделить монографию В.Н. Телии [2], в которой автор анализирует воззрения на женщину, характерные для обыденного русского менталитета, и приходит к следующим выводам: 1) женщина в

русском обыденном самосознании не воспринимается как слабый пол; 2) во всех фразеологизмах о женщине как сексуальном партнере используется гастрономическая метафора «женщина-лакомый кусок»; 3) в православной русской культуре сложился стереотип женщины-домоседки; 4) особенное место отводится нравственной характеристике женщины: ей отводится сначала роль честной девушки, потом – верной жены; 5) наличие культурно-национальных коннотаций в образных основаниях фразеологизмов проявляется в оценке интеллектуальных способностей женщины как «недочеловека» по сравнению с мужчиной.

Исследователи обращают внимание на трудности изучения гендерного фактора во фразеологии: 1) семантическая осложненность как результат особой вторичной номинации; 2) нейтрализация грамматической категории рода; 3) особенности согласования внутри синтаксической цепочки; 4) отсутствие четких критериев отбора фразеологизмов для исследования гендерного фактора. И.В. Зыкова исходит из понимания фразеологической единицы, как трехуровневого знака, обладающего структурой, семантикой и референцией [1, с. 11].

Пословицы находятся в центре внимания ученых различных областей: фольклористов и лингвистов, что объясняется неоднозначностью их природы. С одной стороны, пословица – это самая краткая литературная форма, с другой, – она является языковым знаком. Л.Г. Пермяков указывает на тройственную природу пословицы, выявляя в ней свойства единицы языка, логики (так как она выражает суждение) и литературного произведения (поскольку это художественная миниатюра) [3, с. 8]. В нашем исследовании мы будем понимать пословицу как сложный языковой знак с текстовыми характеристиками и прагматическими функциями, практическое оценочное суждение, представляющее собой косвенный речевой акт и используемое как тактическое средство реализации коммуникативной стратегии говорящего [4].

Термин «антипословица», введенный В. Мидером [5], означает языковые единицы весьма широкого круга: пословицы, являющиеся смысловыми антиподами традиционных паремий; вывернутые наизнанку библейские сентенции, афоризмы и крылатые выражения знаменитых людей; обценные и бранные паремии; веллеризмы. Антипословицы являются показателем динамики развития паремий, одним из современных источников их жизни в языке. Для нашего исследования мы отобрали современные русские антипословицы из словаря Х. Вальтера и В.М. Мокиенко [6], ядром которых являются антропометрические лексемы, то есть существительные, семантической доминантой которых является признак пола. В статье представлена классификация антипословиц по семантическим признакам, отражающим характерные особенности мужчин и женщин, находящиеся в фокусе интереса говорящего, представителя определенной социальной группы в рамках современного русскоговорящего лингвокультурного сообщества.

В данной статье мы пока ограничимся описанием семантики и референции антипословиц с позиций создания образа мужчины и женщины в определенных кругах современного русского общества. Для достижения поставленной цели мы пользовались, прежде всего, методом сплошной выборки пословиц, имеющих в своем составе женские и мужские антропометрические лексемы. Для подсчета частоты использования гендерно маркированных лексем мы использовали статистический метод. С целью исследования семантической структуры пословичного значения мы также обращались к методу компонентного анализа.

Итоги исследования. Фокусом нашего исследования стал фразеологический фонд русского языка, куда включаются и пословицы, так как он представляет собой большую кладовую ценностей и культурно значимой информации для исследователя. Пословичный фонд – это не закрытая система, в которой бережно хранятся высказывания, фразеологический потенциал языка продолжает пополняться новыми высказываниями, быстро реагируя на самые острые современные социокультурные тенденции. В нашем исследовании мы попытались рассмотреть современный статус, место и роль мужчин и женщин в русском лингвокультурном сообществе на материале современных антипословиц.

Количество женских антропометрических лексем в пословицах русского языка значительно превышает количество мужских. Общее количество женских антропометрических

лексем по нашим данным – 330, а мужских – 198 [7, с. 57]. Такая фразеологическая активность женских антропометрических лексем говорит о гендерной асимметрии. Очевидный гендерный сдвиг демонстрирует тот факт, что женщина является центром пословичной и/или антипословичной гендерной репрезентации в русской культуре, а также занимает главенствующее положение в обществе ценностей фемининной культуры.

Доминирующее положение по количеству образованных пословиц занимают лексемы: *женщина* (185), *жена* (40), *баба* (35) и *девушка* (27), а также *мужчина* (119), *муж* (20), *мужик* (10) [7]. Такое числовое неравенство в пользу женских антропометрических лексем говорит о большей коммуникативной востребованности женщины как партнера. Выраженная гиноцентричность еще раз доказывает ориентированность пословиц на женскую доминанту, но видение мира осуществляется через призму маскулинной системы ценностей, женщина по-прежнему рассматривается чаще всего как существо второго порядка, как сексуальный партнер, необходимый, но не всегда надежный, красивый, но неумный, хитрый и меркантильный, недостаточно культурный, но при этом высокого мнения о себе.

Число отрицательно коннотированных антипословиц с мужскими антропометрическими лексемами значительно превышает количество пословиц с положительной оценкой. Язык, как отражение культуры, демонстрирует накопленный опыт и знания поколений, поэтому преобладание признаков *неотесанный* (*Мужчина должен быть вонюч, волосат и свиреп*), *пьяный* (*Истинная красота в глазах пьяного мужика*), *склонный к однополым связям* (*Парни встречаются, парни влюбляются, женятся*) и *недалекий* (*Если женщина называет мужчину самым умным, значит, она понимает, что второго такого дурака ей не найти*) говорит о том, что данные качества прочно вошли в современный образ русского мужчины. Совершенно новым «веянием» в общественной жизни человека можно назвать популяризацию и демократическую позицию относительно *однополых связей*, чему способствовало устранение различий в гендерных репрезентациях как вербально, так и визуально. Все это не могло и не отразиться в языке и культуре в целом.

Наш анализ показал, что перевес коннотированных антипословиц в сторону паремий с женскими антропометрическими лексемами говорит о большем интересе, проявляемом по отношению к женщине, женской деятельности, поступкам, жизни со стороны мужской половины русскоязычного общества. Более того, доминирующее число пословиц, содержащих семантические признаки *обременительная для мужчин* (*Без женщин жить трудно, а с ними – накладно*), *меркантильная* (*Я девушка порядочная, поэтому и дорогая*), *доступная и порочная* (*Девушка как пачка сигарет: один распечатывает, а пользуются все*), и *обманищица* (*Не верь девичьим слезам: крокодилы тоже плачут*), иллюстрирует стереотипное представление об образе современной русской женщины. В сознании определенной части русскоязычного общества закрепилось видение женщины как трофея, продажной, порочной, такой, которая из-за постоянной нужды в своем финансировании оставляет большую дыру в кошельке мужчины. Такая позиция женщины часто популяризируется в телепрограммах, журналах и социальных сетях, где обществу транслируется картинка красивой молодой женщины, ведущей роскошную жизнь благодаря своему щедрому покровителю, который, как правило, значительно старше ее. Примечателен тот факт, что восприятие женщины значительно ухудшилось в современной русской культуре относительно ее образа в прошлом.

Анализ антипословиц показал андроцентричный характер данной русской субкультуры при сохранении мужского видения мира. В результате проведенного исследования удалось установить большую паремиологическую активность женских антропометрических лексем, а также преимущественно негативную окраску как женских, так и мужских образов, конструируемых в структуре и семантике данных единиц паремиологического фонда.

Литература

1. Зыкова, И.В. Способы конструирования гендера в английской фразеологии / И.В. Зыкова. – М. : УРСС. – 232 с.

2. Телия, В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В.Н. Телия – М. : Школа «Языки русской культуры», 1996. – 288 с.
3. Пермяков, Г.Л. От поговорки до сказки (заметки по общей теории клише) / Г.Л. Пермяков. – М. : Наука, 1970. – 239 с.
4. Абакумова, О.Б. Пословицы в языке, сознании и коммуникации / О.Б. Абакумова. – СПб. : Алеф-Пресс, 2012. – 354 с.
5. Mieder, W. Antisprichwörter / W. Mieder. – Wiesbaden : Verlag für deutsche Sprache, 1982. – Vol. 1. – 305 p.
6. Вальтер, Х. Антипословицы русского народа / Х. Вальтер, В.М. Мокиенко. – М. : ОЛМА Медиа Групп, 2010. – 576 с.
7. Абакумова, О.Б. Антропометрические лексемы и структуризация образа мужчины и женщины в современных русских антипословицах с гендерным компонентом / О.Б. Абакумова, Н.В. Кирюхина // Дискурс профессиональной коммуникации. – М. : МГИМО, 2019. – № 1–2. – С. 50–59.

Орловский государственный
университет им. И.С. Тургенева

Поступила в редакцию 11.12.2019

УДК 811.161.3'373.23:811.161.3'282.2(476.2)

Да некаторых мянушак – характарыстык псіхічных якасцей асобы ў гаворках Гомельшчыны

У.А. БОБРЫК

У артыкуле падаецца лексіка-тэматычная група вясковых мянушак Гомельшчыны, што характарызуе псіхічныя якасці асобы. Паказана, што мянушкі ўказваюць на спецыфічныя рысы індывідуума і трапна характарызуюць яго. Многія мянушкі носяць эмацыянальна-ацэначны характар.

Ключавыя словы: мянушка, лексіка, лексіка-тэматычная група, персаніфікацыя, неафіцыйныя імёны, агульнаўжывальныя і дыялектныя лексемы, эмацыянальна-ацэначны характар, намінатыўная функцыя.

The thematic group of village nicknames of the Gomel region, characterizing the mental characteristics of the individual, is considered. It is shown that the nicknames point to the specific features of the individual and the aptly describe it. Many nicknames are emotional and evaluative.

Keywords: nickname, vocabulary, lexical and thematic group, personification of the informal names of actual education and dialect token, emotional and evaluative, nominative function.

Мянушкі, як неафіцыйныя імёны, шырока ўжываюцца ў паўсядзённым жыцці вяскоўцаў і ўяўляюць сабой аб'ёмны лексіка-семантычны пласт лексікі. Адметнасць вулічнай мянушкі ў тым, што яна, выконваючы намінатыўную функцыю, указвае на аднаго чалавека, на ўласцівыя яму спецыфічныя рысы і не толькі называе асобу, але і трапна характарызуе яе, таму большасць мянушак носяць эмацыянальна-ацэначны характар.

Даследчыкі называюць наступныя асноўныя прычыны ўзнікнення мянушак: недастатковую колькасць афіцыйных асабовых назваў у параўнанні з патрэбамі камунікантаў: «ні адна мова (і беларуская не складае выключэння) не мае ў сваім звароце столькі асабовых імён, каб імі можна было без паўтарэння назваць усіх членаў таго ці іншага грамадскага калектыву» [1], «імкненне да дакладнай персаніфікацыі пэўнай асобы, выдзяленне яе па якой-небудзь прыкмеце з пэўнага калектыву, асяроддзя» [2].

У якасці мянушкі практычна можа ўжывацца любое слова, вядомае вяскоўцам. У асноўным гэта агульнаўжывальныя літаратурныя лексемы, хаця шырокаўжывальнымі з'яўляюцца і дыялектныя.

Сабраны багаты фактычны матэрыял дазваляе вылучыць лексічна-тэматычную групу вясковых мянушак, што характарызуюць псіхічныя якасці асобы. У мянушках падкрэсліваюцца наступныя характарыстыкі асобы:

– *аматар сварыцца*: **Брытва** (в. Картынчы Лельч.), **Каза** (в. Карпаўка Лоеўск.), **Кіпяток** (в. Калыбаўка Жлоб.), **Крыса** (в. Ціхінічы Раг.), **Моська** (в. Азяраны Раг.), **Скаварада** (в. Чорнае Рэч.);

– *веруючы*: **Багамол** (в. Кузьмінічы Добр.), **Варажэй** (в. Радуга Ветк.), **Ікона** (г. Лоеў), **Майсей** (в. Бяланавічы Петр.), **Святы** (в. Рудня Калінк.);

– *востры на язык*: **Брытва** (в. Пірэвічы Жлоб.), **Жучка** (в. Курганне Раг.), **Жыжка** (в. Уборак Лоеўск.), **Крапіўка** (г.п. Церахоўка Добр.), **Перац** (в. Леніна Добр.), **Кактус** (в. Рэчкі Ветк.), **Мянташка** (в. Пірэвічы Жлоб.);

– *вучоны, шмат вучыцца, усё ведае*: **Мічурын** (в. Азершчына Рэч.), **Радыё** (п. Красны Маяк Гом.), **Цілівізар** (в. Ястрабка Лоеўск.), **Газета** (в. Буда Люшаўская Б-Каш.), **Справачнік** (в. Маркавічы Гом.), **Прафесар** (в. Маркавічы Гом.);

– *вяртлявы, рухавы*: **Белка** (в. Вуглы Раг.), **Матыль** (в. Чкалава Гом.), **Мікроб** (в. Ціхінічы Раг.), **Юла** (п. Вялікі Мох Б-Каш.), **Уюн** (в. Конкавічы Петр.);

– *гаваркі*: **Балай** (в. Рагі Гом.), **Балабешка** (в. Чамярысы Браг.), **Балабон** (в. Ляхавічы Жытк.), **Балабуха** (в. Пірэвічы Жлоб.), **Балоба** (в. Вуглы Раг.), **Балтушка** (в. Шкураты Браг.), **Бараболіха** (в. Хальч Ветк.), **Бёбко** (в. Давыдаўка Гом.), **Болбоцько** (в. Сямурадцы

Жытк.), **Бубен** (в. Званец Раг.), **Гаманіха** (в. Шкураты Браг.), **Гамоня** (в. Яроміна Гом.), **Лапатун** (в. Пакалюбічы Гом.), **Лапоцька** (в. Ціхінічы Раг.), **Лапоця** (в. Зялёныя Луки Гом.), **Мянташка** (в. Пірэвічы Жлоб.), **Перапелка** (в. Пярэдзелка Лоеўск.), **Перун** (в. Ліпляны Лельч.), **Сарока** (п. Глушыца Жлоб.), **Сініца** (в. Пярэдзелка Лоеўск.), **Тарапунька** (в. Чалюшчавічы Петр.), **Трандычыха** (п. Каравышань Гом.), **Трызор** (в. Званец Раг.), **Шабля** (в. Старое Сяло Ветк.), **Шчукар** (в. Слабада Б-Каш.), **Ямеля** (г.п. Капаткевічы Петр.);

– *ганарысты, самаўпэўнены, фанабэрысты*: **Барклай** (в. Азяраны Раг.), **Гусар** (в. Пярэдзелка Лоеўск.), **Гусь** (в. Дзімамеркі Лоеўск.), **Дваранін** (в. Картынічы Лельч.), **Задзірэй** (в. Рагі Гом.), **Карона** (г.п. Церахоўка Добр.), **Капітан** (в. Ястрабка Лоеўск.), **Мэр** (в. Баравікі Светл.), **Певень** (в. Алексічы Хойн.);

– *гнаўлівы, сварлівы*: **Байда** (в. Глушыца Жлоб.), **Бурбалка** (в. Ляхавічы Жытк.), **Гамус** (в. Майскае Жлоб.), **Каза** (в. Карпаўка Лоеўск.), **Крыса** (в. Ціхінічы Раг.), **Макагон** (в. Кавалёўка Раг.), **Лыч** (в. Чкалава Гом.), **Скаварада** (в. Чорнае Рэч.), **Федзя Канька** (в. Елянец Б-Каш.), **Чубка** (в. Старое Сяло Ветк.), **Цігра** (в. Радзеева Б-Каш.; в. Радуша Жлоб.);

– *гультаяваты, гультай*: **Біндуль** (в. Ляхавічы Жытк.), **Біч** (в. Конкавічы Петр.), **Блында** (в. Радуга Ветк.), **Калодка** (в. Салтанаўка Жлоб.), **Лабад** (г. Тураў Жытк.), **Лажбень** (в. Кажушкі Хойн.), **Лежань** (в. Малыя Аўцюкі Калінк.), **Лут** (в. Лапаціна Гом.), **Луцік** (в. Шарпілаўка Гом.), **Лындзік** (в. Азяраны Раг.), **Лянчык** (в. Шарпілаўка Гом.);

– *задзірысты, аматар пабіцца*: **Баба Каза** (в. Чорнае Рэч.), **Барэц** (г.п. Церахоўка Добр.), **Біюк** (в. Кузьмінічы Добр.), **Боўдала** (в. Пірэвічы Жлоб.), **Буйнік** (в. Бяланавічы Петр.), **Буян** (в. Малыя Аўцюкі Калінк.), **Вайна** (в. Аціркі Петр.), **Вурка** (в. Маркавічы Гом.), **Драпец** (в. Залунеўе Б-Каш.), **Лаза** (в. Радуша Жлоб.), **Казёл** (в. Рудня Целяшоўская Гом.), **Канаплюк** (в. Колкі Петр.), **Калчак** (в. Кашалёва Б-Каш.), **Клюка** (в. Вуглы Раг.), **Коршак** (в. Колкі Петр.), **Мамай** (в. Станькаў Раг.), **Певень** (в. Краснаселле Хойн.), **Пятух** (в. Азершчына Рэч.), **Сонька Вырві глаз** (в. Асобіна Б-Каш.), **Шэршань** (в. Беланавічы Петр.);

– *злы, злосны*: **Злыдзень** (п. Вялікі Мох Б-Каш.), **Клізма** (г. Жлобін), **Навальніца** (в. Маркавічы Гом.), **Перац** (в. Майскае Жлоб.), **Пірання** (п. Красны Маяк Гом.), **Рог** (г. Рэчыца), **Рыська** (в. Ванюжычы Петр.), **Сашка Бык** (в. Асобіна Б-Каш.), **Соля (Соль)** (в. Бяланавічы Петр.), **Сучка** (в. Кругавец Добр.), **Туча** (в. Церахоўка Добр.), **Храпа** (в. Малешаў Жытк.), **Хрэн** (в. Рудня Целяшоўская Гом.), **Цыбуліна** (г.п. Церахоўка Добр.), **Цытра** (в. Уборак Лоеўск.), **Шакал** (в. Бывалькі Лоеўск.), **Шмель** (в. Бабунічы, Беланавічы Петр.);

– *маўклівы*: **Воўк** (в. Праскурні Жлоб.), **Моўша** (в. Краснаселле Хойн.), **Рыбіна** (в. Уборак Лоеўск.);

– *назойлівы, надакучлівы*: **Гастрыт** (в. Азершчына Рэч.), **Дапаякучка** (в. Кароткавічы Жлоб.), **Жужка** (в. Бывалькі Лоеўск.), **Зык** (в. Рагі Гом.), **Камар** (в. Рудня Целяшоўская Гом.), **Кароста** (в. Тонеж Лельч.), **Клешч** (в. Залунеўе Б-Каш.), **Шашаль** (в. Шкураты Браг.);

– *неахайны*: **Абезьяна** (в. Чорнае Рэч.), **Галапупенка** (в. Касцюкоўка Гом.), **Гламазда** (п. Усход^{*} Б-Каш.), **Дзяружка** (п. Каравышань Гом.), **Дыдуха** (в. Церабееўка Рэч.), **Замарашка** (в. Рагі Гом.), **Кабыла** (в. Рэчкі^{*} Ветк.), **Караўка** (в. Рэчкі^{*} Ветк.), **Квашня** (в. Уборак Лоеўск.), **Кікімара** (в. Сямурадцы Жытк.), **Клуша** (в. Тонеж Лельч.), **Кнюх** (в. Саўхозная Б-Каш.), **Кулёма** (в. Ліпнякі Лоеўск.), **Кура** (в. Ліпнякі Лоеўск.), **Лахудра** (г. Жлобін; в. Удалёўка Лоеўск.), **Леля** (в. Пірэвічы Жлоб.), **Мазур** (г.п. Церахоўка Добр.), **Малпа** (в. Конкавічы Петр.), **Мурзілка** (в. Малінаўка Лоеўск.), **Растропа** (в. Церабаў Петр.), **Рэпанка** (в. Сямурадцы Жытк.), **Свіння** (в. Конкавічы Петр.), **Трыпузы** (в. Пірэвічы Жлоб.), **Хероня** (в. Уборак Лоеўск., в. Бушцін Б-Каш.), **Цюрыха** (в. Маркавічы Гом., в. Уборак Лоеўск.), **Чупачка** (в. Маркавічы Гом.), **Чуханец** (в. Зяцькавічы Карм.), **Чухонка** (в. Зяцькавічы Карм.);

– *нелюдзімы*: **Алібаба** (в. Маркавічы Гом.), **Воўк** (в. Сямурадцы Жытк.), **Дзічка** (п. Вялікі Мох Б-Каш.), **Ёжык** (в. Рудня Целяшоўская Гом.), **Звярок** (п. Нагорная Гом.), **Капуста** (в. Шарпілаўка Гом.), **Рабінзон** (в. Каравацічы Рэч.), **Тхор** (в. Вялікія Сялюцічы Петр.), **Тарзан** (в. Станькаў Раг.);

– *палахлівы, баязлівы*: **Асіна** (в. Карма Добр.), **Верабей** (в. Алексічы Хойн.; в. Рудня Целяшоўская Гом.), **Заяц** (в. Леніна Добр.), **Трус** (в. Алексічы Хойн.), **Капшук** (в. Колкі

Петр.), **Суслік** (в. Аціркі Петр.), **Чайка** (в. Сямурадцы Жытк.) **Крот Вольга** (в. Тонеж Лельч.), **Тхор** (в. Вялікія Сялюцічы Петр.);

– *песіміст, увесць час скардзіцца, жаліцца*: **Бурбалка** (в. Маркавічы Гом.), **Бядуха** (в. Вуглы Раг.), **Гаротнік** (п. Красны Маяк Гом.), **Журык** (в. Радуса Жлоб.), **Канька** (в. Елянец Б-Каш.), **Кароста** (в. Кавалёўка Раг.), **Кіслы** (в. Саўхозная Б-Каш.), **Няшчасніца** (в. Сямурадцы Жытк.), **Обіда** (в. Малешаў Жытк.), **Уксеус** (в. Пірэвічы Жлоб.);

– *пітушчы, піток, злоўжывае спіртным*: **Барыла** (в. Дзімамеркі Лоеўск.), **Барбос** (п. Глушыца Жлоб.), **Бітон** (в. Пірэвічы Жлоб.), **Вінішча** (в. Уборак Лоеўск.), **Жлукта** (в. Церабееўка Рэч.), **Кабак** (п. Васільеўка Добр.), **Кампот** (в. Малінаўка Лоеўск.), **Кульдзюм** (г.п. Церахоўка Добр.), **Лізун** (в. Іванькаў Лоеўск.), **Магарыч** (в. Леніна Добр.), **Мутны** (в. Радуса Жлоб.), **Насос** (г.п. Церахоўка Добр.), **Стакан** (в. Іванькаў Лоеўск.), **Стаканчык** (в. Азершчына Рэч.), **Трубіла** (в. Завічча Светл.), **Цадзілка** (в. Малыя Аўцюкі Калінк.), **Цундрык** (в. Колкі Петр.), **Цэбар** (в. Сямурадцы Жытк.), **Чаркін** (в. Азяраны Раг.), **Шкалік** (в. Неглюбка Ветк.);

– *плаксівы, шмат плача*: **Галасуха** (в. Зяцькавічы Карм.), **Слёзка** (в. Астражанка Лельч.);

– *пляткар*: **Аўчарка** (в. Дзімамеркі Лоеўск.), **Балаболка** (п. Усход* Ветк.), **Босы** (в. Кажушкі Хойн.), **Варона** (в. Каравацічы Рэч.), **Зрок** (в. Васількова Рэч.), **Путля** (в. Глушыца Жлоб.), **Сарока** (в. Шкураты Браг.), **Свіста** (в. Рагі Гом.), **Судак** (в. Давыдаўка Гом.), **Ціліўкала** (в. Кузьмінічы Добр.), **Юдка** (в. Радуга Ветк.);

– *працавіты, працалюбівы*: **Аганёк** (в. Стоўпня Раг.), **Буйвал** (в. Ціхінічы Раг.), **Бык** (в. Карпаўка Лоеўск.; в. Хальч Ветк.), **Жылін** (в. Ванюжычы Петр.), **Камета** (в. Маркавічы Гом.), **Кашэль** (в. Хальч Ветк.), **Мурашка** (в. Сямурадцы Жытк.), **Пчолка** (в. Хальч Ветк.), **Сундук** (в. Шарпілаўка Гом.), **Сяміжыльны** (в. Курганне Раг.), **Хвілінка** (в. Алексічы Хойн.);

– *разумова абмежаваны*: **Апенька** (в. Шарпілаўка Гом.), **Баран** (в. Майскае Жлоб.), **Валет** (в. Маркавічы Гом.), **Грак** (в. Старажоўцы Жытк.), **Дуб** (в. Бывалькі Лоеўск.), **Лапух** (в. Насавічы Добр.), **Пень** (в. Буша Люшаўская Б-Каш.);

– *сарамлівы*: **Бурачок** (в. Саўхозная Б-Каш.);

– *скупы, скванны*: **Базарнік** (г. Жыткавічы), **Беда** (в. Колкі Петр.), **Гнеда** (в. Церабееўка Рэч.), **Драла** (в. Новы Сцепаноў Браг.), **Жыд** (в. Маркавічы Гом.), **Іван Зубар** (в. Мікалаеўка Светл.), **Канаплюк** (в. Колкі Петр.), **Коршак** (в. Рудня Целяшоўская гом.), **Кулак** (в. Свяцілавічы Ветк.), **Куркуль** (в. Азяраны Раг.; в. Сямурадцы Жытк.; г.п. Церахоўка Добр.), **Скапчыха** (п. Каравышань Гом.), **Сыч** (в. Кузьмінічы Добр.), **Фэбус** (в. Бабоўка Жлоб.), **Хамідла** (в. Саўгаснае Б-Каш.), **Хапка** (в. Кавалёўка Раг.), **Хова** (в. Красноўка Нараўл.).

– *смелы*: **Жэнька Тарзан** (в. Асобіна Б-Каш.), **Чэпай** (в. Вароніна Жытк.);

– *спакойны*: **Рахманы** (в. Кажушкі Браг.), **Пуховы** (в. Малехаў Жытк.);

– *сонны, санлівы, любіць доўга спаць*: **Драмак** (в. Сямурадцы Жытк.), **Муха** (в. Маркавічы Гом.), **Пажарнік** (в. Касцюкоўка Гом.), **Храпа** (в. Малешаў Жытк.), **Храпела** (в. Асобіна Б-Каш.);

– *сэрцаед*: **Альфонс** (в. Хальч Ветк.), **Амур** (г. Жлобін), **Жарабец** (в. Рудня Целяшоўская Гом.), **Кошка** (в. Кашалёва Б-Каш.), **Луіс** (в. Радуса Жлоб.), **Манах** (в. Леніна Добр.);

– *упарты*: **Баран** (в. Уборак Лоеўск.; в. Чорнае Рэч.), **Бычок** (в. Званец Раг.), **Бык** (в. Яроміна Гом.), **Казёл (Козёл)** (в. Майскае Жлоб.; в. Сямурадцы Жытк.; в. Целяшы Гом.), **Паўло Стрык** (в. Сямурадцы Жытк.), **Убой** (в. Дзімамеркі Лоеўск.), **Чурбан** (в. Азяраны Раг.; в. Колкі Петр.);

– *усюды ўлазіць, умеіваецца*: **Вінт** (в. Свяцілавічы Ветк.), **Калумб** (в. Дзімамеркі Лоеўск.), **Кулік** (в. Сямурадцы Жытк.), **Пракурор** (в. Дзімамеркі Лоеўск.), **Шыла** (в. Грохаў Лоеўск.);

– *хітры*: **Жук** (в. Давыдаўка Гом.), **Змей** (в. Дзімамеркі Лоеўск.), **Круцька** (в. Рудня Целяшоўская Гом.), **Ліс** (в. Буда-Люшаўская Б-Каш.), **Ліса** (в. Ціхінічы Раг.), **Лука** (п. Вялікі Мох Б-Каш.), **Лявіцкі** (в. Кажушкі Хойн.), **Мендаль** (в. Алексічы Хойн.), **Пінцэт** (в. Пірэвічы Жлоб.);

– *хлуслівы*: **Брэхуль** (в. Клімаўка Гом.), **Соя** (в. Стоўпня Раг.);

– *ціхі, мірны*: **Голуб** (в. Лучын Раг.), **Марат Казей** (в. Ціхінічы Раг.), **Рахманы** (в. Кажушкі Хойн.), **Цюлень** (в. Рудня Целяшоўская Гом.);

– *шкодлівы, шкоднік*: **Жыган** (в. Кузьмінічы Добр.), **Кот** (в. Алексічы Хойн.), **Шчупак** (в. Азершчына Рэч.).

Багаты фактычны матэрыял сведчыць, што мянушкі, якія характарызуюць псіхічныя якасці асобы, складаюць значны пласт лексікі. Многія мянушкі ўтрымліваюць як прамую характарыстыку асобы, так і ўскосную. Некаторыя найменні сведчаць пра ўплыў на неафіцыйны імянік літаратуры, фальклору, мультыплікацыйных і кінафільмаў. Гумар, народная дасціпнасць і назіральнасць носьбітаў гаворкі з’яўляюцца рашаючымі фактарамі іх утварэння і ўжывання. Яны з’яўляюцца натуральнымі прадуктамі жывога ўжывання і на канкрэтных прыкладах дэманструюць шырокія словаўтваральныя магчымасці народна-дыялектнай мовы.

Заўвага: * – страчаныя вёскі.

Літаратура

1. Усціновіч, А.К. Найменні асоб мужчынскага полу ў актавых запісах Гродзеншчыны і Брэстчыны XVI–XVII стст. / А.К. Усціновіч // 3 жыцця роднага слова. – Мн., 1968. – С. 54.
2. Беларуская антрапанімія: вучэбны дапаможнік / Г.М. Мезенка (наук. рэд.) [і інш.] – Віцебск : УА «ВДУ імя П.М. Машэрава», 2009. – С. 118.

Спіс умоўных скарачэнняў (раёнаў):

Б-Каш. – Буда-Кашалёўскі; Браг. – Брагінскі; Ветк. – Веткаўскі; Гом. – Гомельскі; Добр. – Добрушскі; Жлоб. – Жлобінскі; Жытк. – Жыткавіцкі; Калінк. – Калінкавіцкі; Карм. – Кармянскі; Лельч. – Лельчыцкі; Лоеўск. – Лоеўскі; Нараўл. – Нараўлянскі; Петр. – Петрыкаўскі; Раг. – Рагачоўскі; Рэч. – Рэчыцкі; Светл. – Светлагорскі; Хойн. – Хойніцкі.

Гомельский государственный
университет им. Ф. Скорины

Поступила в редакцию 13.01.2020

УДК 821.161.1'06-311.6-4"198"*А.Адамович

«Военная» проза в рамках литературного процесса 1980-х гг.: художественные особенности, задачи и перспективы (на материале эссеистики А. Адамовича)

Е.Л. ГРЕЧАНИКОВА

Выявляются и анализируются основные тенденции, художественные особенности, актуальные задачи и перспективы «военной» прозы, обозначенные в эссеистике А. Адамовича 1980-х гг. (сборники эссе «Отвоевались!», «Выбери – жизнь»; книга «Ничего важнее: Современные проблемы военной прозы»).

Ключевые слова: «военная» проза 1980-х гг., эссеистика А. Адамовича, «писательская документалистика», проза нон-фикшн, «сверхлитература».

The main tendencies, artistic features, actual tasks and prospects of «military» prose, identified in A. Adamovich's essays of the 1980s, are revealed and analyzed (such works as collections of essays «Get Fought!», «Choose life»; the book «Nothing More Important: Modern Problems of Military Prose»).

Keywords: «military» prose of the 1980s, essays of A. Adamovich, «writer's documentary», non-fiction prose, «superliterature».

Один из основных проблемных вопросов эссеистики А. Адамовича 1980-х гг. – тенденции, особенности поэтики и перспективы развития «военной» прозы в рамках литературного процесса указанного периода. По мнению писателя, 1980-е гг. становятся для авторов литературы о Великой Отечественной войне временем переосмысления основных тенденций прошлых десятилетий, подведения итогов, поиска адекватных новой социокультурной ситуации форм. «Само время, кажется, примирило: почти затихли спорящие голоса в критике вокруг “окопной” и “неокопной” правды, вокруг “карты-двухвёрстки” и “глобуса”», – отмечает А. Адамович в эссе «Война и деревня в современной литературе» (1982 г.) [1, с. 26]. В то же время и «эпопейное» обобщение («...после войны, когда раны, казалось, особенно ныли, болели, там было больше не правдивой памяти, не реального чувства боли, а откровенного расчёта, стремление заново “перевоевать” войну, <...>, чтобы неудач, трагедий, жертв было как можно меньше» [1, с. 72]), и ракурс «лейтенантской» прозы («личной, солдатской и партизанской, памяти», «отрицающей прежнюю установку, безличную», «ренессанс исповедальной литературы» [1, с. 72]) как наиболее распространённые принципы создания художественной реальности представляются, по мнению автора, либо в меньшей степени актуальными, либо практически исчерпанными. В вышеназванном эссе А. Адамович указывает на ряд неактуальных явлений и предлагает перспективные, на его взгляд, «векторы» развития «военной» прозы. Так, автор негативно отзываясь о тенденции романтизировать военное время: «...Солдатская память бледнеет, кровавое выпцветает до розового. Солдат уже созрел до “военной романтики”, готов морочить ею головы будущим жертвам будущей бойни» [1, с. 30]. Так, критике подвергается проза Б. Васильева 1980-х гг.: «Но ведь что-то похожее происходит и со многими авторами – с их памятью военной. Ненавидя войну, провозглашая по-прежнему своё к ней отвращение, начинают любить и лелеять... свою память о войне. Ласкать её, свою память, “лейтенантскую”, “партизанскую” – и вот уже розовое сочинительство сочится из-под пера вчерашних жестоких реалистов. Это особенно заметно в произведениях эпопейного типа. Впрочем, в повестях также – Бориса Васильева, например» [1, с. 30].

Анализируя прозу В. Быкова, А. Адамович наряду с художественными достоинствами отмечает некоторую шаблонность сюжета и конфликта: «Сколько можно, Василь? Скоро каждую новую быковскую повесть будут брать в руки не с нетерпеливым, жадным любопытством, как прежде, а с понимающе-снисходительной усмешкой: что, снова трое в степи, в лесу? Снова – “критическая ситуация”?» [1, с. 148]. Автор делает вывод о «кризисе жанра» «военной» прозы: «И когда у Виктора Астафьева в повести “Пастух и пастушка” герой уми-

рает не от ран, а от “усталости”, <...> начинаешь подозревать, что писатель уловил и выразил “усталость” самой нашей “военной” литературы. Усталость от смертей, одинаково лишённых глубины вечных вопросов» [1, с. 88].

Традиционно творческим манифестом А. Адамовича считается эссе 1984 г. «Ну так сделайте *сверхлитературу!*», в котором прописываются отвечающие «потребностям времени» задачи современной «военной» прозы. Обоснование приоритетности *гуманистической функции* искусства и *гражданской гиперответственности писателя* также находим в эссе «Overkill. Адекватна ли реакция» (1984 г.), «Логика ядерной эры и литература» (1985 г.), книге «Ничего важнее...» (1985 г.): «Вспомним *толстовское*: весь мир погибнет, если я остановлюсь! В век ядерный не обязательная ли это мера *личного писательского соучастия* во всём и *ответственности за всё*...?» [2, с. 36]; «*назидательный и “беспощадный показ”* того, “о чём постоянно думаем”, – *показ минувшей и грозящей войны*» [3, с. 283, 285]; «Мы ещё в состоянии написать с “чувством войны” <...>, которого уже ни у кого не будет. Мы – последние в этом смысле. И *спрос с нас особенный*» [4, с. 317].

В эссе «Додумывать до конца» (1984 г.) автор сообщает о работе над собственным вариантом художественной «сверхлитературы»: «С 1982 года пишу ещё одну повесть – о том, о чём и мои статьи, выступления последних лет. Хотел побыстрее написать, делать ту самую “сверхлитературу”, с которой в статьях пристаю к другим» [5, с. 8]. Речь идёт об постапокалиптической антиутопии «Последняя пастораль», опубликованной в 1986 г., которую также в определённой степени можно рассматривать как «манифест» Адамовича-публициста.

В эссе «Какой представляется нам проза (литература) будущего?» (1985 г.) автор видит перспективу для «военной» прозы 1980-х гг. в актуализации *антимилитаристской тенденции* и *экологической проблематики*: «Минувшая война <...> – кровоточащая рана нашей памяти, народной, исторической. Но и она, как и всё остальное, *эстетически исчерпаема*. <...> Другое дело, что эту тему подпитывает <...> неотступная *мысль о войне следующей* (совмещённая с мыслью *об экологическом крушении “космического корабля Земля”*)» [6, с. 410].

В эссе «Взрыв на вершине литературы» (1982–1984 гг.), «Додумывать до конца» (1984 г.), «Полемический ответ белорусским авторам» (1987 г.) и др. Алесь Адамович говорит об извечной склонности человека к насилию и приводит в качестве примера факты из «Повести временных лет». При этом, сопоставляя историческое прошлое («доядерные времена») и события 2 половины 20 в. («ядерная эра»), писатель приходит к выводу: «У *психологии ядерной эры* есть и своя специфика...» [5, с. 19]. Основой новой «психологии» автор мыслит пацифизм и «сомнения» в противовес милитаризму и «доктрине возмездия» [7, с. 48]: «От “не убий” – к *Не убий человечество!*» [8, с. 149]; «*генералы-пацифисты*» [5, с. 19]; «Мы живём в эпоху, когда *памятники ставить надо не решительным, а как раз сомневающимся*» [7, с. 47] и т. п.

В ряде эссе А. Адамовича – «Додумывать до конца», «Логика ядерной эры и литература» и др. – возникают характерные аналогии: образы прошедшей войны используются при моделировании мира будущего, находящегося под угрозой уничтожения. Так, атомная бомба представляется автору современным и более жестоким «аналогом» солдата фашистской армии: «*Бомба-фашист* тоже прежде всего к живым глазам потянется, если вспыхнет тысячами солнц. Ещё и настоящее солнце превратит в *подручного-полицая*, выжигающего, вырывающего глаза у всего живого» [5, с. 17]. Населённые пункты, которые могут быть уничтожены в результате ядерного взрыва, А. Адамович называет «хатынями»: «Ну а сегодняшние многомиллионные города, на которые нацелены, вот-вот готовые вырваться из шахт, из-под воды, сорваться с крыла самолёта, ракеты с ядерными боеголовками, что они такое, города земли, – не те же “амбары”, “избы”, где уже собраны люди, а стены уже облиты бензином, обложены соломой, и кто-то зажигалку держит... *Города-Хатыни!.. Страны-Хатыни!.. Континенты-Хатыни!..*» [5, с. 20] Геноцид 1940-х в «модели будущего» трансформируется во «всеобщий геноцид, *самогеноцид* человечества» («омнецид») [5, с. 21]: «...Хоронили женщину, умершую за день-два до родов... Могила приняла, поглотила не только жизнь матери, но и её продолжение. Подумалось: вот он, образ, *лик Мадонны “термоядерного варианта”* истории» [2, с. 30–31]. После взрыва на ЧАЭС в эссе А. Адамовича («Слово к атомщикам» 1988 г. и др.) актуальна также аналогия «жертвы войны – жертвы “мирного атома”»: «*Первые недели, месяцы Чернобыля* у нас в Белоруссии, как нигде, может быть, *напоминали 1941-й*. Прежде всего – горе и *растерянность матерей и детей, сорванных в беженство*...» [9, с. 115].

К указанной стилистической фигуре автор также прибегает, высказываясь на резонансные для эссеистики и публицистики 1980-х гг. темы сталинских репрессий и коллективизации («Клуб, или Рукописи горят» 1986 г., «Эти “неожиданные” Куропаты» 1988 г., «Десять сталинских ударов» 1988 г., «Как я был крепостником» 1989 г.). Трагизм ситуаций – немецко-фашистская оккупация и коллективизация, репрессии 1930-х гг. – демонстрируется автором через аналогии «жертва войны с чужими – жертва войны со своими», «*“воевавший” – “сидевший”*» [10, с. 598]. Так, например, в эссе «Эти “неожиданные” Куропаты» А. Адамович говорит о 82 репрессированных в посёлке Глуша как о «жертвах <...> *антинародной войны диктатора*» [11, с. 230], а в эссе «Десять сталинских ударов» называет репрессии «*войной против собственного народа*», «десятью *сталинскими ударами по русской армии*» [12, с. 232]. К слову, аналогия «немецко-фашистская оккупация – сталинские репрессии / раскулачивание», по мнению А. Адамовича (эссе «Как я был крепостником»), также обнаруживается в прозе В. Быкова 1980-х гг. («Знак беды», «Облава»): «...Перекличка с “Волчьей стаей”. На человека охотятся. Только в повести “Волчья стая” о той, с немцами войне, – *на людей охотятся фашисты*, а в повести о “кулаках” *идут облавой на несчастного крестьянина свои*, тоже ограбленные сталинской коллективизацией жители деревни» [13, с. 255].

Говоря о 1980-х гг. как времени поиска новых, актуальных способов создания художественной реальности, автор отмечает полярность двух наиболее перспективных подходов: «Если читать (писать), то неотразимо бьющий в цель “документ”, а если не его, то “Маркеса”!» («Ну так делайте сверхлитературу!») [14, с. 328]. В результате «какая-то часть литературы тяготеет к документу» (т. н. «*новая документалистика*», «*писательская документалистика*»), а «другая, наоборот, отталкивается к противоположному полюсу» («*всё более смелое сочинительство*») [14, с. 325–326].

А. Адамович убеждён в оптимальном соответствии жанра «документа» потребностям эпохи и отмечает, что «*писательская документалистика*» – это именно та художественная форма, с помощью которой современный автор «военной» прозы способен быть максимально убедительным для читателя: «Можно, конечно, *вывести её за рамки литературы художественной*, нашу современную документалистику, но не останется ли тогда художественная с обломанным, укороченным крылом?..» [3, с. 273]. Художественный аспект «писательской документалистики», по мнению автора, очевиден, поскольку она «*немыслима без участия интуиции, без чувства эстетической оценки документальных материалов, эстетического отбора, без психологического, эмоционального заострения произведения через монтаж, выстраивание сцен, рассказов, документов и т. п.*» [14, с. 326]. Выбор корректного жанрового определения для «*писательской документалистики*» (в современном литературоведении – *нон-фикшн*) также один из проблемных вопросов. В эссе «Время живое» (1983 г.) А. Адамович говорит о «*репортаже с места исторического события*», «*репортаже непосредственно из дня вчерашнего*» [15, с. 237]. Однако в работе «Как быть гениальным» прежнее определение видится автору неактуальным: «*Это не репортаж, не сборник свидетельств. Это именно проза. Писатель соединяет голоса в хор, создаёт ораторию*» [16, с. 176–177]. «*Этически-хоровая проза*», «*роман-оратория*», «*соборный роман*», «*магнитофонная литература*» [15, с. 239] – поиск термина для нового художественного явления видится А. Адамовичу сложной литературоведческой задачей.

В прозе нон-фикшн о Великой Отечественной войне эссеист обнаруживает характерную «эволюцию»: от попытки зафиксировать «народную память» в целом – к сужению, *локализации, фиксации памяти той или иной социальной группы* (чьё видение событий отличается ракурсом от «всенародного»). Прежде всего это женский и детский взгляд: «Но обнаружилась и другого рода последовательность и преемственность. *Хатынь* – судьба деревни в тотальной войне – привела за собой в этот жанр <...> *ленинградскую блокаду* (судьба города), вместе они <...> *прокладывали путь к книге о женщине на войне*, и эта, в свою очередь, возвала к *детской военной памяти*» [16, с. 179]. В эссе «Война и деревня в современной литературе» также читаем: «...Нельзя не отметить постепенный сдвиг “фокуса”, *переакцентацию памяти* – в сторону *женских и детских судеб* в войне. А это означает и новый накал чувств и непривычную даже для “военной” прозы боль памяти» [1, с. 73].

Актуализация «детской» темы в «военной» прозе, по мнению А. Адамовича, может быть обусловлена рядом причин. Очевидно, что абсурдность войны с наибольшей остротой проявляется в художественном тексте через призму детского видения. «Этот приём не новый в литературе – *увидеть войну глазами невоенного человека*, через его восприятие рассказать об абсурдности и дикости этого нечеловеческого действия людей – убивать друг друга»

[15, с. 241]; *«Детскими (и женскими) глазами»* смотрит наша литература сегодня на то, чего человеку вообще не видеть бы!» [1, с. 77], – отмечает А. Адамович в эссе «Война и деревня в современной литературе» и «Время живое». У популярности «детской» темы есть и внелитературная причина. К 1980-м гг. поколение «детей войны» осознаёт себя «последними свидетелями» событий 1940-х гг.: «“Молодая гвардия” издаёт книгу “последних свидетелей” – воспоминания о минувшей войне тех, что тогда *были детьми*. За ними *живая память о войне уже обрывается*» («Как быть гениальным») [16, с. 175].

Таким образом, эссеистику А. Адамовича 1980-х гг. (сборники «Отвоевались!», «Выбери – жизнь»; книга «Ничего важнее: Современные проблемы военной прозы» и др.) правомерно рассматривать как цельный художественно-публицистический текст, комплекс суждений, выражающих гражданскую, литературоведческую и творческую позицию автора. Один из основных вопросов – художественные особенности и перспективы развития «военной» прозы. Говоря о задачах современной литературы, автор настаивает на приоритетности «в век ядерный» гуманистической функции искусства и необходимости осознания «личного писательского соучастия» [2, с. 36]. Современной «военной» прозе, по Адамовичу, необходима трансформация в «сверхлитературу», способную сформировать в сознании социума антимилитаристскую позицию и тем самым повлиять на исторический процесс. Среди художественных открытий автор выделяет т. н. «писательскую документалистику», которую считает одной из наиболее перспективных для современной «военной» прозы художественных форм.

Литература

1. Адамович, А.М. Война и деревня в современной литературе / А.М. Адамович // Выбери – жизнь : Лит. критика, публицистика. – Мн. : Маст. літ., 1986. – С. 3–190.
2. Адамович, А.М. Логика ядерной эры и литература / А.М. Адамович // Отвоевались!. – М. : Мол. Гвардия, 1990. – С. 30–38.
3. Адамович, А.М. Ничего важнее: Современные проблемы военной прозы / А.М. Адамович. – М., 1985. – 388 с.
4. Адамович, А.М. Overkill. Адекватна ли реакция / А.М. Адамович // Выбери – жизнь: Лит. критика, публицистика. – Мн. : Маст. літ., 1986. – С. 258–324.
5. Адамович, А.М. Додумывать до конца / А.М. Адамович // Отвоевались!. – М. : Мол. Гвардия, 1990. – С. 5–30.
6. Адамович, А.М. Какой представляется нам проза (литература) будущего? / А.М. Адамович // Выбери – жизнь: Лит. критика, публицистика. – Мн. : Маст. літ., 1986. – С. 407–414.
7. Адамович, А.М. Полемический ответ белорусским авторам / А.М. Адамович // Отвоевались!. – М. : Мол. Гвардия, 1990. – С. 45–48.
8. Адамович, А.М. Взрыв на вершине литературы / А.М. Адамович // Отвоевались!. – М. : Мол. Гвардия, 1990. – С. 127–156.
9. Адамович, А.М. Слово к атомщикам / А.М. Адамович // Отвоевались!. – М. : Мол. Гвардия, 1990. – С. 106–122.
10. Адамович, А.М. Клуб, или Рукописи горят / А.М. Адамович // Хатынская повесть. Каратели. Последняя пастораль: повести. – М. : Советский писатель, 1989. – С. 597–610.
11. Адамович, А.М. Эти «неожиданные» Куропаты / А.М. Адамович // Отвоевались!. – М. : Мол. Гвардия, 1990. – С. 225–231.
12. Адамович, А.М. Десять сталинских ударов / А.М. Адамович // Отвоевались!. – М. : Мол. Гвардия, 1990. – С. 232–234.
13. Адамович, А.М. Как я был крепостником / А.М. Адамович // Отвоевались!. – М. : Мол. Гвардия, 1990. – С. 251–255.
14. Адамович, А.М. Ну так делайте сверхлитературу! / А.М. Адамович // Выбери – жизнь: Лит. критика, публицистика. – Мн. : Маст. літ., 1986. – С. 325–341.
15. Адамович, А.М. Время живое / А.М. Адамович // Выбери – жизнь: Лит. критика, публицистика. – Мн. : Маст. літ., 1986. – С. 220–257.
16. Адамович, А.М. Как быть гениальным / А.М. Адамович // Отвоевались!. – М. : Мол. Гвардия, 1990. – С. 175–184.

УДК 398(476)''1940/1950''

Масавая самадзейная творчасць Беларусі 1940–1950-х гг. у кантэксце дыялогу з соцыумам

Н.А. ГУЛАК

Зроблены высновы пра прыроду самадзейнай слаvesнай творчасці савецкай эпохі. Прадстаўлены архіўныя матэрыялы, якія характарызуюць сацыяльны статус аўтараў вуснай традыцыі савецкай эпохі, іх мастацкую і крытычную рэфлексію. Даказана, што яна грунтуецца на дэактуалізацыі калектыўнасці як адной з анталагічных характарыстык фальклору, характарызуецца адназначнасцю, спрощанасцю, рэдукцыяй мастацкай рэфлексіі, паступовай стратай сувязі з фальклорнай і моўнай традыцыяй. Выкарыстаны новыя факты гісторыі фалькларыстыкі, якія пашыраюць проблемнае поле сучаснай навукі.

Ключавыя словы: фалькларыстыка, самадзейная творчасць, сацыялістычны рэалізм, народная традыцыя, масавасць.

The conclusions about the nature of Soviet amateur oral tradition are made. The archival materials are described. They characterize social status of authors of Soviet oral tradition and their artistic and literary critical reflexion. It is proved that it is based on deactivation of the collectivity as one of ontological characteristics of folklore and can be characterized by its unambiguity, simplification, reduced artistic reflection, and loss of ties with folklore and language tradition. The new facts from the history of folklore studies that brighten the problem field of the modern science are used.

Keywords: folklore studies, amateur art, socialist realism, folk tradition, mass character.

Уводзіны. З 1930-х гг. у тэорыі і збіральніцкай практыцы беларускай фалькларыстыкі паступова сцвярджаецца метада сацыялістычнага рэалізму. Вызначальным этапам гэтага з'явіўся Першы Усесаюзны з'езд савецкіх пісьменнікаў у 1934 г., на якім М. Горкі агучыў новую трактоўку народнай творчасці. Яна, па сутнасці, утрымлівала прамы сацыяльны заказ да фалькларыстаў і звязвала іх павестку з літаратуразнаўствам. Фальклор, прыроду якога вызначала калектыўнасць, варыятыўнасць і вуснасць бытавання, на думку тэарэтыкаў сацрэалізму, павінен быў нароўні з літаратурай рэпрэзентаваць новыя сацыяльныя каштоўнасці і прагрэс сацыялістычнага грамадства. Перад дзеячамі культуры БССР і фалькларыстамі паўстала ідэалагічна абгрунтаваная задача пошуку, асэнсавання і папулярызацыі ўзораў народнага мастацтва новага тыпу.

Асноўная частка. Матэрыял зборнікаў беларускага фальклору «Ленін і Сталін у беларускай народнай творчасці» (1937), «Чырвоная армія і абарона Радзімы ў беларускай народнай творчасці» (1938), «Дарэвалюцыйная і Савецкая Беларусь у народнай творчасці» (1938), «Беларускі народ супроць папоў і рэлігіі» і «Жанчына ў беларускай народнай творчасці» (1940) паказвае, што ў даваенны час у афіцыйным дыскурсе ўжо пачаў фарміравацца адпаведны корпус тэкстаў – беларускі савецкі фальклор, які выступаў элементам новай сацыялістычнай культуры. Гэта быў пачатак метадалагічнага крызісу навукі пра народную творчасць, які выразіўся ў вульгарызацыі тэарэтычных пытанняў і размыванні межаў аб'екта вывучэння фалькларыстыкі: у яе даследчую парадыгму была ўключана значная колькасць узораў масавай культуры, публіцыстыкі, аўтарскай творчасці, перапрацовак і інш.

Акрамя таго, у савецкай фалькларыстыцы легалізаваўся актыўны самадзейны аўтар, які ўжо не заставаўся ананімным, як у традыцыйнай культуры, а імкнуўся да вядомасці і сацыяльнага прызнання. Напрыклад, у раздзеле «Творчасць народаў СССР» хрэстаматыі С.І. Васіленкі «Народная творчасць» (Мінск, 1940) змешчаны аўтарскія творы знакамітай рускай казачніцы Марфы Крукавай, казахскіх акынаў Джамбула Джабаева, Джартыбая Кырыкпаева, дагестанскага ашуга Сулеймана Стальскага і інш. Крыніцы раздзела выбраны эклектычна: тут нязначная частка экспедыцыйных матэрыялаў, перадрукоўкі з саюзных, рэспубліканскіх газет, са сталінскага выдання «Творчество народов СССР» (1937) і інш. Заўважым, што персаналій беларускіх самадзейных аўтараў у выданні 1940 г. практычна няма.

У час Вялікай Айчыннай вайны народная творчая ініцыятыва праявілася і замацавалася надзвычай шырока. Узнікла складаная дынамічная сістэма фальклору, абумоўленая, як пісаў В. Гусеў, узаемадзеяннем розных відаў масавай мастацкай творчасці, пастаяннымі пераходамі з адной яе сферы ў іншую (з фальклорнай – у сферу самадзейнасці і наадварот) [1, с. 7]. Пры ўсёй неаднароднасці стылістыкі, народная творчасць гэтага перыяду набыла выразнае ідэйна-мастацкае адзінства. На адным полюсе яе культурнага кода знаходзіліся ўзоры савецкіх кампазітараў-песеннікаў і іх шматлікія пераклады, а на другім – дарэвалюцыйная салдацкая і сацыяльна-побытавая песня, познетрадыцыйная балада, жорсткі раманс і інш.

У пасляваенны час масавасць застаецца «адной з найважнейшых парадыгматычных канстант» савецкага мастацтва [2, с. 12]. З канца 1940-х гг. у БССР разгортваецца маштабны працэс пошуку новых «аўтараў з народа» і рэпрэзентацыі іх твораў. Трэба заўважыць, што працу з самадзейнымі аўтарамі на месцах вялі, у першую чаргу, чыноўнікі органаў кіравання самадзейнай народнай творчасцю БССР, службоўцы і літаратурныя крытыкі. Удзел прадстаўнікоў акадэмічнай супольнасці быў нязначны: навуковыя інстытуты АН БССР з цяжкасцю аднаўлялі працу ва ўмовах разбуранай пасляваеннай гаспадаркі і фарміравалі свой кадравы склад.

У дакументах 1950-х гг. Рэспубліканскага Дома народнай творчасці (далей – РДНТ) – структура, якая працавала з самадзейнымі аўтарамі, гаворыцца, што многія «таленты з народа» ўжо ўнесены ў спецыяльныя картатэкі, яны здольны пісаць творы «вялікай ідэйна-паэтычнай сілы». «Трэба толькі паклапаціцца, – піша метадыст, – накіраваць сілу іх таленту па шляху бальшавіцкай каштоўнасці і высокай мастацкасці ў нашай савецкай літаратуры. Неабходна даваць ім рэгулярныя кансультацыі, выпраўляць памылкі і падказваць найбольш самыя кароткія і правільныя шляхі выхаду з цяжкасцяў на творчым этапе аўтара <...> Беларускі народ, як і кожны іншы савецкі народ, невычэрпна багаты талентамі! Трэба толькі ўмець знаходзіць іх, зацікаўліваць, заахвочваць»¹ [3, л. 252–253].

Аднак толькі нешматлікія творы самадзейных аўтараў атрымалі шырокае распаўсюджанне. Так, у маі 1946 г. адным з дэлегатаў ад БССР на Усесаюзны конкурс збіральнікаў фальклору ў Маскве была выканаўца з Заходняга Палесся С. І. Сацкевіч. Яе эпічную паэму (сказ) «У сорак першым годзе набраўся Гітлер злосці» надрукаваў часопіс «Работніца і сялянка» (1946). У пачатку 1950-х гг. верш «Звезды коммунизма» самадзейнага аўтара А.П. Васільевай з Брэстчыны таксама прадстаўлены на адным з усесаюзных конкурсаў, быў апублікаваны і пакладзены на музыку савецкім кампазітарам А. Івановым-Крамскім. Верш выконваўся Хорам рускай песні Усесаюзнага радыё пад кіраўніцтвам А. Руднёвай як узор савецкага фальклору.

Асобныя самадзейныя творы атрымлівалі рэкамендацыі да публікацыі ў рэспубліканскіх органах друку. Напрыклад, Брэсцкі абласны ДНТ пасылае ў Мінск сатырычны верш А.П. Васільевай пра Трумана² з прапановай яго надрукаваць. Цяжка прасачыць, ці ўбачыў гэты твор свет і дзе, але захаваны ў архіве арыгінал дае ўяўленне пра канон, якога прытрымліваліся ў сваіх творах некаторыя аўтары з народа. Гэты канон, відавочна, уяўляе сукупнасць прапагандысцкіх клішэ, лозунгаў і вобразаў, сфарміраваных у палітычнай сатыры СССР у першыя дзесяцігоддзі халоднай вайны.

Как-то слухи до нас долетели, / Будто Трумен и друг Ачесон
Раньше времени встали с постели: / Неприятный приснился им сон.
Им все слышались странные звуки / Вроде гимна советской страны.
Так у Трумена отнялись руки, / Ачесон все испортил штаны.
Этот сон им приснился даром, / Он для Трумена так не пройдет.
Он грозит нам военным пожаром, / И в огне его сам пропадет.
И цыганка ему говорила, / Что, мол, сон вам плохое сулит,
Той *кашйцей*, что вы заварили, / Обожрется весь ваш Уол-Стрит [3, л. 38].

Тэкст паказвае, што грамадзянская свядомасць яго аўтара грунтуецца на наіўным пачуцці далучанасці і адказнасці за глабальныя палітычныя працэсы. Таму выбраныя сродкі

¹Архіўныя матэрыялы прыводзяцца з захаваннем арыгінальнага напісання.

²Прэзідэнт ЗША Гары Труман (1945–1953) і дзяржсакратар у адміністрацыі Трумана Дзін Ачасан. Пасля перамогі камуністаў у грамадзянскай вайне ў Кітаі Труман і Ачасан сталі аб'ектамі палітычнай сатыры ў СССР.

паказу ідэалагічных апанентаў СССР – гэта шаблонныя карыкатурныя вобразы. Больш месца выяўленню аўтарскай індывідуальнасці знаходзіцца ў тых вершах, якія мелі на мэце пазітыўны паказ сацыяльных рэалій савецкай краіны: выбараў, індустрыялізацыі, асваення цаліны, механізацыі і развіцця сельскай гаспадаркі.

У канцы 1940-х гг. пасля першых у пасляваенныя гады выбараў у Вярхоўны Савет БССР і ў мясцовыя Саветы ў самадзейнай творчасці, асабліва ў прыпеўках, стала папулярнай тэма радаснага, свабоднага волевыяўлення і вобраз агітатара, які рэпрэзентуе ўладу. Падобны прыклад у вершы Б.А. Атласа з Гродна:

От тихо постучался в нашу хату, / Промолвил: «Разрешите мне войти?
Я прикреплен к вам, я ваш агитатор, / Хочу у вас беседу провести».
Пришли соседи. В хате стало тесно, / Но тишина, с него не сводят глаз.
Всех увлек живой и интересный, / Сердца людей волнующий рассказ.
Он говорит простым, душевным словом, / О лучших людях, трудовых делах.
О коммунизме, о победах новых, / О предстоящих в марте *выборах*.
Мы с нетерпением ждем его прихода. / В каждой хате гость он дорогой.
Он агитатор призван для народа / И ему он служит всей душой. [3, л. 178].

Практычна ўніверсальнай ідэяна-мастацкай асновай самадзейных твораў, якія інтэрпрэтаваліся як узоры савецкага фальклору, з’яўляецца пафас калектыўнай працы, эйфарыя ад новых сацыяльных з’яў. Напрыклад, верш пра падпіску на масавыя займы³: *Мы подписались дружно на заём, / Для этого нас Родина призвала. / Чтоб радостью был полон каждый дом, / Чтоб жизнь еще лучше, краше стала. / Прошла та весть, как на море волна, / Будя в народе силу вдохновенья, / Чтоб крепла и цвела моя страна, / Мы ей отдали наши сбереженья* [3, л. 123].

Асабліва ўраджаў самадзейных аўтараў, многія з якіх былі носьбітамі традыцыйнай культуры, маштаб савецкіх ператварэнняў у сферы прыродакарыстання, працэсы асушэння і асваення зямель Палесся, будаўніцтва гідратэхнічных аб’ектаў і інш.⁴ Гэта праяўляецца ў пераасэнсаванні аднаго з ключавых канцэптаў народнай культуры – маці-зямлі, якая ўяўляецца не карміцельскай, а, у першую чаргу, скоранай стыхіяй: *Як зямля назаўсёды / Багаціі свае аддала, / І прырода нам ішасця / Ключы прынясла* [4, л. 24].

Какие б не были удары, / Отбить отобьем мы усим,
Где только зажгутся пожары, / И враз мы их все *погасим*.
Пророем глубоко мы недры / И нужные пласты земли.
Летаем далеко, где ветры, / Где воздуха нет и *пыли*.
Могучая сила в нас воли, / Она *непокорна извне*,
Мы падем и сеем у поли, / И зерна сдаем мы стране [5, л. 217].

У творчасці самадзейных аўтараў БССР сустраюцца прыпеўкі пра дасягненні мічурынскай аграбіялогіі акадэміка Лысенкі, пра зернавую вытворчасць па метадае Мальцава і інш. Тэматыка некаторых сёння гучыць досыць экзатычна, але разам з тым яна адлюстроўвае рэаліі свайго часу. Яшчэ ў 1930-я гг. пачалося ўкараненне ў сельскую гаспадарку БССР каўчуканоса – *кок-сагыза*⁵. Ён, як пазней кукуруза і інш., стаў усаўляцца прафесійнымі дзеячамі культуры⁶ і аматарамі. У пачатку 1950-х песню «Каўчук» напісаў рахункавод калгаса «Ударнік» Калінкавіцкага раёна Палескай вобласці М.Я. Хамяк:

Эх, сябра мілы, не сумуй, / Што ты родам паляшук.
Торф, балота распрацуй / Ды пасей на ім каўчук.
Там, дзе рос чарот, *багна*, / Загудзелі трактары,
Дужы конь той стальны / Узараў усе гушчары.

³З 1946 па 1957 г. было выпушчана пяць тыражоў 20-гадовых аблігацый, выручка ад якіх ішла на аднаўленне і развіццё народнай гаспадаркі. Удзел грамадзян у падпісных кампаніях фактычна насіў прымусовы характар.

⁴У канцы 1940-х – пачатку 1950-х гг. ажыццяўлялася Комплексная праграма навуковага рэгулявання прыроды ў СССР.

⁵У пачатку 1950-х гг. поспехаў у развядзенні кок-сагыза дасягнула Магілёўшчына. Многія беларускія калгаснікі і калгасніцы атрымалі ордэны і медалі за поспехі ў вырошчванні каўчуканосаў. З 1954 г. у сувязі з развіццём вытворчасці сінтэтычнага каўчуку плантацыі кок-сагыза больш не культываваліся.

⁶Кампазітар і фалькларыст Мікалай Чуркін – аўтар музычнай камедыі «Кок-сагыз» (1939), аперэты «Зарэчны барок» пра калгас, у якім вырошчвалі кок-сагыз (лібрэта – А. Жаўрук, А. Ушакоў).

Мы бригадаю, звяном / Кок-сагыз тут развядзем,
 Даглядзім і прыбярём / На заводы адвядзем.
 Эх, балотны лясны край, / Перастаў хадзіць тут рысь,
 Ды пачаў квітнець-расці / Наш айчынны кок-сагыз <...>
 База будзе поўная, / Наш калгасны каучук.
 Смычка⁷ стала цесная, / У людзі выйшаў Паляшук <...> [3, л. 136].

Даверлівую інтанацыю тут ствараюць элементы стылю *гутаркі*. Заўважым, што найбольшага росквіту гутарка як жанр мастацка-публіцыстычнага ананімнага твора на актуальныя тэмы народнага жыцця ці грамадскай маралі дасягнула напярэдадні сялянскай рэформы 1861 г. і паўстання 1863–1864 гг. У 1950-я гг. наўмысна спрошчаная гутарка ў пэўнай ступені адпавядае эстэтыцы сацрэалізму.

Прыведзеныя вершы з фондаў Рэспубліканскага дома народнай творчасці – толькі частка значнага масіву матэрыялаў. Рэцэнзіі на іх указваюць, што творы самадзейных аўтараў аналізаваліся, у першую чаргу, у аспекце літаратурнай крытыкі, пры тым што на тэарэтычным узроўні дэкларавалася фальклорная прырода тэкстаў [6, с. 100]. Наколькі прадстаўленыя вышэй вершы з'яўляюцца арыгінальнымі, якая ў іх доля прафесійнай дапамогі і рэдактарскіх правак, меркаваць цяжка. Адзначым толькі, што літаратурныя крытыкі і службоўцы, якія маглі ўплываць на самадзейных аўтараў з месцаў, таксама з'яўляліся «агентамі сістэмы» – сааўтарамі ўзораў савецкага фальклору.

Практычна ўсе карэспандэнты пішуць у РДНТ са шчырасцю, як, напрыклад, 72-гадовы Мікалай Іванавіч Дзядзенчук з хутара Парская Зарачанскага р-на Ровенскай вобласці УССР. Яго ліст ад 9.02.1952 г. адрасаваны старшаму метадысту В. Станкевічу. «Я Вам poslал свои творы 21 ноября и просил вас, чтобы Вы мне уведомили в письме, чы мои творы надаются до печати, чы совсем не годны... Мне очен хотелос-бы, чтобы Вы отпечатали прохождение моей жизни, чтобы мои внуки читали и поминали: вот наш дедушка был какой патриот и боролся за социализм. При этом посылаю я вам свой сердечный привет и желаю я Вам счастливого успеха в Вашей работы: и прошу я Вас, как получите мое письмо, то не пожалейте своего труда и дайте мне ответ, потому что я от Вас еще ответа не получал. До свидания, остаюсь искренне любящий Вас. С почтением Дяденчук Николай Иванович» [5, л. 561].

Рэцэнзент М. Клімковіч лічыць немэтазгодным публікаваць аўтабіяграфію М. Дзядзенчука, названую «Прохождение жизни»: яна «не павучальная і не характэрная». «О русско-немецкой войне 1914–1918 гг. он рассказывает языком царских реляций, о победе из плена, о разведках и пр. рассказывает так, что ни ума, ни ловкости в русском солдате не видно» [5, л. 567]. Па-іншаму ацэнена вартасць казак, дасланых М. Дзядзенчуком.

Паводле рэцэнзента, яны маюць значэнне для этнографіі АН БССР, але не для самадзейнай творчасці. «Дело в том, что т. Дяденчук хорошо помнит старинные сказки, которые бытовали в солдатской среде, в среде крестьян, находившихся под влиянием попов. В этих сказках (напр. «Сироты Вася и Анюта», «Я был в Париже», «Обед от весу», «Марко богатый»⁸) помещик оказывается добрым, бог – справедливым, купец – умным, Париж – раем, царь награждает по заслугам и пр. пр. Возобновляют эти сказки в памяти людей перепечатыванием их уже не стоит: народ сам давно отошел от их идеологической окраски, тем более, что бытовали они не среди всего крестьянства, а среди более или менее обеспеченной его части. Но даже в этих сказках есть отдельные сценки или мотивы, в которых прорывались взгляды и беднейшей части крестьянства: Вася не хочет идти на работу к пану, Марко Богатый зверски поступает с ребенком и пр. Вот почему они представляют интерес для сектора этнографии Института истории Академии Наук БССР» [5, л. 565]. Як вынікае з разгорнутага допіса рэцэнзента, літаратурнае значэнне некаторых узораў у тым, што ў іх багата прадстаўлены матывы традыцыйнай народнай казкі ў рознай ступені іх пераасэнсавання.

⁷Распаўсюджаная ў палітычным дыскурсе СССР 1930-х гг. ідэалагема *смычка города и деревни* выражала ідэю саюза рабочага класа і сялянства.

⁸Узгаданне рэцэнзентам казачнага сюжэта пра Марку багатага ўказвае на тое, што сярод казак Дзядзенчука былі каштоўныя ў навуковых адносінах узоры ўсходнеславянскай эпічнай традыцыі.

Некаторыя з казак, лічыць М. Клімковіч, можна было б апрацаваць, выключыўшы ці змяніўшы, напрыклад, матывы вернага служэння цару, і наадварот, узмацніць дэмакратычныя матывы. [5, л. 566]. Такім чынам, прафесійныя літаратары, крытыкі і цэнзары ўказвалі самадзейным аўтарам і адпаведным інстанцыям тэмы сэнсы, якія трэба аформіць. Тэксты крытыкі ідэйна карэлююць з тэкстамі савецкага фальклору і знаходзяцца з ім і дыялектычным адзінстве.

Заклучэнне. Захаваныя ў беларускіх архівах узоры літаратурнай творчасці самадзейных аўтараў БССР 1940–1950-х гг., якія рэпрэзентаваліся як савецкі фальклор, сёння занялі своеасаблівае маргінальнае становішча і не ўваходзяць у даследчае поле фалькларыстыкі і літаратуразнаўства. Іх ідэйна-вобразны план абумоўлены свядомай арыентацыяй аўтараў на актуальныя сацыяльныя тэмы і характарызуецца адназначнасцю, спрошчанасцю і рэдукцыяй мастацкай рэфлексіі. «Гібрыдная прырода» гэтай з’явы масавай культуры сярэдзіны XX ст. праяўляецца ў мінімальнай сувязі з народнай традыцыяй і ў той жа час у дэіндывідуалізацыі аўтара.

Літаратура

1. Гусев, В.Е. Народное творчество в годы Второй мировой войны и задачи его исследования / В.Е. Гусев // Советская этнография АН СССР. Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. – 1980. – № 4. – С. 3–11.
2. Круглова, Т.А. Искусство соцреализма как культурно-антропологическая и художественно-коммуникативная система: исторические основания, специфика дискурса и социокультурная роль : автореф. дис. ... д-ра философ. наук : 09.00.04 / Т.А. Круглова. – Екатеринбург, 2005. – 46 с.
3. Беларускі дзяржаўны архіў-музей літаратуры і мастацтва (БДАМЛіМ). – Фонд 79. – Воп. 1. – Справа 75. – 347 л.
4. БДАМЛіМ, Фонд 79. – Воп. 1. – Справа 139. – 30 л.
5. БДАМЛіМ, Фонд 79. – Воп. 1. – Справа 106. – 584 л.
6. Гулак, Н.А. Самадзейная творчасць як самарэпрэзентатыўная практыка савецкай культуры 1930–1960-х гг. / Н.А. Гулак // Часопіс БДУ Філалогія. – 2019. – № 2. – С. 93–101.

Функциональные характеристики эпитафа в художественном тексте

М.С. ЗАХАРОВА

Настоящая статья посвящена рассмотрению функциональных аспектов эпитафа в художественном тексте. В статье предпринимается попытка обобщения имеющегося объема научного знания по вопросам изучения функциональных особенностей (функциональных характеристик, функционального потенциала) эпитафа, а также устанавливается набор функций, характерных для эпитафа художественного текста.

Ключевые слова: эпитаф, функция/роль, функциональные характеристики, функциональные особенности, функциональный потенциал, полифункциональность.

The article deals with functional aspects of the epigraph in literature. The available scientific knowledge of functional features (functional characteristics, functional potential) of the epigraph is summarized and a set of functions characteristic of the literary epigraph is established.

Keywords: epigraph, function/role, functional characteristics, functional features, functional potential, multi-functionality.

Проблема функционирования эпитафа художественного текста неоднократно становилась предметом анализа многих исследователей, но считать ее изученной и полностью исчерпанной не представляется возможным. Именно сама факультативность (необязательность наличия) эпитафа в художественном произведении делает его присутствие особо значимым, и, тем самым, привлекает внимание исследователей.

По мере изменения подходов к анализу художественного текста и его структурных компонентов изменяется и представление о выполняемых эпитафом функциях, при этом в наиболее обобщенном виде *функция* эпитафа определяется как «назначение или роль, которую эпитаф выполняет в системе целого произведения» [1, с. 82]. Нередким оказывается употребление наряду со словами «функция» и «роль» синонимичных словосочетаний «функциональные характеристики», «функциональные особенности» и «функциональный потенциал/спектр» [2], [3], [4].

Общепринятым в настоящее время является и мнение о полифункциональной природе эпитафа, под которой традиционно понимается способность эпитафа выполнять одновременно несколько функций в произведении [5], [2], [6], [4].

Целью настоящей статьи является обобщение имеющегося объема научного знания по вопросу изучения функциональных характеристик эпитафа, а также установление набора функций эпитафа художественного текста.

Материалом для изучения и анализа послужили работы отечественных исследователей, в которых функциональные характеристики эпитафа выступают в качестве объекта или предмета проводимого исследования.

Одна из первых попыток изучения функционального потенциала эпитафа художественного текста на материале англоязычного прозаического текста принадлежит А.Г. Храмченкову, предложившему общую модель функционирования эпитафа с учетом его прагматических (коммуникативных) характеристик. Разграничивая адресантную (генеративную, относящуюся к процессам порождения текста) и адресатную (перцептивную, относящуюся к процессам восприятия текста) разновидности прагматики, А.Г. Храмченков выделяет функции эпитафа, эксплицирующие авторский замысел, и функции эпитафа, программирующие читательское восприятие. Так, к функциям, эксплицирующим авторский замысел, относятся *когнитивная* (передача мыслительного – идейно-тематического или комментирующего – содержания о тексте произведения); *лирическая* (раскрывает чувства и эмоции автора, выражает его отношение к написанному) и *орнаментальная* (создает дополнительный эстетический эф-

фект) функции. С ориентацией на читательское восприятие эпиграфа связаны *фатическая* (установка на пересечение ассоциативных тезаурусов автора и читателя в плане «узнавания эпиграфа читателем», возбуждение интереса читателя) и *конативная/апеллирующая* (воздействие на читателя, программирование его восприятия) функции [5].

Более детальную характеристику функций эпиграфа приводит в своих исследованиях Н.А. Кузьмина. Изучая функциональные характеристики эпиграфа в стихотворном произведении на материале русского языка, Н.А. Кузьмина обозначает в качестве одной из основных функций эпиграфа *информативную* функцию, под которой понимается способность эпиграфа выступать носителем разного рода информации как об авторе произведения, так и о вводимом эпиграфом тексте произведения [2]. При этом в работах Н.А. Кузьминой предлагается и самая подробная классификация типов информации, вводимой эпиграфом при реализации заложенного в нем информационного потенциала. Так, информация, вводимая эпиграфом, разделяется на *субъектную* (информация об авторе произведения и его личностных характеристиках: уровне образования, религиозных взглядах, профессиональных интересах, политических взглядах, моральных принципах, ценностях, ориентирах и т. д.) и *содержательную* (информация о вводимом эпиграфом тексте), а содержательная информация в свою очередь подразделяется на *содержательно-фактуальную* (эпиграф задает тему, которую подхватывает и развивает следующий за эпиграфом текст), *содержательно-концептуальную* (эпиграф выявляет концепцию, идею произведения) и *содержательно-подтекстовую* (эпиграф содержит оценочный контекст) [2].

В качестве самостоятельной функции эпиграфа Н.А. Кузьмина выделяет *формообразующую* или *формоопределяющую* функцию, определяя ее как способность эпиграфа создавать *лексико-стилистический* (задавать ключевые слова и группы слов, формировать стилистическую и эмоциональную тональность текста) и *архитектонический* строй произведения (определять архитектонику или структуру построения создаваемого произведения). При этом отмечается, что способность эпиграфа задавать архитектурную структуру произведения в большей степени характерна для поэтических произведений, имеющих четко упорядоченную структурную организацию [2].

Одной из универсальных функций эпиграфа Н.А. Кузьмина называет *диалогизирующую* функцию, заключающуюся в способности эпиграфа, как цитаты, выступать элементом диалогического построения художественного текста и «вводить в текст иную зрению или иную смысловую позицию» [2, с. 148].

В ряде исследований, затрагивающих функциональные аспекты эпиграфа, приведенная выше классификация Н.А. Кузьминой подвергается дальнейшему переосмыслению, уточнению и дополнению, что приводит к установлению (помимо обозначенных) ряда дополнительных функций эпиграфа. Так, И.В. Кошкинко, исследуя полифункциональную природу эпиграфа в творчестве А.С. Пушкина, конкретизирует *формоопределяющую* функцию Н.А. Кузьминой и подразделяет ее на *структурообразующую/композиционную* (способность эпиграфа влиять на особенности структуры, композиции произведения), *характерологическую* (способность эпиграфа принимать участие в развитии характера персонажа) и *ритмизирующую/ритмическую* (способность эпиграфа задавать ритмику или метрику следующего за ним текста) [6].

Помимо обозначенных выше, И.В. Кошкинко разграничивает *метатекстовую* функцию эпиграфа, под которой понимается способность эпиграфа не просто осуществлять отсылку к конкретному тексту-источнику, а посредством многомерных метатекстовых связей «выстраивать полемику со всей предшествующей литературной традицией», «намечать перекличку литературных эпох» [6, с. 7].

Интересным в плане выявления функционального потенциала эпиграфа являются исследования И.В. Арнольд, описывающей функциональные особенности эпиграфа художественного произведения с позиций герменевтики или теории интерпретации и понимания текста. Герменевтика эпиграфа в работах И.В. Арнольд связывается со способностью эпиграфа выступать одновременно в качестве объекта и субъекта интерпретации [7]. Как объект интерпретации эпиграф воспринимается как цитата, как часть некоторого текста-источника, обладающая собственным смыслом. Оказываясь субъектом интерпретации, на первый план выходит информативная

способность эпиграфа интерпретировать предвараемый им текст. Исходя из подобного понимания в качестве конституирующих функций эпиграфа художественного текста определяются *диалогическая, интертекстуальная и эйдологическая* (идейно-тематическая) функции [7].

Диалогическая функция эпиграфа связывается с диалогической концепцией М.М. Бахтина и его мыслью о том, что «всякое восприятие культурно-эстетических ценностей является диалогом между их создателями и другими участниками культурного процесса», и проявляется в способности эпиграфа выступать в качестве организующего звена данного диалога, обеспечивая непрерывность включения в него новых голосов [7, с. 88].

Интертекстуальная функция эпиграфа, по мнению И.В. Арнольд, означает способность эпиграфа (интекста) подчеркивать и выдвигать на первый план особенно важные элементы содержания произведения. Для филологической герменевтики также характерно внимание к пониманию смыслов, выраженных в произведении имплицитно. С этой точки зрения И.В. Арнольд отмечает, что имплицитность для эпиграфа является свойственной в большей степени, чем для художественного произведения в целом, и определяет эпиграф как «мостик между смыслами, уже имеющимися в «тезаурусе» читателя, и смыслами в предстоящем прочтении» [7, с. 91].

Помимо этого, И.В. Арнольд разграничивает *синтезирующую, оценочную и эстетическую* функции эпиграфа. Сжатость эпиграфа, способность выступать в качестве целостной единицы обозначения, отсылающего к тексту-источнику и представляющего его по принципу «часть вместо целого», обуславливают *синтезирующую* функцию эпиграфа по отношению к основному тексту [7]. *Оценочная и эстетическая* функции связываются с тем фактом, что эпиграф представляет собой цитату из так называемых прецедентных текстов (текстов-предшественников, ранее произведенных текстов). Так как основными прецедентными текстами традиционно выступают Священное Писание, мировая классика, народное творчество, то эстетический заряд взятого из подобного прецедентного текста эпиграфа оказывается чрезвычайно высоким.

Е.Н. Попова описывает функции эпиграфа как вида вторичной косвенной номинации вводимого им текста. Под вторичной косвенной номинацией в данном случае понимается способность эпиграфа, как цитаты, осуществлять номинацию вводимого текста не непосредственно, а опосредованно, т. е. через вынесенный в эпиграф фрагмент текста-источника. Рассматривая функции эпиграфа в зависимости от авторской интенции и условий коммуникации (типа текста, в котором функционирует эпиграф), Е.Н. Попова разграничивает *идентифицирующую и предикативную* функции эпиграфа. *Идентифицирующая* функция связывается со способностью эпиграфа обозначать основные (с точки зрения автора произведения) элементы повествования или наиболее важные признаки среди общих признаков описываемого в тексте произведения явления. Под предикативной функцией эпиграфа в работе понимается способность эпиграфа (также как заданного автором способа интерпретации текста) «приписывать излагаемым в тексте событиям и явлениям вторичные свойства, возникающие вследствие метафорического сопоставления отображенного в эпиграфе явления с явлениями, изображенными в тексте» [3, с. 210].

В работе Е.Н. Поповой также описываются способы реализации обозначенных функций эпиграфа на предтекстовом (эпиграф – название), текстовом (эпиграф – текст) и гипертекстовом (название – эпиграф – текст) уровнях. Наиболее характерной функцией эпиграфа на предтекстовом уровне признается *идентифицирующая*, которая в данном случае заключается в способности эпиграфа «сужать диапазон толкований содержательно-концептуальной информации текста, заданной в максимально сжатой форме в названии текста» [6, с. 213]. Языковыми способами выражения вышеназванной функции эпиграфа на предтекстовом уровне признаются эксплицитные формы семантического повтора (лексического и перифрастического).

Е.Н. Попова отмечает, что на текстовом уровне эпиграф выполняет *идентифицирующую и предикативную* функции одновременно, а семантическая корреляция эпиграфа и вводимого им текста выражается посредством форм семантического повтора с разной степенью экспликации языковой формы. При этом подчеркивается, что семантическая связь эпиграфа и текста значительно усложняется, если эпиграф состоит из нескольких цитат, взятых из разных текстов-источников. В таком случае смысл эпиграфа выявляется ретроспективно, после прочтения и осмысления следующего за ним текста [3].

И.Г. Тимакова, исследуя функционирование эпиграфа на материале немецкоязычного текста, предпринимает попытку историографического обзора функций эпиграфа, что позволяет в диахронии проследить логику выявления функций эпиграфа. Так, отмечается, что в 30-е гг. были выделены функции эпиграфа, раскрывающие идейно-тематическое содержание произведения, ориентирующие читателя на восприятие произведения, а также эксплицирующие позицию автора по отношению к своему произведению. В 70-е гг. внимание исследователей переключается на контекст, из которого взят эпиграф, и, следовательно, увеличивается количество исследуемых функций эпиграфа. С 80-х гг. эпиграф начинают рассматривать с точки зрения коммуникативного и когнитивного аспектов и выявляются такие аспекты функционального потенциала эпиграфа, как установление типов связи эпиграфа с заглавием и корпусом текста, воздействие на читателя [4].

И.Г. Тимакова, обобщая имеющийся материал по вопросам функционирования эпиграфа, предлагает разграничивать следующие функции: *когнитивная* (передача идейно-тематического содержания произведения); *лирическая* (раскрытие чувств и эмоций автора, его отношения к написанному); *орнаментальная* (выражение дополнительной эстетической информации); *фатическая* (узнавание эпиграфа читателем, возбуждение его интереса к прочитанному); *конативная* (воздействие на сознание читателя, подготовка к восприятию текста); *оценочная* (отражение точки зрения автора произведения, его отношения к изображаемой действительности); *поясняющая* (раскрытие смысла заглавия произведения); *оппозиционная* (способность вступать в полемические отношения с текстом произведения); *подтверждающая* (указание автора, как следует понимать его произведение); *референтная* (отсылка к диахроническому контексту); *субъектно-информативная* (введение информации об авторе произведения); *апеллятивная* (привлечение внимания читателя); *эмотивная/экспрессивная* (способность выражать авторское отношение к цитирующему произведению и задавать эмоциональную тональность) [4].

Помимо этого, И.Г. Тимакова, рассматривая функциональные аспекты эпиграфа, предлагает подразделять вышеперечисленные функции эпиграфов на *доминантные/универсальные* (свойственные всем литературным эпиграфам) и *маргинальные/специальные* (присущие не всем литературным эпиграфам), а также дополняет предложенную функциональную классификацию рядом таких *функций*, как *катафорическая* (отсылка к предваряемому тексту), *анафорическая* (отсылка к заглавию текста), *выделение части текста*, *создание горизонта ожидания*, *формирование читательской аудитории*, *открытие границ текста*, *создание завершенности текста* и т. д. [4].

Следует отметить, что предложенная И.Г. Тимаковой функциональная классификация эпиграфа при некоторой систематизации и более четком определении подхода, в рамках которого осуществляется изучение эпиграфа, позволяет довольно разносторонне описать функциональное своеобразие данного литературного явления.

Таким образом, на основании изложенного можно заключить, что диапазон выполняемых эпиграфом функций достаточно широк, а определение той или иной функции в качестве основной рассматривается исключительно как исследовательский прием, определяемый направлением, целью и задачами конкретного исследования.

Несмотря на описанное разнообразие функций эпиграфа, в большинстве исследований изучение функционального потенциала эпиграфа проводится по следующим основаниям: функции эпиграфа с авторской точки зрения; функции эпиграфа с читательской точки зрения; функции эпиграфа по отношению к предваряемому тексту; функции эпиграфа по отношению к источнику цитирования; функции эпиграфа по отношению к другим околотекстовым элементам (преимущественно заглавию) и внетекстовой реальности.

Следует отметить, что исследование функциональных характеристик эпиграфа в художественном тексте проводится на материале поэтических и прозаических произведений (принадлежащих к разным типам организации художественной речи), но в подавляющем большинстве случаев на материале одного языка (преимущественно русского, английского, немецкого).

На основании изложенного можно заключить, что перспективным направлением в исследовании эпиграфа художественного текста может стать сравнительно-сопоставительное

рассмотрение и описание его функциональных возможностей на материале нескольких языков (особенно тех, которые не попадали в поле зрения исследователей), что позволит дополнить и расширить имеющийся объем научного знания по вопросам изучения эпиграфа художественного текста, в целом, и его функционального потенциала, в частности.

Литература

1. Арнольд, И.В. Стилистика. Современный английский язык: учебник для вузов / И.В. Арнольд. – 6-е изд. – М. : Флинта, 2004. – 384 с.
2. Кузьмина, Н.А. Интертекст и его роль в процессах эволюции поэтического языка / Н.А. Кузьмина. – 2-е изд. – М. : УРСС, 2004. – 272 с.
3. Попова, Е.Н. Функции эпиграфа как вида вторичной косвенной номинации текста и способ их реализации / Е.Н. Попова // Прагматика и стилистика: сб. науч. тр. / Моск. ордена Дружбы народов гос. пед. ин-т ин. яз-в им. М. Тореца ; редкол. : Т.М. Баталова (отв. ред.) [и др.]. – М., 1985. – Вып. 245. – С. 206–218.
4. Тимакова, И.Г. Функционирование эпиграфов в немецкоязычном тексте : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / И.Г. Тимакова ; Моск. гос. лингвист. ун-т. – М., 2006. – 21 с.
5. Храмченков, А.Г. Роль эпиграфа в семиотической организации англоязычного художественного прозаического текста : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / А.Г. Храмченков. – Минск, 1983. – 206 л.
6. Кощиенко, И.В. Полифункциональность эпиграфа в творчестве А.С. Пушкина : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01 / И.В. Кощиенко ; Ин-т Русск. лит-ры (Пушкинский Дом) РАН. – СПб, 2004. – 23 с.
7. Арнольд, И.В. Герменевтика эпиграфа / И.В. Арнольд // Герменевтика в России. – 1998. – Т. 1. – С. 88–94.

Гомельский государственный
университет им. Ф. Скорины

Поступила в редакцию 19.11.2019

Реализация социального мифа через акт рассказывания в художественном произведении

М.М. ИОСКЕВИЧ

В литературоведении закономерен вопрос об авторском осознании и отношении к социальному мифу, его отображении в художественном творчестве. В тексте социальный миф неизбежно проявляется через акт рассказывания, так как способ донести содержание оказывает непосредственное воздействие на читательское восприятие, формируя требуемые мыслительные стереотипы. Цель данной статьи – выявить особенности акта рассказывания, через которые социальный миф реализуется в художественном произведении.

Ключевые слова: социальный миф, акт рассказывания, восприятие, социальный заказ, объектное слово, идеологическое слово.

In literary criticism it is logical to investigate the author's awareness and attitude to the social myth, its reflection in artistic creativity. In the text the social myth inevitably manifests itself through the act of storytelling because the way of conveying contents has a direct impact on the reader's perception forming the required mental stereotypes. The purpose of this article is to identify the features of the act of storytelling through which the social myth is realized in a literary work.

Keywords: social myth, act of storytelling, perception, social order, object word, ideological word.

Введение. Социальная мифология является одним из актуальных направлений исследования гуманитарных наук, таких как философия, политология, социология. «Энциклопедия социологии» (2009) дает следующее определение социальной мифологии – это «мифологическое сознание, эмоционально окрашенное, чувственное представление о социальной деятельности, замещающее и вытесняющее реальное представление о ней и ее подлинное знание, подменяющее объективное его субъективным восприятием, внешним и вымышленным» [1].

В целом оценка исследователей сущности этого явления неоднозначна. Ряд ученых отмечает неизбежность возникновения социальной мифологии, подчеркивая ее универсальный характер.

Мифологическое сознание, которое, по утверждению А.Ф. Лосева, во все времена свойственно человеку, способствует восприятию окружающего мира как абсолютной реальности: «миф есть (для мифического сознания, конечно) наивысшая по своей конкретности, максимально интенсивная и в величайшей мере напряженная реальность. Это не выдумка, но – наиболее яркая и самая подлинная действительность» [2, с. 396]. Ф.Х. Кессиди полагал, что миф является порождением коллектива, который «отразил в нем свои мечты и представления о мире и жизни» [3, с. 61].

Социальная мифология «обеспечивает процесс порождения действительности» [4, с. 84], выступает как система «онтологизированных семиотических ценностей, которые актуальны в данной конкретной социокультурной общности» [5, с. 148], это – «универсальный способ раскрытия основных проблем и противоречий современности» [6].

Однако во многих работах, посвященных социальной (политической) мифологии, подчеркивается негативная роль социального мифа в жизни общества, который выступает как средство манипулирования массовым сознанием, обуславливающий «выстраивание технологии искусственного мифотворчества» [7, с. 23]. По словам И.А. Каировой, «мифы, представляя собой феномен индивидуального или массового сознания, связанный с дефицитом информации и ощущением собственной социальной обделенности, консервируют социальные установки и мешают развитию общества» [8, с. 1506]. По мнению Т. Корниенко, социальная (политическая) мифология становится «важнейшим средством консолидации общества и противопоставления “своих” и “чужих”». Она дает человеку силы преодолевать житейские трудности и надежду на то, что все его лишения окупит счастливое будущее всего человечества. В этом отношении политический миф глубоко дегуманизирован; он внушает человеку мысль о том, что его индивидуальная жизнь ничтожна по сравнению с теми задачами, которые стоят перед партией и государством» [9, с. 52].

В литературоведении закономерен вопрос об авторском осознании и отношении к социальному мифу, его отображении в художественном произведении. Понятие «социальный миф» неразрывно связано с понятием «социальный заказ», предполагающим подчинение творческого замысла чужим директивам, раскрытие тем, навязанных идеологией. Художественные произведения обязаны «доводить до сознания то, что на языке постановлений доводилось до сведения, <...> оформлять и приводить в некую систему разрозненные идеологические акции, внедряя их в сознание, переводя на язык ситуаций, диалогов, речей» [10, с. 316].

Как мы полагаем, в художественном произведении социальный миф неизбежно проявляется через акт рассказывания, так как способ донести содержание оказывает непосредственное воздействие на читательское восприятие, формируя требуемые мыслительные стереотипы. Таким образом, цель данной статьи – выявить особенности акта рассказывания, через которые социальный миф реализуется в художественном произведении.

Основная часть. Акт рассказывания предполагает оперирование понятиями «повествователь» и «рассказчик». Существуют различные точки зрения по поводу смыслового наполнения этих терминов. В.Е. Хализев определяет их различие по грамматической форме: «повествователь» ведет рассказ от третьего лица, а «рассказчик» – от первого [11, с. 236], тогда как Б.О. Корман – по степени выявленности в тексте: «повествователь» – это «носитель речи, не выявленный, не названный, растворенный в тексте», а «рассказчик» – «носитель речи, открыто организующий своей личностью весь текст» [12, с. 33–34]. В свою очередь Н.Д. Тамарченко настаивает на функциональности термина «повествователь»: «Подчеркнем: повествователь – не лицо, а функция. Но функция может быть прикреплена к персонажу – при том условии, что персонаж в качестве повествователя будет совершенно не совпадать с ним же как действующим лицом» [13, с. 305]. В. Шмид дает следующие уточнения: «“повествователь” служит обозначением инстанции более или менее “объективной”, безличной, стоящей близко к автору», в то время как «рассказчик» – это более или менее «субъективная» инстанция, «совпадающая с одним из персонажей или принадлежащая миру повествуемых событий» [14, с. 64].

Мы придерживаемся следующей точки зрения: есть две основные позиции повествователей. Это всезнающий повествователь (вне фабульного пространства), который знает «все обо всех» [15, с. 186], и вымышленный рассказчик (внутри фабульного пространства), возникающий как «попытка обосновать правдоподобное повествование о частной жизни» [15, с. 187]. Следует также отграничивать термин «повествователь» от понятия «автор-творец» (по наблюдениям Е.В. Падучевой, в научной литературе они часто используются как синонимические [16, с. 202]). Автор-творец – это «создатель словесно-художественных произведений, мастер слова, “эстетически деятельный субъект” (М.М. Бахтин)» [17, с. 68]. Именно автор-творец реализует замысел произведения согласно социальному мифу, с учетом требований социального заказа, условий цензуры. При анализе также является важным понятие «биографического автора» – «личности, существующей во внехудожественной, первично-эмпирической, исторической реальности» [17, с. 68]. Эта фигура автора является первичной при воздействии социального мифа, что сказывается в первую очередь на фактах биографии писателя.

В плане анализа произведения с всезнающим повествователем, на первый взгляд, не представляют сложности, ведь читателю дозволено принимать на веру все откровения повествователя. Однако это не всегда облегчает диалог между автором и читателем, ведь картина читательского восприятия художественного произведения может меняться со сменой эпох, с приходом новых ценностей, что приводит к появлению новых интерпретаций классических произведений, преломлению их устоявшихся в читательском понимании смыслов, к читательскому несогласию с той или иной системой ценностей персонажей.

От степени доверия читателя к рассказчику зависит адекватность восприятия, ведь «повествование от первого лица не только не проясняет облика автора, но, наоборот, скрывает его. И всякая попытка прояснить его ведет лишь еще к большей маскировке субъекта процесса высказывания» [18, с. 77]. Принятие позиции рассказчика за непреложную истину снижает степень адекватности истолкования. При интерпретации художественного произведения необходимо определить, является ли рассказчик проекцией образа автора, и выявить степень достоверности рассказа и возможность доверия к нему читателя. Это особенно важно по отношению к произведениям, продвигающим официальную точку зрения на изображенные события, что

затрудняет выявление точки зрения «автора-творца» и «биографического автора». Таким образом, истинная авторская позиция достигается через биографические и текстологические исследования, позволяющие определить особенности авторского мироощущения, отношение писателя к идеологии политического режима, историю творческого замысла произведения и т. п.

Акт рассказывания, обусловленный социальным мифом, тесно связан с проблемой «*чужого слова*». Термин «чужое слово» введен М.М. Бахтиным, исследовавшим жанр романа. Исследователь указывает на огромную роль «чужого слова» и даже его преобладание в жанре романа.

М.М. Бахтин выделяет три рода слов: 1) «прямое, непосредственно направленное на свой предмет слово, как выражение последней смысловой инстанции говорящего»; 2) внеположное сознанию говорящего «объектное слово (слово изображаемого лица)»; 3) принадлежащее одновременно двум субъектам, по-разному ими осознаваемое и переживаемое «двуголосое слово» [19]. При исследовании произведений, обусловленных социальным мифом, особый интерес вызывает второй род слов, а именно – «объектное слово» (слово изображаемого лица). С помощью объектных слов раскрывается система ценностей персонажей, их точки зрения на происходящие события, и, следовательно, обозначается оппозиция «свой – чужой», с помощью которой организуется система персонажей. «Свои» – положительные персонажи, выражающие «правильную» (идеологически верную) точку зрения на происходящие события, которым противостоят «чужие» – враги, политические оппоненты и т.п. Задача объектных слов – вызвать положительный или отрицательный модус читательского восприятия по поводу героев и событий, соответствующий официальной точке зрения.

Одной из основных разновидностей объектных слов выступает в первую очередь *идеологическое слово*, которое традиционно выражается «в неких обобщенных формулах, лозунгах, разного рода пропагандистских штампах и постулатах, словах-концептах» [20, с. 97]. Идеологизированные клише проявляются «через модель общего суждения – аксиому, которая порождает эффект вневременности, незыблемости суждения» [20, с. 97]. К идеологическому слову относятся и непосредственно идеологемы как слова, обозначающие идеологические и политические понятия. Идеологическое слово попадает в художественные произведения непосредственно из средств массовой информации, оно имеет ярко выраженный эффект воздействия на читателя, поскольку максимально приближено к официальной идеологии и нередко его формулировки и клише могут рассматриваться как социальные мифологемы.

Особый интерес в социально-мифологических произведениях представляет «*слово “чужих”*» (то есть персонажей зачастую отрицательных, противостоящих системе ценностей главных героев), ведь по его содержанию можно судить о точке зрения, противоположной утверждаемой. Более того, оно позволяет сделать адекватное заключение и по поводу авторской позиции, ведь передача оппозиционных высказываний отрицательным персонажам с последующим их осуждением персонажами положительными либо повествователем – это один из способов донести до читателя авторскую точку зрения. А. Адамович называл такой способ «метадам “перададзенай трыбуны”» [см.: 21].

В речи как «чужих», так и «своих» может присутствовать лексика с негативной коннотацией, даже бранная лексика, направленная на оппонентов. Это один из самых простых и прямых способов принизить статус противоположной стороны.

Негативный смысл часто передается через *сравнения и метафоры с анималистическими и мифологическими образами*. Используются образы животных, несущих негативную коннотацию, ассоциирующихся с отрицательным признаком-символом человеческих качеств, черт характера, ведь «представление о том или ином животном складывается из присущих ему по самой его природе признаков, воспринимаемых человеком эмпирически (их определяют как сигнификат наименования животного), и признаков, приписываемых животному на основе хранящихся в генетической памяти народа длительных наблюдений за образом его жизни и поведением (такие характеристики называют коннотативными, или коннотациями)» [22, с. 163].

Основная задача акта рассказывания в произведениях, обусловленных социальным заказом, – вызвать положительный или отрицательный характер читательского восприятия по поводу героев и событий, соответствующий официальной точке зрения. Традиционный способ изо-

бражения «чужих» требует их осмеяния, принижения, «обесценивания». Помочь этому может смех, обличительная разновидность которого носит название «сатира». Как известно, сатира заключается в «уничтожающем осмеянии явлений, которые представляются автору порочными» и в произведениях советской эпохи «направлена прежде всего против врагов революции» [23, с. 195]. В искусстве сатира «становится способом и системой форм практического воплощения эстетической категории комического посредством иронии, сарказма, гротеска, бурлеска... и других специфических приемов неодобрения». Обличительный смех, вызываемый образами «чужих», реализуется через следующие элементы: «используется нескрываемое, карикатурное преувеличение (в описании внешности, одежды, поступков, речей, мыслей, чувств и т. д.), чем нарушаются естественные пропорции, создается намеренная дисгармония; персонажи ставятся авторами в нелепые положения, выявляющие их отвратительные черты; вздорные реплики этих персонажей, их примитивные цели и гнусные средства их достижения» [24, с. 313].

Заключение. Акт рассказывания, обусловленный социальным мифом, тесно связан с проблемой «чужого слова» (М.М. Бахтин), в частности, «объектного слова» (слово изображаемого лица) как его разновидности. С помощью объектных слов раскрывается система ценностей персонажей, их точки зрения на происходящие события, и, следовательно, обозначается оппозиция «свой – чужой». Разновидностями «объектного слова» выступают «идеологическое слово» (обобщенные формулы, лозунги, пропагандистские штампы и постулаты, слова-концепты, которые могут выступать в качестве социальных мифологем), «слово “чужих”» (по содержанию которого можно судить о точке зрения, противоположной официальной), лексика с негативной коннотацией, направленная на оппонентов, сравнения и метафоры с негативными анималистическими и мифологическими образами. В акте рассказывания традиционный способ изображения «чужих» требует их осмеяния, принижения, «обесценивания» через обличительный смех – сатиру, который реализуется через карикатурное описание внешности, одежды, поступков, речей, мыслей, чувств и т. д.

Литература

1. Мифология социальная / Энциклопедия социологии [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://sociology_dictionary.academic.ru/4428/МИФОЛОГИЯ. – Дата доступа : 20.11.2018.
2. Лосев, А.В. Знак. Символ. Миф / А.В. Лосев. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1982. – 480 с.
3. Кессиди, Ф.Х. От мифа к логосу / Ф.Х. Кессиди. – М. : Мысль, 1972. – 312 с.
4. Гриценко, В.П. Социальная семиотика / В.П. Гриценко. – Екатеринбург : ИМС, 2006. – 243 с.
5. Соболева, Н.И. Социальная мифология: социокультурный аспект [Электронный ресурс] / Н.И. Соболева. – Режим доступа : http://ecsocman.hse.ru/data/994/912/1217/019_soboleva.pdf. – Дата доступа : 20.09.2019.
6. Денисов, А.В. Миф в художественной системе музыкального театра XX века – к постановке проблемы / А.В. Денисов // Вестн. гуманитарной науки [Электронный ресурс]. – 2003. – № 3 (39). – Режим доступа : <http://vestnik.rsuh.ru/article.html?id=55060>. – Дата доступа : 20.09.2019.
7. Рюмкова, О.Г. Политический миф: теоретические основания и современная политическая практика : дис. ... канд. полит. наук : 23.00.01 / О.Г. Рюмкова. – М., 2004. – 152 с.
8. Каирова, И.А. Социальные мифы современного российского общества: основные направления и результаты исследования / И.А. Каирова // Вестник ДГТУ. – 2011. – Т. 11, № 8 (59), вып. 2. – С. 1504–1512.
9. Корниенко Т. Сущность и структура политического мифа / Т. Корниенко // Власть. – 2009. – № 10. – С. 49–53.
10. Добренко, Е.А. Не по словам, но по делам его / Е.А. Добренко // Избавление от миражей: соцреализм сегодня : сб. ст. – М. : Сов. писатель, 1990. – С. 309–334.
11. Хализев, В.Е. Теория литературы: учеб. / В.Е. Хализев. – М. : Высш. шк., 1999. – 398 с.
12. Корман, Б.О. Изучение текста художественного произведения / Б.О. Корман. – М., 1972. – 218 с.
13. Тамарченко, Н.Д. Акт рассказывания: повествователь, рассказчик, образ автора / Н.Д. Тамарченко // Введение в литературоведение. – М. : Высш. шк., 2006. – С. 300–310.
14. Шмид, В. Нарратология / В. Шмид. – М. : Языки славянской культуры, 2003. – 312 с.
15. Долинин, К.А. Интерпретация текста / К.А. Долинин. – М. : Просвещение, 1985. – 285 с.
16. Падучева, Е.В. Семантика нарратива: семантические исследования / Е.В. Падучева. – М. : Языки русской культуры, 1996. – 464 с.

17. Прозоров, В.В. Автор / В.В. Прозоров // Введение в литературоведение: учеб. пособие ; Под ред. Л.В. Чернец. – М. : Высш. шк., 2006. – С. 68–81.
18. Тодоров, Ц. Поэтика / Ц. Тодоров // Структурализм: «за» и «против». – М., 1975. – С. 37–113.
19. Теория двуглового слова М.М. Бахтина [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://studopedia.su/6_54165_teoriya-dvugolosogo-slova-m-m-bahtina.html. – Дата доступа : 20.09.2019.
20. Еремина, С.А. Социальное и индивидуальное в речи уральских политиков / С.А. Еремина // Лингвокультурология. – 2007. – № 1. – С. 96–103.
21. Адамовіч, А. Супраціў саветызацыі ў беларускай літаратуры (1917–1957) / А. Адамовіч // Да гісторыі беларускай літаратуры. – Мн. : Колас, 2005. – 1463 с.
22. Кубасова, А.О. Анималистическая лексика румынского языка как способ характеристики человека через сравнения и метафоры / А.О. Кубасова // Известия Росс. гос. пед. ун-та им. А.И. Герцена. Сер. Общественные и гуманитарные науки. – 2008. – № 65. – С. 162–167.
23. Елисеев, И.А. Сатира / И.А. Елисеев, Л.Г. Полякова // Словарь литературоведческих терминов. – Ростов н/Д. : Феникс, 2002. – С. 195.
24. Луков, Вл.А. Сатира / Вл.А. Луков, О.И. Федотов // Знание. Понимание. Умение. – 2013. – № 2. – С. 312–316.

Гродненский государственный
университет им. Я. Купалы

Поступила в редакцию 16.10.2019

Особенности репрезентации национальной истории в белорусской литературе Young Adult

О.А. ЛИДЕНКОВА

Статья посвящена выявлению характерных особенностей репрезентации темы национальной истории в современной белорусской литературе жанра young adult. Молодежная литература, ставшая отдельным феноменом в последние десятилетия, несмотря на широкое разнообразие представленных жанров, отличается ярко выраженными общими стилистическими чертами в интерпретации темы исторической памяти, которая в данных произведениях является одной из ведущих. Основное внимание уделено таким ее особенностям, как интертекстуальность, сосредоточенность на проблемах исторической правды, общественной иерархии, поиску объединяющей исторической концепции.

Ключевые слова: историческая проза, молодежная литература, интертекстуальность, аллюзия, дистопия, исторический миф.

The distinctive features of contemporary Belarusian young adult literature that has been developing rapidly in the last few decades are revealed. Youth literature, which has become a separate phenomenon in recent decades, despite the wide variety of genres represented, is distinguished by pronounced general stylistic features in interpreting the theme of historical memory, which is one of the leading ones in these works. Despite the great variety of genres, modern Belarusian literature shows similarities in threaten the concept of our national history. A lot of intertextual references point to the desire to save our close historical links to European cultural heritage. At the same time there is a definite shift in the perception of religion and social hierarchy if compared to the previous generations of writers.

Keywords: historical fiction, young adult literature, intertextuality, allusion, dystopia, historical myth.

Национальная история всегда играла заметную роль в произведениях белорусских писателей. На данный момент этой теме посвящены совершенно разные по своему характеру произведения. Это историческая, историографическая, новоисторическая проза, где преобладает то романтико-мифологизирующее, то интеллектуальное, эпическое, детективное или авантюрно-приключенческое начало. Есть как самостоятельные произведения (В. Короткевича, В. Орлова, К. Тарасова, О. Ипатовой и др.), так циклы и серии (Л. Дайнеко, Л. Рублевской), рассчитанные на вкусы совершенно разных категорий читателя. Заметным явлением последнего десятилетия стало возникновение нового поколения совсем молодых писателей, в творчестве которых именно тема исторической памяти народа играет ведущую роль. Это К. Шталенкова, З. Каминская, А. Длатовская, Е. Асноровский, М. Кутузов и др. Не в последнюю очередь это заслуга минской «Школы молодого писателя», выпускниками которой являются многие молодые авторы, и одним из наиболее заметных преподавателей которой является Людмила Рублевская – известный прозаик и литературный критик.

Как справедливо отмечают критики, «Праблема большай часткі літаратуры для дзяцей і падлеткаў у тым, што аўтары зусім не адчуваюць як гэта – пісаць падлеткавую літаратуру [1]. Практически всем упомянутым авторам нет тридцати, и их произведения рассчитаны, прежде всего, на молодежную аудиторию, интересы и потребности которой они во многом разделяют. В «Губернскім дэтэктыве» К. Шталенковой или «Гене зямлі» А. Длатовской вчерашний школьник найдет достаточно много деталей, тривиальных с точки зрения критика-литературоведа, но близких и понятных для себя. Иронизирование над содержанием школьной программы, например, видно в скуке, которая одолевает жительницу Минской губернии панну Пракшину при чтении модного «современного» романа «пра крывавае забойства», который «цалкам расчараваў, і больш за ўсё з-за бясконных разважанняў і moralites, трываць якія не было ніякіх сіл» [2, с. 29]. Приблизиться к интересам читателя авторы стараются и через специфический юмор: «я была адчайна прыгожая: з распушчанымі валасамі. <...> У доўгай, да пята, беласнежнай кашульцы» [3, с. 15] Однако романтические фантазии шестнадцатилетней героини и ее отчаянное желание казаться взрослой встречаются с жестокой ре-

альностью ее отражения в зеркале: «Уся кашулька была ўсыпана маленькімі блакітнымі сабачкамі і костачкамі, якія былі перавязаныя банцікамі» [3, с. 15]. Можно заключить, что одна из главных целей нового поколения писателей – приблизить литературу к обычным людям и изменить стереотипное восприятие белорусскоязычных книг, которое уже сформировалось в сознании массового читателя. В недавнем интервью А. Длатовская вполне четко обосновала подобный подход: «Аўтарка не прэтэндуе на элітарнасць? Аліна адказала, што не прэтэндуе. «Я гэтага не саромеюся і не бачу тут нічога дрэннага. Калі я была маленькая і пачынала размаўляць па-беларуску ў восьмым класе, мне бракавала беларускамоўнага падлеткавага масліту пра нейкія падлеткавыя каханькі, загоны, а па-руску мне чытаць не хацелася. Вось на такое кола чытачоў я і прэтэндую» [4].

Несмотря на разнообразие представленных жанров и подходов к исторической теме (а практически ни одно из произведений наших новых авторов нельзя отнести к чистой исторической прозе), в текстах данных писателей можно проследить несколько общих черт в подходе к трактовке национального прошлого.

Во-первых, это создание ощущения включенности в современный культурный мейнстрим. К. Шталенкова в своей трилогии одновременно выступает как писатель, дизайнер и иллюстратор, создавая художественно и литературно целостное произведение, жаль не достигшее формата полноценного графического романа. В рассказе «Гульня слоў» З. Каминская использует популярный формат квеста и интерактивной настольной игры, чтобы погрузить читателя в реалии прошлой эпохи. Тексты молодых авторов насыщены аллюзиями, реминисценциями, цитатами, источниками которых в равной степени являются как белорусские, так и зарубежные произведения. Например, в трилогии К. Шталенковой «Адваротны бок люстра» легко угадывается формула историко-приключенческих произведений массовой культуры: тайный орден, охраняющий магический артефакт, и зашифрованные дневники целиком выдержаны в стилистике популярных книг Дэна Брауна. Пара подростков путешествующих во времени, девочка с талантом открывать порталы очень напоминают знаменитую трилогию Керстин Гир. Сверхспособности героев (телепатия, общение с духами, психометрия), равно как явные элементы дистопии в «Гене зямлі» А. Длатовской находится в полном соответствии с жанровыми канонами современной литературы young adult. Электронный дискурс, комикс-культура проявляются на разных уровнях в произведениях З. Каминской, М. Кутузова. Даже сама идея национальной идентичности в книге А. Длатовской (вполне в духе какой-нибудь популярной вселенной DC) превращается в загадочную вакцину: «Ён шукаў нататнік. З формулай. Я так зразумеў, гэта нейкая «вакцына беларускасці» [5, с. 22]. Сама же Беларусь и, в особенности, белорусский язык становятся отдельными действующими лицами и источниками суперсилы: «Беларуская мова абуджае ў некаторых людзях нешта такое <...> Звышнатуральнае, <...> цяпер наша краіна вынайшла іншы спосаб абараніць сябе» [5, с. 19].

Стоит отметить, что интертекстуальность в целом характерна для белорусской исторической прозы. Достаточно вспомнить, что и ставшее классикой «Дзікае паляванне караля Стаха» В. Короткевича не раз сравнивали с «Собакой Баскервиллей» А. Конан Дойла. Много универсальных элементов вобрали в себя исторические детективы М. Адамчика, М. Климовича, С. Балахонова. Написание поддельной священной книги, которую ее автор собирается выдать за апокриф из «Забойства на каляды» М. Адамчика, очень близко проблематике романов У. Эко «Принцип немотивированного убийства», чтобы скрыть настоящее – прием, популяризированный еще Г.К. Честертоном и А. Кристи. Практичный следователь Сокол, который отвергает сложные политические и идеологические мотивы убийства в пользу банальной корысти, словно сошел со страниц детективов К. Чапека: «а я дык ведаю дакладна, што чалавек ідзе на злачынства або з-за грошай ці іншага матэрыяльнага інтарэсу, – следчы пачаў загінаць пальцы» [6, с. 37].

Одновременно осовремениваются и получают новое развитие многие классические темы белорусской исторической прозы. Например, традиционно главным фактором продвижения национальной идеи считается белорусский язык. В творчестве молодых авторов вопрос языка в осмыслении судеб своих предков зачастую оказывается центральным: «Я калі чытаў пра іх, рэпрэсаваных пісьменнікаў, не разумеў, навошта яны пісалі. Мова не тое каб папу-

лярная. Яшчэ нацыяналістам назавуць. Не надрукаваць нічога. Навошта? Навошта гэтыя словы?» [7, с. 103]. Полноправным персонажем становится язык в рассказе М. Малявко «Адшукаць мову». Языковая проблема рассматривается здесь со всех возможных сторон и – что не редкость в современной белорусской литературе – приобретает метафорически-мистическую окраску. В тексте язык становится сначала сокровищем, которое, словно сказочный злодей, ревностно оберегает префект: «Але прэфект трымаў мову пад замком, не падпускаў вучня да яе. Відаць, крыўдаваў, што гэтаму ўбогаму хлапчуку мовы так лёгка даюцца, што такія спагадныя яны да яго – самі клічуць да сябе» [8]. Одновременно «мова» – жертва политической борьбы и человеческих слабостей: «Тады яму было шкада сябе, а зараз – мову. Як яна там была, пакінутая? Мове нельга надоўга заставацца ў адзіноце. Яна загіне. І тады ўжо ніхто не даведаецца, што яна значыць і як яе чытаць» [8]. И в то же время она – высшая сила, которая наделяет избранника непостижимым для непосвященных знанием: «“Так... Мовы самі знаходзяць мяне”. Ён іх выбранец, адораны іх любоўю» [8].

Однако современные авторы не ограничиваются только проблемой национального языка, но значительно расширяют спектр возможностей для популяризации белорусской идеи. А. Длатовская в «Гене зямлі», как отмечает Н. Гришук, на первый план выводит влияние на молодежь и ее понимание национальной идентичности самых простых проявлений массовой культуры – текстов песен, самых банальных сувениров и одежды с орнаментом.

З. Каминская опровергает «болотный» белорусский стереотип через красоту искусства – картины А. Киш, которые дарят людям мечты о счастье, а стране – величие: «Я ў вас знайшоў «Сусветную энцыклапедыю наіўнага мастацтва», міжнароднае выданне. Русо, Пірасмані, а ад нас – Кіш. Уяўляеш, які гонар? Адзіная прадстаўніца сваёй краіны. Калі б не яна, мо Беларусь бы і не згадалі» [9, с. 36].

При этом стоит отметить уход в творчестве молодых авторов от традиционно важной для белорусской исторической прозы религиозной темы. Достаточно вспомнить насколько значимая роль религиозным мотивам, будь то единая христианская вера или многообразный язычески пантеон, отводилась в творчестве О. Ипатовой, В. Ковтун, В. Чаропко и других. Консолидирующая или наоборот деструктивная сила сакрального – от суеверия до опасного заблуждения, даже фанатизма – нередко является одним из основных мотивов исторических детективов М. Адамчика, М. Климовича, С. Балахонова: «маюць прытась апаскудзіць сьвятое.... Мста!Мста!Мста!» [10, с. 119]. Ничего подобного нельзя увидеть в произведениях молодого поколения, даже сила крестика которой изгоняет русалок героиня Каминской, по сравнению с влиянием на судьбы персонажей «дываноў» Киш, больше ощущается как дань конвенциональным изображениям изгнания нечистой силы, по сравнению с той смыслополагающей ролью, которую религиозный дискурс играет у более старшего поколения.

Заметным отличием между писателями, рассматривающими тему исторического пути Беларуси, становится трактовка темы власти и права на власть которая остро стоит в произведениях писателей более старшего поколения: В. Орлова, Л. Дайнеко В. Чаропко и других. Если даже обратиться к популярным зарубежным циклам в данной тематике, легко заметить, насколько большую роль в них играют вопросы социального положения, будь то фэнтези, дистопии или просто школьная драма о жестких иерархических структурах внутри подросткового коллектива. Как отмечает исследователь и журналистка Карен Велби, «today's Y.A. best-seller lists are thick with kings, queens» [11]. Сюжеты о кровавой борьбе королевских домов занимают такой большой процент молодежной литературы именно потому, что в художественной форме отражают близкую и знакомую подросткам по собственному опыту реальность поиска своего места в установленной кем-то иным общественном строе: «chosen genre mirrors the social drama and painful clashes at her private school. The power games played out in small, petty ways in high school are present in these novels on a grand, political scale» [11]. Отечественные молодые авторы либо вовсе не озабочены властными темами, либо эти темы представлены очень слабо. Проблеме «Хто яны: гаспадары ці паслухмяныя выканаўцы чыёйсьці невядомай волі?» в трилогии Шталенковой посвящена одна эта фраза на первой странице, дальше эта тема не является хоть сколь-либо значимой, и сама автор описала свое произведение как «кнігу для падлеткаў, дзе няма абсалютна нічога правакацыйнага» [12].

Ли Бардуго, известная автор молодежных бестселлеров, говорит что цель большей части литературы young adult – помочь подросткам адаптироваться к острой конкурентной борьбе, которая ожидает во взрослой жизни: «There is ample room for darkness in these books. But they preach resilience. They read like survival guides» [11]. Мрачная эстетика с гнетущей атмосферой, элементами ужаса и готики, бескомпромиссная борьба героев за выживание находит отклик в обостренном, драматичном восприятии реальности, свойственной подростковому сознанию, что и выражается зачастую в интересе к темной стороне окружающей действительности и ощущении, что незначительная с точки зрения взрослого человека ситуация является вопросом жизни и смерти: «“Fantasy novels give this illusion that the stakes are as high as they feel when you’re a teenager,” said Leigh Bardugo, “But I think for teenagers they actually are that high. I think you really are dealing in a world of tremendous cruelty and intensity, and Y.A. gives truth to that”» [11].

Всего этого мы не видим у молодых белорусских авторов. Формально являясь антиутопией, «Ген зямлі» поражает той легкостью, с которой герои добиваются успеха в борьбе против жестокой репрессивной организации: «Двойное жыццё дазваляла Прытулку функцыянаваць. У яе былі грошы, каб забяспечыць усім неабходным тых, каму давялося кідаць мінулае ды хавацца пад зямлю» [5, с. 112]. Стремление аккуратно и без лишних потерь подогнать все сюжетные линии под желательный финал, позволяют некоторым читателям вполне справедливо охарактеризовать подобную тенденцию «Готыка ў сіропе» [13].

Настоящей проблемой основным движущим посылом и основой конфликта для наших авторов является поиск правды и протест против фальши – в жизни, отношениях, эмоциях и реакциях.

Внимание к истинности имени – один из аспектов этой проблемы. Еще в романе «Імя грушы» один из героев, оказавшийся затем убийцей, меняет белорусскую фамилию: «Александровіч» на «Александров», у К. Шталенковой в «Кривавых дукатах» худшие качества стереотипного чиновника воплощает губернский секретарь Дзятлік, который упорно настаивает на форме своей фамилии «Дзятлікаў», чем вызывает насмешки остальных персонажей в отношении местных жителей, которые угодливо «спяшаюцца дадаць да прозвішчаў рускія канчаткі» [2, с. 42]. Имена во всех этих случаях в контексте произведений – наглядная иллюстрация конфликта исторических мифов истинных и ложных а также надежда на то, что мы сможем отделить одно от другого.

Признак настоящей смелости для героев – мужество говорить правду, в том числе о своих чувствах и мотивах: «Але для таго, каб сказаць гэта, трэба было мець значна больш смеласці, чым для таго, каб ісці супраць цэлай Сістэмы» [5, с. 113]. Из этого следует максимализм в требовании искренности отношений: «Ён бы хацеў сказаць <...> Дзякуй за тое, што, якім бы ён ні быў жорсткім, прынцыповым і патрабавальным, ён заўсёды быў з сынам шчырым, у адрозненне ад падманліва мяккага, эгаістычнага хроснага» [5, с. 113]. Остро стоит вопрос справедливости в смысле исторической оценки событий: «Ці вось гэтая Кіш: ты казаў, што пры жыцці яна амаль жабравала, а цяпер застанеца навечна ў памяці. Мо справядлівасць жыве недзе там, насуперак зямному» [9, с. 36]. Произведения С. Балахонова при всей присущей им ироничности и отсутствия конвенционального пиетета перед культурными авторитетами сосредоточены на борьбе между правдой кажущейся и настоящей, реальностью и субъективным ее восприятием, что ярко демонстрирует его «роман в трех измерениях», где три очевидца совершенно по-разному воспринимают одни и те же события. Сатирическое представление ложных мифов в творчестве писателя проявляется в том числе через обыгрывание конвенционального патриотического дискурса, который на поверку оказывается на уровне местечковых любительских теорий: «Ён быў перакананы ды імкнуўся давесці іншым, што словы “Гамэр” і “Гомель” аднакарэнныя» [10, с. 55]. Безосновательность подобных теорий, тем не менее, эффективна в создании ложного мифа о величии страны, ведь и «Иллиада» и «Одиссея» написаны на «старажытных дрыгавіцка-радзіміцкіх дыялетах» [10, с. 56]. Окончательное торжество веры над фактами происходит в третьей части романа в образе самозванной жрицы-актрисы Ирены, в больном сознании которой идея кривичской концепции доходит до стадии параноидального шизофренического бреда: «Праўдзівы дух крэваў не згіне <...> бо мёрты дом дойліды стаўляюць, і будуць туды вятры з бакоў чатырох дзьмуці, і Зюзя дубінаю сваёю страху скідаць будзе» [10, с. 119].

Вариант этой темы – ситуация, когда случайный подлог, обусловленная чисто личными мотивами фальсификация становятся много позже главным аргументом в выкладках историков, а легенда обретает силу правды, появляется, например, в романе «Забіць нягодніка» Л. Рублевской, рассказе «Сцэнар смерці» М. Климковича.

Из приведенных примеров следует, что мотив поиска истины строится на парадоксе уверенности в ее существовании и одновременном признании крайней субъективности человеческого восприятия. «Усё ж такі гэта было даўно. Мабыць, нешта зацёрлася, як на старым дыску? Мабыць, чалавечая свядомасць недастаткова дасканалая, каб правільна ўспрымаць гістарычныя падзеі?» [5, с. 31].

Часто этот же мотив появляется в контексте противостояния различных идеологических точек зрения, сложности вынесения однозначных оценок в отношении многих событий и личностей белорусской истории: «Паслухай, я не апраўдваю яго. Я ўсяго толькі хацела паказаць, што ў беларускай гісторыі ёсць і такія людзі, як Іван Пуліхаў <...> Неадназначныя. Мы павінны захоўваць памяць пра іх таксама. Мы не маем права абіраць, што памятаць, а што не, як спрабуе зрабіць «С.О.Н.» [5, с. 36].

Таким образом, в произведениях современного поколения белорусских писателей историческое прошлое продолжает играть одну из первостепенных ролей. Продолжая исследовать и развивать некоторые традиционные для отечественной литературы мотивы (проблему национального языка, включенности Беларуси в европейский исторический и культурный контекст) молодые авторы смещают акценты (с вопросов иерархии к проблеме исторической правды), расширяют круг затрагиваемых тем, открывают новые, актуальные аспекты культурной истории, утверждают невозможность сложившихся однозначных исторических концепций.

Литература

1. Шталенкова, К. Адваротны бок люстра [Электронны рэсурс] / К. Шталенкова // Livelib – сайт о книгах. – Режим доступа : <https://www.livelib.ru/review/711511-advarotny-bok-lyustra-kseniya-shtalenkova> – Дата доступа : 12.11.2019.
2. Шталенкова, К. Губернскі дэтэктыў. Справа аб крывавых дукатах / К. Шталенкова. – Мн. : Кнігазбор, 2017. – 216 с.
3. Шталенкова, К. Адваротны бок люстра / К. Шталенкова. – Мн. : Мастацкая літаратура, 2016. – 382 с.
4. Дварэцкая, А. «Пункт адліку» ў Школе маладога пісьменніка [Электронны рэсурс] / А. Дварэцкая. – Режим доступа : https://lit-bel.org/news/Punkt-adlku--Shkole-maladoga-psymennika-FOTAGALEReYa-8210/?sphrase_id=241448. – Дата доступа : 19.10.2019.
5. Длатоўская, А. Ген зямлі: апавесць / А. Длатоўская. – Мн. : Кнігазбор, 2017. – 131 с.
6. Адамчык, М. Забойства на каляды: апавесць, апавяданні / М. Адамчык. – Мн. : Мастацкая літаратура, 1994. – 126 с.
7. Камінская, З. Гульня словаў / З. Камінская // Дзеяслоў : літаратурна-мастацкі часопіс. – 2016. – № 4 (83). – С. 94–104.
8. Маляўка, М. Адшукаць Мову [Электронны рэсурс] / М. Маляўка. – Режим доступа : <https://newbellit.wordpress.com/2016/04/26/марыя-маляўка>. – Дата доступа : 19.11.2019.
9. Камінская, З. Русалкі клічуць: апавесць / З. Камінская. – Мн. : Кнігазбор, 2017. – 107 с.
10. Балахонаў, С. Імя грушы : раман, апавяданні / С. Балахонаў. – Мн. : Логвінаў, 2005. – 226 с.
11. Valby, K. Why have novels about royalty stormed the Y.A. best-seller lists? [Electronic resource] / K. Valby. – Mode of access : <https://www.nytimes.com/2019/07/19/books/review/ya-novels-royalty-best-sellers.html>. – Date of access : 28.10.2019.
12. Студэнтка ЭГУ замахнулася на гістарычную трылёгію [Электронны рэсурс] // Generation. Штодзённік пакалення Y. – Режим доступа : <http://generation.by/news5258.html> – Дата доступа : 12.11.2019.
13. Рублеўская, Л. «Дагератып» [Электронны рэсурс] / Л. Рублеўская // Livelib – сайт о книгах. – Режим доступа : <https://www.livelib.ru/review/1051909-dageratyp-lyudmila-rubleskaya> – Дата доступа : 12.11.2019.

УДК 811.101. 3'42'367.623:159.933.513:398.92

Аб вытоках колеравай семантыкі і сімволікі прыметніка *белы* на матэрыяле фразеалагізмаў

В.А. ЛЯШЧЫНСКАЯ

У артыкуле прасочваецца развіццё і станаўленне семантыкі і сімволікі прыметніка *белы*, крыніцай чаго паслужылі фразеалагізмы з гэтым колеравым кампанентам. У выніку аналізу семантыкі і ацэнкі фразеалагізмаў з кампанентам *белы* выяўляецца развіццё колеравай семантыкі прыметніка *белы* і другаснасць яе ў адносінах да прыметніка *чорны*, сувязь іх, устанаўліваюцца вытокі колеравага значэння слова праз прота-колёр.

Ключавыя словы: колер, семантыка, белы, чорны, фразеалагізм, эвалюцыя, кампанент, сімволіка.

The development and formation of semantics and symbolism of the adjective *white*, the source of which are phraseological units with this colour component are considered. As a result of analysis of the semantics and evaluation of the phraseological units with the component *white*, the development of colour semantics of the adjective *white* and its secondary nature referring to the adjective *black*, their connection, the sources of the colour meaning of the word through proto-colour are established.

Keywords: colour, semantics, white, black, phraseologism, evolution, component, symbolism.

Для лінгвістаў і найперш фразеолагаў, сёння ўжо бясспрэчнае палажэнне аб тым, што фразеалагізмы кожнай мовы з'яўляюцца адной з важнейшых крыніц ведаў пра культуру народа, паколькі яны адлюстроўваюць, захоўваюць і трансліруюць без змен формы і зместу тую культурную інфармацыю, якая была закладзена ў асноўным у далёкім мінулым (новымі фразеалагізмамі кожная мова не так хутка і не так колькасна папаўняецца, асноўны склад фразеалагізмаў – гэта здабыткі мінулых часоў) пры іх утварэнні як спосаб замацавання ведаў і сродак сцісласці, хутка запамінальнага, вобразнага ўяўлення нашых далёкіх продкаў пра пэўны, але важны бок жыцця народа, пра тыя выпрацаваныя правілы і нормы паводзін чалавека, яго зносіны з іншымі людзьмі, пра важнейшыя маральныя каштоўнасці. Вось чаму галоўным для нас з'яўляецца «прачытанне» фразеалагізмаў, выяўленне той інфармацыі, якую яны ўтрымліваюць і могуць дадаткова да сваёй семантыкі, вобразнасці, эмацыянальнасці, ацэнчанасці і дзякуючы ім данесці, раскрыць, дапоўніць і інш.

Вывучэнне фразеалагізмаў з колеравым кампанентам наглядна даказвае, што, па-першае, пры ўтварэнні фразеалагізмаў ідзе ўважлівы адбор кампанентаў для стварэння вобразаў з імі. Так, у беларускай фразеалогіі выдзяляецца адносна невялікая група адзінак з кампанентам-найменнем колеру, што можна патлумачыць, з аднаго боку, адносна невялікай колькасці ўвогуле гэтых найменняў у мове, па-другое, абмежаваннем абраных з ліку ўсіх найменняў колеру ў якасці асновы вобразаў фразеалагізмаў. І гэта абмежаванасць тлумачыцца, як вядома, тым, што «ў аснове ўтварэння ФА [фразеалагічных адзінак – В.Л.] ляжыць адбор кампанентаў-лексем, якія ў дафразеалагічным выкарыстанні служылі назвай пэўных сімвалаў, выступалі ключавымі словамі» [1, с. 119], ці тых слоў, што вызначаюцца закадзіраваным імпліцытным ацэнчаным зместам, у якіх «замацаваны канцэптуальныя сувязі з прататыпамі, адпаведна, захаваныя глыбінныя (зыходныя) зместы» [2, с. 33].

З ліку такіх слоў-колеранайменняў, як *белы*, *блакітны*, *зялёны*, *ружовы*, *сіні*, *чорны*, *чырвоны*, *шэры*, як кампанентаў фразеалагізмаў беларускай мовы найбольш частотныя *белы* і *чорны*. Толькі ў «Слоўніку фразеалагізмаў» І.Я. Лепешава як найбольш поўным слоўніку літаратурнай фразеалогіі адзначана 20 фразеалагізмаў з кампанентам *белы* і 16 з кампанентам *чорны* [3]. Аналіз гэтых фразеалагізмаў паводле семантыкі і ацэнкі, каштоўнасных арыенціраў паказвае, што ў іх скарыстана найперш кантрастнасць ацэнкі, ці супрацьлегласць сімволікі, што матывуецца колеравым кампанентам *белы* і *чорны*.

Справа ў тым, што звычайна прыметнік *белы* ў нашай свядомасці ўспрымаецца са станоўчай ацэнкай, за ім замацавана пазітыўная канатацыя, а прыметнік *чорны* яму

супрацьстаіць. Гэта выразна выяўляецца праз вызначаны семантычны аб'ём прыметнікаў у лексікаграфічнай літаратуры, параўн.: *белы* – 1) ‘які мае колер снегу, малака’; *проціл. чорны* // ‘з моцна пасівелымі валасамі’ // ‘збяднелы’ // ‘дагледжаны, чысты, чыста вымыты’ // ‘які мае светлы колер’; 2) ‘светлы, ясны’; 3) у спалучэнні з некаторымі назоўнікамі ўжываецца ў значэнні: ‘контррэвалюцыйны, варожы’; 4) у знач. наз. белыя, -ых ‘светлыя фігуры ў шахматах і шашках’; 5) ‘які мае белы колер скуры (пра расу)’; 6) ‘як састаўная частка некаторых заалагічных, батанічных, хімічных і інш. назваў’ [4, с. 365], а *чорны* – 1) ‘які мае колер сажы, вугалю, самы цёмны з усіх колераў; *проціл. белы*’ // у знач. наз. чорныя, -х ‘шашкі, шахматы цёмнага колеру’ // у знач. наз. чорнае, -ага ‘адзенне, убранне такога колеру’ // ‘які мае пер’е, поўсць такога колеру’ // у назвах птушак, жывёл; 2) ‘цёмны, больш цёмны, чым звычайна’ // ‘смуглявы, чарнявы, цёмнавалосы’ // ‘які пасмуглеў ад сонца’ // ‘які мае цёмную скуру (як адзнаку расы)’ // ‘вельмі цёмны, змрочны’ // ‘цёмны, неасветлены’ // ‘непранікальны, шчыльны; цёмны (пра хмару, дым і пад.)’ // ‘зроблены, прыгатаваны або выпечаны з цёмнай, жытняй мукі’; 3) ‘брудны, запэцканы, зашмальцаваны’; 4) ‘некваліфікаваны, які не патрабуе пэўных ведаў і навыкаў, звычайна фізічна цяжкі і брудны (пра чорную работу і пад.)’ // ‘найменш значны, дапаможны (пра адпаведную частку якой-н. працы, справы)’; 5) ‘не галоўны, не цэнтральны, не парадны, які выкарыстоўваецца для штодзённых патрэб (пра дзверы, ход, уваход і пад.)’; 6) *перан.* ‘дрэнны, адмоўны; які не выклікае адабрэння’; 7) *перан.* ‘нізкі, каварны, подлы’ // ‘які губіць, знясільвае’; 8) *перан.* ‘крайне рэакцыйны, контррэвалюцыйны’; 9) *перан.* ‘цяжкі, змрочны, беспрасветны’ / пра час, перыяд, звязаны з горам, няшчасцем; 10) ‘які ў дарэвалюцыйныя часы адносіўся да ніжэйшых слаёў грамадства, да простага народа’; 11) *гіст.* ‘у дарэвалюцыйнай Расіі – цягавы, дзяржаўны’; 12) ‘паводле забабонных уяўленняў – чарадзеіны, звязаны з нячыстай сілай’ [5, с. 316–317].

Супрацьлегласць ацэнкі белы – чорны скарыстана ў вызначанай апазіцыі як аснова будовы і семантыкі фразеалагізмаў адразу з абодвума кампанентамі: *рабіць з белага чорнае, рабіць белае чорным* з агульным значэннем ‘падаваць што-небудзь у іншым выглядзе, беспадстаўна перайначваць’ ці *чорным па белым* напісана, надрукавана і пад. – ‘вельмі дакладна, выразна, зусім пэўна, недвухсэнсавы’, дзе кожны з ужытых кампанентаў-колераў найменняў выяўляе замацаванае ўстойлівую асацыяцыйную ацэнку: белы – ‘светлы’, ‘чысты’, ‘правільны’, а чорны – ‘цёмны’, ‘дрэнны’, ‘няправільны’.

Сувязь семантыкі прыметніка *белы* з семантыкай светлых і бляклых колераў моваведамі выводзіцца на аснове этымалагічнай сувязі караня: слова бел, бела, белы роднасныя з ст.-інд. *bhālam* ‘бляск’, *bhāti* ‘свеціць, зіяе’, літ. *boluoti* ‘адліваць белым, бялец’, латш. *bāls* ‘бледны, бляклы’, літ. *balas* ‘белы’ [6, с. 149]. Вызначаная сувязь семантыкі прыметніка *белы* з семантыкай прыметніка *светлы*, дазваляе, напрыклад, Н.В. Злыдневай, інтэрпрэтаваць прыметнік *белы* як ‘светлы’, лічыць яго як эквівалент святла, пустаты і ў выніку прыметнік *белы* «асэнсоўваецца як прота-колера і звыш-колера» [7, с. 424].

Так, устарэлыя і найбольш архаічныя сёння фразеалагізмы *белая костка / косць* – ‘чалавек знатнага (часцей дваранскага) паходжання’ і *чорная костка / косць* – ‘чалавек простага, нязнатнага паходжання’ ўступаюць у антанімічныя адносіны на аснове выкарыстаных кампанентаў-азначэнняў *белая* і *чорная*. Менавіта супрацьлегласць колераў найменняў прадстаўляе і скіроўвае носбіта мовы да вядомых з глыбокай старажытнасці архетыпічных супрацьпастаўленняў «белы – чорны» як «высокі – нізкі», «чысты – брудны», «добры – дрэнны» і захаваных у глыбінях памяці чалавека, якія лёгка ўзнаўляюцца пры ўспрыманні фразеалагізмаў [8].

З прыметнікам *белы* звязана і тэалагічная аснова боскай сілы святла і такая сімволіка прыметніка *белы*, як ‘святасць’, ‘святы’, ‘боская слава’ (белае адзенне Хрыста і ўсіх, каму даравана вечнае жыццё). Белы колер сімвалізуе ўладу (белае адзенне знаці), волю (белымі называлі вольных людзей), прыгажосць (белы твар, белыя рукі), чысціню, нявіннасць (белае адзенне, белы взлом) і інш. Нагадаем асобныя запісы У.І. Даля, які адзначае, што белы – бясколерны; чысты; незамараны; што белыя сяляне – гэта вольныя ад падаткаў і павіннасцей; белы свет – вольны свет, адкрыты свет; увесь свет, уся зямля ці ўсе нашы людзі і інш. [9, с. 152].

У гэтым святле асабліва выразнай становіцца тая станоўчая ацэнка, тая сімволіка прыметніка *белы* і сувязь яго з паняццем святла, сусвету, што і даводзяць, у прыватнасці, фразеалагізмы *белы свет* – ‘навакольная рэчаіснасць – сусвет, зямля з усім, што на ёй існуе; жыццё ва ўсіх яго праявах’; *выводзіць / выцягваць на белы свет* – ‘даводзіць што-н. да ведама публікі; выкрываць’; *не жылец <на белым / гэтым> свеце* – ‘доўга не пражыве (з-за слабага здароўя, хваробы і пад.)’; у *<белы / божы> свет* – ‘у невядомым напрамку, не выбіраючы дарогі, абы-куды, невядома куды (ісці, пайсці, ехаць, з’ехаць)’ і 2) ‘адпаведна жаданням, куды захочацца, уздумаецца’; у *<белы> свет як у капейку* – ‘у невядомым напрамку, не выбіраючы дарогі, абы-куды, невядома куды (ісці, пайсці, ехаць і пад.)’ і 2) ‘не цэлячыся, спадзеючыся на шчаслівы выпадак (страляць і пад.)’. На аснове сувязі прыметніка *белы* са светлым, святлом увогуле кампанент *белы* ў складзе фразеалагізмаў як бы дадаткова даводзіць пра «колера» боскага свету, і відавочным становіцца збытоўнасць гэтага кампанента-колеранаймення з лексмай свет у складзе гэтых фразеалагізмаў, што і ілюструе выдзяленне яго ў асобных фразеалагізмах у ломаныя дужкі як факультатыўны кампанент ці як адлюстраванне працэсу эліпсацыі фразеалагізмаў у ходзе іх выкарыстання за кошт кампанента *белы*. Але гэта было заканамерным пры ўтварэнні фразеалагізмаў, калі свет, сусвет падзяляўся на гэты, белы – усё што на зямлі, і той, свет, усё, што пад зямлёй. Як вынік абазначэння святла, светласці, яснасці лексмай *белы* за ёй замацаваліся новыя значэнні – ‘светлы’, ‘чысты’, ‘прыгожы’, ‘добры’.

Ужо толькі гэтая інфармацыя дастаткова сведчаць, што колеравая семантыка прыметніка *белы*, як гэта характэрна для ўспрымання сучаснымі носьбітамі, не была першаснай, што найбольш выразна выяўляецца дзякуючы фразеалагізмам з кампанентам *белы* як другасным адзінкам для моўнага абазначэння чалавекам з’яў, паняццяў, што выступаюць культурнымі знакамі і служаць для вобразнага азначвання і, галоўнае, для выражэння ацэнкі са знакам «плюс», бо кампанент *белы* з прычыны свайго пачатковага станоўчага значэння, адабральнай ацэнкі нёс і надаваў дадатную канатацыю ўсяму выразу.

Як відаць, прыметнік *белы* ў дафразеалагічны перыяд характарызуецца некалькімі значэннямі, якія не столькі звязаны з абазначэннем колеравай прыкметы, да таго ж для беларусаў і ў сучасным стане вызначаецца праз супастаўленне з колерам снегу і малака, колькі і найперш са значэннем ‘светлы’, ‘чысты’, ‘добры’, ‘знатны’, ‘незалежны’, ‘святлы’, ‘боская слава’, дзякуючы якім была абрана лексема як кампанент і аснова ўтварэння вобразаў фразеалагізмаў.

Асабліва выразна, на нашу думку, другаснасць непасрэдна колеравай семантыкі прыметніка *белы* падкрэслівае наяўнасць фразеалагізма *белая пляма*, што функцыянуе ў беларускай мове ў двух значэннях – 1) ‘недаследаваны ці маладаследаваны раён, край’ і 2) ‘нявырашанае пытанне, нераспрацаваная праблема’ і можа быць інтэрпрэтаваны як адсутнасць вывучэння, недахоп ведаў чалавека пра пэўную мясцовасць, тэрыторыю або адсутнасць а-святл-ення пэўнага пытання ці праблемы. І гэта хутчэй адпавядае сучаснаму разуменню семантыкі прыметніка *чорны* – цёмнае, неа-светл-енае месца, цмянае, не вывучанае пытанне, ці тое, што з прыметнікам *чорны* спачатку было звязана паняцце цемнаты, цемры, ці абазначэнне адсутнасці святла, а за словам *белы* – паняцце святла, свету. Як можна меркаваць, менавіта дзякуючы захаванасці протасемантыкі за прыметнікам *белы* ў складзе фразеалагізма *белая пляма* можна выказаць меркаванне аб семантыцы колеранаймення *белы* як цёмны, незразумелы, пагрозлівы і інш., ці адзінцы, якая спалучае «плюс» і «мінус» у сваёй семантыцы і якая паслужыла базай фармавання семантыкі ‘светлы → белы’, ці ад цемры да святла.

Адмоўная канатацыя ўласціва лексеме *белы* і ў іншых устойлівых адзінках. Возьмем, напрыклад, фразеалагізм *да белага калення даводзіць, распякаць* – ‘да поўнага адчаю, да поўнай страты самавалодання’, вядомыя ўстойлівыя выразы *белая гарачка* – ‘алкагольны псіхоз’, *белы білет* як адзнаку фізічнай непрыгоднасці да вайскавай службы, дзе выразна становіцца супадзенне лексемы *белы* з адмоўным значэннем у яго сучасным успрыманні лексемы *чорны*. У прыватнасці, фразеалагізм *белая гарачка* можна інтэрпрэтаваць як негатыўны псіхічны стан чалавека ў выніку дзеяння цёмных сіл, д’ябла, фразеалагізм *белы білет* як негатыў характарыстыкі і ацэнкі мужчыны. Сумненне выклікае станоўчая ацэнка прыметніка *белы* і ўласна семантыка колера ‘белы’ пры абазначэнні гора і бяды, параўн. кантрастнасць сімволікі ў параўнанні з белым колерам твару, рук як адзнакі прыгажосці і знатнага паходжання, а таксама ўсведамленне ва ўспрыманні белага адзення пры пахаванні маладой дзяўчыны, выявы смерці і інш.

Эквівалентнае значэнню прыметніка чорны ў семантыцы прыметніка *белы* адзначаецца і ў фразеалагізме *белая варона* – ‘чалавек, рэзка непадобны на іншых людзей сваімі паводзінамі ці знешнім выглядам, не такі, як усе’, што раўняецца значэнню ‘дрэнны’ і ў сувязі з чым лічыцца, што «дакладны вобраз ідыёмы *белая варона* суадносіцца з архетыпамі ізгоя як прадстаўніка чужога свету і прасторы» [10, с. 77].

І тады відавочным становіцца, па-першае, не столькі колеравая прыкмета, як гэта характэрна сучаснаму ўспрымання, колькі адмоўная ацэнка, замацаваная за гэтым словам у мінулым як адлюстраванне своеасаблівай амплітуды свету ад светлага да цёмнага. І тады становіцца больш зразумеламы станоўчая ацэнка прыметніка *чорны*, якая замацавана ў многіх іншых народаў за прыметнікам *чорны*, як супрацьлеглая нашаму ўяўленню, паколькі за прыметнікам *чорны* замацаваны значэнні ‘добры’, ‘светлы’, ці ўвогуле тая дадатная ацэнка, якая ў нас уласціва і замацавана за прыметнікам *белы*. Пра гэта сведчаць дадзеныя даследчыкаў розных моў і народаў, у прыватнасці, заўвагі аб «пазітыўным сімвалізме» слова чорны ў мове старажытных егіпцяў [11, с. 5], аб асецінскім выразе *gara su* (дасл.: ‘чорны маладзец’), які адпавядае па змесце нашаму ‘добры маладзец’ [12, с. 41], аб існаванні ў кітайскай мове выразу *чорны твар*, што «сімвалізуе справядлівасць і непадкупнасць», і *чорны конь* – «нечакана праяўлены талент» [13, с. 30], аб прыкмеце, паводле якой у Брытаніі і Ірландыі лічыцца вялікай ўдачай, калі напярэдадні чаго-небудзь убачыць чорнага ката, а ў Германіі, калі чорны кот пераходзіць дарогу чалавеку злева направа [14], што абсалютна процілегла нашым уяўленням аб прыметніку чорны і павер’ям пра чорнага ката.

Такім чынам, уласна колеравая семантыка прыметнікаў *белы*, як і *чорны*, абавязана архетыпічнаму супрацьпастаўленню цемры і святла, ці таму ўяўленню чалавецтва пра нараджэнне, з’яўленне свету ад цемры да святла, аб супрацьлегласці гэтага, боскага свету і цёмнага, таго свету, а адпаведна і развіццю далейшай сімволікі добра – дрэнна, што і стала асновай далейшага разыходжання і развіцця ўласна колеравай семантыкі. І гэта стала відавочным дзякуючы данесенай інфармацыі з далёкіх мінулых часоў фразеалагічнымі адзінкамі з кампанентам *белы*. Вось чаму ўсё адзначае пра прыметнік *белы* і блізкі яму, сёння кантрастны прыметнік *чорны*, які ў наш час выступае як супрацьлеглы прыметніку *белы*, дазваляе з поўным правам падтрымаць меркаванне даследчыцы колераабзначэнняў у рускай мове І.А. Герасіменкі, якая лічыць, што «семантычным першацветам з’явіўся менавіта чорны, а не белы колер, белы ж па адносінах да чорнага і, адпаведна, на глыбінным узроўні эквівалентны яму» [2].

Літаратура

1. Ляшчынская, В.А. Крытэрыі адбору слоў як кампанентаў фразеалагізмаў пры іх утварэнні / В.А. Ляшчынская // «Святло душы і таленту Святло» : зб. навуковых артыкулаў / рэдкал.: А.М. Ермакова (гал рэд.) [і інш.]. – Гомель : ГДУ імя Ф. Скарыны, 2016. – С. 116–122.
2. Герасименко, И.А. Семантика русских цветообозначений: монография / И.А. Герасименко. – Горловка : Вид-ва ГДПИИМ, 2010. – 440 с.
3. Лепешаў, І.Я. Слоўнік фразеалагізмаў: у 2 т. / І.Я. Лепешаў. – Мн. : Бел. Энцыклапедыя імя П. Броўкі, 2008. – Т. 1. А–Л. – 672 с. ; Т. 2. М–Я. – 704 с.
4. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы: у 5 т. / Рэд. тома М.П. Лобан. – Мн. : Гал. рэд. Бел. Сав. Энцыклапедыі, 1977. – Т. 1. А–В. – 608 с.
5. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы: у 5 т. / Рэд. тома М.Р. Суднік. – Мн. : Выд-ва Бел. Сав. Энцыклапедыі, 1984. – Т. 5. Кн. 2 : У–Я. – 608 с.
6. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / М. Фасмер ; пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева / под ред. и с предисл. Б.А. Ларина. – 2-е изд., стер. – М. : Прогресс, 1986. – Т. 1 (А–Д). – 576 с.
7. Злыднева, Н.В. Белый цвет в русской культуре XX века / Н.В. Злыднева // Признаковое пространство культуры ; отв. ред. С.М. Толстая. – М. : Индрик, 2002. – С. 424–431.
8. Ляшчынская, В.А. Сімвальнасць фразеалагізмаў з кампанентам-колеранайменнем у беларускай мове / В.А. Ляшчынская // Юбилейная научно-практ. конф., посвящ. 85-летию ГГУ им. Ф. Скорины, Гомель, 17 июня 2015 г. : матер. : в 4 ч. – Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины. – Ч. 1. – С. 180–183.
9. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского словаря / В.И. Даль. – М. : Рус. яз., 1981. – Т. 1 (А–З). – 699 с.
10. Кабакова, С.В. Механизмы культурной интерпретации образного основания идиом : результаты направленного ассоциативного эксперимента / С.В. Кабакова // Культурные слои во фразеологизмах и дискурсивных практиках ; отв. ред В.Н. Телия. – М. : Языки современной культуры, 2004. – С. 77–85.

11. Пранченко, О.В. Фразеологические единицы с колоративным компонентом в русском, английском, испанском и португальском языках : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / О.В. Пранченко. – Казань, 2004. – 22 с.
12. Пелевина, Н.Ф. О соотношении языка и действительности (обозначение красного и синего цветов) / Н.Ф. Пелевина // Филологические науки. – 1962. – № 2. – С. 149–152.
13. Лю Юй Ин. Цветообозначение и символика цвета в китайском языке / Лю Юй Ин // Актуальні проблеми металінгвістики : зб. ст. за матеріалами III-ї міжнар. наук. конф. : у 2 ч. / Черкаськ. держ. ун-т ім. Б. Хмельницького. – Черкаси : Брама, 2003. – Ч. 1. – С. 29–33.
14. Is a black cat crossing your path bad luck or good luck? The superstition explained [Electronic resource]. – Mode of access : <https://www.thesun.co.uk/fabulous/4678046/black-cat-crossing-psth-good-lock-bad-luck-superstition-explained/>. – Date of access : 17.05.2019.

Гомельский государственный
университет им. Ф. Скорины

Поступила в редакцию 07.09.2019

«Шалёны рык Ракі», або Вобраз Дняпра ў прозе У. Караткевіча

Д.Д. ПАЎЛАВЕЦ

Разглядаецца вобраз Дняпра ў празаічнай спадчыне У. Караткевіча. Паказваецца, што аўтар выкарыстоўваў топас Дняпра не толькі, як фон апісаных падзей, але і як вобраз-сімвал, надаваў яму своеасаблівы сэнс, звязваў яго з лёсам галоўных герояў.

Ключавыя словы: Дняпро, рака, сімвал, топас, прасторавая карціна свету, мастакоўскае светабачанне, міфалагічныя ўяўленні.

The image of the Dnieper in the prosaic legacy of U. Korotkevich is considered. It is indicated that the author used the Dnieper topos not only as a background of the described events, but also as an image-symbol, gave it a peculiar meaning, connected it with the fate of the main characters.

Ключавыя словы: Dnieper, river, symbol, topos, spatial picture of the world, artistic worldview, mythological representation.

Рака, крыніца, ручай, возера – гэта агульныя, для беларусаў назвы розных водных аб'ектаў такія звычайныя, як паветра і вада, хлеб і соль, сонца і неба. Аднак кожнае з іх мае сваё імя-назву, паводле якога яны адрозніваюцца і якое данесла да нас найдаўнейшую інфармацыю, чаму іх так назвалі нашы прашчурны. Вядома, што ў міфалагічным ўяўленні беларусаў рака – «элемент ландшафтнага коду традыцыйнай мадэлі свету. Рака выступае ў якасці стыжня сусвету, які пранізвае верхні, сярэдні і ніжні свет. Вобраз ракі адыгрывае значную ролю ў казачных матывах (вогненная рака, якая аддзяляе свет мёртвых ад свету жывых; малочная рака з кісельнымі берагамі; рака, якую капалі звыры і птушкі; рака з мёду, віна ды інш.)» [1, с. 423]. Невыпадкава, вобразы гэтых аб'ектаў займаюць належнае месца ў айчыннай народнай творчасці – казках, паданнях, міфах, – мастацкай літаратуры. Тут можна згадаць апрацаванае В. Ластоўскім паданне пра «Сож і Няпро», аналагічныя народныя паданні, мастацкія вобразы Дняпра ў М. Гогалю, Нёмана і Прыпяці ў Я. Коласа. Паводле народных паданняў этнічная прастора беларусаў вызначаецца Дняпром і Дзвіной. Падаецца, што гэтым якраз было абумоўлена шчырае захапленне творцаў рэкамі. Не застаўся ўбаку ад гэтага і У. Караткевіч, выдатны знаўца беларускай міфалогіі, народнай творчасці.

Мастацкі свет У. Караткевіча характарызуецца багаццем вобразаў-сімвалаў такіх, як дарога, поле, неба, зямля, рака. Яны ўзбагачаюцца новым сэнсам і складаюць аснову паэтычнага космасу пісьменніка. Цікавыя назіранні над ідэалагічна-мастацкімі асаблівасцямі твораў У. Караткевіча знаходзім у працах А. Мальдзіса, В. Шынкарэнка, А. Вераб'я, А. Русецкага. Аднак у іх зусім ці амаль зусім не звяртаецца ўвага на адзін з галоўных вобразаў яго творчасці – вобраз Дняпра. А якраз Дняпро з'яўляецца дамінантай прасторавай карціны свету ў раманах «Каласы пад сярпом тваім» і «Леаніды не вернуцца да Зямлі». Паводле прызнання Караткевіча, «Каласамі» ён «пастараўся заплаціць доўг Дняпру, людзям 1863 года, Беларусі» [2, с. 8]. Гэтаму «сплачванню» доўгу прысвечаны наш артыкул.

Адкуль не зойдзеш у творчасць Уладзіміра Караткевіча, даволі часта спаткаешся з воднымі патокамі. Сярод іх найперш за ўсё мы сустракаемся з Дняпром – ракою яго дзяцінства, на берагах якой ён нарадзіўся і гадаваўся спачатку ў Оршы, а потым нярэдка ў Рагачове, якая сфармавала яго мастацкую свядомасць. Да ўсяго ж, Дняпро – гэта галоўная рака яго Радзімы. Акрамя таго, згадваюцца іншыя рэкі Беларусі, якія ён наведваў падчас сваіх падарожжаў па краіне, якія моцна вабілі яго – Дзвіна, Нёман, Прыпяць, Сож, больш дробныя, але не менш прыгожыя – Бяроза, Друць, легендарная Няміга, Убарць, Ула, Шчара; з месцаў, па якіх падарожнічаў і якімі захапляўся – Салёны Понт (Чорнае мора), крымскія вадаспады, расійскія Ака, Нерлі і Нява.

Сціслае апісанне Дняпра, вызначэнне яго ролі ў фармаванні нацыянальнай карціны свету, беларускага характару, эканомікі, культуры пададзена ў нарысе «Зямля пад белымі

крыламі». Выдзяляючы Прыдняпроўе як асобны рэгіён Беларусі, аўтар заўважыў: «Занадта ўжо ўплывае на эканоміку, пейзаж, побыт, нават псіхіку чалавека вялікая Рака» [2, с. 206]¹. Вялікая літара ў агульным назоўніку падкрэслівае паважлівае стаўленне пісьменніка да гэтага воднага патоку, не называючы яго імя. Гаворачы пра Прыдняпроўе, У. Караткевіч даводзіць, што яно «створана Дняпром і ніжняй часткай яго прытокаў, уся носіць на сабе яго адбітак. І разлівы, як мора, і паплавы з акіянам кветак (часам чалавек з вудай хаваецца ў іх), з рамонкамі, смолкамі, шалёнай вясёлкай разнатраўя. І старажытныя гарадзішчы са скарлючанымі дубамі на іх. І гарады і вёскі, што ўзніклі на тых гарадзішчах. І сінія старыцы ў цені дубоў на тых жа паплавах. І сотні курганоў, у якіх спачылі продкі. Бары на родненькім Дняпровым пясочку, і зарасці шыршыны і бэзу на месцы былых паселішч. Шумлівыя паркі, брохканне вялізнай, з вясло, рыбы, бабёр, што куляецца ў ваду, убачыўшы твой човен, ранішнія слупы пары над ракой, вогнішча касцоў ля будана, брэх сабак у начных вёсках, калі праплываеш паўз іх» (XII, с. 210). Такім чынам аўтар у сціслай форме прэзентаваў чытачу запамінальныя, адметныя дняпроўскія пейзажы і падкрэсліў ролю Дняпра ў фармаванні культуры, экінамокі рэгіёна.

Велічны і непаўторны, спакойны і неўтаймоўны, адвечны і бязлітасны Дняпро намалюваны на пачатку рамана «Каласы пад сярпом тваім». З школьных гадоў мы помнім гэты аповяд пра грушу, якая цвіла апошні год і якой, здавалася, не будзе зводу і не будзе канца: «І, аднак, надыходзіла яе апошняя часіна. Дняпро падбіраўся да яе спакваля, патроху, як разбойнік. У вечным сваім імкненні скрышыць правы бераг, ён падступаў у палавень зусім блізка да яго, руйнаваў адхоны, зносіў, каб пасадзіць у другім месцы, лазу, гвалтоўна вырываў кавалкі берага або асцярожна падмываў яго, каб раптам абурыць у ваду цэлыя брылы зямлі. Потым адступаў, да наступнай вясны, і трава літасціва спяшалася залячыць раны, нанесеныя Дняпром. А ён вяртаўся зноў: дзе руйнаваў, дзе падмываў і з часам абкружыў грушу амаль з усіх бакоў» (VII, с. 9). Вобразамі Дняпра і грушы У. Караткевіч нагадвае нам пра тое, што ўсё ў гэтым жыцці «цвіце, развіваецца, нават ведаючы, што калісьці ўсяму гэтаму будзе канец. Але такая ўжо логіка жыцця – загіне штосьці ў адным месцы, з такой жа неабходнасцю яго апошні пасыл узнікне ў новым месцы, каб надалей працягвалася існаванне жывога» [3, с. 85].

Крыху ніжэй перад чытачом паўстае ўжо іншы, стваральны, вобраз ракі: «Дняпро цячэ між высокіх берагоў спакойна і ўпэўнена, вымываючы з-пад адхонаў пясок, адкрываючы часам для вачэй чалавечых тое, што сам жа раней схаваў ад іх: наздраватыя вапнякі, чырвоныя з ліловым адценнем пліткі жалезняку і векавечныя, варажскіх часоў, дубы» (VII, с. 14). Пісьменнік угледзеў тое, што даступна толькі воку археолага. Позірк аўтара ловіць рух ракі і адначасова выходзіць берагі, якія паказваюць багацце, схаванае Дняпром за доўгую гісторыю свайго існавання. Разважаючы далей, увагу чытача творца акцэнтую на філасофскім асэнсаванні жыцця, падкрэслівае не толькі яго спрадвечнасць, але і вечнасць праз вечнасць ракі: «Але плыве і плыве вялікая рака. Нас не было, а яна ўсё несла свае хвалі міма заток, пушчаў і буславых гнёздаў. А калі нас не будзе, яна ўсё яшчэ будзе бегчы далей і далей да апошняга, далёкага мора (выдзелена мною – Д.П.)» (VII, с. 15). Уражвае, што рэальны паток для У. Караткевіча – гэта нешта большае, чым геаграфічная дадзенасць, чым тое, што гэтае слова (Дняпро) абазначае ў навуцы. Вялікая Рака – гэта вобразная фігура, гэта, калі хочаце, асоба, якая пранізвае эпохі, злучае пакаленні людзей, гэта сімвал несмяротнасці, непадуладнасці часу, вечнасці і забыцця. Пасля да гэтай характарыстыкі дадасца яшчэ адна сціслая, па-караткевіцку ёмістая: «Імклівы, дрыготкі, як страла ў палёце, Дняпро» (VIII, с. 282). Гэта і ёсць нестрыманы паток, які сімвалізуе рух да вызначанай мэты, імкненне галоўнага героя вырваць з няволі родны люд.

Варта адзначыць функцыянальную значнасць вобраза Дняпра – ён цесна звязаны з лёсам галоўнага героя, яго думкамі, настроем. Вось галоўны герой Алесь Загорскі ў веснавы крыгалом ідзе «да Дняпра, што спачатку з гарматным гулам крышыў лёд, потым імчаў яго, грувасячы і зноў бурачы замкі з крыг, а потым шырока разліваўся, нібы хацеў захапіць у сваё ўлонне як найбольш неба» (VIII, с. 288). Дняпро для Алеся – гэта нейкі сакральны цэнтр, дзе ён адчувае сябе камфортна, разважае пра жыццё, лёс Радзімы. (Адразу згадваю

¹Тут і далей у круглых дужках падаюцца цытаты з выдання: Караткевіч, У.С. Збор твораў : у 25 т. / У. Караткевіч ; прадм., падрыхт. тэкстаў, камент. А. Вераб'я. – Мн. : Мастацкая літаратура, 2012–2016 ; рымскія лічбы – нумар тома, арабскія – старонкі.

сваю невялікую рэчку Прастыр, успамінаю артылерыйскую кананаду, з якой ламаўся лёд, як крыгі гравасціліся адна на другую, крышыліся і несліся далей да маці Прыпяці, і захапляюся майстэрствам аўтара, яго натуралістычнай дакладнасцю апісання).

Цэнтральнае значэнне Дняпра як вобраз народнага жыцця, адбітку эпохі, яе неспакойнага часу актуалізуецца ў раздзелах да кнігі «Брань», дзе топас ракі характарызуецца дынамікай сваёй праявы і абумоўлены прыродна-часавым цыклам. Перад чытачом разгортваецца фантастычны панарамны малюнак веснавога абуджэння Ракі пасля зімовага палону, які сімвалізуе абуджэнне жыцця, імкненне да новага. Тут мастацкая свядомасць пісьменніка найбольш ярка ўвабрала ў сябе народныя міфалагічныя ўяўленні пра Дняпро, якія не мог не ўлічваць У. Караткевіч. Рака не цячэ проста так, бессэнсоўна. Яна знак, які размаўляе, гаворыць пра праявы часу, вобраз народа, гатовага да ўзрушэнняў. Вялікі майстар слова, аўтар валодае старажытнымі, нададзенымі з неба ведамі пра паток:

Праз апошні чуйны сон Рака слухала голас зямлі.

Як тысячы год назад. Як тады, калі нас не было, і як тады, калі не будзе нашых нашчадкаў. Днямі і начамі. У апошнюю замець і першую адлігу.

Уся скутая, уся сонная, з цяжкай ад сну галавою і непаслухмяным, прыціснутым да дна целам – яна маўчала і слухала, нават праз сцены сваёй турмы.

Таму што яна відушчая і вечная, Рака.

Неба над ёй было аднолькавага колеру, што і над занесенай снегам зямлёй. Толькі адбітак лёду. Толькі адбітак снягоў.

Але яна слухала. І, як тысячы год назад, падалі ў яе ўлонне галасы здранцвелае зямлі, і яна хавала і таіла іх, каб потым, з часам, успомніць.

Яна чула асцярожныя крокі ваўкоў і іхныя выццё за весніцамі пахаваных вёсак. Чула, як мякка выходзіць на бераг і глядзіць на яе мядзведзь-бадзяга. Стаіць, як скала, і глядзіць, ці доўга яшчэ яму блукаць. Чула першы плач дзіцяці і смех, праклёны і бажбу, стрэлы і ляск молата. Чула нават нячутнае падзенне апошняй слязы з чалавечых вачэй.

Слухала галасы зямлі і не магла дапамагчы.

У Ракі была свабода. Няхай не тут, няхай ва ўсеагульным моры – яна ўсё ж вырывалася пад чыстае неба. Але Рака не хацела гэтага. Свабода была патрэбна ёй тут, на гэтай зямлі, што нарадзіла і гадала яе, пад гэтымі вербамі, для гэтых людзей, галасы якіх былі голасам самой зямлі.

Яна не ведала, што такое сплывала ў яе. Песні? Расталыя ручаінікі? Слёзы? Яна не ведала, што звініць і плача. Яна не ведала, чые гэта галасы. Але галасы шапацелі мякка і настойліва:

– Ці-ха, ці-ха. І-дзе, і-дзе.

Кроплі збіраліся, зліваліся адна з адной, сцякалі ў трэшчыны, у падмытыя пелькі, у прадушыны, зробленыя выдрамі.

Дняпро браў тое, што давала яму зямля, не адмаўляючыся ні ад крыві чалавечай, ні ад крыві зямной, ні нават ад апошняй слязы. І ўсё гэта поўніла яго. Ён наліваўся, усмоктваў, убіраў.

А потым зразумеў: час.

І ён напаяўся, павараціўся і, да апошняга напрушыўшы спіну, узняў усё, што сціскала яго. Узняў лёд, пацямнелыя зімнікі, вербы, забытую кімсьці ля палонкі рукавіцу, конніка на пераездзе, усцеленым лазой.

І ад гарматнага гому, што скалануў берагі, у жаху скочылі ў бакі конь, чалавек і мядзведзь.

З трэскам і грукатам на вёрсты расселася неба і зрабілася цёмнае, бо на яго лёг адбітак вады.

А-а-а! – зараўла пад выбухам урагану зямля.

Ён устаў.

З ярасці на доўгі і ганебны палон, ён разбіў, разнёс у асколкі сваю турму і пайшоў крышыць, мяць, трушчыць і душыць. І звонкія асколкі, як вясёлыя чайкі, узляталі над ім і адразу ж паміралі, падаючы.

Ён уставаў і рос увышыню. Ён ірваўся на свабоду, уздымаючыся ўсё вышэй і вышэй.

Будаваў вышэй берагоў, вышэй лазы на іх, вышэй самых высокіх дубоў ледзяныя вежы і замкі з бурага або блакітнага лёду, гравасціў іх, уздымаў пад неба, каб праз хвіліну з грукатам абурыць іх уніз, разнесці ў дробныя аскалёпкі, у кашу, новымі брыламі наваліцца на іх, патапіць іх у сваёй вадзе.

Заліваў берагі, малоў іх крыгамі, як жорнамі, руйнаваў. Выпальваў з вады ў неба замерзлымі пад лёдам бярвеннямі, кавалкамі крыг велічынёй з дом, таплякамі дрэў.

Глытаў зямлю і разліваўся па ёй далей і далей...

Трымцелі пад напорам плыні стагадовыя дубы. Як водарасці, звіваліся пад каламутнай вадой старыя вербы.

З агідаю скінуўшы з сябе лёд, Дняпро глытаў вярсту за вярстой, разліваючыся, змываючы з зямлі бруд, змываючы шматкі сена на месцы былых, звезеных узімку стагоў, парыжэлыя восеньскія буданы і ўсе сляды былых крыўдаў – і мінулагадніх, і тых, што былі сто гадоў таму, – колькі б іх ні было на гэтай зямлі.

А-а-а-а! – раўлі плыні, вербы, берагі, сама зямля. Шалёны рык Ракі, якая ўстала, заглушыў чалавечыя галасы і чалавечыя стогны.

І тады Волат устаў, разліўшыся на пятнаццаць-дваццаць вёрст (VIII, с. 459–461).

Сіла значнасці гэтай карціны захапляе і падпарадкоўвае сабе, закранае пачуцці. Чытаючы ўрывац, спачатку думаеш, што перад вачыма непераўздыменная пейзажная замалёўка, але неўзабаве разумееш, што гаворыцца пра нешта іншае, вельмі важнае. Рака для пісьменніка – жывая істота, здольная чуць галасы зямлі. Вясенні Дняпро, які скідае ледзяныя аковы, у мастацкай структуры рамана становіцца вобразным сімвалам народнага паўстання, Волатам, які здольны вызваліць ад лядовага палону царызму Радзіму, народ. «Шалёны рык Ракі» – гэта амбівалентны вобраз закліку да барацьбы і дакор тым, што цяжкія зносяць пагарды, стогнуць, скардзяцца на свой лёс, аднак, падобна да гаруноўскага вала, рады гаспадарскаму жмуту сена і пакорна ходзяць у сваім прыгонніцкім ярме. Рака падае прыклад імкнення да свабоды, вызвалення з турмы, з ганебнага палону, вучыць чалавека, што так жыць нельга, што толькі ён сам гаспадар свайго лёсу. Караткевіч чуйна прыслухоўваецца да таго, як шалее рака ў сваім задушным лядовым палоне. Рух, які выходзіць з глыбыні, становіцца ўсёўладным, ўсёмагутным, які знішчае ўсе перашкоды ў сваім імкненні да волі, на прастор.

Крыху інакшы вобраз Дняпра намаляваны ў рамана «Леаніды не вернуцца да Зямлі». Праз жудаснае відовішча, якое адкрывалася героям, пісьменнік стварае своеасаблівую эмацыянальную атмасферу: «Рака лютавала. Нізавыя парывы ветру развялі вялікія, у рост чалавека, хвалі. Яны каціліся супраць хвалі, шоргаючы белымі грабянцамі. Хлапакі пены ля берага з цяжкасцю, з яўнай напругай пасоўваліся па плыні, падскокваючы на вадзяных гмахках. А ў прыдоннай лазе круцілася, віравала рудая пена. Хвалі ішлі адна за адной, і процілеглы бераг губляўся ў чарнільным навальнічным цямноці» (VI, с. 24). «Бледная бязгучная маланка якраз у гэту хвіліну заліла няпэўным дрыготкім святлом абшар Дняпра, пасівелага ад ярасці < Човен скакаў па хвалях, і пырскі пены ляцелі ў вочы людзей: за бортам раз'юшана пляваўся Дняпро» (VI, с. 31). Тут перад намі вобраз бунтоўнага, разгневанага Дняпра, які нібы хоча сказаць, што загад пра памілаванне спазніўся, што ўсе намаганні данесці яго да мэты дарэмныя. Бунтоўная рака надзяляецца роллю прадвесніка непараўнай бяды. Пры дапамозе гэтага малюнка У. Караткевіч канцэнтруе ўвагу на асноўнай думцы эпізода: бурлівая ноч на Дняпры высвечвае адмоўныя якасці Пора-Леановіча, яго эгаізм, чэрствасць, імкненне выслужыцца.

Падсумоўваючы сказанае, адзначым, што Дняпро ў праявіх творах У. Караткевіча з'яўляецца шматмерным персаніфікаваным вобразам-сімвалам, значэнне якога грунтуецца на аўтарскім светаўспрыманні і народных уяўленнях пра раку. Вобраз Дняпра цесна звязаны з лёсам галоўных герояў, Беларусі, дапамагае спасцігнуць «тое няўлоўнае, што занатоўвае толькі імгненне і ўвасабляецца праз заўсёдны рух, у дадзеным выпадку – вады» [4, с. 57].

Літаратура

1. Беларуская міфалогія: Энцыклапедычны слоўнік / С. Санько, Т. Валодзіна, У. Васілевіч [і інш.]. – Мн. : Беларусь, 2004. – 592 с.
2. Скурко, А. Караткевіч. Сакрэты / А. Скурко // Наша гісторыя. – 2019. – № 12 (17). – С. 4–19.
3. Русецкі, А. Уладзімір Караткевіч: праз гісторыю ў сучаснасць: Нататкі літаратурнай творчасці / А. Русецкі. – Мн. : Мастацкая літаратура, 1991. – 287 с.
4. Шынкаренко, В.К. Пад ветразем дабра і прыгажосці: Жанрава-стылявыя асаблівасці прозы Уладзіміра Караткевіча / В.К. Шынкаренко. – Мн. : Навука і тэхніка, 1995. – 176 с.

Вобразы бацькоў у сучасных падлеткавых творах

Т.М. ПЯТРОЎСКАЯ

У артыкуле разглядаюцца вобразы бацькоў у сучаснай падлеткавай літаратуры на прыкладзе трох кніг папулярных аўтараў дзіцячай прозы. Аўтар, разглядаючы праблемы ўзаемаадносін галоўных герояў і іх бацькоў, даказвае, што вобразы сучасных дарослых сталі менш аўтарытарнымі і адначасова інфантальнымі. Гэта ў сваю чаргу ставіць пад сумненне магчымасць бацькоў быць для падлетка значным дарослым. Таксама ў артыкуле прадстаўлена гісторыя з'яўлення падлеткавых твораў з мэтай прасачыць, як сацыяльныя ўмовы жыцця ўплываюць на вобраз падлетка і характар літаратуры для яго. Дадзеная работа не толькі дапамагае зразумець пэўныя заканамернасці падлеткавага твора, але і вызначае важныя моманты ўплыву значных дарослых на псіхалагічны стан дзіцяці.

Ключавыя словы: падлеткавая літаратура, значны дарослы, інфанталізм, пубертат, падлетак, праблемная літаратура.

The images of parents in the modern teenage literature in three books of popular authors of children's fiction are discussed in this article. The author considers the problem of the relationship of the main characters and their parents, provides evidence that the images of today's parents have become less authoritarian and simultaneously infantile. It casts doubt on the parental possibility to be important adults for the adolescent. The article also presents the history of Young Adult Fiction in order to see how social conditions affect the image of the teenager and the literature for them. This work does not only helps to understand certain patterns of adolescent work, but also identifies the important moments of the growing influence of significant adults in the child's psychological state.

Keywords: young-adult fiction, significant adult infantilism, puberty, adolescent, problem literature.

Прысутнасць дарослага ў дзіцячай кнізе абмежаваная, бо ў якасці галоўнага героя выступаюць, як правіла, аднагодкі чытача, надзеленыя пэўнай самастойнасцю. Гэта самастойнасць часта і прываблівае чытача, бо дазваляе змадэляваць сітуацыі, у якія ён мог трапіць пры тых ці іншых умовах. Розная форма прысутнасці дарослага ў дзіцячай літаратуры залежыць і ад узросту чытацкай аўдыторыі. Падлеткавая літаратура ў гэтым сэнсе валодае больш велізарным спектрам «дарослых» характараў па прычыне большай увагі да праблем узаемаадносін бацькоў і дзяцей.

Тэрмін «падлеткавая літаратура» (у сусветнай класіфікацыі *Young Adult Fiction*), як і ў выпадку з тэрмінам «дзіцячая літаратура», узнік пазней, чым творы, якія падыходзяць пад дадзенае азначэнне, бо пра падлеткаў як пра асобную чытацкую катэгорыю пачалі гаварыць толькі ў пачатку дваццатага стагоддзя, а кнігі, чытачом якіх маглі стаць падлеткі, выходзілі і раней. Тэрмін «падлеткавая літаратура» ўпершыню ўжыла дзіцячая пісьменніца Сара Трымер у 1802 г. ў сваім часопісе для дзяцей «Вартаўнік адукацыі» і мела на ўвазе ўзрост чытачоў ад 14 да 21 года, што фактычна адпавядае сучаснай класіфікацыі. Яшчэ ў пачатку дваццатага стагоддзя няшмат падлеткаў з'яўляліся навучэнцамі школ. Паралельна з ростам адукацыі з'яўляецца і неабходнасць у адлюстраванні маладога чалавека ў школьным асяроддзі. У той час, як раней 15–16 гадовы юнак ужо працаваў і мала чым адрозніваўся ад дарослых людзей, у пяцідзясятыя гады дваццатага стагоддзя герой такога ж узросту трапляе ў абсалютна ўнікальнае асяроддзе: фактычна падлетку даюць права некалькі гадоў «даспець» да дарослага жыцця. Дадзены фактар паспрыяў таму, што ў канцы шасцідзясятых гадоў пачалі з'яўляцца кнігі (часцей у амерыканскай літаратуры), аб'яднаныя не толькі героем-падлеткам, але і спецыфічнай праблематыкай, што дало падставы гаварыць аб існаванні жанру падлеткавага рамана. Трэба адзначыць, што «падлеткавая літаратура» строга фармальна жанрам не з'яўляецца, зараз у межах гэтай катэгорыі літаратуры існуюць амаль усе жанры, характэрныя для дарослай літаратуры. Аднак у канцы пяцідзясятых гадоў першыя падлеткавыя творы былі шмат чым падобныя, што дало падставы ўспрымаць падлеткавыя раманы менавіта як жанр з наступнымі асаблівасцямі.

1. У якасці цэнтральнага персанажа прадстаўлены падлетак, на якога амаль не ўплывае значны дарослы.

2. Герой-падлетак знаходзіцца ў пошуку, часта нават у бязьвестцы, жыве нетыповым для яго дарослым жыццём.

3. У творы ўзнімаецца вялікі спектр праблем ад прыватна-асабістых (дружба, каханне) да глабальных (сэнс жыцця, праблема выбару і г. д.)

Падлеткавая літаратура ў большасці была звязана з амерыканскай літаратурай. Менавіта ў ЗША выходзяць у друк першыя падобныя творы: Дж. Сэлінджэр «Над пропаcцю ў жыццё», У. Голдзінг «Валадар мух», С. Хінтан «Адчапенцы». Усе гэтыя творы былі аб'яднаны героем-падлеткам, які вырашае важныя для сябе праблемы, змагаецца з абставінамі і знаходзіцца ў пошуках самаідэнтычнасці. З'яўленне такіх неадназначных персанажаў у савецкай літаратуры было амаль немагчымым, бо моладзь, як самая прагрэсіўная частка грамадства, прадстаўляла пануючую ў краіне ідэалогію, што патрабавала ад героя больш канкрэтнай і адназначнай пазіцыі. Між іншым, творы з падлеткамі былі і ў савецкай беларускай літаратуры, аднак не ўзнімалі такіх вострых сацыяльных праблем, часта паказвалі становага героя, які змагаўся са злом і несправядлівасцю. Такая літаратура мела маралізатарскі характар, кампанент выхавання ў ёй быў перабольшаны. Па дадзеных архіва Нацыянальнай кніжнай палаты на працягу 1917–1930 гг. лідэрам тыражу сярод пісьменнікаў з'яўляліся кнігі Я. Коласа, самай папулярнай кнігай якога была апавесць «На прасторах жыцця». Героі апавесці – падлеткі 12 гадоў Сцёпка і Алёнка прагна імкнуцца да навукі і гатовы паслужыць на карысць будаўніцтва сваёй краіны. Лідэрам тыражу 1930–1940 гг. сярод беларускамоўных пісьменнікаў быў Я. Маўр, які прысвяціў шмат твораў дзецям і падлеткам, у тым ліку і самыя знакамітыя беларускі падлеткавы твор савецкага часу – «Палескія рабінзоны». Як бачна, падлеткавыя творы, нягледзячы на небагату колькасць кніг, якія ствараюцца ў гэтай катэгорыі, заўсёды былі даволі папулярнымі і знакавымі для пэўнага пакалення.

У дзевяностыя гады дваццатага стагоддзя катэгорыя падлеткавай літаратуры набывае новае развіццё, дзякуючы пашырэнню выкарыстаных жанраў. Па словах амерыканскага даследчыка падлеткавай літаратуры М. Карта: «І ўсё ж у сярэдзіне дзевяностых гадоў падлеткавая літаратура зрабіла рух у бок цудадзейнага выздараўлення, каб стаць адным з самых інавацыйных напрамкаў сучаснай выдавецкай справы» [1]. Папулярнымі становяцца падлеткавыя дэтэктывы і рамантычныя гісторыі, а пасля выхаду кнігі Дж. Роўлінг «Гары Потар» шырокую папулярнасць набывае фэнтэзі. Справа ў тым, што праблемны падлеткавы раман заўсёды быў звязаны са стылістыкай сацыяльнага рэалізму, таму зварот да фэнтэзі шмат у чым змяняе вобраз прыгожага пісьменства для юнацтва. У беларускай падлеткавай літаратуры з'яўляюцца сацыяльна значныя творы з дэтэктыўнай лініяй. У дзевяностыя гады дваццатага стагоддзя выходзіць кніга, якая і да сённяшняга дня лічыцца бестэлерам падлеткавага чытання «Прынцэса з тусоўкі» Я. Хвалея, якая ўзнімае праблему маладзёвай наркаманіі. Кнігі А. Федарэнкі («Шчарбаты талер», «Афганская шкатулка»), з аднаго боку, апеллююць да беларускай гісторыі, а з другога боку, паказваюць спецыфічныя падлеткавыя вобразы, на характар якіх шмат у чым уплывае дарослае асяроддзе. Падлеткавы твор адрозніваецца праблемным характарам, бо пубертатны перыяд заключае ў сабе крызіс, які часта характарызуецца супрацьстаяннем з дарослым.

Ідэя даросласці як завершанасці першапачаткова забяспечвала аднаму з бацькоў дамінантную пазіцыю. Безумоўна, савецкая дзіцячая літаратура дапускала і негатыўныя вобразы дарослых, але яны ўспрымаліся хутчэй як адхіленне ад нормы, а дзіця магло разлічваць на падтрымку грамадства [2, с. 60]. Нароўні з мадэллю сям'і ў цэлым падвяргаюцца пераасэнсаванню і ўстойлівыя ролі кожнага з яе членаў. Вобразы маці або бацькі часта абвяргаюць традыцыйныя ўяўленні пра бацькоў, якія павінны выходзіць з самага нараджэння, клапаціцца аб яго матэрыяльным і духоўным дабрабыце. Па назіранні Дж.Р. Таўнсенд, адной з самых прыкметных характарыстык дзіцячых раманаў апошніх дзесяцігоддзяў з'яўляецца наяўнасць бацькоў, якія «хутка коцяцца па нахільнай», становячыся асноўнай праблемай у жыцці дзіцяці-праганіста [3, с. 332]. У знакамітым падлеткавым рамане «Над пропаcцю ў жыццё» дарослы свет супрацьпастаўлены свету падлетка, яго хаатычны, экспрэсіўны спосаб пазнання не стасуецца з упарадкаваным жыццём

дарослых. Ключавым у нашым даследаванні з'яўляецца паняцце «значнага дарослага», якое разглядаецца як прыватны выпадак паняцця «істотны іншы» (Significant Other), уведзенага амерыканскім сацыёлагам Г. Саліванам у межах інтэраперсанальнай тэорыі. Пад «значным іншым» Г. Саліван разумее чалавека, меркаванне якога каштоўна для індывіда з пункту гледжання ўплыву на паводзіны апошняга, развіццё яго асобы і выбар каштоўнасцей арыентацый [4, с. 165]. У дачыненні да падлетка такім значным могуць стаць як бацькі, так і настаўнікі ў школе, старэйшыя сябры. Каб апісаць новую мадэль значнага дарослага ў падлеткавай літаратуры, мы разгледзілі тры творы: «Сіямцы» Я. Пастарнака, А. Жвалеўскага, «Мая мілая ведзьма» В. Гапеева, «Апошні дзень лета» А. Масла. Творы для аналізу абраны невыпадкова. Усе аўтары з'яўляюцца на сённяшні дзень даволі ўплывовымі асобамі ў дзіцячай літаратуры, іх творчасць запатрабаваная з боку чытацкай аўдыторыі.

Мэта: прааналізаваць вобразы бацькоў у падлеткавых творах, вызначыць формы ўзаемаадносін дзяцей і дарослых, яе трансфармацыю.

Усе тры творы аб'ядноўвае адна агульная рыса: падлеткі жывуць у атмасферы няпоўнай сям'і, прычым гэтая атмасфера непакоіць іх, робіць больш адзінокімі і самастойнымі.

Галоўны герой твора «Мая мілая ведзьма» Кір спачувае сваёй маці: тая выходзіць яго без бацькі. Тата ў свой час паехаў на заробкі ў Расію і не вярнуўся. Маці высветліла, што ў яго ўжо ёсць новая сям'я. На першы погляд, адсутнасць бацькі не вельмі клапаціць падлетка, бо яны з маці прызвычаліся жыць маленькай сям'ёй, да таго ж дзіцячыя ўспаміны хлопца пра бацьку ўтрымоўваюць не самыя лепшыя моманты. Аднак здараецца нечаканае, калі ў клас прыходзіць незвычайная новенькая, якая згаджаецца пагадаць па руцэ хлопца:

– А ты адзіны ў сям'і. Вой, цябе так любіць твой бацька!

Я высмыкнуў рукі з яе далоні – рэзка, нават груба. Яна са спалохам глядзела на мяне.

– Выбачай, ведзьмы з цябе не атрымаецца, – насмешліва пачаў я [5, с. 26].

Словы аднакласніцы ўсхвалявалі хлопца, нават пакрыўдзілі, і гэта ў сваю чаргу выдае яго занепакоенасць адсутнасцю бацькі. У Ядвісі таксама няма бацькі, і менавіта Кір дапамагае знайсці яго і шчасліва аб'яднаць сям'ю. Кір шкадуе маці, ідзе купляць адзенне ў сэканхэнд, калі разумее, што грошай няма і запэўнівае маці, што ў гэтым няма праблемы. Пры гэтым маці стараецца не афішыраваць сваё асабістае жыццё, саромеецца яго. Нельга назваць маці героя інфантальнай асобай, бо яна поўнаасцю ўзяла на сябе клопат пра выхаванне сына і добра з гэтай роляй спраўляецца, але пры гэтым сам Кір агароджаецца ад мацярынскай падтрымкі.

У гераіні твора «Сіямцы» Геулы таксама няма бацькі, але яна жыве ў пэўным супрацоўніцтве з маці. У спрэчках з ёй выступае хутчэй як дарослая, а не падлетак, абвінавачваючы маці ў тым, што яна ўскладняе іх жыццё, стварае праблемы. Да бацькі ў Геулы такія ж адносіны, як і ў Кіра. Усё дзяцінства яна забараняе сабе думаць аб ім, аднак у самы адчайны момант жыцця спрабуе яго ўявіць, адшукаць сярод выпадковых мінакоў. Абедзве маці («Мая мілая ведзьма», «Сіямцы») хоць і маюць пэўны аўтарытэт для дзяцей, але ўспрымаюцца самімі падлеткамі як значныя дарослыя, ад якіх можна чакаць паразумення, але не падтрымкі. Прычым не па прычыне таго, што яны на гэтую падтрымку не здольныя, а таму што такім жанчынам самім патрэбна падтрымка. У Яна з аповесці «Сіямцы» ёсць і мама, і тата, якія прадстаўляюць шчасную класічную сям'ю. Бацька – аўтарытэтны глава сямейства, а маці – клапацілівая гаспадыня, якая стараецца не парушаць спакой іншых членаў сям'і. Часам яе клапаціласць і пакорнасць раздражняе Яна, бо яна таксама не прымаецца як падтрымка. Пры гэтым, калі інфантальных мам падлеткі стараюцца абараніць, то мама-гаспадыня не заслугоўвае нават гэтага: яна заўсёды ўваходзіць не ў той момант, гаворыць не тыя словы, а яе пачуцці нікога не клапацяць.

У апавяданні А. Масла «Апошні дзень лета» падлетак аказваецца адзінокім, хаця мае шмат родных. Развод бацькоў мяняе жыццё маленькай Янкі, бо з-за яго ўся сям'я распадаецца на дзве часткі. Сярод вялікай колькасці радні знаходзіцца толькі адзін – дзед, які аказваецца дзяўчынцы блізім, бо абстрагуецца ад канфлікту ў сям'і. Але і ён памірае. Дзяўчына трапляе ў сітуацыю, калі ёй фактычна забараняюцца кантакты з бацькамі таты, да самога таты фарміруюцца няшчырыя адносіны. З цягам часу ўсе ўладкоўваюць сваё асабістае жыццё, нават бабуля знайшла сабе новага мужа, а дзяўчына так і застаецца адна, без значнага дарослага. Усе

тры творы падобныя тым, што функцыю значнага дарослага на сябе бяруць аднагодкі герояў, яны фарміруюць іх маральныя каштоўнасці, дапамагаюць зрабіць выбар, падтрымліваюць. Так, у апавесці «Мая мілая ведзьма» падлеткі дапамагаюць не толькі адзін аднаму, але і дарослым, мяняючы тым самым іх жыццё. У творы «Сіямцы» нават закладзена думка аб душэўнай сувязі двух падлеткаў, якія аддаляюцца адзін ад аднаго, аднак іх пастаянна яднае адзін з персанажаў твора – Мінск. У апавяданні «Апошні дзень лета» гераіня сустракае выпадкова хлопца, які распавядае сваю гісторыю ўзаемаадносін з бацькам. Як вынік, Янка пасля гэтай сустрэчы тэлефануе бабулі па бацькавай лініі, каб сказаць, што любіць яе.

Ва ўсіх трох творах у падлеткаў па розных прычынах адсутнічаюць таты, часам гэтае месца займае іншы член сям'і, напрыклад дзядуля, але нават гэта не пазбаўляе герояў ад занепаенасці такім станам, крыўды і пачуцця адзіноцты. Падлеткі не імкнуцца адшукаць сваіх бацькоў ці стаць бліжэй да іх, але нават адсутнасць іх у жыцці дзяцей не парушае пэўную сувязь з татам: героі стараюцца ўявіць іх, успамінаюць і г. д. Прычым асаблівай абвостранасці занепакоенасць гэтым пытаннем дасягае менавіта на фоне пачатку ўласных асабістых адносін з супрацьлеглым полам. Так, Кір шукае бацьку для Ядвісі, у якую сам закаханы, бо лічыць гэта лепшым, што ён здольны зрабіць для яе, сам разумее каштоўнасць наяўнасці двух бацькоў. Геула ў апавесці «Сіямцы» знаходзіцца ў стане выбару паміж двума хлопцамі: тым, з якім яна правяла сваё дзяцінства, сям'я якога лічыла яе амаль што дачкой, і тым, з кім яна была блізкая па духу, па інтарэсах, да якога па-сапраўднаму цягнула. У гэты самы момант яна спрабуе прыдумаць сабе тату, каб паразмаўляць з ім і спытаць парады. Гераіня апавядання «Апошні дзень лета» Янка ўвогуле толькі пры сустрэчы з хлопцам, які спадабаўся ёй, пачынае разумець, як важна ўсталяваць адносіны з бацькам.

Такім чынам, у прааналізаваных творах назіраецца адмова ад аўтарытарнага вобраза дарослага. Вобраз значнага дарослага ўскладняецца, менш ідэалізуецца. Бацькі вельмі часта паказаны як інфантальныя, засяроджаныя на сваіх пачуццях, а падлетак становіцца больш аўтаномным, здольным жыць сам па сабе, часам яму прыходзіцца яшчэ і вырашаць праблемы бацькоў. Пры гэтым нельга сказаць, што іншыя, аўтарытарныя бацькі маглі б стаць значнымі дарослымі, бо канцэпт улады на сучасных дзяцей уздзеяннічае яшчэ горш, чым яго адсутнасць. Гэта даказваюць вобразы настаўнікаў. Так, падлеткі не ўспрымаюць аўтарытарнага па свайму стылю настаўніка гісторыі ў апавесці «Мая мілая ведзьма», а дзеянні завуча, які выступае як носьбіт улады ў школе ў творы «Сіямцы», увогуле даводзяць да таго, што гераіня збягае са школы. У ролі значных дарослых часта выступаюць аднагодкі героя, якія дзеляцца з ім уласным перажытым вопытам.

Літаратура

1. Cart, M. Young adult literature: the state of a restless art [Electronic resource]. – Mode of access : <http://aquila.usm.edu/slisconnecting/vol5/iss1/7>. – Date of access: 26.08.2019.
2. Балина, М. Литературная репрезентация детства в советской и пост-советской России / М. Балина // Детские чтения. – 2012. – Т. 1, № 1. – С. 43–66.
3. Townsend, J.R. The turbulent years / J.R. Townsend // Only connect: reading on children's literature. – New York and Oxford : Oxford University Press, 1996. – P. 328–336.
4. Салливан, Г.С. Интерперсональная теория в психиатрии / Г.С. Салливан ; пер. с англ. – СПб. : Ювента, 1999. – 347 с.
5. Гапееў, В. Мая мілая ведзьма / В. Гапееў. – Мн. : Мастацкая літаратура, 2018. – 254 с.
6. Привалова, Е.П. Культурная структура художественного текста для подростков / Е.П. Привалова // Вестник Московского государственного лингвистического университета. – 2009. – № 559. – С. 143–148.
7. Сергоманов, П.А. К вопросу о ведущей деятельности в старшем школьном возрасте / П.А. Сергоманов // Педагогика развития: соотношение учения и обучения: материалы 7-й науч.-практ. конф. – Красноярск, 2000. – Ч. 1. – С. 45.

Развитие прагматического потенциала полемического дискурса печатных СМИ (на материале британской прессы)

Е.В. САЖИНА

Настоящая статья посвящена изучению прагматического потенциала англоязычного полемического дискурса печатных СМИ и его развитие под воздействием экстралингвистических факторов. В ходе исследования рассматривается набор наиболее употребительных прагматически нагруженных языковых единиц, участвующих в реализации цели исследуемого дискурса, определяются условия изменения ранее установленного набора в прагматически обусловленном контексте.

Ключевые слова: дискурс, проблемная статья, прагматика, исконно-эмоциональная и контекстуально-эмоциональная лексика, аргументация.

This article deals with the study of the pragmatic potential of the English-language polemical discourse of the printed media and its development under the influence of extralinguistic factors. The study finds out the set of the most common pragmatically loaded language units involved in achievement of the goal of the discourse being studied, the conditions for changing the previously studied set in the pragmatically determined context are identified.

Keywords: discourse, problem article, pragmatics, originally-emotional and contextually-emotional lexical units, argumentation.

Введение. Интенсивное развитие информационных технологий в последние десятилетия отразилось на всех сферах человеческой деятельности. Благодаря растущей популярности социальных сетей, мессенджеров и других каналов распространения и получения информации участники всех типов дискурса находятся в постоянном поиске эффективных средств реализации поставленных ими целей. В связи с этим назрела необходимость проведения масштабного исследования становления и развития прагматического потенциала, которым обладают различные дискурсы. Полемический дискурс печатных СМИ, структурными элементами которого являются проблемная статья и отклики читателей на нее, представляет интерес для исследования с точки зрения функционирования в нем различных средств реализации прагматической функции, поскольку, благодаря использованию его участниками таких все более популярных информационных каналов, как Интернет и социальные сети, адресант развивает прагматический потенциал исследуемого дискурса, установление особенностей которого будет способствовать развитию прагматической теории и разработке практических рекомендаций для специалистов в области лингвистики и переводоведения.

Настоящая работа посвящена исследованию изменений, которые происходят в наборе прагматически нагруженных языковых средств в полемическом дискурсе печатных СМИ, обусловленных интенсификацией технического прогресса. Актуальность темы обусловлена необходимостью изучения развития прагматических категорий, несущих основную нагрузку в реализации коммуникативной интенции говорящего в полемическом дискурсе. Установление особенностей прагматического потенциала в тексте проблемной статьи способствует выявлению специфических черт полемического дискурса как типа коммуникации, что может повысить эффективность поиска решения актуальных проблем участниками исследуемого дискурса, а также ляжет в основу дальнейшего сравнительно-сопоставительного анализа полемического дискурса печатных СМИ на материале нескольких языков.

Результаты исследования и их обсуждение. В ходе проведения исследования полемического дискурса печатных СМИ мы обращаемся к такому важному аспекту общения, как речевое воздействие, поиски средств реализации которого и путей повышения эффективности – важная практическая задача, стоящая перед современными лингвистами. Вопросы, связанные с реализацией воздействия, относятся к прагматической сфере языка, которая объединяет многие темы, имеющие длительную историю изучения в риторике, стилистике, социолингвистике, психолингвистике и т. д. [1], [2], [3], [4].

Несмотря на многолетние исследования сферы прагматики и многочисленные работы лингвистов, до сих пор не существует единого определения прагматики. Так, выделяются 1) толкования, в которых доминантой выступает человеческий фактор [5]; 2) дефиниции, в которых подчеркивается функциональный аспект лингвопрагматических исследований, их контекстуальная обусловленность: «наука об употреблении языка», наука о «языке в контексте» [6, с. 27], [7, с. 304]; 3) определения, в которых внимание сосредотачивается на исследовании эффекта языковой коммуникации в плане взаимного воздействия коммуникантов в процессе общения [8]; 4) ряд дефиниций, в которых подчеркивается интерпретационный аспект прагматических исследований речевых произведений, появляющихся в тех или иных коммуникативных контекстах [9, с. 35]. В настоящей работе прагматика рассматривается как вербальная реализация коммуникативных установок участников общения: «<...> выбор языковых средств из наличного репертуара для наилучшего воздействия» [10, с. 325].

Определение прагматики как изучения потенциальных возможностей языка оказывать целенаправленное воздействие на человека [11], [1], [12 и др.] предоставляет возможность рассмотреть прагматические характеристики полемического дискурса печатных СМИ в результате выделения набора прагматически «нагруженных» языковых единиц, участвующих в реализации воздействия на адресата, который может изменяться с учетом экстралингвистических факторов.

Вопрос о том, существуют ли языковые средства выражения прагматической информации, решается в литературе неоднозначно. Так, О.П. Брандес отрицает их существование: «Известно, что прагматическая функция языка не имеет средств своей реализации в языке, а осуществляется в продукте коммуникативно-речевой деятельности, в тексте» [5, с. 65]. Вслед за И.П. Сусовым [9], такая точка зрения представляется нам не совсем обоснованной. Обнаружение языковых средств реализации воздействующей прагматической информации возможно как в дискурсе, в целом, так и в полемическом дискурсе печатных СМИ, в частности, поскольку в процессе развертывания коммуникативной ситуации с целью достижения коммуникативно-прагматической цели – активного участия в поиске решения актуальной проблемы – участники оказывают воздействие друг на друга при помощи различных языковых средств. «Знание и владение этими средствами необходимо для выработки умений их оптимального использования, которое будет способствовать совершенствованию практики создания убедительных и доходчивых текстов» [13, с. 122].

Как представляется, полемический дискурс печатных СМИ способен воздействовать на читателя, мобилизовывать интерес, культивировать живую эмоционально-познавательную реакцию с помощью определенных языковых единиц, его составляющих. В качестве прагматически маркированных средств воздействия в исследуемом дискурсе, как и в других типах дискурса, могут использоваться единицы различных языковых уровней и, как мы полагаем, некоторые из них в рамках полемического дискурса печатных СМИ способны оказывать более интенсивное воздействие, чем другие.

В задачи проводимого исследования входит выявление и описание изменений, которые происходят в наборе наиболее употребительных языковых средств воздействия в полемическом дискурсе печатных СМИ и определение их роли в реализации его коммуникативно-прагматической цели в диахроническом аспекте.

Проведенный в начале 2000 гг. анализ прагматических характеристик полемического дискурса печатных СМИ позволил установить, что прагматическое воздействие исследуемого дискурса определяется двумя факторами, одним из которых является содержательная организация текста проблемной статьи, являющейся структурным элементом полемического дискурса печатных СМИ [14]. Другим фактором, получающим эксплицитное выражение в дискурсе и дающим возможность установить специфику реализации воздействия в исследуемом типе дискурса, являются языковые средства воздействия, к которым принадлежат лексические повторы, эмоциональная и эмоционально окрашенная лексика, оценочная лексика, метафора, метонимия, эпитеты, перифраз, гипербола, вопросы, в том числе и риторические, инверсия, восклицательные и побудительные предложения, аргументативные блоки. Набор наиболее эффективных средств оказания воздействия был представлен *исконно-эмоциональной и контекстуально-эмоциональной лексикой, вопросами и аргументативными структурами*. Однако возрастающая популярность электронных версий печатных СМИ и

активное использование новых каналов распространения информации (Интернет, мессенджеры и т. д.) определили необходимость поиска новых способов оптимизации прагматического воздействия с целью достижения поставленной цели адресантом полемического дискурса.

Так, проведенный анализ проблемных статей и откликов на них в британской газете *The Guardian* показал, что авторы статей по-прежнему спустя 20 лет продолжают активно использовать исконно-эмоциональную и контекстуально-эмоциональную лексику, поскольку выражение эмоций обладает высоким прагматическим потенциалом. Так, рассмотрим пример из статьи *This can be the year when we recharge nature – and ourselves*, посвященной проблеме загрязнения окружающей среды: *It's going to be a **rough** year. The **fatal** combination of **escalating** climate **breakdown** and the capture of **crucial** governments by **killer** clowns provokes a **horrible** sense of **inevitability**.* – Это будет тяжелый год. Роковая комбинация растущего разрушения климата и захвата правительствами-клоунами ответственных правительств вызывает ужасное чувство неизбежности. Употребление выделенных лексических единиц направлено на описание всей серьезности нынешнего состояния проблемы изменения климата на планете, тем самым оказать влияние на эмоциональное состояние читателей и призвать их к обсуждению создавшейся ситуации. Таким образом, мы видим, что употребление эмоционально-окрашенной лексики не утрачивает свою актуальность при создании прагматически нагруженного контекста.

Однако, как показывает анализ вопросительных высказываний, которые ранее были одними из наиболее употребительных средств реализации воздействия в полемическом дискурсе печатных СМИ, их количество незначительно снизилось, уступив место таким языковым средствам, как личные местоимения 1-го и 2-го лица, чье употребление приводит к субъективизации повествования, воздействуя на читателя, создавая иллюзию причастности, соучастия: *I know that <...>. We will do all we can to focus the world's attention <...>. I admit that I'm feeling quite close to burnout. I believe <...>, and I've sought to cultivate it, but in 2019 I felt my resolve begin to weaken <...>.* – Я знаю, что <...>. Мы сделаем все от нас зависящее, чтобы привлечь внимание всего мира <...>. Я признаю, что чувствую себя достаточно близко к выгоранию. Я верю <...>, и я старался его развивать, но в 2019 году я почувствовал, что моя решимость начинает ослабевать <...>.

Сочетание личных местоимений с глаголами мнения, интеллектуальной и речевой деятельности и рядом других глаголов усиливает эффект «введения в свой круг» участников полемического дискурса.

Дальнейший сравнительный анализ развития прагматического потенциала полемического дискурса показал, что за указанный выше период произошел сдвиг в сторону усиления аргументативной составляющей проблемных статей, поскольку, на наш взгляд, современный читатель стал более требовательным в отношении качества получаемой им информации, тем самым побуждая адресанта полемического дискурса печатных СМИ использовать максимальное количество аргументативных схем для убеждения адресата в важности описываемой проблемы. Рассмотрим пример из статьи *Failure is now big business for the highly successful*, посвященной проблеме монетизации «звездных» провалов, извлечения пользы из ситуаций, когда мы терпим неудачу:

Тезис – *There is no better time to be a failure. Or, to put it another way, now would seem like a good moment to turn failure into success.*

Аргументы – *The relentless focus on exams at school means most of us are reared to view failure as undesirable, a consequence of not knuckling down and doing your homework. But in the adult world failure is increasingly fetishised and monetised.*

Следствие – *Setbacks, both major and minor, are evidence of our struggle.*

Тезис – Нет лучшего времени для провала. Или, другими словами, сейчас хороший момент для того, чтобы превратить неудачу в успех.

Аргументы – Постоянное внимание к экзаменам в школе означает, что большинство из нас воспитано таким образом, чтобы расценивать неудачу как нежелательное явление, как следствие того, что ты не справляешься с домашними заданиями. Но во взрослом мире неудача все чаще фетишизируется и монетизируется.

Следствие – Неудачи, как крупные, так и второстепенные, свидетельствуют о нашей борьбе.

В приведенном примере мы видим последовательное доказательство автором статьи тезиса о том, что пора пересмотреть наше отношение к проблеме восприятия наших провалов. И на таких аргументативных единствах строится вся статья, что усиливает прагматический эффект в целом.

Усилению аргументативной составляющей проблемных статей также способствовало расширение технических возможностей, выразившихся в возможности использования гиперссылок. Рассмотрим пример аргументации из статьи *The Tories now face a dilemma: change, or lose your new voters*, посвященной проблеме политического противостояния партии Лейбористов и Тори:

Тезис – *In that sense, a new decade marks the start of a completely new political model.*

Аргументы – *At its heart will be people such as the man I met on election night in Tunstall, one of the six towns that make up Stoke-on-Trent, where all three parliamentary seats are now held by the Tories. He answered the door to Labour canvassers and said he had just voted Conservative for the first time in his life. How did that feel? «Not good, really,» he told me.*

Следствие – *For the foreseeable future, politics will be full of the questions that lurked in that brief conversation. Can such voters be turned into enthusiastic Tories? Will Labour win them back? And in the course of the resulting battle, how will things change on the ground?*

Тезис – *В этом смысле новое десятилетие знаменует собой начало совершенно новой политической модели.*

Аргументы – *В его основе будут люди, такие как человек, которого я встретил в ночь на выборах в Тунсталле, одном из шести городов, составляющих Сток-он-Трент, где все три парламентских места теперь занимают тори. Он открыл дверь лейбористам и сказал, что впервые в своей жизни проголосовал за консерватора. Как вы себя чувствовали? «Не очень, правда», – сказал он мне.*

Следствие – *В обозримом будущем политика будет полна вопросов, которые скрывались в этом кратком разговоре. Можно ли превратить таких избирателей в восторженных тори? Вернули ли их лейбористы? И в ходе битвы как все изменится на земле?*

Гиперссылка, включенная в аргументативное единство (*the man I met*), позволяет автору статьи придать аргументам большую весомость, поскольку они подкрепляются данными из другого источника, на который ссылается адресант.

Выводы. Таким образом, англоязычный полемический дискурс печатных СМИ, обладающий собственным прагматическим потенциалом, находится в непрерывном развитии, которое определяется изменяющимся спросом читателя на качество подачи информации и включением новых каналов обмена информацией между участниками полемического дискурса печатных СМИ, что отражается в изменении прагматической составляющей исследуемого дискурса и выражается в смещении приоритетов в использовании прагматически нагруженных единиц реализации воздействия в сторону аргументации и сужения границ межличностного общения, что выражается в употреблении местоимений 1-го и 2-го лица, собственного мнения авторов проблемных статей и увеличения аргументативного наполнения исследуемого дискурса.

Литература

1. Остин, Дж. Слово как действие / Дж. Остин // Новое в зарубежной лингвистике : сб. ст. / под ред. В.А. Звегинцева. – М., 1986. – Вып. 17. Теория речевых актов. – С. 22–129.
2. Арутюнова, Н.Д. Дискурс / Н.Д. Арутюнова // Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В.Н. Ярцевой [и др.]. – М. : Сов. энциклопедия, 1990. – С. 136–137.
3. Булыгина, Т.В. О границах и содержании прагматики / Т.В. Булыгина // Изв. АН СССР. Сер. литературы и языка. – 1981. – Т. 40, № 4. – С. 333–343.
4. Арутюнова, Н.Д. Предложение и его смысл: Логико-семантические проблемы / Н.Д. Арутюнова. – М. : Наука, 1976. – 383 с.
5. Брандес, О.П. Прагматика языка как переводческая проблема / О.П. Брандес // Тетради переводчика. – М., 1979. – С. 35–75.
6. Dijk, T.A. van. Studies in the pragmatics of discourse / T.A. van Dijk. – The Hague : Mouton de Gruyter, 1982. – 331 p.
7. Wunderlich, D. Methodological remarks on speech act theory / D. Wunderlich // Speech act theory and pragmatics / J. Searle, F. Kiefer, M. Bierwisch (eds.). – London, 1980. – P. 291–312.

8. Колшанский, Г.В. Прагматика языка / Г.В. Колшанский. – М. : Изд-во МГПИИЯ им. М. Тореза, 1980. – 176 с.
9. Сусов, И.П. Прагматика дискурса и этнолингвистические проблемы / И.П. Сусов // Прагматика этноспецифического дискурса. – Тверь, 1990. – С. 2–5.
10. Степанов, Ю.С. В поисках прагматики (проблема субъекта) / Ю.С. Степанов // Изв. АН СССР. Сер. литературы и языка. – 1981. – Т. 40, № 4. – С. 318–334.
11. Киселева, Л.А. Вопросы теории речевого воздействия / Л.А. Киселева. – Л., 1978. – 160 с.
12. Падучева, Е.В. Семантические исследования / Е.В. Падучева. – М. : Языки русской культуры, 1996. – 453 с.
13. Матвеева, Г.Г. Актуализация прагматического аспекта научного текста / Г.Г. Матвеева. – Ростов-на-Дону : Изд-во РГУ, 1984. – 132 с.
14. Сажина, Е.В. Структурные и прагматические характеристики полемического дискурса : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Е.В. Сажина. – Мн. : МГЛУ, 2007. – 132 с.
15. Арутюнова, Н.Д. Истоки, проблемы и категории прагматики / Н.Д. Арутюнова, Е.В. Падучева // Новое в зарубежной лингвистике: сб. ст. / под ред. Е.В. Падучевой. – М., 1986. – Вып. 16. Лингвистическая прагматика. – С. 4–43.

Гомельский государственный
университет им. Ф. Скорины

Поступила в редакцию 08.01.2020

Міфасемантыка сувязяў «сірата – слёзы – дождж» у беларускай традыцыйнай культуры

А.М. САМОХІНА

Аналізуюцца тэксты беларускага пазаабрадавага і абрадавага фальклору, змешчаныя ў фальклорна-этнаграфічных працах, а таксама экспедыцыйныя запісы аўтара. Матэрыялы разглядаюцца ў аспекце даследавання міфасемантыкі сіраты праз выяўленне ў ёй новых сэнсаў. Даказана карэляцыя паняццяў «сірата», «слёзы», «дождж». У новым ракурсе асэнсаваны элементы аказіянальных абрадаў і гульнёва-абрадавых дзеянняў, пашырана ўяўленне аб сувязі сіраты са сферай сакральнага. Навізна абумоўлена нераспрацаванасцю пытання ў кантэксце беларускай абрадавай і пазаабрадавай творчасці.

Ключавыя словы: сірата, слёзы, дождж, сфера сакральнага, міфасемантыка, аказіянальная абраднасць, вяселле.

The article is dedicated to the traditions of Belarusian rite and extra-rite folklore texts that were included in folklore and ethnographic works and author's expedition materials and have been analyzed in the essay. The content of the mentioned sources was considered with the aim of a detailed study of the mythological and semantized meanings of the concept of an orphan and the identification of new aspects of this concept. Correlation of the concepts of orphan-tears-rain has been proven. It was possible to comprehend in a new way the elements of occasional rites and ritual rites' games and expand the understanding of the connections of the image of the orphan with the sacral sphere. The novelty of the article lies in the fact that this issue has not been investigated earlier in the context of Belarusian rite and extra-rite creativity.

Keywords: orphan, tears, rain, sacral sphere, mythological and semantized meanings, occasional rites, wedding.

Уводзіны. Тэма сіроцтва, як і іншых лімінальных сацыяльных статусаў чалавека (такіх як удаўство, жабрацтва), у навуковым дыскурсе не з'яўляецца новай. Яна грунтоўна асэнсавана ў асобных аспектах, найбольш у літаратуразнаўчым. У беларускай фалькларыстыцы варта адзначыць уступны артыкул Л. Малаш пад назвай «Сіročыя песні. Вячанне. У доме маладой перад ад'ездам маладога» да трэцяй кнігі тома «Вяселле. Песні» акадэмічнай серыі БНТ (1983 г.). На ліра-эпічным матэрыяле і на прыкладзе ўзораў абрадавай творчасці прааналізаваны асноўныя складовыя міфасемантыкі сіроцтва. Палажэнні, сцверджаныя ў працах С. Багданавай, А. Байбурына, І. Вугліка, Г. Левінтона, А. Леўкіёўскай, Е. Меляцінскага, У. Пропа і інш., даюць тэарэтычныя падставы для далейшага канцэптуальнага асэнсавання гэтай праблемы.

У навуковым дыскурсе адзначаецца, што сірата ў традыцыйным светаўспрыманні надзелена спецыфічным статусам медыятара паміж прафаннай і сакральнай сферамі, мае сакральную сувязь з памерлымі бацькамі і Богам, можа кантактаваць з імі, атрымліваць ад іх заступніцтва і дапамогу [1], [2], [3]. Фіксуецца амбівалентнасць асірацэлай асобы ў абрадавым кантэксце: выступае цэнтральным персанажам у адных абрадах і не дапускаецца да ўдзелу ў іншых [2].

Перасячэнне семантыкі вобразаў сіраты, слёз і дажджу стварае аснову для ўсебаковага вывучэння канцэпту «сіроцтва» ў кантэксце традыцыйнай беларускай культуры. Гэта пытанне ў асобных ракурсах асэнсоўваецца С. Талстой, Л. Вінаградавай, А. Леўкіёўскай і інш. Застаецца недаказанай карэляцыя ў аказіянальных абрадах Беларусі сіročых слёз/плачу і дажджу.

Асноўная частка. Найбольш цесная сувязь сіраты з сакральнай сферай праз слёзы/плач праяўляецца падчас сіроцкага вяселля. Важна адзначыць адну з асаблівасцей такога абраду – традыцыйную рэгламентацыю, згодна з якой нявеста-сірата павінна абавязкова плакаць. У адрозненне ад маладой на звычайным вяселлі, на сірату «ў два разы больш уплываў гэты закон <...> для выпрошвання ў Бога шчаслівай у будучым замужняй долі» [4, с. 96]. У вясельнай сіроцкай лірыцы праліванне сіратой слёз у якасці аднаго з абавязковых элементаў уваходзіць у матывы «нявеста ідзе на пасады», «просьба да Бога аб добрай долі». Не толькі

пажаданаць, але і абавязковасць вясельнага сіроцкага плачу фіксуецца і ў сучасных экспедыцыйных матэрыялах: «Тады ж не піялі гэтак, і плакалі толькі, як дарылі, за стол саджалі. Маладуха плакала: “Мамачка, любачка, не скоро дорыш. А я ж здаецца скоро хадзіла і добра рабіла”. <...> І плачуць, і прыказваюць. І маладуха тады ўжо плачыць» (запісана А. Самохінай у в. Ускрыўне Докшыцкага р-на Віцебскай вобл. ад А. Сакалоўскай 1922 г.н.).

Слёзы сіраты ў міфапэтычным разуменні надзяляюцца звышнатуральнымі рысамі, што можна прасачыць у наступных тэкстах вясельнай сіроцкай лірыкі: «Да скацілася сляза // да ў малойчыка з ліца, // да ўпала на магілку, // да прабіла далінку. // Да пашла сляза, // зялёны мурог прабіваючы // і жоўты пясок прамываючы, // ойца-матку пабуджаючы» [5, с. 153]. Моц сірочых слёз адлюстроўваецца таксама ў беларускіх парэміях: «Сірочая сляза і камень прабівае» [6, с. 111], «Сірочая сляза каменні крышыць» [7, с. 103].

Карэляцыя семантыкі вобразаў сіраты і слёз праяўляецца не толькі ў тэкстах вясельна-сіроцкай лірыкі, але і захоўваецца ў распаўсюджаным па ўсёй тэрыторыі Беларусі рытуальным наведванні бацькоўскіх магіл падчас вясельнага абраду. Асноўны сэнс – запрашэнне на вяселле і просьба аб благаслаўненні. Л. Малаш звяртае ўвагу на тое, што «часцей за ўсё сірата плакала прыгаворваючы, радзей галасіла прычытваючы» [3, с. 10]. На сённяшні дзень гэта традыцыя захоўвае жывое бытаванне: «У нас зара ездзюць, а некулі, то я не знаю. Едут а як жа ж. Усё адно, помолюцца і што ж там робіць. Ніц там не робілі. Постаяць да поплачуць. Ходзілі, прыглашалі» (запісана А. Самохінай у в. Вулька-Целяханская Івацэвіцкага р-на Брэсцкай вобл. ад А. Абрамчук 1914 г.н.); «І на кладбішча ўжо едуць і прыглашаюць на свадзьбу. Вот. Гаворуць, а тады і плачам бываець. Ага. Ёсць такія. Плачам прыказваючы. Вот. Просюць ужо на свадзьбу, тамака: “Просім цябе, папачка! На свадзьбу прашу! Каб ты ў мяне пабываў, парадкі павадзіў! А хто ж у мяне будзець каля століку хадзіць? А хто ж у мяне будзець парадачкі вадзіць без роднага татачкі?” Вот так вот» (запісана А. Самохінай у в. Козікі Докшыцкага р-на Віцебскай вобл. ад М. Модаль 1930 г.н.).

Асобнай тэмай даследавання з’яўляецца такі аспект сіроцтва, як плач на магіле памерлых бацькоў, а таксама размова з імі і іх дапамога ў кантэксце казачнага эпасу Беларусі. Канстытутыўным матэрыялам для вывучэння служаць чарадзейныя казкі сюжэтнага тыпу «Папалушка» (АА 510А) і «Свіны чахол» (АА 510В).

Такім чынам, слёзы/плач у вясельнай сіроцкай традыцыі беларусаў разглядаюцца як умова і сродак наладжвання кантакту з сакральнай прасторай, аб чым сведчаць песенныя матывы, згодна з якімі памерлыя бацькі, Бог, Багародзіца, анёлы чуюць праз слёзы зварот да іх: «Божа на дварэ, Божа на дварэ, анёлачкі ў хаце. / – Божухна-бацюхна, сірата плачыць. / – Што ж яна, анелі, у Бога просіць?» [5, с. 43]; «– Паслухай, Божанька, правым вухам, / як твая сіротка слёзна плачыць, / а ў цябе, Божынька, долю просіць» [5, с. 83]; «Заплакала ж Волечка / да па застоллейку ідучы. / Ці жыў яе бацюхна? / – Ціха, не плач маё дзіцятка» [5, с. 66].

Звышнатуральная моц плачу тлумачыцца станам сіраты, яе семантычнай адзначанасцю праз гора і няшчасце, праз сувязь з памерлымі бацькамі, якія знаходзяцца на «тым свеце», у сакральнай прасторы: «сірата долі не мае, галаском неба прабівае, слёзкамі зямельку палівае» [5, с. 79]. Магчымасць «праходзіць» са свету прафанныга ў сакральную прастору, быць на мяжы сям’ясферы знаходзіць сваё адлюстраванне ў вясельнай сіроцкай лірыцы: «Ды чыя гэта слёзачка / край мора да кацілася, / жоўты жвір прамываючы, / белы крамянец прабіваючы, / свайго бацюшка да шукаючы?» [8, с. 388]; «Марысіна слёзачка ды па сталі кацілася, / ды на землю звалілася, / зямліцу прабівала, / матачку выклікала» [9, с. 480]. Вясельныя сіроцкія песні з такімі матывамі вельмі падобныя да лекавых замоў паўднёвых славян, у якіх для пазбаўлення ад хваробы неабходна ісці па дарозе і плакаць дзеля таго, каб плач пачула Багародзіца, «пры гэтым яго (чалавека) слёзы павінны ўпасці на зямлю, а голас дасягнуць нябёсаў, з’яднаўшы іх магічнай воссю (axis mundi)» [10, с. 46].

Улучанасць вобраза сіраты ў кантэкст «народнага хрысціянства» назіраецца ў сюжэтах паданняў пра Святую грушку ў в. Бушмічы Камянецкага раёна Брэсцкай вобласці [11], [12, с. 462–463]. Так, згодна з паданнямі пра Святую грушку, мачаха выправіла асірацелую дзяўчынку ў навальніцу пасці авечак. Сірата, плачучы, прыйшла пад грушу. Пад дрэвам яна ўбачыла жанчыну ў белым адзенні – Багародзіцу, якая супакоіла дзяўчынку і расказала пра

яе далейшае шчаслівае жыццё. Гэта цудоўнае з’яўленне знайшло сваё адлюстраванне ў іконе, якая не была кананізавана, але была напісана на гэты сюжэт: дзяўчынка стаіць на каленях, Божая Маці благаслаўляе яе. Абраз знаходзіцца ў царкве ў в. Вярховічы (недалёка ад в. Бушмічы) і носіць мясцовую назву «Бушміцкая ікона Божай Маці». Акрамя праяў іерафаніі, зафіксаваны звесткі аб іншых цудатворных, у прыватнасці лекавых, уласцівасцях Святой грушкі. Вакол культавага дрэва ўстаноўлены крыжы, некаторыя з іх аброчныя. Адзначанае месца вядома як мікратапонім «Пад грушкай», «Грушка», «Святая груша».

Аналіз вясельнай сіроцкай лірыкі з даволі распаўсюджаным матывам надзялення сіраты доляй указвае на тое, што слёзы/плач выступаюць не толькі ў якасці ўмовы або «ключоў» для сувязі з сакральнай сферай, але і прадстаўляюць сабой найбольш важнае дзеянне для атрымання жаданага. Іншымі словамі, сірата можа данесці сваю просьбу пасродкам слёз/плачу. Разам з тым у значнай колькасці сюжэтаў вясельных сіроцкіх песень, калі памерлыя бацька ці маці просяць Бога адпусціць іх на вяселле свайго дзіцяці, апісваецца, што яны звычайна прыходзяць у выглядзе розных прыродных з’яў, даволі часта як «дробны дожджык». Акрамя таго, асобныя сюжэты цалкам апісваюць такое «з’яўленне» памерлых бацькоў: «— Да маладзенька дзевачка, / чаму не баішся гэтай хмарачкі цёмнай, / гэтага ветрыка буйнога, / гэтага дожджыку драбнога? <...> — Да ў той хмарачцы татка мой, / да ў той цёмненькай родненькі, / да ён мяне дожджыкам абалье, / шчасцем-доляй абашле» [13, с. 233]. С. Талстая звяртае ўвагу, што ўлада над дажджом у славянскай міфалогіі прыпісваецца памерлым продкам, а ў вераваннях і магіі слёзы прыпадабняюцца дажджу [14, с. 106], [10, с. 43].

Такім чынам, выдзяляецца сакральная сувязь «сірата – слёзы – дождж», дзе сірата можа выконваць галоўную ролю ў абрадах выклікання/супынення дажджу. А. Тапаркоў адзначае наступнае: «Язычніцкія па свайму паходжанню, элементы абраду, аднак, асэнсоўваюцца як рэлігійныя сімвалы. Такому пераасэнсоўванню, напрыклад, падвяргаюцца слёзы, якія праліваюць на зямлю, — рытуальны плач, абумоўлены метафарай слёзы-дождж, устойліва сустракаецца ў беларускіх абрадах выклікання дажджу і мае шматлікія аналогіі як у славянскім свеце, так і за яго межамі» [15, с. 227]. У працы даследчыка зафіксавана інтэрв’ю з П. Шэметавай з в. Прысно Веткаўскага раёна Гомельскай вобласці, якая выконвала рытуальныя дзеянні, скіраваныя на тое, каб пайшоў дождж (на жаль, узгадваецца толькі, што яна была сляпая і жыла адна, аднак пра яе сям’ю звестак няма [15, с. 229]): «Як Бога просыш — нада прасіць са слязамі. Ідзі ў старам, толькі Бога нясі ў сердцэ. <...> Нада плакаць, штобы земля знала і Бог знаў» [15, с. 230]. Галоўная роля сіраты ў правядзенні аказіянальных абрадаў выклікання дажджу праглядаецца ў бытуючых у жывой традыцыі выслоўях тыпу «сонца свеціць і дождж ідзе — гэта сірата плача» [7, с. 103], «такі дождж як сірата плача» [16, с. 397]. Пра грыбны дождж на Палессі кажуць: «сіроты плачуць», «сыроціны слёзы ідуць» [10, с. 43]. Удзел сіраты ў абрадах выклікання дажджу можна патлумачыць тым, што сказанае сіратой і адрасаванае Богу хутчэй будзе пачута, улічваючы боскае апекаванне [2, с. 642]. Тэма заступніцтва адлюстроўваецца ў беларускіх парэміях, зафіксаваных у зборніках класікаў народазнаўства XIX — пачатку XX ст., і ў сучасных выданнях: «Над сіратой Бог з калітою», «За сіратой, кажуць, сам Бог з калядою», «Мая сіроця сляза на сырую зямлю ні ўпадзе», «Сіročыя слёзы дармо не прападаюць (не прападуць)», «Сіроцкія слёзы даром не мінуцца».

Слёзы або плач сіраты ў пэўных абставінах з’яўляюцца адной з формаў сакральнага дзеяння ў абрадах, накіраваных супраць стыхійных бедстваў, такіх як засуха, моцны або працяглы дождж. Пацвярджэнне гэтаму можна знайсці ў тэкстах беларускай забаўлянкі-заклічкі: «Дожджык, дожджык, перастань, / я паеду на Растань, / куплю табе сарафан. / Паеду на Кіеў / Богу маліцца, / Хрысту пакланіцца. / Як у Бога сірата / адкрывала варата / ключыкам-замочкам, / шаўковым платочкам» [17, с. 361]; «Дожджык, дожджык, / перастань! / Я паеду на Ердань / Богу маліцца, / Хрысту пакланіцца. / Я ў Бога сірата, / падпірайце варата / кручком, дручком, / папярэшнічкам» [18, с. 172]. Е. Раманаў у сваёй працы змяшчае ўдакладненне да тэксту заклічкі: яна «спяваецца ў час дажджу, калі некуды схавацца» [18, с. 172]. З цягам часу тэксты заклічкі пачалі выконваць выключна гульнёвую функцыю. Як адзначае М. Мельнікаў, «заклучныя радкі заклічкі (“Адкрывала варата ключыкам-замочкам, залатым платочкам”) нагадваюць паэтычныя вобразы замоў і з’яўляюцца водгаласкам

старадаўняга язычніцкага заклінання» [19, с. 100]. Вобраз сіраты ў тэкстах дзіцячага фальклору, якія прадстаўляюць сабой трансфармаваныя замовы ад дажджу, звязаны з вераваннем пра магчымасці сіраты аказваць уплыў на прыродныя з’явы (у дадзеным выпадку – паўплываць на тое, каб скончыўся дождж). Сакральная сувязь сіроцтва (пазашлюбнае дзіця як фактычная паўсірата) і залевы апісваецца С. Талстой: «У Палессі таксама верылі, што віноўніцай моцнага дажджу можа стаць жанчына, якая ўмярцвіла, прыспала або ўтапіла сваё незаконнанароджанае дзіця» [14, с. 110]. У паўднёваславянскім фальклору сірата як адзін з магчымых галоўных персанажаў удзельнічае ў абрадзе выклікання дажджу. Галоўны ўдзельнік і сам абрад маюць назву «Дадола» (варыянты назвы – Пеперуда, Прпоруша). Г. Плотнікава звяртае ўвагу, што «цэнтральны персанаж працэсіі, якога водзяць па сялу, – звычайна ўвітая зелянінай дзяўчынка-сірата, дзіця, якое нарадзілася пасля смерці бацькі, апошнія дзіця-дзяўчынка ў маці (калі маці пасля народзіць яшчэ адно дзіця, у сяле чакаюцца вялікія няшчасці), радзей хлопчык. <...> Абрад выконваецца ў час засухі, у асноўным у перыяд ад Юр’ева дня да Узнясення або Пятрова дня» [20, с. 101]. У той жа час семантыка дажджавой вады ў славян таксама ўтрымлівае ў сабе ўяўленні, якія ўказваюць на сувязь з сакральнай прасторай. Як адзначае Л. Вінаградава, «у ролі “чарадзейнай” часам выступала і дажджавая (“нябесная”) вада, якая сабралася ў пэўным месцы. Згодна з прадстаўленнямі балгар, лекавыя якасці мела дажджавая вада, якую бяруць з надмагільнага каменя або з дупла дрэва, якое расце адасоблена <...> У многіх месцах дажджавая вада лічылася надзейным сродкам, які палягчае агонію цяжка паміраючага чалавека» [21, с. 44].

Заклучэнне. На матэрыяле абрадавых песень, эпічных жанраў, парэмій, а таксама асобных наратываў, зафіксаваных аўтарам падчас экспедыцый у Івацэвіцкі раён Брэсцкай вобласці і Докшыцкі раён Віцебскай вобласці, выяўлены новыя аспекты міфасемантыкі сіраты, слёз і дажджу, якія ўзнікаюць у выніку іх карэляцыі. Найбольш ярка такая ўзаемасувязь праяўляецца ў вясельных сіроцкіх песнях і парэміях. Яна выражаецца як *уплыў сіроцкіх слёз на наладжванне кантакту з памерлымі бацькамі* (рэгламентацыя пралівання слёз нявестай-сіратой; звычай плачу падчас вясельнага рытуальнага наведвання бацькоўскіх магіл; матыў плачу сіраты над бацькоўскай магілай і размовы з памерлымі бацькамі ў казачных сюжэтах тыпу «Папялушка» (АА 510А) і «Свіны чахол» (АА 510В)); *уплыў сіроцкіх слёз на наладжванне кантакту з Богам і боскімі асобамі* (матыў «Бог чуе плач сіраты» ў вясельных сіроцкіх песнях, парэміях, паданнях); *сувязь памерлых продкаў з «нябеснай вадой»* (матыў з’яўлення памерлых бацькоў у вобразе дажджу ў вясельных сіроцкіх песнях, а таксама павер’і, звязаныя з момантам смерці); *улучанасць людскога плачу/слёз у абраднасць выклікання дажджу* (матэрыялы па аказіянальным абрадзе з в. Прысно Веткаўскага раёна Гомельскай вобласці); *сакральная сувязь сіраты з дажджом і функцыя сіраты ў аказіянальных абрадах выклікання або спынення дажджу* (зафіксаваныя на тэрыторыі Палесся народныя павер’і, выслоўі, заклічкі і інш.).

Літаратура

1. Вуглік, І. Сірата / І. Вуглік // Міфалогія беларусаў : энцыкл. слоўнік / склад.: І. Клімковіч, В. Аўтушка ; навук. рэд. Т. Валодзіна, С. Санько. – Мн., 2011. – С. 443.
2. Левкиевская, Е.Е. Сирота / Е.Е. Левкиевская // Славянские древности : этнолинг. словарь : в 5 т. – М., 2009. – Т. 4 : П–С. – С. 641–642.
3. Малаш, Л.А. Сірочыя песні. Вячанне. У доме маладой перад ад’ездам маладога / Л.А. Малаш // Вяселле. Песні : у 6 кн. – Мінск, 1983. – Кн. 3. – С. 5–27.
4. Rypiński, A. Białoruś : kilka słow o poezji prostego ludu tej naszej pol. prowincji, o jego muzyce, śpiewie, tancach et cetera / A. Rypiński. – Paryż : Druk. J. Marylskiego, 1840. – 228 s.
5. Вяселле. Песні : у 6 кн. / рэд. М.Я. Грынблат, А.С. Фядосік ; склад. Л.А. Малаш ; муз. дадатак З.Я. Мажэйка. – Мн. : Навука і тэхніка, 1983. – Кн. 3 – 768 с.
6. Жанчына ў беларускай народнай творчасці / Н.О. Багдановіч, Э.В. Галубок, А.К. Калечыц ; рэд. Н.М. Нікольскі, М.Я. Грынблат. – Мн. : Выд-ва АН БССР, 1940. – 518, [1] с.
7. Прыказкі і прымаўкі : у 2 кн. / рэд. А.С. Фядосік ; уклад. М.Я. Грынблат. – Мн. : Навука і тэхніка, 1976. – Кн. 1 – 560 с.

8. Federowski, M. *Lud białoruski na Rusi Litewskiej : materiały do etnografii słowiańskiej zgromadzone w latach 1877–1905* / M. Federowski. – Warszawa : Państwowe Wyd-wo Nauk., 1958–1981. – Т. 6 : *Pieśni*. – 1960. – 595 s.
9. Шейн, П.В. Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края / П.В. Шейн. – СПб., 1887–1902. – Т. 3 : Описание жилища, одежды, пищи, занятий, препровождения времени, игры, верования, обычное право, чародейство, колдовство, знахарство, лечение болезней, средства от напастей, поверья, суеверья, приметы и т. д. – 1902. – IV, 535 с.
10. Толстая, С.М. Слёзы, плач / С.М. Толстая // *Славянские древности : этнолинг. словарь* : в 5 т. – М., 2012. – Т. 5 : С–Я. – С. 42–46.
11. Гайдучик, В. Белорусская «Грабарка»: святое место Каменецкого района / В. Гайдучик // *Аномалия*. – 2010. – № 4. – С. 18–21.
12. Традыцыйная мастацкая культура беларусаў : у 6 т. / ідэя і агул. рэдагаванне Т.Б. Варфаламеева. – Мн., 2001–2013. – Т. 4. Кн. 2 : *Брэсцкае Палессе* / А.М. Боганева [і інш.]. – 2009. – С. 462–463.
13. Гілевіч, Н.С. Лірыка беларускага вяселля / Н.С. Гілевіч. – Мн. : Выш. шк., 1979. – 654, [1] с.
14. Толстая, С.М. Дождь / С.М. Толстая // *Славянские древности : этнолинг. словарь* : в 5 т. – М., 1999. – Т. 2 : Д–К. – С. 106–111.
15. Топорков, А.Л. Материалы по славянскому язычеству (культ матери-сырой земли в дер. Присно) / А.Л. Топорков // *Древнерусская литература. Источниковедение*. – Л., 1984. – С. 230.
16. Выслоўі / АН БССР, Ін-т мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору ; рэд. А.С. Фядосік ; уклад. М.Я. Грынблат. – Мн. : Навука і тэхніка, 1979. – 520 с., іл.
17. Дзіцячы фальклор / уклад. Г.А. Барташэвіч ; рэд. К.П. Кабашнікаў. – Мн. : Навука і тэхніка, 1972. – 736 с., нот. іл.
18. Романов, Е.Р. Белорусский сборник : в 9 вып. / Е.Р. Романов. – Киев : Тип. С.В. Кульженко, 1885–1912. – Вып. 1–2 : Песни, пословицы, загадки. – 1885. – 468, [4] с.
19. Мельников, М.Н. Русский детский фольклор Сибири / М.Н. Мельников. – Новосибирск : Зап.-сиб. изд-во, 1970. – 218 с.
20. Плотникова, А.А. Додола / А.А. Плотникова // *Славянские древности : этнолинг. словарь* : в 5 т. – М., 1999. – Т. 2 : Д–К. – С. 100–103.
21. Виноградова, Л.Н. Та вода, которая... (признаки, определяющие магические свойства воды) / Л.Н. Виноградова // *Признаковое пространство культуры / Отд-ие этнолингвистики и фольклора*. – М. : Индрик, 2002. – С. 32–60.

Центр исследований белорусской
культуры, языка и литературы
НАН Беларуси

Поступила в редакцию 12.07.2019

УДК:37.091.33-027.22:39:811.161.1'243

Этнокультурный ракурс в преподавании РКИ

Г.В. СЕРИКОВ

В статье сообщается об особенностях изучения русского языка как иностранного через призму этнокультурного восприятия китайскими и туркменскими слушателями в белорусских реалиях. Затрагивается проблема чистоты русской речи вне идеального русскоязычного континуума. Подчеркивается важное дидактическое, эстетическое и воспитательное значение совместных интерактивных мероприятий (экскурсий, конкурсов, викторин, вечеров дружбы).

Ключевые слова: иностранные слушатели, процесс обучения, этнокультурный, РКИ, воспитание, обучение, экскурсии, эмпатия, язык, лексика, интернационализмы, стили речи.

Peculiarities of studying Russian as a foreign language through the prism of ethnocultural perception by Chinese and Turkmen listeners are considered in Belarusian realities. The problem of the purity of Russian speech outside the ideal Russian-language continuum is raised. The important didactic, aesthetic and educational value of joint interactive events (excursions, competitions, quizzes, friendship evenings) is emphasized.

Keywords: foreign students, learning process, ethnocultural, Russian as a foreign language, upbringing, training, excursions, empathy, language, vocabulary, internationalism, speech styles.

Очень часто обучение иностранных слушателей подготовительных отделений в наших ВУЗах предусматривает изучение русского языка параллельно с предметами по избранным учащимися направлениям «с нуля». Поэтому процесс обучения, несмотря на то, что должен привести к овладению иностранцами «пороговым» уровнем русского языка, значительно отличается от обучения русскому языку наших школьников, которые слышат его с детства.

Особенностью композиции российских учебников по русскому языку как иностранному (РКИ) [1]–[5] является то, что почти с самых первых тем затрагиваются вопросы, касающиеся русской культуры – результатов материальной, художественной и интеллектуальной деятельности человека: литературы, философии, искусства, национальных традиций, бытовой жизни, трудовых отношений и т. д. В этом смысле особенности культуры как важнейшие (в данном случае) компоненты русистики являются необходимыми элементами всего процесса обучения РКИ.

Как правило, в изучении иностранных языков доминирует коммуникационный интерактивный принцип, согласно которому в процессе обучения обращается огромное внимание на развитие коммуникационных компетенций, а вместе с ними – и на усвоение культурных национальных традиций. Многие белорусские педагоги, связанные с преподаванием РКИ в ВУЗах, не единожды отдают себе отчет в том, что они знакомят иностранных слушателей все-таки с элементами культуры не своего, а соседнего народа, пусть даже очень близкого нам по менталитету и многим иным показателям. Безусловно, как представители восточнославянской языковой группы мы намного ближе к русской культуре и языку, нежели слушатели, приехавшие из стран Дальнего и Ближнего Востока и Средней Азии, в связи с чем процесс обучения русскому языку принимается нами как дело обычное, разве что с постоянной «оглядкой на эталон»: белорусский педагог, занимаясь преподаванием РКИ, не должен «цекать» и «дзekaць», но как раз «сдерживание» этого фонетического явления аффрикатизации мягких зубных смычных согласных доставляет немало хлопот. Насколько чисто говорит этнический белорусский преподаватель РКИ по-русски, показывают диктанты, предлагаемые им своим подопечным. Нам приходилось сталкиваться с тем, что туркменские и китайские слушатели подготовительного отделения записывали под диктовку на доске вместо *тень* – *цень*, вместо *тяжёлый* – *цяжёлый*, вместо *диван* – *дзиван*. Преподавая РКИ, белорусским преподавателям постоянно следует помнить о том, что иностранные слушатели изучают русский язык *вне* русскоязычного этнокультурного контекста. И даже если белорусский педагог-русист очень чисто и литературно говорит по-русски на занятиях в аудитории, то вне уни-

верситетских стен нашим подопечным доводится слышать несколько иной «русский» язык, звучащий из уст случайных прохожих, продавцов, соседей по общежитию и т. д. К тому же, неизбежным атрибутом любого живого языка (в том числе и русского) является нецензурная лексика, которую в изобилии слышат иностранцы.

Несмотря на обилие учебников, изданных для быстрого овладения русским языком, их тематика, лексика, рассматриваемая культурно-бытовая проблематика все-таки остается по-прежнему «евроцентричной». В связи с этим мы часто отдаем себе отчет в том, что передаваемые смыслы могут создавать проблему для неевропейцев. При преподавании РКИ, например, для китайских слушателей преподаватель в ничтожной степени может опереться на так называемые слова-интернационализмы. Если термины вроде *декан*, *каникулы*, *лексика*, *лекция*, *сессия*, *фонетика*, звучат весьма похоже на туркменском языке: *dekan*, *kanikul*, *leksika*, *leksiya*, *sessiya*, *fonetika* соответственно, и всегда можно быть уверенным, что какой-либо интернационализм будет понят туркменскими слушателями адекватно, то на это ни в коем случае нельзя надеяться при обучении китайцев, в языке которых эти и многие другие лексемы звучат сугубо по-своему, совершенно не оправдывая свой статус *интернационализма*.

С другой стороны, казалось бы, известные в Европе личности (композиторы, артисты и певцы), произведения мировой литературы и фильмы не должны бы вызывать у китайских слушателей необходимых ассоциаций, симпатий/антипатий, но происходит иногда наоборот: именно китайские слушатели (а это молодежь в возрасте 18–24 лет), в отличие от туркменских, очень хорошо знают и любят литературные произведения, песни и фильмы советской эпохи. Приехав из многомиллионных городов различных провинций, китайские слушатели демонстрируют единодушную симпатию по отношению к русским и советским авторам и их литературным героям. Повторюсь: сегодня, в XXI в., китайская молодежь 18–24 лет охотно называет среди лучших шедевров мировой литературы «Войну и мир» и «Анну Каренину» Л.Н. Толстого, произведения Н.В. Гоголя, А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова и даже роман «Как закалялась сталь» Н.А. Островского, с восторгом называя имя Павки Корчагина. Им нравятся мелодичные советские песни «Подмосковные вечера», «Надежда», «Катюша», «Березовый сок» как на русском языке, так и в переводе на китайский. Любимой китайской песней они называют свой государственный гимн. Очевидно, китайское правительство очень серьезно относится к патриотическому воспитанию подрастающих поколений, опираясь при этом на лучшие произведения и идеалы советской эпохи, но это уже отдельная тема.

Возвращаясь к обучению РКИ в связи с этнокультурным аспектом, белорусский преподаватель-языковед зачастую сталкивается с «неудобными» эпизодами в российских учебниках, знакомя иностранцев с русскими традициями. К сожалению, российские учебники по РКИ изобилуют упражнениями, в которых, в виде грамматических заданий, как нечто само собой разумеющееся, муслируется тема алкоголя и курения [2, с. 90], [4, вып. 2, с. 16,54,72]. В 4-м упражнении учебника Е.Р. Ласкаревой на стр. 103 предлагается ответить на вопросы утвердительно. 22-й вопрос звучит так: «Ты научился пить водку?» [3, с. 103]. Или еще такого рода задания из 20-го упражнения: «Попросите соседа налить вам вина», «Попросите открыть бутылку», «Попросите вытереть разлившееся вино», «Попросите охладить шампанское» [3, с. 138]. Воспитанным в традициях ислама и буддизма туркменам и китайцам бывает дико столь часто сталкиваться с такого рода упражнениями, где объясняется, к каким блюдам подается белое или красное вино, как спрягается глагол *курить* [4, вып. 1, с. 66,68,70], [4, вып. 2, с. 88], так что приходится такие задания просто обходить, не заостряя излишнего внимания на пагубных привычках славянских народов. Казалось бы, на эту тему уже давно высказался новосибирский академик В.Г. Жданов в своем фильме-лекции «Алкогольный и наркотический террор против России» [6], но новые учебники последних лет по-прежнему игнорируют его предостережения.

Бывает, что иногда, преподавая РКИ «с нуля», хочется посвятить своих иностранных слушателей в историю того или иного слова. (Например, мотивационные названия дней недели или особенности словообразования (*снег* – *снежный* – *снегопад* – *подснежник* и проч.)). Конечно, делается это не всякий раз, т. к. в задачи РКИ это не входит, как говорится, не спрашивай «почему?», а просто запоминай, «как надо», хотя следует отметить, что такое

предвосхищение дидактического материала воспринимается слушателями охотно, любознательно, дает интерактивный толчок к взаимному обучению. Для экономии времени и улучшения взаимопонимания русскоязычному преподавателю приходится пользоваться некоторыми «своими» китайскими лингвистическими терминами (напр., *тэн шу* – ‘единственное число’, *фу шу* – ‘множественное число’, *инци* – ‘таким образом, поэтому’ и др.). В свою очередь, китайцы охотно делятся некоторыми своими особенностями словообразования: *пчела – ми фон*, *мёд – фон ми* и др. Таким образом, нетрудно понять мысль: чтобы быстро овладеть азами языка, в самом начале не нужно знать, *почему* так говорится, а просто *помнить*, как надо говорить, и единственно на этом акцентировать внимание.

Любопытно также смысловое наполнение наречий *много – мало* и *далеко – близко* в мировосприятии китайцев и европейцев. На занятиях, посвященных описанию китайских городов, вдруг с удивлением отмечаешь, как, называя количество жителей в родном городе, китайский слушатель сообщает, что он родом из небольшого – численностью в 800 тыс. жителей – городка. Конечно, в сравнении с 4–6–8-миллионными мегаполисами это так. И расстояние между городами в 500–600 километров воспринимается китайцами как близкое, в то время как в масштабах Беларуси это сравнимо с удаленностью Гомеля от Гродно. Несмотря на обилие источников информации, белорусский преподаватель РКИ очень прочно «укоренен» в своей культуре, поэтому его задача – выявлять отличительные культурные и ментальные особенности иностранных слушателей, чтобы помогать им усваивать элементы славянских культур.

Изучение русского языка иностранцами на протяжении всей учебы в ВУЗе (особенно на филологических факультетах) предусматривает охват таких форм работы, как традиционные практические занятия по РКИ, уроки устной практики, грамматика русского языка, аудирование, диктанты, чтение русскоязычной прессы, переводы, сведения о России (ее культура и история), история русской литературы и т. д. Эти и другие предметы (специальные дисциплины избранного направления) можно разделить на две группы: предметы, развивающие языковые навыки, и предметы, передающие специальные знания. Все эти направления обучения РКИ у многих преподавателей иногда начинаются с «переименования» слушателей и студентов. В нашей практике случалось так, что студенты-туркмены и слушатели-китайцы для облегчения преподавателю общения с ними предлагали взамен своих имен называться в славянской традиции именами христианскими. Например, вместо туркменских: Огулгерек – Оля, Айнабат – Аня, Ыгтыяр – Игорь, вместо китайских: Мутон – Юлия, Джиндже – Женя, Мэйлин – Лилия и т. д. Подобная практика для начинающих изучать русский язык весьма полезна по той причине, что иностранцы учатся вначале правильно произносить свои «новые» имена и имена своих ровесников. Такая практика представляет собой первые фонетические упражнения. Затем китайские студенты узнают, что славяне нарекают своих детей, основываясь, как правило, на христианской традиции, Библии, в то время как китайцы могут выдумывать имена своим детям. После усвоения имен дается информация об их уменьшительно-ласкательных формах и их эмотивно-эмоциональной (лингвистическо-психологической) роли в общении с детьми. Потом вводится понятие отчества как часть родового, патронимического имени, характерного для восточных славян.

Важной задачей, которая возникает уже с первых минут общения, является разъяснение китайским слушателям различия между официальным и неофициальным стилями общения. Данные различия наблюдаются во-первых, в приветственных формулах («Здравствуйте» и «Здравствуй», «Доброе утро», «Добрый день» и «Добрый вечер», «Привет», «Привет, как дела?» и «Пока»...), а во-вторых, в особом стилистическом употреблении личных местоимений *ты* и *вы* (*Вы*), обращение к ровесникам по имени, а к преподавателю и старшим лицам по имени-отчеству. Как показала практика общения с китайскими слушателями, происходящими из благополучных зажиточных семей, нормой для них считается чувство некоторого кастового превосходства по отношению к людям физического труда (дворникам, рабочим, официантам, таксистам), поэтому приходится объяснять, что в европейской традиции является нормой проявлять уважение к возрасту человека, несмотря на его профессию и социальное положение, обращаясь к нему на *Вы*.

Язык, который усваивают иностранцы на занятиях по РКИ, складывается, конечно же, из... слов, которые нужно запомнить. Несколько основных самых необходимых предметно-тематических пластов мы выделяем в этом случае, принимая во внимание самые первые необходимые потребности и запросы человека. Основная лексика, касающаяся повседневности, традиционно делится на пять групп: одежда, пища, проживание, транспорт и отдых. Методика обучения этим группам лексики очень проста, т. к. опирается на наглядности: хорошие цветные иллюстрации в учебниках [2] и предметы окружающей действительности. При знакомстве по учебникам с русской кухней встречаются специфические русские национальные блюда, состав и рецепт которых объяснить нетрудно, но «теоретически» представить их вкус и запах невозможно. Поэтому на подготовительном отделении университета ежегодно проводятся вечера интернациональной дружбы («Интер-ГТУ»), где у белорусских и иностранных слушателей есть прекрасная возможность живую оценить изделия национальной белорусской, туркменской и китайской кухни.

Актуальным и действенным видом воспитательной работы с иностранными слушателями остается экскурсионно-краеведческая деятельность. Проживая на белорусской земле, в конкретной местности, любой иностранец стремится узнать как можно больше о заслуживающих внимания наших достопримечательностях. Экскурсии в дворцово-парковый ансамбль, Музей боевой славы, Ветковский музей народных промыслов и книги производят, как правило, положительное познавательное впечатление.

Таким образом, при преподавании иностранным слушателям русского языка как иностранного в условиях белорусской действительности следует учитывать ряд факторов:

1. Русская речь в устах этнического белорусского преподавателя должна быть по возможности чистой, слушатели должны быть предупреждены о том, что в реальной жизни они услышат обилие языкового материала, фонетически и лексически отличающегося от книжных эталонов.

2. Действенными факторами обучения являются наглядность и вовлеченность в совместную творческую и общественно-полезную деятельность (участие в конкурсах, тематических викторинах, вечерах дружбы).

3. Для облегчения усвоения языка необходима взаимная частичная интеграция в данную этнокультурную среду (со стороны как слушателей, так и преподавателя), в ее обычаи, коды этикета, ономастику, пространственно-временные соотношения. Через изучение русского языка в белорусских реалиях осуществляется воспитание эмпатии (принятия, сочувствия) по отношению к тому народу, в среде которого обучается иностранец.

Литература

1. Антонова, В.Е. Дорога в Россию: учебник русского языка (элементарный уровень) / В.Е. Антонова, М.М. Нахабина [и др.]. – 12-е изд. – СПб. : Златоуст, 2015. – 342 с.
2. Куцерева-Жаме, А. Спасибо! Начальный курс русского языка / А. Куцерева-Жаме, Мицуси Китадзё. – 2-е изд. – СПб. : Златоуст, 2014. – 190 с.
3. Ласкарева, Е.Р. Чистая грамматика / Е.Р. Ласкарева. – 5-е изд. – СПб. : Златоуст, 2012. – 336 с.
4. Родимкина, А. Россия день за днем: в 2-х вып. / А. Родимкина, Н. Ландсман. – СПб. : Златоуст, 2013. – Вып. 1. – 136 с. ; вып. 2. – 117 с.
5. Хавронина, С.А. Русский язык в упражнениях / С.А. Хавронина, А.И. Широценская. – М. : Русский язык, курсы, 2012. – 383 с.
6. Жданов, В.Г. Алкогольный и наркотический террор против России [Электронный ресурс] / В.Г. Жданов. – Режим доступа : <https://yandex.by/video/preview?filmId=6770189906368075143&text=Алкогольный%20и%20наркотический%20террор%20против%20России&noreask=1&path=wizard&parent-reqid=1578206152421059-582200558961119245900123-man1-3705&redircnt=1578206162.2> – Дата доступа : 17.12.2019.

УДК 81'373.611: 811.112.2

Деривационные средства представления семантики деструкции у глаголов в современном немецком языке

Т.И. СКОРОБОГАТАЯ

Рассматриваются деривационные средства выражения семантики деструкции у глаголов в немецком языке с учетом имеющего места взаимодействия единиц разных уровней. Рассмотрены впервые не отдельные глаголы с семантикой деструкции, а их подсистемы – номинативные ряды. Определены как синтетические (собственно аффиксальные), так и аналитические средства представления семантики разрушения у глаголов немецкого языка. Анализ номинативных рядов позволяет определить коммуникативные эквиваленты производным глаголам деструктивной семантики.

Ключевые слова: глаголы деструкции, номинативный ряд, немецкий язык, словообразовательное значение, деривационные сочетания.

The article deals with derivational means of expressing the semantics of destruction in verbs in the German languages, taking into account units of different levels interaction. Not individual verbs of destruction semantics have been analyzed for the first time, but their subsystems – nominative sets. Both synthetic (actually affixive) and analytical means of representing the semantics of destruction by verbs of the German language have been defined. The analysis of nominative sets allows us to determine the communicative equivalents of the derived verbs of destructive semantics.

Keywords: verbs of destructive semantics, nominative set, German language, word-formation meaning, derivative collocations.

Глагол является основной единицей языка. Исследование глагольной лексики в немецком языке ведется достаточно давно и интенсивно. Различные аспекты изучения глагольной лексики представлены в многочисленных трудах таких исследователей как В.Г. Адмони, Г. Бринкман, Г. Глинц, Й. Эрбен, И. Кюнхольд, В. Порциг, Г. Ренике, Г. Хельбиг, Г. Фляйшер, Г. Шторх и многие другие. Вместе с тем ряд вопросов конкретных глагольных групп нуждается в более подробном изучении. В этой связи нами исследуется деструктивная глагольная лексика в немецком языке и ее неоднословные эквиваленты.

В современном языкознании к деструктивным глаголам относят лексемы, обозначающие физическое воздействие, которые вызывают качественное или количественное изменение предмета, изменение его состояния, а также создание или ликвидацию объекта [1, с. 59]. Предметом исследования в немецком языке стали глаголы с семантикой 'разрушение', входящие в тематическую группу в словаре немецкого лингвиста Ф. Дорнзайфа («Лексикон Ф. Дорнзайфа» *Der deutsche Wortschatz nach Sachgruppen*). В лингвистике существует много мнений по поводу отношения тематических и лексико-семантических групп (В.И. Кодухов, Ф.П. Филин, Н.Ф. Алефиренко, А.Л. Зеленецкий, Л.М. Васильев, А.А. Уфимцева и др.), которые указывают на то, что понятие тематическая группа является более широким, чем понятие лексико-семантическая группа. В рамках тематической группы могут быть выделены другие подгруппы лексики, которые, в свою очередь, могут оказаться лексико-семантическими группами. Лексико-семантические группы – совокупность слов, относящихся к одной и той же части речи. Таким образом, взяв за основу исследования известного немецкого лингвиста Ф. Дорнзайфа, мы выделяли лексико-семантическую группу глаголов деструктивной семантики.

К глаголам деструктивной семантики в немецком языке принадлежат не только неизменяемые глаголы (*brechen* 'ломать', *hacken* 'колоть, рубить', *knittern* 'мять'), но и производные (*zerkratzen* 'исцарапать, расцарапать (до крови)', *erwürgen* 'задушить, удушить, удавить', *verbeißen, sich* 'вцепляться зубами, вгрызаться').

Однако семантика разрушительного воздействия на объект может быть представлена не только на словообразовательном уровне, но и на синтаксическом (с помощью деривационных лексем). В немецком языке среди средств выражения номинативных значений, по

традиции причисляемых к лексическим, есть единицы, способные выступить в деривационной функции, о чем свидетельствует их регулярность и соответствие по семантике словообразовательным аффиксам.

Стоит отметить, что предметом нашего исследования не являются деривационные значения, характерные для глаголов с семантикой разрушения. Нас интересуют в данной работе непосредственно различные по структуре средства представления семантики деструкции у глагольных лексем немецкого языка. Поэтому глагольные производные рассмотрены нами в составе номинативных рядов, для которых характерным является общий денотат, представленный различными по структуре единицами, но характеризующихся «тождеством корня» [2, с. 116]. Следует отметить, что помимо непроемных глаголов с семантикой разрушения, обладающих определенным деривационным потенциалом, в немецком языке есть глаголы, которые имеют деструктивную семантику только будучи производными. Так, например, глагол *machen* 'делать' не относится к глаголам с деструктивной семантикой, однако производные от данного глагола имеют сему деструкции: *hinmachen* 'убить, прикончить', *totmachen* 'убивать'. Данный факт обуславливает рассмотрение непосредственно производных глагольных лексем в составе номинативного ряда, а не в составе деривационной парадигмы.

Так префикс **ent-** несет семантику разрушения при выражении значения, противоположного значению беспрефиксального глагола, например, *mischen* 'мешать, смешивать, перемешивать' → *entmischen* 'расслоить (смесь) на составные части', *festigen* 'укреплять' → *entfestigen* 'разупрочнять, срывать укрепления'.

Производные с префиксом **er-** (*erdrücken* 'задавить', *erbeissen* 'закусать') соответствуют русским производным глаголам с префиксом **за-**, выражающим значение 'результат действия'. Однако наличие синкретизма словообразовательного ('результат действия') и лексического значения ('умерщвление') у глаголов немецкого языка обуславливает соответствие такого рода производных лексем коммуникативно эквивалентным словосочетаниям с деривационными компонентами *zu Tode* 'на смерть, до смерти', *töten* 'умерщвлять': *erdrücken* 'задавить' – *zu Tode drücken*; *erbeissen* 'закусать' – *zu Tode beissen*; *erschlagen* 'убивать' – *durch einen oder mehrere Schläge töten*.

Префикс **miß-** (непродуктивный в настоящее время в немецком языке), выражая значение 'неправильное, неудачное действие', характерен для глаголов, производящие которых не относятся к глаголам деструкции, например: *bilden* 'создавать, составлять' → *mißbilden* 'уродовать, деформировать', *handeln* 'действовать, поступать' → *mißhandeln* 'жестoko обращаться'.

Префикс **zer-** придает деструктивную семантику глаголам, выражая значение 'разделение, разрушение, раздробление' (*zerpflücken* 'разорвать на кусочки, обрывать лепестки (у цветка)', *zerschießen* 'расстреливать, разрушать огнем') и значение 'порча, износ, деформация' (*zerfahren* 'разъезжать, испортить ездой дорогу', *zerarbeiten* 'изломать, уничтожить в процессе работы').

Полупрефикс **auf-** в редких случаях способен выражать значение повреждения [3, с. 71], например, *aufschürfen* 'содрасть кожу'.

Полупрефикс **durch-** продуктивен как с производящими деструктивными глаголами, так и с глаголами, которые не относятся к глаголам деструкции. Данный полупрефикс выражает следующие значения: значение 'интенсивность, завершенность действия' (*durchrosten* 'проржаветь насквозь', *durchfaulen* 'прогнить'), значение 'размельчение, разделение, разрушение' (*durchbeissen* 'прокусывать', *durchbrechen* 'проламывать, переламывать, разламывать пополам, на две части'), значение повреждения, износа (*durchtanzen* 'протереть обувь на танцах', *durchreiben* 'протереть (до дыр)').

Полупрефиксальные производные с **durch-** характеризуются наличием синкретизма словообразовательного ('интенсивность, завершенность действия') и лексического ('повреждение') значений, что обуславливает соответствие такого рода производных словосочетаниям с деривационным компонентом **beschädigen** 'повредить' (*durchreiben* 'протереть (до дыр)' – *durch vieles Reiben beschädigen* 'повредить сильным трением'). В некоторых случаях деривационный компонент **beschädigen** 'повредить' может быть единственным возможным средством представления семантики повреждения: *biegen* 'гнуть' → $\emptyset$, *durch Biegen beschädigen* 'повредить изгибанием' (*Wo keine Kabel sind, können auch keine Kabel durch Biegen beschädigt werden ...* 'Где нет кабелей, кабели не могут быть повреждены изгибанием ...').

Значение 'размельчение, разделение, разрушение' наряду с полупрефиксом **durch-** может быть представлен в номинативных рядах деривационным компонентом **in zwei Teile** 'на 2 части': *durchbeißen* 'прокусывать' – *durch Beißen in zwei Teile zertrennen* 'кусанием разделить на две части', *durchbrechen* 'проламывать, переламывать, разламывать пополам, на две части' – *in zwei Teile brechen* 'ломать на две части'.

Полупрефикс **ein-** выражает значение интенсивного воздействия и нападения, например, *einstecken* 'наносить удар за ударом колющим предметом', *einhacken* 'нападать, начать клеветать'.

Деструктивную семантику при основах глаголов, обозначающих действия человека способен выражать полупрефикс **über-** (*überdrehen* 'перекручивать, сорвать резьбу', *übertreten* 'вывихнуть ногу').

Полупрефикс **um-** у некоторых производных глаголов немецкого языка указывает на значение сваливания, опрокидывания, лишения жизни [3, с. 426]: *umrennen* 'повалить на бегу, сбивать с ног', *umfahren* 'наезжать, сбивать с ног', *umblasen* 'сдувать, опрокидывать дуновением'. Стоит отметить, что данное значение может быть представлено в немецком языке с помощью деривационного компонента **zu Boden** 'наземь'. Номинативные ряды с деривационным значением 'сваливание, опрокидывание, лишение жизни' могут быть полными и неполными. Сравним: *werfen* 'бросать' → *umwerfen* 'повалить, свалить', *zu Boden werfen* 'повалить, свалить'; *drücken* 'давить' → *Ø*, *jn zu Boden drücken* 'пригнуть (придавить) кого-либо к земле; раздавить, уничтожить кого-либо'.

Деструктивная семантика характерна для многих сложных глаголов немецкого языка. Так, значение деструкции в той или иной степени выражается следующими первыми компонентами сложных глаголов: **auseinander**, **dahin**, **entzwei**, **her**, **herunter**, **los**, **nieder**, **tot**, **zusammen**.

Для первых компонентов сложных глаголов с деструктивной семантикой характерны следующие деривационные значения: значение 'разделение, расщепление, разрушение' (первый компонент **auseinander** – *auseinanderschlagen* 'разбивать ударом', *auseinanderschneiden* 'разрезать на части'), значение 'разделение, разрушение, износ' (первый компонент **entzwei** – *entzweitanzten* 'протереть туфли на танцах', *entzweidrücken* 'раздавить', *entzweibeissen* 'перекусить пополам'), значение 'отделение, удаление' (первый компонент **herunter** – *herunterreißen* 'срывать, сдергивать, сносить ветром').

В отличие от русского языка в немецком языке данные производные со значением 'разделение, разрушение, раздробление', представленным префиксом **zer-** и первыми компонентами сложных глаголов **auseinander** и **entzwei**, имеют в некоторых случаях коррелятивные аналитические структуры с деривационно родственными компонентами, например: *zerhacken*, *in Stücke hacken* 'разрубить, рубить на куски', *entzweischneiden*, *in 2 Teile schneiden* 'разрезать, разрезать пополам', *auseinanderschneiden*, *in Teile schneiden* 'разрезать на части'.

Разнообразными первыми компонентами (**dahin**, **hin**, **tot**) представлено лексико-деривационное значение 'гибель, исчезновение, лишение жизни': *dahinraffen* 'уносить (смерти эпидемии)', *hinmachen* 'убить, прикончить', *totfahren* 'переехать, задавить насмерть', *totmachen* 'убивать', *tottreten* 'растоптать, затоптать насмерть'. Сложные глаголы с первым компонентом **tot** 'мертвый' (*totstechen* 'заколоть (насмерть)', *totküssen* 'зацеловать (до смерти)', *totschlagen* 'убивать'), как и производные с префиксом **er-**, могут соответствовать деривационным словосочетаниям: *totstechen*, *durch einen Stich (Stiche) töten* 'заколоть'; *totschlagen*, *zu Tode schlagen* 'убивать', т.е. данное значение в немецком языке может представлено и деривационными компонентами *zu Tode* 'насмерть, до смерти', *töten* 'умерщвлять'.

Значение 'нападение на кого-либо' характерно для первых компонентов **her** (*sich hermachen* 'нападать', *herfallen* 'набрасываться, нападать') и **los** (*loshfahren* 'налетать, набрасываться, нападать', *loshacken* 'наброситься, надавить кому-либо', *lossschlagen* 'бить колотить, наносить удары').

Первые компоненты **nieder** и **zusammen** способны придавать глаголам значение 'разрушение, уничтожение': *niederbrechen* 'сломать, снести, сокрушить', *niedermachen* 'убивать, приканчивать, уничтожать', *niederstechen* 'заколоть, разрушение, уничтожения', *zusammenbrechen* 'обрушиваться, разваливаться', *zusammenschießen* 'подстрелить, застрелить'.

Одним из деривационных значений, характерных глаголам с деструктивной семантикой в немецком языке является значение 'законченность действия', которое у данных глаголов может быть представлено, не только префиксальными морфемами, но и деривационными лексемами. Так, например, в немецком языке данное значение характерно как для производ-

ных с компонентами **aus-**, **ver-**, так и глагольно-именным сочетаниям с существительным (**bis**) **zu Ende** 'до конца' (*zu Ende spalten* 'доколоть', *zu Ende schlagen* 'добить'), конструкциям глагол + наречие с семантикой конца действия – **fertig** 'готовый', **endgültig** 'окончательный' (*fertig hacken* 'дорубить, нарубить', *endgültig brechen* 'доломать, сломать окончательно').

Однако следует заметить, что производным глаголам с морфемами **aus-**, **ver-** свойственен синкретизм словообразовательного ('завершение действия') и лексического значения.

Так, полупрефикс **aus-** способен выражать у глаголов, для которых характерно значение разрушение, законченность действия, и одновременно указывать на разрушительное воздействие на объект у глаголов, производящие которых не относятся к глаголам разрушения. Сравним: *bomben* 'бомбить' → *ausbomben* 'разбомбить, разрушить при бомбежке', *bauen* 'строить' → *ausbauen* 'снимать, разбирать, демонтировать', *hacken* 'колоть, рубить' → *aushacken* 'вырубить (лес)'.

Префиксальным производным с префиксом **ver-** свойственны деривационное значение 'неправильное или неудачное по своим результатам действие' (*verbauen* 'плохо (неправильно) построить', *verbohren* 'неправильно просверливать', *verhauen* 'испортить при рубке; повредить ударами топора') и значение 'уничтожение, лишение жизни, гибель' (*verbrennen* 'сжигать, уничтожать огнем', *verfeuern* 'сжигать (в топке)', *versenken* 'затоплять, топить судно'). Как и полупрефикс **aus-** префикс **ver-** способен указывать на разрушительное воздействие на объект у глаголов, производящие которых не относятся к глаголам разрушения. В некоторых случаях префиксальные производные обладают многозначностью, например: *verfärben* '1. окрасить, 2. испортить при окрашивании', *verformen* 'деформировать искажать форму 2. обрабатывать придавать форму'.

В связи с тем, что немецкий язык обладает морфемами, для которых характерен синкретизм словообразовательного и лексического значений, номинативные ряды немецких глаголов могут быть двух видов: 1 – эксплицировано собственно словообразовательное значение (*ø – bis zu Ende schneiden* 'дорезать'), и 2 – на первый план выходит лексическое значение (*verbohren* 'неправильно просверливать' – *falsch bohren*, *verschrauben* 'неправильно завинчивать' – *falsch schrauben*). В большинстве случаев номинативные ряды первого типа являются неполными. Номинативные ряды второго типа не имеют однословных эквивалентов в русском языке.

Таким образом, значение разрушения в немецком языке характерно для глагольных лексем с префиксами **ent-**, **er-**, **miß-**, **ver-**, **zer-** и полупрефиксами **auf-**, **aus-**, **ein-**, **durch-**, **über-**, **um-**, для сложных глаголов с первыми компонентами **auseinander**, **dahin**, **entzwei**, **her**, **herunter**, **los**, **nieder**, **tot**, **zusammen**. Кроме того, такого рода производные могут соответствовать словосочетаниям с деривационными компонентами. Коммуникативными эквивалентами производным глаголам деструктивной семантики являются словосочетания, где в качестве деривационных компонентов употребляются следующие лексемы: **наречия** (*fertig* 'готовый', *endgültig* 'окончательный' *falsch* 'неправильно'); **глаголы** (*töten* 'умерщвлять', *beschädigen* 'повредить'); **предложно-именные конструкции** (*zu Tode* 'на смерть, до смерти', *zu Boden* 'наземь, к земле', *in (zwei) Teile* 'на (2) части', *in Stücke* 'на куски', (*bis*) *zu Ende* 'до конца'). В данной статье впервые рассмотрены не отдельные глаголы с семантикой деструкции, а их подсистемы – номинативные ряды, определены как синтетические (собственно аффиксальные), так и аналитические средства представления данной семантики в немецком языке.

Литература

1. Фаткуллина, Ф.Г. Концепт «деструкция» и способы его представления в русском языке / Ф.Г. Фаткуллина // Вестник РУДН. С. Русский и иностранные языки и методика их преподавания. – 2010. – № 3. – С. 57–66.
2. Никитевич, В.М. Основы номинативной деривации / В.М. Никитевич. – Мн. : Выш. шк., 1985. – 157 с.
3. Словарь словообразовательных элементов немецкого языка / А.Н. Зуев [и др.] ; под рук. М.Д. Степановой. – 2-е изд., стер. – М. : Рус. яз., 2000. – 536 с.

Английские антропонимы в русских художественных текстах

А.В. СОБКО

Исследуются причины использования англоязычных антропонимов в современных русскоязычных художественных текстах на примере фильмов, телесериалов и книг, созданных русскими писателями и сценаристами. Автор изучает специфику восприятия английских антропонимов русскоговорящими реципиентами.

Ключевые слова: антропоним, антропонимикон, номинация, английское имя, имя собственное.

In the article the reasons of the use of English anthroponyms in different modern Russian literary texts on the basis of the films, series and books, created by Russian authors and script writers are investigated. The author of the article studies the specific perception of English anthroponyms by Russian recipients.

Keywords: anthroponym, anthroponymic, nomination, English name, proper name.

Предметом исследования в данной статье являются причины использования англоязычных антропонимов в современных русскоязычных фильмах и художественных произведениях, способы актуализации соответствующих именований и специфика восприятия их зрителями (читателями).

Существенно важным является также поиск закономерностей в выборе сценаристами и писателями соответствующего именования для героев художественных фильмов, телесериалов и литературных произведений.

Анализируя фактический материал, мы ставили перед собой задачу понять мотивировку номинации. Вероятно, русскоговорящие писатели и сценаристы выбирают определённое английское имя с целью всесторонней и более глубокой обрисовки задуманного образа либо по причине особой информативности английского антропонима в контексте фильма или литературного произведения.

Ввиду того, что антропонимикон современных русскоязычных фильмов и телесериалов мало изучен, мы считаем, что данный вид исследования представляет определённый научный интерес, так как кинематограф, равно как и книги, является своего рода зеркалом, отражающим современные социо-культурные процессы.

Создавая определённую художественно-образную ситуацию, некоторые писатели и сценаристы при именовании персонажа не принимают во внимание истинную этимологию антропонима, опираясь в выборе имени на созвучие одного и того же корня слова в обоих языках. В итоге, прочтение имени становится контекстуально-авторским.

Так, в 1972 г., тремя русскими писателями (Василием Аксёновым, Овидием Горчаковым и Григорием Поженяном) была написана книга «Джин Грин – неприкасаемый: карьера агента ЦРУ № 014». Этот роман вышел под авторским псевдонимом – *Гривадий Горпожакс*. В своём романе-пародии на шпионский боевик соавторы наделили сына русского эмигранта-белогвардейца американским именем *Джин Грин*.

Джин забрасывается со шпионским заданием в СССР под именем *Евгений Гринёв*, где узнаёт об истинных намерениях своего начальства из ЦРУ, являющегося, в большинстве своём, закоренелыми нацистами.

На первый взгляд именование *Евгений Гринёв* для главного героя вполне объяснимо и логично, ведь русское имя *Евгений* имеет английский вариант *Юджин (Eugene)*, а *Грин* – не что иное, как основа фамилии *Гринёв*.

Однако, с точки зрения этимологии антропонимов, данное утверждение является частично ошибочным, ввиду того, что фамилия *Гринёв* означает «потомок Гриня». Сама же форма *Гринь* является просторечно-диалектной, образованной на основе личного имени *Григорий* способом аббревиации в сочетании с суффиксацией (*Григорий* – *Гри-* + *-нь*).

У авторов, как, по-видимому, и у большинства читателей сработало ассоциативное сопоставление подобных по звучанию именований. В литературной ономастике это называется косвенно-характеристической (ассоциативной, субъективной) номинацией.

Мы предполагаем, что выбор такого имени главного героя, как *Джин Грин*, может быть обусловлено лёгкостью его запоминания и простотой ассоциативной трансформации из русского языка в английский и наоборот.

Хотелось бы отметить тот факт, что русское имя *Евгений*, встречающееся в художественных текстах, имеет различные варианты передачи на английский манер.

Так, в сериале «Ментовские войны», впервые вышедшем на экраны в 2005 г., капитана *Евгения Иванова* все зовут *Джексоном*. Имя *Джексон* является прозвищем персонажа, которое ему дали сослуживцы. Мотивация этого прозвища следующая: среди сокращённо-суффиксальных и фонетически изменённых просторечных форм личного имени *Евгений* в русском словоупотреблении встречается форма *Жека*, которая созвучна с английским именем *Джек* (*Jack*). И, как результат трансформации русского имени в английское, в художественном тексте появляется персонаж с именем *Джексон* (*Jackson*).

Данное именование придаёт герою сериала, как мы считаем, больше яркости и значимости, выделяет его на фоне остальных персонажей, делает образ капитана запоминающимся зрителю.

Вообще, имя *Джек* часто используется русскими писателями и сценаристами. Оно может присутствовать даже в отчестве. Например, в российско-украинском комедийном сериале «Отель Элеон», премьера которого состоялась в 2016 г., главного героя, управляющего отелем, зовут *Михаил Джекович*.

Нужно признать, что данное отчество вызывает у зрителя улыбку, что вполне уместно в комедии. При этом *Михаил* является настоящим профессионалом, готовым сделать всё, чтобы гостям его отеля было комфортно. *Михаил Джекович* любит всё контролировать и может решить любую проблему.

Актёр Григорий Дэвидович Сиятвинда, сыгравший роль управляющего отелем «Элеон», имеет специфическую внешность: смуглый цвет его кожи и черты лица говорят о его замбийском происхождении.

Мы предполагаем, что выбор актёра и имени был сделан создателями телесериала не случайно. Ведь *Михаил* прошёл сложный путь от простого служащего до управляющего, умеющего зарабатывать деньги в современном мире, полном пороков и соблазнов. При этом *Михаил* не чужд романтики и высоких душевных порывов. Таким образом, в нём, как бы соединены две ипостаси – одна, с западной расчётливостью и хваткой, и другая, вполне русская, отличающаяся романтичностью и открытостью. Соединение русского имени *Михаил* с американским именем *Джек* своеобразно подчёркивает дуализм персонажа фильма.

Анализируя имеющийся у нас материал, мы заметили, что нередко в русских художественных текстах имеют место полные совпадения имён персонажей книг или фильмов с реально существующими людьми, достаточно известными в определённых кругах.

Так, в российском многосерийном художественном фильме «Анна-детективъ» встречаются персонажи с такими английскими именами, как *Элис Лоуренс* и *Горден Браун*.

Интересным является тот факт, что имя героини сериала полностью совпадает с именем американской актрисы *Элис Лоуренс* (*Alice Lawrence*), а имя *Гордон Браун* (*Gordon Brown*) относится к одному из прежних британских политиков.

Возможно, данное совпадение не случайно, ведь вышеупомянутая актриса не является актрисой определённого жанра и не имеет своей ниши в шоу-бизнесе. Это, своего рода, «тёмная лошадка», которая, возможно, ещё проявит себя. Героиня телесериала «Анна-детективъ» также является загадочным персонажем, до конца не раскрытым создателями фильма. Сперва зритель думает, что *Элис Лоуренс* убита, но позже выдвигается предположение о том, что *Элис* жива и связана с деятельностью британской разведки.

Сопоставив личности реально существующего человека, Гордона Брауна, с персонажем кинофильма, мы не нашли между ними ничего общего, кроме происхождения, плохого зрения и, как следствие, необходимости носить очки. В юности будущий премьер-министр Великобритании *Гордон Браун* получил спортивную травму во время игры в регби, в результа-

те чего его зрение значительно ухудшилось. В свою очередь, герой телесериала, англичанин, учёный-химик, занимающийся синтезом отравляющих веществ и их испытаниями, имеет очки с окулярами круглой формы.

Мы предполагаем, что при подборе имён к своим англоязычным персонажам авторы телесериала могли руководствоваться своими собственными предпочтениями или, наоборот, антипатией к той или иной известной им личности.

Однако нельзя не упомянуть тот факт, что выбор имени *Элис* (*Alice*) для представительницы Великобритании кажется вполне закономерным ввиду того, что согласно исследованиям 2018 г. в списке из 100 самых популярных английских имен для девочек имя *Элис* занимает лидирующие позиции [1].

У группы «Битлз» есть популярная музыкальная композиция «Элис», которая является известным во всём мире хитом. Данная музыкальная композиция была спета на русском языке российской музыкальной группой «Конец фильма» и была очень популярна в 2000-х гг. под названием «А давайте пойдём к Элис!». Таким образом, имя *Элис* является достаточно известным и лёгким для восприятия русскоязычным реципиентом.

Фамилия *Лоуренс* (*Lawrence*), в свою очередь, достаточно распространена среди жителей Великобритании и США. Данную фамилию имеют многие известные американские и британские актеры, режиссёры, спортсмены и прочие известные личности. Она также является и вариантом английского личного имени. Вот перечень известных нам лиц: *Лоуренс Тейлор* (*Lawrence Taylor*), *Ричард Лоуренс Тейлор* (*Richard Lawrence Taylor*), *Дженнифер Лоуренс* (*Jennifer Lawrence*), *Лоуренс Мейсон* (*Laurence Mason*), *Мартин Лоуренс* (*Martin Lawrence*), *Лоуренс Фишборн* (*Laurence Fishburne*), *сэр Лоуренс Оливье* (*Sir Laurence Olivier*), *Лоуренс Околи* (*Laurence Okolie*), *Джон Лоуренс* (*John Lawrence*), *Томас Эдвард Лоуренс* (*Thomas Edward Lawrence*), *Гертруда Лоуренс* (*Gertrud Lawrence*) и т. д.

Что касается фамилии *Браун* (*Brown*), то она входит в список десяти наиболее распространённых фамилий в Великобритании. Кроме того, эта фамилия встречается практически в каждой книге по изучению английского языка, наравне с такими фамилиями, как *Грин* (*Green*), *Блэк* (*Black*) и *Уайт* (*White*). Следует отметить тот факт, что фамилия *Браун* переводится как «коричневый», антропонимы *Грин*, *Блэк* и *Уайт* также имеют цветовую семантику и соответствуют зелёному, чёрному и белому цветам, ввиду чего их использование в самоучителях по английскому языку кажется вполне закономерным и обоснованным.

Таким образом, использование сценаристами знакомой многим со школьной скамьи английской фамилии, может являться простым способом упрощения запоминания зрителем иностранных имён персонажей киноленты.

Мы провели подсчёт всех англоязычных имён, которые встречались в проанализированных нами шестидесяти двух произведениях художественной литературы и фильмах. Оказалось, что в число самых частотных фамилий вошли фамилии *Грин*, *Стамп* и *Адамс*.

Писатели используют их не только для именования своих англоязычных персонажей, но и в качестве прозвищ для русскоговорящих героев своих произведений.

При этом через передачу цвета, соответствующего переводу фамилии, автором может даваться определённая характеристика персонажа.

Например, в российском фильме 2005 г. «Статский советник», снятом по мотивам одноимённого романа Бориса Акунина, террорист и руководитель «Боевой группы», *Григорий Гринберг*, после очередного побега стал *Грином*. Однако назвался он так не в память о своей прежней фамилии, а в честь *Игнатия Гриневицкого*, цареубийцы [2, с. 6].

В своём произведении автор, описывая личность одной из центральных фигур произведения, говорит: «Грин знал, что его кличка по-английски значит “зелёный”, но свой цвет ощущал иначе. Сам Грин когда-то был лазоревый – мягкий, тёплый, бесформенный. Потом, когда решил себя изменить, лазурь пошла на убыль, понемногу вытесняемая строгой и ясной пепельностью. Со временем голубые тона ушли куда-то внутрь, из главных стали оттенёнными, а Грин сделался светло-серым. Как дамаская сталь – таким же твёрдым, гибким, холодным и не подверженным ржавчине» [2, с. 17].

Таким образом, благодаря описанию различных цветов и их оттенков, Борис Акунин очень чётко выводит перед своими читателями на передний план внутренний мир персонажа, раскрывает его образ. Использование в прозвище героя произведения английского слова помогает читателю составить мнение о персонаже и его возможном поведении в предстоящей сюжетной линии.

Очевидно, что выбор писателем определённого англоязычного антропонима был осмысленным и мотивированным.

Следует упомянуть тот факт, что в 2015 г. нами был разработан тест, в котором приняло участие 170 студентов, обучающихся на факультете иностранных языков. Испытуемым были предъявлены бланки с вопросами, ответы на которые были «открытыми», без предлагаемых вариантов ответов. Согласно результатам исследования самыми популярными мужскими англоязычными именами у русскоязычного населения являются *John, Jack, Daniel, Nick, David, Henry, Joe, Chris, Peter, Mike, Alex, Andy* (имена указаны в порядке убывания их известности) [3, с. 109].

Мы также провели подсчёт всех англоязычных имён, которые встречались в проанализированных нами шестидесяти двух произведениях художественной литературы и фильмах. Оказалось, что наиболее часто встречаются английские мужские имена *Вильям, Джон, Питер*, включая их производные, такие как *Пит, Джонни, Билл* и другие.

Если сопоставить результаты нашего исследования с результатами разработанного нами в 2015 г. теста, то очевидно их совпадение.

Имя *Джон (John)*, без сомнения, является распространённым английским именем и в некоторых источниках приравнивается к русскому имени *Иван*.

Мы попытались найти причинно-следственные связи между выбором писателями и сценаристами имени *Джон* для главных героев своих произведений, и популярностью, известностью самого антропонима *John*.

Нами было сделано предположение, что ввиду невероятной популярности американских боевиков в 80–90-е гг. 20-го столетия на территории бывшего СССР, русским зрителям навсегда запомнились определённые образы, созданные голливудскими звёздами мировой величины. Среди таких персонажей – *Джон Рэмбо*, сыгранный Сильвестром Сталлоне, из фильма «Рэмбо»; *Джон Коннор* из фильма «Терминатор», *Джон Мэтрикс*, сыгранный Арнольдом Шварценеггером, из фильма «Коммандо».

Говоря о современном американском кино, нельзя не упомянуть образ центрального персонажа серии фильмов «Пила», *Джона Крамера (John Kramer)*.

Достаточно известным кино-персонажем является *Джонатан (Джон) Локк (John Locke)*. Это вымышленный персонаж и один из главных героев телесериала «Остаться в живых», вышедшего на экраны в 2004.

Многие современные голливудские фильмы содержат в своём названии имя *Джон*: «Джон Уик», «Джон Картер», «Быть Джоном Малковичем» и многие другие.

Русскому человеку знакомы многие английские и американские актёры, писатели, поэты, спортсмены, изобретатели, телеведущие, музыканты, певцы, учёные с именем или фамилией *Джон*. И это, несомненно, вызывает стойкую ассоциацию самого антропонима *John* с англичанином или американцем. Вот несколько примеров известных во всём мире англоязычных людей: *Джон Леннон* (музыкант), *Элтон Джон* (певец и композитор), *Джон Адамс* (второй президент США), *Джон Макинрой* (теннисист), *Джон Норман* (писатель-фантаст), *Джон Нэш* (математик), *Джон Рокфеллер* (предприниматель), *Джон Толкиен* (писатель), *Джон Тайтор* (самопровозглашённый путешественник во времени).

Во многих всемирно известных литературных произведениях были созданы такие знаменитые образы, которые навсегда запомнились читателям и зрителям кинолент, которые были сняты на основе этих произведений.

Например: *Джон Ватсон (Dr John H. Watson)* – персонаж рассказов о Шерлоке Холмсе Артура Конан Дойла. Друг, помощник и биограф Шерлока Холмса, без сомнения, известен каждому образованному человеку, проживающему на территории постсоветских республик. В большинстве книг Конан Дойла про Холмса повествование ведётся от имени Ватсона.

Джон Сильвер (John Silver) – вымышленный пират XVIII в., персонаж романа Роберта Льюиса Стивенсона «Остров сокровищ». Он также знаком русскому человеку с малых лет по мультфильму «Остров сокровищ», вышедшему на экраны в 1988.

Имя *Джон* созвучно для русского человека с именем *Джонатан (Jonathan)* и известно многим по названию бестселлера Ричарда Баха «Чайка Джонатан Ливингстон», впервые опубликованного в 1970 г.

О бесспорной популярности имени *Джон* свидетельствует и недавнее наше наблюдение. В городе Гомеле, на улице Кирова, было открыто кафе под названием «Джон Фёдор». Не вызывает сомнения тот факт, что такое оригинальное название кафе привлекает внимание прохожих. Английское имя *Джон* легко запомнить любому человеку, а имя *Фёдор*, в свою очередь, является простым русским именем, которое было у известного мультипликационного героя *Дяди Фёдора* из мультфильма «Простоквашино».

Подводя итоги всему вышесказанному, мы приходим к выводу, что русскоговорящим реципиентам знакомы тенденции именований на территории Великобритании и США.

Эта информация отображается как в литературе, так и в кинематографе. Выбор русскоговорящим автором того или иного английского имени чаще всего связан с популярностью определённых антропонимов, при этом важную роль играют благозвучность и краткость имени.

Большинство английских антропонимов, используемых русскими авторами для именования героев своих художественных текстов, знакомы русскоговорящим зрителям и читателям по книгам, прочитанным ими когда-то, а также по фильмам, увиденным ими, возможно, ещё в далёком детстве. Эти имена, как говорится, «на слуху». Они легко запоминаются, что облегчает восприятие сюжетной линии произведения.

Также имеет большое значение ассоциация имени с тем или иным реально существующим знаменитым человеком или персонажем всемирно известного художественного произведения. В таком случае можно говорить о субъективном отношении создателя произведения к этой известной личности.

Литература

1. Википедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%92%D0%B8%D0%BA%D0%B8%D0%BF%D0%B5%D0%B4%D0%B8%D1%8F>. – Дата доступа : 05.08.2019.
2. Акунин, Б. Статский советник: роман / Б. Акунин. – М. : «Захаров», 2009. – 288 с.
3. Скарынаўскія традыцыі: гісторыя і сучаснасць: зборнік навуковых артыкулаў: у 2 ч. / рэд.кал. : А.М. Ермакова (гал.рэд.) [і інш.] ; М-ва адукацыі РБ, Гом. дзярж.ун-т імя Ф. Скарыны. – Гомель : ГДУ імя Ф. Скарыны, 2015. – Ч. 2. – 264 с.

УДК 811.161.3'42:398.91(=161.3)

Рытміка-інтанацыйная арганізацыя беларускага парэмійнага дыскурсу

А.А. СТАНКЕВІЧ

Аналізуецца рыфмарый беларускіх народных прыказак і прымавак і яго роля ў рытміка-інтанацыйнай арганізацыі і выяўленчай выразнасці парэмійнага фонду. Апісваюцца тыпы і віды рыфм па характары канцавога гучы, месцы націску ў сугучных словах, іх часцінамоўнай прыналежнасці, колькасці і якасці сугучаў зарыфмаваных слоў. Вызначаецца вобразна-асацыяцыйная, выяўленча-выразная і лагічна-выдзяляльная функцыі рыфмы ў правярбіяльных выразках.

Ключавыя словы: прыказкі, прымаўкі, парэміі, рыфма, сугучнасць, унутраная, жаночая, мужчынская, дактылічная, адкрытая, закрытая, багатая, бедная, каламбурная рыфмы.

The rhyming of Belarusian Proverbs and sayings and its role in the rhythmic-intonation organization and visual expressiveness of the paremic Fund are analyzed. The types and kinds of rhymes according to the character of the final sound, the place of accent in the consonant words, their part-of-speech facilities, the quantity and quality of concords rhymed words are described. The figurative-associative, figurative-expressive, sense-forming and logical-excretory functions of rhyme in proverbial expressions are determined.

Keywords: proverbs, sayings, pareomia, rhyme, consonance, interior, women, men, dactylic, open, closed, rich, poor, punning rhymes.

Прыказкі і прымаўкі, у якіх адлюстроўваецца багаты жыццёвы і працоўны вопыт народа, яго сямейны побыт, эмацыянальна-псіхічны стан, маральна-этычныя і эстэтычныя погляды, займаюць адметнае месца ў сістэме малых жанраў фальклору. У афарыстычнай творчасці беларускага этнасу адлюстраваліся, «як у фокусе, найбольш характэрныя з'явы пэўнага часу – жыццё, быт, культура, думкі і пачуцці народа» [1, с. 291].

Прыказкі і прымаўкі, у адрозненне ад іншых фальклорных жанраў, «не выконваюцца, а ўстаўляюцца ў маўленне ў адпаведнасці з канкрэтнай жыццёвай сітуацыяй як афарыстычнае закончанае суджэнне, праверанае вопытам многіх пакаленняў», якое мае звычайна павучальны змест [2, с. 4]. Правярбіяльныя выразы адносяцца да самых дасканалых як па форме, так і па змесце малых фальклорных жанраў. Як адзначаюць даследчыкі, «амаль усе прыказкі <...> вылучаюцца такімі асаблівасцямі, як сцісласць, выразнасць, поўная або частковая вобразнасць, высокія мастацкія якасці» [3, с. 3]. «Прыказка вызначаецца завершанасцю і лаканічнасцю формы, яскравай метафарычнасцю, рытмічнасцю мовы, разнастайнасцю сродкаў мастацкай выразнасці» [4, с. 282].

Апісваючы высокія мастацкія вартасці народнай афарыстыкі, фалькларысты падкрэсліваюць ролю іх рытміка-інтанацыйнай арганізацыі ў стварэнні выяўленчай выразнасці: «мастацкая дасканаласць прыказак і прымавак <...> праяўляецца ў іх кампазіцыі і ў вобразнасці, і ў рытміцы, і ў рыфмоўцы» [1, с. 283]. «Мова прыказкі ў большасці выпадкаў па-мастацку выразная, размераная, складная, нібы вершаваная, яна часта вызначаецца рытмічнай сіметрыяй і ўнутранай рыфмай» [5, с. 47].

Лексіка-семантычныя і сінтаксічныя сродкі выяўленчай выразнасці і слоўнай вобразнасці беларускіх парэмій ужо былі прааналізаваны [6], [7], [8]. Мэтай дадзенага даследавання з'яўляецца апісанне рытміка-інтанацыйнай арганізацыі парэмійнага дыскурсу, вызначэнне тыпаў і відаў рыфмы, іх функцыі і стылістычнай ролі.

Рыфма ў правярбіяльных выразках, як правіла, унутраная: *Век звекаваць – не пальцам паківаць* [ПП-2, 406]; *Прыказку скажэ, як вузлом завяжэ* [ПП-2, 189]. «Унутраная рыфма, у адрозненне ад канцавой, звязвае не радкі, а паўрадковы, аднак адыгрывае тую ж рытмічную і кампазіцыйную ролю» [4, с. 152–153].

Асновай рыфмавання ў прыказках і прымаўках, як і ўвогуле ў вершаваным маўленні, з'яўляецца супадзенне націскных галосных: *Бяда за бядою, як рыбка за вадой* [Янк., с. 29]; *Лепш у дзеўках сядзець, чым замужам марнець* [ПП-2, 18]; *Разумны навучыць, а дурань намучыць* [ПП-2, 238].

Узмацняе рыфму супадзенне, акрамя націскога галоснага, паслянаціскных: *Усё зімою згодзіцца, што ўлетку ўродзіцца* [Янк., с. 101]; *Не ўдалося забіць дося* [Янк., с. 225]; *Хоць муж, як лапаць, абы за ім не плакаць* [ПП-2, 60] або пераднаціскных зычных і галосных гукаў: *Лепей жартаваць, чым хвараваць* [Янк., с. 165]; *Удзень цячэ, а ўночы пачэ* [Янк., с. 101]; *Лепей дома касіць, чым у войску ранец насіць* [Янк., с. 48].

У парэміях вызначаюцца розныя тыпы рыфм паводле месца націску адносна парадку складоў ад канца слова, у залежнасці ад характару канцавога гуку ў сугучных словах, колькасці і якасці гукавых супадзенняў, паводле часцінамоўнай прыналежнасці зарыфмаваных слоў.

Як паказвае аналіз фактычнага матэрыялу, у прыказках і прымаўках у колькасных адносінах пераважае жаночая рыфма. У жаночых рыфмах націск падае на перадапошні склад: *У мяне, як у вароны, няма абароны* [Янк., с. 62]; *Сытае бруха да навукі глуха* [Янк., с. 39]; *Якая дошка, такая стружка, якая маці, такая дачушка* [ПП-2, 125].

Мужчынскія лічацца рыфмы з націскам на апошнім складзе сугучных слоў: *Хоць стой да глядзі, хоць плюнь, да ідзі* [ПП-2, 203]; *Верціць языком, як сабака хвастом* [Янк., с. 288]; *Добра сытага карміць, а голага галіць* [Янк., с. 185].

Нярэдка ў парэміях сустракаюцца рыфмы з націскам на трэцім ад канца складзе – дактылічныя: *Багаты дзівіцца, чым бедны жывіцца* [Янк., с. 28]; *Умелая прыказка, як пры мяшку завязка* [ПП-2, 189]; *Першая жоначка, як на небе зорачка, а другая жоначка, як у садзе пчолачка* [Янк., с. 130].

У залежнасці ад характару канцавога гуку сугучных слоў у народных афарызмах выдзяляюцца закрытыя рыфмы, якія заканчваюцца на зычныя гукі: *Часам плачаю, часам скачаю* [ПП-2, 198]; *На губах мёд, а на сэрцы лёд* [ПП-2, 322] і адкрытыя, апошні склад якіх заканчваецца на галосныя, нескладовыя ў, й: *Прышла Пакрова – усохла дуброва* [Янк., с. 94]; *Старога наважай, малога навучай* [ПП-2, 132]; *Што целу любя, то душы груба* (ПП-2, 13). У асобных выпадках у парэміях спалучаюцца закрытыя і адкрытыя рыфмы, што стварае розную рытмічную агаласоўку: *Мой хвор мужычок, да красён, як бурачок; а я здарова, да жоўта, як маркова* [ПП-2, 71].

У выключнай большасці правербіальных выразаў выкарыстоўваецца адкрытая рыфма, што, відавочна, абумоўлена асаблівай складаўтваральнай і рытмастваральнай роляй галосных гукаў, іх меладычнасцю і працягласцю.

Адносна колькасці і якасці гукавых супадзенняў сугучных слоў у народных афарызмах вызначаюцца багатыя рыфмы, у якіх супадаюць многія гукі: *Хоць у кармане пуста, ногі сыплюць густа* [ПП-2, 198]; *Вакол разарэнне: ні табакі, ні карэння* [Янк., с. 30]; *Ёсць дзе сесці, ды няма чаго есці* [Янк., с. 31] і бедныя, калі супадае толькі некалькі гукаў: *Дурны раскідае, а разумны збірае* [ПП-2, 239]; дакладныя, або поўныя рыфмы, у якіх супадаюць націскныя галосныя і паслянаціскныя гукі: *Век пражыць – не кашулю пашыць* [ПП-2, 405]; *Сонца нізка – шабаш блізка* [Янк., с. 98] і недакладныя асанансныя, у якіх супадаюць толькі галосныя: *Дзеці, дзеці, добра з вамі ўлеце, а зімою хоць аб печ галавою* [ПП-2, 116]; *Байка без канца, як кабыла без хваста* [ПП-2, 191] і кансанансныя, калі супадаюць толькі зычныя: *Добрая жонка цяплей за валёнкі* [ПП-2, 66], роўнаскладовыя: *Ні роду, ні плоду – як камень у воду* [Янк., с. 128]; і няроўнаскладовыя: *Як няма шчасця зрання, то не будзе да змяркання* [ПП-2, 425]; апорныя (каранёвыя): *Што бог прызначыць, таго ніхто не перайначыць* [Янк., с. 73]; *Маладому – жонка тлуста, а старому – хлеба дуста* [ПП-2, 228] і састаўныя: *Хоць мужык мой з пастол, а я цягну яго за стол* [ПП-2, 60]; *Ці Лявон, ці не Лявон, але з раду не вон* [Янк., с. 73]. Многія з прааналізаваных сугуччаў у парэмііным фондзе маюць багатую, поўную рыфму, што сведчыць аб высокім майстэрстве, адметным таленце і несумненным мастацкіх здольнасцях народных творцаў-складальнікаў прыказак і прымавак.

Рыфма ў парэміях, як і ў паэтычных творах, выконвае важную сэнсаўтваральную і лагічна-выдзяляльную функцыю, яна падкрэслівае, інтанацыйна вылучае пэўныя, важныя для раскрыцця сэнсу выказвання, словы. Паводле часцінамоўнай прыналежнасці сугучных слоў вызначаюцца аднародныя і неаднародныя рыфмы. У прыказках і прымаўках, як правіла, ужываюцца аднародныя рыфмы, у якіх сугучныя словы адносяцца да адной часціны мовы.

Найбольш часта рыфмуюцца дзеясловы ў асабовай форме: *П'е, як у бочку лье* [Янк., с. 340]; *Язык ляшчыць, як калаўротак трашчыць* [Янк., с. 318]; *Прыказку скажа, як вузлом завяжа* [ПП-2, 189]; *Парожняя бочка звініць, а поўная маўчыць* [ПП-2, 239]; у інфінітыўнай форме: *З жонкай пражыць – не штаны сшыць* [ПП-2, 67]; *Блізка відаць, але далёка дыбаць* [Янк., с. 182]; у форме загаднага ладу: *Калі любіш, то жаніся, а не любіш – аткасіся* [ПП-2, 19]; *Новых сяброў набывай, а старых не забывай* [Янк., с. 69]; *Поле не клянй, а віламі кальні* [ПП-1, с. 123]. Значная перавага дзеяслова ў складзе сугучных слоў абумоўлена тым, што яны ўтвараюць прэдыкатыўнае ядро сказа і з'яўляюцца цэнтрам сінтаксічнай канструкцыі, у якую ўключаюцца іншыя граматычныя класы. Дзеясловы, якія маюць разнастайныя семантычныя адценні, паглыбляюць сэнс афарыстычнага выразу, спрыяюць узмацненню слоўнай вобразнасці і выяўленчай выразнасці парэміянага маўлення.

У лексічнай парадэгме парэміянага дыскурсу пэўнае месца займаюць сугучныя субстантыўныя формы, якія выконваюць намінацыйна-сігніфікатывую функцыю, маюць дакладную прадметна-паняцыйную суаднесенасць і падкрэсліваюць суб'ект або аб'ект дзеяння: *Не хвалі жонку за цела, а хвалі за дзела* [ПП-2, 68]; *Шукай жонку не на йгрышчы, а на ржышчы* [ПП-2, 27]. Субстантыўную рыфму ўпрыгожвае ўключэнне ў структуру прыказак і прымавак параўнанняў: *Жыць – маліна, а раскусіш – журавіна* [ПП-2, 408]; *Дзяцей, як бобу, а хлеба ні дробу* [ПП-2, 116]; *На Пятра дождж – будзе жыта, як хвошч* [Янк., с. 89]; *Сухі марац, мокры май, будзе жыта, нібы гай* [Янк., с. 98] і фразеалагізмаў: *Жаніўся на скорую руку – на доўгую муку* [ПП-2, 55]; *Акуратніца – відаць серада з-над пятніцы* [Янк., с. 273], што значна павышае выяўленчую выразнасць парэміянага тэксту.

Сугучныя прыметнікі ў складзе парэміі, называючы якасці, уласцівасці прадметаў і з'яў, садзейнічаюць іх вобразнай характарыстыцы, ствараюць выразную эмацыянальна-ацэначную канатацыю і значна ўзмацняюць выяўленчы патэнцыял народнай афарыстыкі: *Як кот шкадлівы, а як заяц баязлівы* [Янк., с. 329]; *Хата чужая – як свякруха ліхая* [Янк., с. 40]. Такую ж функцыю выконваюць і дзеепрыметнікі: *Чалавек вучоны як хлеб пячоны* [ПП-2, 178].

Зрэдку сустракаюцца ў парэміях сугучныя займеннікі: *Як абы-які, лепш ніякі* [ПП-2, 21].

Адвербіяльная рыфма выдзяляе акалічнасны дэтэрмінант, падкрэслівае месца, час і спосаб дзеяння: *Дзе шчырая праца, там густа, а дзе лянота, там пуста* [ПП-2, 267]; *Раніцою росна, а ў поўдзень млосна, вечарам камары – і рабіць няма калі* [ПП-2, 270]; *Скочыў далёка, а завяз глыбока* [Янк., с. 97]; *Не сора, да спора* [ПП-1, с. 179].

Даволі разнастайныя ў прыказках і прымаўках неаднародныя рыфмы, у якіх сугучнымі з'яўляюцца словы розных часцін мовы: прыслоўе + назоўнік: *Не чапай ліха, пакуль спіць ціха* [Янк., с. 92]; *Хваліла сябе Сора і сёння і ўчора* [Янк., с. 315]; назоўнік + дзеяслоў: *Хоць муж, як лапаць, абы за ім не плакаць* [ПП-2, 60]; *Наша Хвядора то шые, то пора* [ПП-2, 70]; прыметнік + назоўнік: *Не пытайся, ці галоўка гладка, а пытайся, ці падмеценая хатка* [Янк., с. 91]; займеннік + назоўнік: *Хто з кім, хто з каторай, а я са сваёю Хадорай* [Янк., с. 73]; *Не для нас ананас* [Янк., с. 223]; назоўнік + дзеепрыметнік: *Пытаецца люты, ці добра абуты* [Янк., с. 95]. У кожным з адзначаных відаў неаднароднай рыфмы прысутнічае назоўнік, што светчыць аб важнай рыфмаўтваральнай ролі субстантыўных форм у структуры правербіальных выказаў.

Як адзначае В.П. Рагойша, «у паэзіі слоўная сугучнасць узнікала найперш у выніку ўжывання сінтаксічнага паралелізму, пры якім у сярэдзіне і на канцах суседніх вершарадоў аказваліся тыя самыя часціны мовы ў аднолькавай граматычнай форме» [4, с. 148–149]. Даволі часта ў парэміях ужываюцца дваіныя пары рыфм, што прыводзіць да сінтаксічнага паралелізму: *Як ілгач, то як кніжку чытаць, а як плаціць, то як дурань стаіць* [Янк., с. 319]; *Як чужое ем, – глух і нем, як маё ядуць, дык слёзы цякуць* [ПП-2, 445]; *Як блізка, то пад вачыма слізка, як далёка, то на сэрцы лёгка* [ПП-2, 65]; *Як у полі асіна – так і сіраціна: яе вецер гне і мачаха б'е* [ПП-2, 102]; *Спасаўка – ласаўка, а пятроўка – галадоўка* [Янк., с. 98]; *Залоўка злая, як свякроўка ліхая* [Янк., с. 120]. Такія сінтаксічныя канструкцыі ствараюць рытмічную сіметрыю і размеранасць структурнага выражэння парэміі.

Асаблівае рытміка-інтанацыйнае афармленне надаюць парэміям ланцужкі рыфм, у якія ўключаюцца тры сугучныя словы, што спрыяе павышэнню выразнасці маўлення: *Стук, груз, абы*

з рук [Янк., с. 283]; Якая клёпка, такая й бочка, якая маці, такая й дочка [ПП-2, 125]; Ні сюды, ні туды, мае мілыя дуды [ПП-2, 196]; Наш Тадэўш – які ядэўш, такі рабатэўш [Янк., с. 166].

Адметную рыфму ў структуры правербіальных выразаў стварае сугучча першага і апошняга слова, якое можна абазначыць як кальцавую, апяразаную рыфму, што надае асаблівую складнасць маўленню: На хаценне ёсць цярпенне [Янк., с. 110]; Люты наробіць плюты [Янк., с. 87]; Цікавы, як Марцін да кавы [Янк., с. 298]; Языкам, як цяля хвастом [Янк., с. 120]. Рыфмаванне пачатковых у радку слоў садзейнічае іх лагічнаму выдзяленню: Серадзінка, як аўчынка: і летам, і зімой добра [ПП-2, 484].

Гукавую выразнасць і адметную эмацыянальную канатацыю набываюць рыфмы, у складзе якіх выкарыстоўваюцца анаматапейныя словы і выклічнікі: Што ўлетку ножкаю коп, тое ўзімку ручкаю хоп [Янк., с. 105]; Стук, грук, абы з рук [Янк., с. 283]; На спіне шоўк, а ў жываце шчоўк [ПП-1, с. 230]; Дзе гам, і я там [Янк., с. 331]; Тыц-мыц – няма чаго гаварыць [Янк., с. 346]; Танянех, танянех, куды кінуў, там і лёг [Янк., с. 269].

У некаторых выпадках у парэміях дзеля стварэння рыфмы ў адным з сугучных слоў адбываецца змена націску, што набліжае парэмію да каламбурнага выразу: Каму – як балота, а каму – як залота [Янк., с. 218]; Ёсць зубы, ды хлеба няма да губы [Янк., с. 31]; Лакомы на чужыя комы, ласы на чужыя каўбасы [Янк., с. 291]; Улез у вароны, каркай як ёны [Янк., с. 72].

Арыгінальнай і каларытнай з’яўляецца рыфма, дзе ў пару сугучных слоў уключаюцца аказіяналізмы, як правіла, субстантыўныя аддзеяслоўныя формы: Якая кудзеля, такая прадзеля [Янк., с. 107]; Раз кусенькі, а тры разы хлябенькі [Янк., с. 131]; Хоць які цяляпей, але ўдвух яно ляпей [Янк., с. 138]; Учора гоцкі, сёння гоцкі – будзеш хадзіць без сарочкі [Янк., с. 270]; Хто мае набранкачы, той мае і паслухачы [Янк., с. 73]; Гаспадарка – кланатарка [Янк., с. 78]; Не дзіва, калі старухі – сварухі [Янк., с. 143]; Любіш быць узяхам, любі быць і аддахам [Янк., с. 333].

Рыфму могуць таксама ўтвараць размоўныя словы, якія надаюць выказванню характар жывой, непасрэднай, спантаннай гутаркі: Не заўсягды, як на дзяды [Янк., с. 224]; Прыйшоў нястатак – забраў астатак [Янк., с. 94]; Хоць бы дзеўка не коха, абы грошай панчоха [Янк., с. 296].

Эмацыянальна-ацэначную афарбоўку надаюць выслоўям рыфмы, у якіх выкарыстоўваюцца формы з суфіксамі суб’ектыўнай ацэнкі з ласкальным: Родная зямелька – як зморанаму пасцелька [Янк., с. 59]; Адзін сыноч Юзік, і той – як гарбузік [Янк., с. 112]; Добрае слаўцо лепш, чым піўцо [Янк., с. 153]; Конік маленькі, але даражэнькі [Янк., с. 176]; гумарыстычным: Што гадзінка, то новая прычынка [Янк., с. 298]; Што сяльцо, то і нараўцо [Янк., с. 259] або іранічным адценнем: Прыбярэ пнянка, стане за панка [Янк., с. 177]; Ні мукі пылінкі, ні солі драбінкі [ПП-1, с. 221]; Ходзіць ціхенька, ды думае ліхенька [Янк., с. 327].

У некаторых выпадках спалучаюцца памяншальна-ласкальныя і павелічальна-зневажальныя формы, што садзейнічае стварэнню кантрасту і ўзмацняе экспрэсію выказвання: Першая жоначка, як на небе зорачка, а другая жоначка, як у садзе пчолачка, а трэцяя жанішча, як у лесе савішча [Янк., с. 130].

Такім чынам, як паказвае фактычны матэрыял, у прыказках і прымаўках актыўна выкарыстоўваецца ўнутраная рыфма, разнастайная паводле месца націску, характару канцавога гуку ў сугучных словах, колькасці і якасці гукавых супадзенняў, часцінамоўнай прыналежнасці зарыфмаваных слоў. Яна садзейнічае рытмізацыі парэміянага маўлення, спрыяе напеўнасці і размеранасці яго выражэння, надае яму складнасць і выразнасць.

Унутраная рыфма ў парэміях выконвае важную сэнсаўтваральную, лагічна-выдзяляльную, вобразна-асацыятыўную, выяўленча-выразную, рытміка-інтанацыйную і мнеманічную функцыі.

Літаратура

1. Фядосік, А.С. Прыказкі і прымаўкі / Беларускі фальклор: хрэстаматыя / склад. К.П. Кабашнікаў, А.С. Ліс, А.С. Фядосік, І.К. Цішчанка. – Выд. 3. – Мн.: Выш. школа, 1985. – 749 с.
2. Лепешаў, І.Я. Тлумачальны слоўнік прыказак / І.Я. Лепешаў, М.А. Якалэвіч. – Гродна: ГрДУ, 2011. – 667 с.
3. Лепешаў, І.Я. Этымалагічны слоўнік прыказак / І.Я. Лепешаў. – Мн.: Выш. школа, 2014. – 141 с.

4. Рагойша, В.П. Паэтычны слоўнік / В.П. Рагойша. – Мн. : Выш. школа, 1979. – 320 с.
5. Грынблат, М.Я. Прыказкі і прымаўкі / М.Я. Грынблат // Прымаўкі і прыказкі: ў 2 кн. ; рэд. А.С. Фядосік. – Мн. : «Навука і тэхніка», 1976. – Кн. 1. – 557 с.
6. Станкевич, А.А. Речевые средства создания контраста в белорусских пословицах и поговорках / А.А. Станкевич // Лінгвістычныя даследаванні : зб. наук. пр. Харк. нац. пед. ун-у ім. Г.С. Сковороды. – Харків, 2016. – Вип. 41. – С. 139–144.
7. Станкевич, А.А. Словообразовательный повтор и его структурно-семантическая роль в белорусских паремиях / А.А. Станкевич // Мова і культура. – 2019. – Вип. 22, т. II (197). – С. 96–100.
8. Станкевіч, А.А. Рытарычныя прыёмы ўзмацнення выяўленчай выразнасці ў беларускім парэміяным дыскурсе / А.А. Станкевіч // Известия Гомельского государственного университета им. Ф. Скорины. – № 4 (115). Гуманитарные науки. – 2019. – С. 118–123.

Умоўныя скарачэнні

1. ПП-1 – Прыказкі і прымаўкі ў дзвюх кнігах / Рэд. А.С. Фядосік. – Мн. : «Навука і тэхніка», 1976. – Кн. 1. – 557 с.
2. ПП-2 – Прыказкі і прымаўкі ў дзвюх кнігах / Рэд. А.С. Фядосік. – Мн. : «Навука і тэхніка», 1976. – Кн. 2. – 616 с.
3. Янк. – Беларускія прыказкі, прымаўкі, фразеалагізмы / Склаў Ф. Янкоўскі. – 3-е выд., дапрац., дап. – Мн. : «Навука і тэхніка», 1992. – 491 с.

Гомельскі дзяржаўны
універсітэт ім. Ф. Скорины

Паступіла ў рэдакцыю 09.09.2019

УДК 811.161.1'276.6'243

Языковые отличия в репрезентации профессионального знания носителями разных лингвокультур

В.В. СТЕПАНОВА

Автор статьи обращается к проблеме влияния языкового сознания на выбор средств репрезентации знаний о мире. На материале контекстных реализаций терминологических единиц, представляющих сферу стекольного производства в немецком и русском языках (термин *schmelzen* в немецком языке и *варить* в русском), выявляется специфика репрезентации профессионального знания, связанного с изготовлением стекла. Анализируются семантические особенности языковых обозначений тождественных производственных процессов. Делается вывод о необходимости учета семантической специфики терминов при переводе технических документов.

Ключевые слова: язык, мышление, знание, репрезентация знания, пропозиция, термин, носитель языка, языковая среда.

The author studies a problem of influence of linguistic consciousness on the choice of tools of world knowledge representation. Based on the context use of terms representing glass manufacturing in German and Russian (*schmelzen* in German and *варить* in Russian) the specific character of representation of professional knowledge related to glass production is revealed. Semantic peculiar properties of names for identical industrial processes are analyzed, as well. The author concluded that semantic peculiarities of terms should be taken into account while translating technical documents.

Keywords: language, mentality, knowledge, knowledge representation, proposition, term, native speaker, language environment.

Мысль о том, что в познании окружающего мира ведущая роль отведена родному языку индивида, активно развивалась в работах Э. Сепира, Б.Л. Уорфа, Й.Л. Вайсгербера. И хотя в ранних работах Э. Сепира прослеживаются универсалистические тенденции, что проявляется в отведении языку скромной роли инструмента в передаче мысли [1, с. 249], впоследствии в трудах автора окончательно возобладает идиоэтизм. Э. Сепир пишет: «Мы видим, слышим и вообще воспринимаем мир именно так, а не иначе, главным образом благодаря тому, что наш выбор при его интерпретации предопределяется языковыми привычками нашего общества» [1, с. 261].

По мнению Б.Л. Уорфа, язык «отражает массовое мышление» [2, с. 196], а любой индивид как член речевой группы по умолчанию является участником соглашения, предписывающего определенные правила восприятия и систематизации знаний об окружающем мире и закрепленного в системе моделей родного языка. Ученый подчеркивает главенствующую роль грамматики в мыслительном процессе: «грамматика сама формирует мысль, является программой и руководством мыслительной деятельности индивидуума, средством анализа его впечатлений и их синтеза» [2, с. 209].

Идиоэтизм языкового содержания занимал центральное место в работах Й.Л. Вайсгербера [3]. Как справедливо замечает В.П. Даниленко, Й.Л. Вайсгербер, начиная разрабатывать понятие языковой картины мира, «еще не делал чрезмерного акцента на мировоззренческой стороне языковой картины мира <...>», однако позднее ученый «начинает подчеркивать ее мировоззренческую, субъективно-национальную, идиоэтническую сторону, проистекающую из того факта, что в каждом языке представлена особая точка зрения на мир – точка зрения, с которой смотрел на него народ, создавший данный язык» [4].

Гипотеза лингвистической относительности Сепира-Уорфа, хотя и относится к числу научных концепций, подвергаемых критике, находит свое подтверждение при сопоставительном анализе фактов языка и речи, в том числе при анализе разноязычных текстов, содержащих терминологическую лексику.

Терминологическая лексика – это лексика ограниченного употребления, и сфера ее использования ограничивается рамками определенной профессиональной группы. Эта лексика

безусловно принимается и употребляется всеми членами этой группы. Однако специалист, осваивая свою профессию (приобретая соответствующие умения и навыки и параллельно овладевая понятийным и терминологическим аппаратом), неизбежно усваивает и характерные для той или иной деятельности модели репрезентации знания, отражающие уже выработанные механизмы восприятия и интерпретации действительности.

Таким образом, нельзя не согласиться с Н.Н. Болдыревым, который отмечает, что «любая информация, которая поступает к человеку по разным каналам в языковой форме, унифицируется по формату репрезентации, создавая некоторые опоры или точки отсчета для восприятия мира и последующей информации» [5, с. 44].

Когда специалист работает в родной языковой среде, формирование соответствующих ориентиров и схем в восприятии и анализе окружающего мира (а точнее, фрагмента мира, связанного с профессиональной деятельностью) происходит автоматически. Иная ситуация складывается, когда, попадая в иноязычную языковую среду, специалист вынужден усвоить не только формально иное наименование привычных понятий, но и совершенно другие когнитивные структуры, в которых представляются привычные ему профессиональные знания.

Для подтверждения этого рассмотрим немецко- и русскоязычные контексты, содержащие термины *schmelzen* и *варить*, относящиеся к терминологии стекольного производства:

(1) «*Größere Mengen von Glas werden in kontinuierlich arbeitenden, aus feuerfesten keramischen Steinen aufgemauerten Schmelzwannen geschmolzen*» [6].

(2) «*Ein Ofen enthält mehrere Häfen, in denen das Glas geschmolzen wird*» [6].

(3) «*Neben Kalk-Natronglas werden auch Kristallglas mit und ohne Blei, Opalglas, Borosilikatgläser verschiedenster Zusammensetzungen, sowie Wasserglas in SORG® Schmelzwannen geschmolzen*» [7].

Немецкий язык обозначает процесс производства стекла глаголом *schmelzen* (контексты 1–3). В толковом словаре «Duden» значение данного слова определяется следующим образом – ‘durch Wärme flüssig machen, zergehen lassen’ (‘под воздействием тепла делать жидким, растапливать’) [8], в более раннем толковом словаре братьев Гримм – как ‘aus dem festen in den flüssigen Aggregatzustand übergehen oder überführen’ (‘переходить или переводить из твердого в жидкое агрегатное состояние’) [9]. Принимая этот термин как базовый для обозначения процесса производства, специалист автоматически усваивает и соответствующую когнитивную модель, сквозь призму которой он «видит» этот процесс: производство стекла осуществляется при высоких температурах и сопровождается переходом вещества из твердого состояния в жидкое.

Синтагматические связи рассматриваемого термина дополняют общую картину, формируемую в сознании специалиста. Поскольку мы говорим о стекольном производстве, то употребление терминов *das Glas* и *schmelzen* в линейном ряду закономерно; причем *das Glas* выступает в роли результатива (контексты 1–3). Во всех трех контекстах также упоминается место (семантическая роль наименования места – «локатив»), где, собственно, осуществляется процесс, обозначаемый термином *schmelzen*: *Schmelzwanne*, *Ofen*. Таким образом, мы имеем типичную в рассматриваемых условиях пропозицию, состоящую из предиката (*schmelzen*) и стереотипного набора его аргументов: результатива и локатива; обозначение субъекта действия в поверхностной структуре предложений отсутствует, тем не менее очевидно, что инициатором и руководителем процесса изготовления стекла является человек.

Эта пропозиция представляет собой концептуально-сложный формат знания или концептуальную структуру (по терминологии Н.Н. Болдырева) [10], которая формируется в сознании носителя языка в процессе использования рассматриваемой терминологической единицы.

Обратимся теперь к анализу контекстов на русском языке:

(4) «*На современных стекольных заводах, где выработка изделий механизирована и производится круглосуточно, стекло варят в ваннах печей непрерывного действия*» [11].

(5) «*В такой печи можно одновременно варить стекла разных составов, при условии совпадения температурно-временных режимов и окислительно-восстановительных условий варки*» [12].

(6) «*Боросиликатные стекла рекомендуется варить в печах небольшой емкости <...>*» [11].

Как видно из контекстов 4–6 в русском языке для наименования процесса изготовления стекла используется термин *варить*. «Большой толковый словарь русского языка» под редакцией С.А. Кузнецова дает несколько толкований слова *варить*, одним из которых является ‘изготавливать путем кипячения, плавления и т. п.’ [13]. Именно в этом значении слово *варить* используется как термин. Употребление термина *варить* отражает модель знания о производстве стекла как о процессе, происходящем при высоких температурах, сопровождающимся переходом вещества из твердого в жидкое состояние и направленном на получение нового продукта, не существовавшего до начала процесса варки.

Пропозиция, представленная в этих контекстах, аналогична пропозиции немецких предложений с глаголом *schmelzen*: типичными аргументами при предикате *варить* выступают результатив (стекло) и локатив (печь), субъект действия (не эксплицирован в структуре предложений).

Таким образом, при репрезентации знания о процессе производства стекла в немецком языке смыслообразующими элементами выступают высокий температурный режим и переход вещества из твердого в жидкое состояние; при репрезентации знания о том же процессе в русском языке количество смыслообразующих элементов, заданных системным значением используемого глагола, большее: в семантике русского глагола *варить* есть сема ‘появление ранее не существовавшего продукта’. Несмотря на то, что состав семантических компонентов в структуре лексических значений рассматриваемых терминов не совпадает, и специалист, являющийся носителем немецкого языка, и специалист, являющийся носителем русского языка, будут воспринимать обозначаемое одинаково – как процесс, направленный на получение нового продукта. Для специалиста, являющегося носителем немецкого языка, данный смысл представляет пресуппозитивное профессиональное знание, для русскоговорящего специалиста – реализацию заданного системой языка семантического потенциала слова.

Для описания процесса производства стекла как в немецком, так и в русском языке последовательно употребляются производные анализируемых нами терминов. Производными терминами обозначаются следующие объекты:

– место, а точнее, часть оборудования, где изготавливается стекло:

(7) «**Glasschmelzwannen** werden kontinuierlich betrieben <...>» [6] (см. также контексты 1–3);

(8) «Конструктивные особенности **стекловаренных печей** разных типов и производительности предусматривают организацию и контроль над тепловыми потоками <...>» [12];

– весь процесс производства как вид деятельности:

(9) «Es besteht daher die Vermutung, daß die **Erfindung des Glasschmelzens** eng mit der Entwicklung der Metallverhüttung verbunden war» [6];

(10) «Теоретический минимум удельного потребления энергии на **стекловарение** составляет 2,74 ГДж/т <...>» [12];

– акт производства (субстантивный производный термин):

(11) «Die bei der **Schmelze** von Kalk-Natrongläsern emittierten Stäube sind zu ca. 80 % wasserlöslich» [6];

(12) «<...> При этом шихта и бой загружаются сверху и **варка** происходит под слоем шихты» [14, с. 105];

– полученный продукт (в жидком состоянии):

(13) «Der Staub in den Abgasen der Schmelzöfen besteht überwiegend aus Verdampfungsprodukten der **Glasschmelze**» [6];

(14) «Am einen Ende («Doghouse») wird das Gemenge aufgegeben und am anderen das **geschmolzene Glas** kontinuierlich abgezogen» [6];

(15) «<...> реально достигнутые минимальные значения этого показателя близки к 5 ГДж/т **сваренной стекломассы** в начале кампании печи» [12].

Примечательно, что нами не найдены тексты на немецком языке, в которых для обозначения процесса производства стекла использовался бы глагол *kochen* (близкий по семантике глаголу *варить*) либо его производные. В то же время в русскоязычных профессиональных текстах отмечается использование глагола *плавить* (в семантическом плане практически идентичного немецкому *schmelzen*) и производных от него терминов:

(16) «Вторичное, переработанное стекло **плавится** при более низкой температуре, чем сырьевой материал, из которого изначально производится стекло» [15];

(17) «Температура источника нагрева для **плавки** кварцевого стекла должна превышать на 100–150° температуру расплава <...>» [11].

Выбор носителем языка данного глагола (или производного от него термина), тем не менее, не является случайным: использование терминов *плавить*, *плавка* обусловливается необходимостью передачи тонкостей в технологии производства. В контексте 16 речь идет о переработке (переплавке) уже существующего стекла, а не о создании нового продукта; в контексте 17 выбор термина *плавка* вместо термина *варка* объясняется тем, что «кварцевым стеклом называют кремнезем, переведенный путем плавления в аморфное состояние» [11]. Таким образом, можно говорить о том, что употребление терминов *плавить*, *плавка* имеет место тогда, когда необходимо сделать акцент на плавлении, то есть переходе вещества из твердого в жидкое состояние.

Интересно, что в немецком языке подобные ситуации, в которых описывается не изготовление нового, а переработка (переплавка) старого стекла, описываются с помощью глагола *schmelzen*:

(18) «*Da recyceltes Glas bei niedrigeren Temperaturen als die zur Glasherstellung erforderlichen Rohstoffe **schmilzt**, sinkt der Energiebedarf, wenn Glasscherben zugesetzt werden*» [16].

Однако в контекстах 16 и 18 термины *стекло* и *das Glas* уже выступают не в роли результата, а в роли объекта, то есть обозначают предметы, подвергающиеся воздействию субъекта и существовавшие до возникновения ситуации [17, с. 46].

Производные от глагола *плавить* используются также и в том случае, если есть необходимость акцентировать внимание на жидком состоянии произведенного продукта:

(19) «*Входная температура **расплавленного** стекла изменяется в зависимости от состава* <...>» [12];

(20) «*Пузыри в стекломассе образуются в результате разложения сырьевых материалов, <...> и при взаимодействии **стекольного расплава** с огнеупорами печи*» [12].

Если же необходимо сделать акцент на завершенности процесса изготовления стекла, используется исключительно термин *варить* и его производные (см. контекст 15).

Заметим, что в немецком языке обе анализируемые характеристики обозначаются производными терминами от одного глагола *schmelzen* (см. контексты 13, 14).

Итак, проведенное исследование показывает, что языковые единицы способны выполнять структурирующую функцию, то есть в сознании носителя языка они определенным образом структурируют и репрезентируют знание об объекте обозначения.

В ходе анализа контекстных реализаций немецкого термина *schmelzen* и русского термина *варить*, относящихся к сфере стекольного производства, было установлено, что, хотя эти термины используются для обозначения тождественных производственных процессов, в семантическом плане они различны, акцентируют внимание на различных характеристиках протекания этого процесса. В немецком языке подчеркивается обязательный высокий температурный режим и переход из твердого в жидкое состояние, в русском – возникновение нового, ранее не существовавшего продукта при повышенных температурах. Сема 'изготовление нового продукта' не представлена в структуре лексического значения немецкого глагола *schmelzen*, однако актуализация соответствующего кванта знания, связываемого с presupпозициями специалиста, происходит в контексте употребления глагола.

Пропозиции, в которых в качестве предиката выступают термины *schmelzen* и *варить*, идентичны: в обоих языках при предикате присутствуют результатив и локатив (когда речь идет об изготовлении нового продукта). Позиции результатива и локатива заполняются тождественными по семантике лексическими единицами; в качестве результатива выступают термины *das Glas* / *стекло*, локатива – *Schmelzwanne*, *Ofen* / *печь*. Если в контекстах говорится о переработке уже произведенного стекла, в немецком языке используется глагол *schmelzen*, тогда как в русском языке – глагол *плавить*. Термины *das Glas* и *стекло* в пропозициональных структурах подобных предложений выступают не в роли результатива, а в роли объекта. Субъект действия не эксплицирован в структуре предложений, описывающих как создание, так и переработку уже произведенного стекла, однако очевидно, что эти производственные процессы иницируются и осуществляются человеком.

На основе анализа контекстов можно говорить о том, что и в немецком, и в русском языке для описания процесса изготовления стекла последовательно используются производные рассматриваемых терминов.

При переводе технических документов следует обязательно учитывать семантические особенности рассматриваемых терминологических единиц, а именно то, что немецкому глаголу *schmelzen* соответствует русский глагол *варить*, когда речь идет о процессе производства (изготовления, создания) стекла как такового; русский термин *плавить* может выступать в качестве эквивалента немецкого *schmelzen* в тех контекстах, где описывается переработка (переплавка) ранее созданного стекла.

Литература

1. Сепир, Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии / Э. Сепир. – М. : Издательская группа «Прогресс», «Универс», 1993. – 656 с.
2. Языки как образ мира. Антология / М. Мюллер, Э. Сепир, Б.Л. Уорф, Л. Витгейнштейн [и др.]. – М. : ООО «Издательство АСТ» ; СПб. : Terra Fantastica, 2003. – 568 с.
3. Вайсгербер, Й.Л. Родной язык и формирование духа [Электронный ресурс] / Й.Л. Вайсгербер. – Режим доступа : https://www.academia.edu/13745701/Й.Л.Вайсгербер._Родной_язык_и_формирование_духа. – Дата доступа : 09.06.2019.
4. Даниленко, В.П. Языковая картина мира в теории Й.Л. Вайсгербера [Электронный ресурс] / В.П. Даниленко. – Режим доступа : <https://cyberleninka.ru/article/v/yazykovaya-kartina-mira-v-teorii-i-vaysgerbera>. – Дата доступа : 09.06.2019.
5. Болдырев, Н.Н. Язык и структура сознания / Н.Н. Болдырев // Когнитивные исследования языка. – Тамбов, 2016. – Вып. XXIV. Личность. Язык. Сознание. – С. 35–48.
6. Schindler, I. Stand der Technik bei der Glasherstellung [Электронный ресурс] / I. Schindler, C. Ronner. – Режим доступа : <http://www.umweltbundesamt.at/fileadmin/site/publikationen/R152.pdf>. – Дата доступа : 21.01.2019.
7. SORG [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.sorg.de//content/themes/sorg/resources/assets/pdf/Glasschmelztechnologie.pdf>. – Дата доступа : 20.11.2018.
8. Duden [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.duden.de/rechtschreibung/schmelzen>. – Дата доступа : 10.06.2019.
9. Deutsches Wörterbuch von Jacob Grimm und Wilhelm Grimm [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.woerterbuchnetz.de/DWB?lemma=schmelzen>. – Дата доступа : 10.06.2019.
10. Болдырев, Н.Н. Форматы знания в языке и методы их исследования [Электронный ресурс] / Н.Н. Болдырев. – Режим доступа : <https://docplayer.ru/31017230-N-n-boldyrev-formaty-znaniya-v-yazyke-i-metody-ih-issledovaniya.html>. – Дата доступа : 11.06.2019.
11. Справочник химика 21 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://chem21.info/info/1087143/>. – Дата доступа : 11.06.2019.
12. Информационно-технический справочник по наилучшим доступным технологиям 5-2015 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://files.stroyinf.ru/Data2/1/4293757/4293757769.pdf>. – Дата доступа : 06.02.2019.
13. Большой толковый словарь русского языка под ред. С.А. Кузнецова [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://gramota.ru/slovari/dic>. – Дата доступа : 11.06.2019.
14. Гулоян, Ю.А. Технология стекла и стеклоизделий: учебник / Ю.А. Гулоян. – Владимир : Транзит-Икс, 2003. – 479 с.
15. FacePla.net [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.facepla.net/the-news/3799-glass-recycling.html>. – Дата доступа : 18.06.2019.
16. Das UBA [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.umweltbundesamt.de/daten/ressourcen-abfall/verwertung-entsorgung-ausgewaehlter-abfallarten/glas-altglas#textpart-2>. – Дата доступа : 30.09.2019.
17. Шмелева, Т.В. Семантический синтаксис: текст лекций / Т.В. Шмелева. – Красноярск : Красноярский ГУ, 1988. – 54 с.

УДК 811.161.3'42'362:398.91(=161.3)

Граматычныя асаблівасці параўнальных канструкцый у беларускіх прыказках і прымаўках

К.Л. ХАЗАНАВА

У артыкуле даследуюцца марфалагічныя і сінтаксічныя адметнасці параўнальных канструкцый у беларускіх прыказках і прымаўках. Большасць выслоўяў маюць злучнікавыя параўнанні з перавагай параўнальнага злучніка *як*. На марфалагічным выражэнні суб'ектаў параўнання ў беларускіх парэміях пераважаюць дзеясловы. У прыказках і прымаўках часцей функцыянуюць параўнальныя звароты. Зрэдку сустракаюцца складаназалежныя сказы з даданымі параўнальнымі часткамі. Параўнанні ў парэміях ствараюць выразнасць і вобразнасць і дапамагаюць дакладна і лаканічна абазначыць эмоцыі і пачуцці.

Ключавыя словы: фальклор, парэмія, параўнанне, аб'ект параўнання, суб'ект параўнання, злучнік, сказ, параўнальны зварот.

The morphological and syntactic features of comparative constructions in Byelorussian proverbs and sayings are considered. Most of the sayings have a comparison with the conjunctions with the prevalence the conjunction *jak* (*like*). There are the verbs predominate on the morphological expression of the subjects of comparison in Belarusian pareomia. In the proverbs and sayings comparative turnovers are more often. Occasionally there are complex sentences with subordinate comparative clauses. Comparative turnovers in the pareomia create expressiveness and figurativeness and help more accurately and laconically designate emotions and feelings.

Keywords: folklore, pareomia, comparison, object of comparison, subject of comparison, conjunction, sentence, comparative turnover.

Прыказкі і прымаўкі – гэта надзвычай адметныя фальклорныя творы. Традыцыйна народныя выслоўі адносяць да так званых малых жанраў вуснай народнай творчасці. Аднак малымі гэтыя трапныя выразы, створаныя на працягу шматвяковай гісторыі народа, з'яўляюцца хіба што па памеры. Сапраўды, большасць парэмійных канструкцый па сваёй будове і колькасці лексічных складнікаў не перавышае сярэднестатычны сказ. Але ў падобнай структуры закладзена велізарнае інфармацыйнае напаўненне, якое ўключае і сэнсавую інфармацыю, і канатацыю. Такім чынам, народныя прыказкі і прымаўкі не толькі паведамляюць інфармацыю аб пэўнай рэаліі, перадаючы дыдактычна-павучальнае меркаванне, але і выражаюць эмацыянальныя ці ацэначныя адценні выказвання і адлюстроўваюць культурныя традыцыі народа [1].

Інфармацыйна-стылістычны патэнцыял беларускіх народных парэмій выклікае трывалую ўвагу даследчыкаў-філолагаў. Лінгвісты вывучалі семантыку беларускіх прыказак і прымавак [2], моўныя сродкі стварэння кантрасту ў народных выслоўях [3], сінтаксічныя асаблівасці парэмій [4], выкарыстанне беларускіх прыказак і прымавак у працэсе вывучэння розных раздзелаў мовазнаўства [5], [6], міжславянскія парэміялагічныя сувязі [7]. Аднак парэмійная частка фальклорнай спадчыны беларусаў, як і іншых славянскіх народаў, яшчэ мае значную колькасць мала вывучаных рыс. Лінгвістычнага даследавання варты прыказкі і прымаўкі, якія ўтрымліваюць у сваім складзе параўнанні, а таксама роля параўнанняў у стварэнні вобразнасці і выразнасці беларускіх прыказак і прымавак.

Мэта артыкула – ахарактарызаваць граматычныя асаблівасці беларускіх прыказак і прымавак з параўнаннямі.

Павучальны эффект і канатацыя беларускіх народных выслоўяў узнікаюць дзякуючы параўнанню і супастаўленню адной жыццёвай рэаліі з іншай. Амаль усе парэміі заснаваны на параўнанні: жыццёвая падзея або асобны ўчынак чалавека ў народнай свядомасці выклікае падобнасць з іншай рэаліяй (рэальна існуючай або прыдуманай, уяўнай), больш нагляднай, яскравай. Гэта другая рэалія праз падобнасць візуалізуе сітуацыю больш выпукла.

На схаваным параўнанні грунтуецца большасць беларускіх народных прыказак і прымавак. Напрыклад, трапна народ расказаў у прыказцы пра распаўсюджанне плётак: *Сабака брэша – вецер носіць* [8, с. 153]. У выразе праз супастаўленне з прыроднымі з’явамі падкрэсліваецца хуткасць пашырэння інфармацыі (*вецер*), гукавыя эфекты (*брэша*), адмоўная ацэначнасць з’явы (*сабака брэша*). Распаўсюджанне інфармацыі параўноўваецца і ў іншай прыказцы, у якой на паверхні таксама аповед пра прыродны свет: *Сарока на хвасце прынесла* [8, с. 153]; *Пускаць туман у вочы* [8, с. 152].

Параўнанне як грунт стварэння вобразнасці і эмацыянальнасці беларускіх прыказак і прымавак мае працягам колькасна значную групу выказаў, у якіх параўнанне мае эксплікаванае матэрыяльнае выражэнне ў параўнальных канструкцыях і зваротах – «словах і словазлучэннях, якія шляхам параўнання раскрываюць і ўдакладняюць змест іншых слоў ці словазлучэнняў у сказе» [9, с. 172].

У беларускіх народных выслоўях параўнальныя звароты надзвычай распаўсюджаныя. Семантыка і павучальны сэнс выразаў з параўнаннямі даволі разнастайныя. Кампаратыўныя прыказкі і прымаўкі выяўляюць таксама структурную дыферэнцыяцыю.

У параўнальнай канструкцыі выдзяляюцца суб’ект параўнання – тое, што параўноўваецца (S), аб’ект параўнання – тое, з чым параўноўваецца (A), і аснова параўнання – агульная параўнальная прыкмета (лацінскае *tertium comparationis* [10]). Паводле наяўнасці сінтаксічных сродкаў параўнання (C) кампаратыўныя выразы падзяляюцца на злучнікавыя і бяззлучнікавыя. Як заўважае «Беларуская граматыка», «параўнальныя канструкцыі, што ўтвараюцца пры дапамозе марфалага-сінтаксічных сродкаў, адрозніваюцца характарам сувязі суб’екта і аб’екта. Характар сувязі ўплывае на семантыку канструкцый, іх экспрэсіўнасць і сінтаксічныя функцыі» [9, с. 172].

Парэмічны лад беларускай мовы праяўляе ўстойлівую схільнасць да граматычнага выражэння сродку параўнання, што адлюстроўваецца ў абсалютнай перавазе злучнікавых параўнанняў над бяззлучнікавымі: *Прычупіўся, як рапей да кажуха* [8, с. 264]; *Сядзіць, як курыца на яйках* [8, с. 208]; *Дрыжыць, як асінавы ліст* [8, с. 192]; *Прыказку скажа, як вузел завяжа* [8, с. 206]; *Ламаецца, як блін гарохавы* [8, с. 146].

Пры адсутнасці злучнікаў выражэнне супастаўлення падобных па пэўнай прыкмеце рэалій адбываецца ў выслоўі за кошт адпаведнай інтанацыі, якая актуалізуе семантычныя патэнцыі аб’ектаў і суб’ектаў параўнання: *Прыемнае слова – вясенні дзень* [8, с. 179]; *Слова яго – волава* [8, с. 182].

Нягледзячы на непашыранасць бяззлучнікавых параўнанняў, сярод беларускіх парэмій названыя выразы можна тыпалагічна аб’яднаць у розныя мадэлі:

1) S (назоўнік у назоўным склоне) – A (назоўнік у назоўным склоне): *Дождж упару – золата* [8, с. 218]; *Дзень мой – век мой* [8, с. 162];

2) першая паказаная мадэль распаўсюджваецца дапаўненнем, выражаным імем (назоўнікам або прыметнікам) ці спалучэннем імён у форме давальнага склону: *Баязліваму і мыш мядзведзь* [8, с. 187]; *Сляпой курыцы і жвір – тианіца* [8, с. 265].

Зрэдку сустракаюцца бяззлучнікавыя параўнальныя прыказкі, у якіх аб’ектам і суб’ектам параўнання выступаюць дзеясловы: *Слова сказаў – тапаром адсек* [8, с. 180].

Пры велізарнай колькасці злучнікавых параўнанняў у структуры беларускіх прыказках і прымавак не назіраецца разнастайнасці злучнікаў. Безумоўным лідарам па колькасці выпадкаў ужывання неабходна прызнаць злучнік *як*: *Затакаваўся, як цецярук* [8, с. 144]; *Менціць языком, як сабака хвостом* [8, с. 146]; *Спрытны, як мядзведзь да танцаў* [8, с. 208]; *Такі харошы, як люлька за тры грошы* [8, с. 208]; *Хітры, як лісіца* [8, с. 211]. А прыказкі і прымаўкі са структурай параўнання і злучнікам *што* ў беларускім фальклоры фіксуюцца значна радзей: *Глянуў, што рубель даў* [8, с. 190]; *Дурня вучыць, што мёртвага лячыць* [8, с. 142]. Прычынай такой колькаснай няроўнасці можа быць полісемія злучніка *што* і замацаванасць у народнай свядомасці менавіта за злучнікам *як* параўнальнай семантыкі.

Кампаратыўныя парэмічныя выслоўі прапануюць разнастайнасць тыпаў сінтаксічных канструкцый. Шматлікія беларускія прыказкі будуцца на кароткіх параўнальных зваротах,

у якіх у наяўнасці аб'ект і суб'ект параўнання падзеленыя злучнікам – мадэль S – C – A: *Сказаў, як звязаў* [8, с. 153]; *Адказ, як шыла* [8, с. 186]. Як сказана ў «Беларускай граматыцы», параўнальны зварот «моцна, экспрэсіўна адцяняе пэўныя якасці, уласцівасці, дзеянні шляхам непасрэднага супастаўлення ў саставе сказа з іншым прадметам, вобразам, які ў большай ступені ўвасабляе гэту якасць, уласцівасць, дзеянне» [9, с. 179].

Адметна, што ў такіх канструкцыях, як правіла, аб'ект і суб'ект маюць аднолькавае марфалагічнае выражэнне, часцей – назоўнікамі або дзеясловамі. Хаця сустракаюцца і выразы з несупадзеннем марфалагічнага выражэння аб'екта і суб'екта параўнання, калі суб'ектам параўнання выступае дзеяслоў, а аб'ектам – назоўнік: *Прычапіўся, як сабака* [8, с. 263]. У такіх выслоўях аб'ект параўнання абавязкова дадумваецца ва ўяўленні аўдыторыі: успрымальнік выразу мусіць уявіць дзеянні, уласцівыя названаму назоўнікам персанажу.

Адрозненні ў марфалагічным выражэнні аб'екта і суб'екта ў парэмійных параўнаннях пашыраны пры выражэнні суб'екта параўнання прыметнікам: *На чужое мяса, як сабака, ласы* [8, с. 148]. І зноў стваральнікі выразаў абапіраліся на народнае ўяўленне: пры ўспрыманні выслоўяў адразу ўзнікае пэўны вобраз з неабходнымі ўласцівасцямі. Дарэчы, у беларускім парэмійным ладзе часта адзначаюцца кампаратыўныя прыказкі з суб'ектам параўнання, выражаным прыметнікам *белы*: *Белы, як п'яматка* [8, с. 162]; *Белы, як дунь* [8, с. 162]. Для вобразнай і экспрэсіўнай характарыстыкі чорнага колеру варыянтаў яшчэ больш: *Чорны, як жук* [8, с. 271]; *Чорны, як грак* [8, с. 271]; *Чорны, як галавешка* [8, с. 271]; *Чорны, як зямля* [8, с. 271]; *Чорны, як ноч* [8, с. 271]; *Чорны, як сажэ* [8, с. 271]; *Чорны, як смоль* [8, с. 271].

Пры суб'ектах параўнання, выражаных прыметнікамі, параўнальныя структуры часцей не маюць матэрыяльна выяўленага выказніка: *Здароў, як стары заяц вясной* [8, с. 164]. У беларускім парэмійным фондзе можна сустрэць ад'ектыўныя суб'екты параўнання ў выразях, якія па сінтаксічнай структуры з'яўляюцца складаназлучанымі сказамі: *Вялікі, як дуб, а дурны, як пень* [8, с. 139]. Удалае спалучэнне параўнання і кантрасту стварае адметную экспрэсіўнасць парэмій: *Стары, як сабака, а дурны, як пень* [8, с. 170]; *Голы, як біч, а востры, як меч* [8, с. 190].

Асаблівасцю беларускіх прыказак і прымавак з параўнаннямі з'яўляецца невялікая колькасць выразаў з субстантыўным суб'ектам параўнання: *Праўда, як у рэшаце вада* [8, с. 152]; *Язык, што цэп літоўскі* [8, с. 160]. Аб'ект параўнання ў такіх выслоўях можа мець структуру параўнальнага звароту (*Памяць, як у зайца хвост* [8, с. 179]) або выражацца двухсастаўным параўнальным сказам (*Такая праўда, як камень плавае* [8, с. 154]).

Большасць параўнальных прыказкавых выразаў, захаваных у беларускім фальклоры, за суб'екты параўнання маюць дзеясловы. У сінтаксічнай структуры такіх выслоўяў часта адсутнічае дзейнік, а выражаны дзеясловам галоўны член суадносіцца з выказнікам. Гэта неабходна для стварэння павучальнага эфекту прыказкі: сінтаксічная структура абагульнена-асабовага сказа прапануе аповед пра працэсы, што могуць адносіцца да любога чалавека. Пашыранасць канструкцыі абагульнена-асабовых сказаў у народных выслоўях абумоўлена належным ёй «значэннем аб'ектыўнай абумоўленасці пэўных назіранняў» [9, с. 217]. Нагадаем, што семантычная асаблівасць абагульнена-асабовых сказаў заключаецца ў выражэнні толькі «бясспрэчных, аксіёматычных назіранняў» [9, с. 217], якія, па сутнасці, і ўяўляюць сабой народныя прыказкі і прымаўкі.

Парэмійныя параўнальныя канструкцыі з суб'ектам параўнання, выражаным дзеясловам, праяўляюць разнастайнасць дзеяслоўных формаў выражэння галоўнага члена. Сустракаюцца формы дзеясловаў цяперашняга часу: *Сцеле, як ліс хвостом* [8, с. 154]; *Уецца, як ластаўка перад дажджом* [8, с. 155]; *Чапурыцца, як свіння на дождж* [8, с. 158]; *Жджэ, як вол доўбні* [8, с. 163]; *Шчабеча, як сарока на плоце* [8, с. 159]. Асобныя найменні дзеянняў ужываюцца ў розных парэміях. Звычайна гэта назвы найбольш распаўсюджаных дзеянняў і працэсаў. Так, трапныя і разнастайныя характарыстыкі маўлення занатаваны вуснай народнай творчасцю ў кампаратыўных прыказках з дзеясловам *гаварыць*: *Гавораць, як у бубен б'юць* [8, с. 140]; *Гаворыць, як лістам сцеле* [8, с. 140]; *Гаворыць, як п'яны плот гародзіць* [8, с. 140]; *Гаворыць, як тры дні не еўшы* [8, с. 140]. У некалькіх варыянтных выразях паўтараецца дзеяслоў *баяцца*: *Баюся, як заяц кабылы* [8, с. 186]; *Баюся я цябе, як воўк ягняці* [8, с. 187].

У шматлікіх прыказках і прымаўках ужываюцца дзеяслоўныя формы прошлага часу: *Надзьмуўся, як мыш на крупы* [8, с. 147]; *Расхадзіўся, як халодны самавар* [8, с. 264]; *Унадзіўся, як кот у чужое сала* [8, с. 268]; *Вылез, як мыш з дражджэй* [8, с. 244]; *Як крэсівам выкрасаў - усю праўду сказаў* [8, с. 184]; *Адказаў, як на мордзе даў* [8, с. 186]. Трэба таксама адзначыць папулярнасць асобных дзеясловаў у форме прошлага часу ў якасці суб'екта парэміянага параўнання: *Прычапіўся, як клешч да сабачага хваста* [8, с. 263]; *Прычапіўся, як лешч к карове* [8, с. 263]; *Прычапіўся, як п'яніца да бутэлькі* [8, с. 263]; *Прычапіўся, як п'яны да плоту* [8, с. 264]; *Прычапіўся, як рапей да кажуха* [8, с. 264].

У багацці беларускіх народных прыказак і прымавак сустракаюцца варыянтныя параўнальныя выразы, якія за суб'ект параўнання маюць розныя часавыя формы дзеясловаў вельмі блізкай семантыкай: *Глядзіць, як баран на новыя вароты* [8, с. 190]; *Глядзіць, як воўк на казу* [8, с. 190]; *Глянуў, як тры грошы даў* [8, с. 190].

Адзін са спосабаў выражэння суб'екта параўнання ў беларускіх парэміях – формы дзеясловаў загаднага ладу: *Не вілай языком, як сабака хвостом* [8, с. 148]; *Як на сабаку: хоць ты вар лі* [8, с. 160].

Паказаныя парэміяныя выразы беларускай мовы адлюстроўваюць шчыльную сувязь прыказак і фразеалагізмаў. У большасці выпадкаў цяжка дакладна размежаваць, ці ў выслоўях выкарыстоўваюцца фразеалагічныя адзінкі, ці частка парэміі замацавалася ва ўжыванні як фразеалагізм: *Выскачыў, як Піліп з кананель* [8, с. 244]; *Бяжыць, як жару ўхапіўшы* [8, с. 188]; *Столькі праўды, як у жабрака грошай* [8, с. 154]; *Трэба, як сабаку пятая нага* [8, с. 267].

Некаторыя параўнальныя фразеалагізмы ў прыказках вар'іраваліся: *Носіцца, як пісаная торба* [8, с. 150]. Агульнавядомы фразеалагічны выраз - *насіцца як дурань з пісанай торбай* 'аддаваць шмат увагі таму, хто (або што) гэтага не варты', у старажытнасці *пісаная торба* 'пярэстая, упрыгожаная, сумка, яскравая, але танная'. Доўгатэрміновае функцыянаванне ў вусным выглядзе ў розных сацыяльных і тэрытарыяльных асяроддзях прывяло да страты сувязі сучаснай семантыкі з зыходнай, а таксама да змянення лексіка-сінтаксічнай будовы выразу.

У многіх беларускіх прыказках і прымаўках параўнальная структура мае розныя сінтаксічныя распаўсюджвальнікі. І аб'ект, і суб'ект параўнання часта развіваюцца ў прыказкавых выразях дапасаваным азначэннем, што дапамагае падкрэсліць важныя ўласцівасці адлюстраваных рэалій: *Белы свет, што макаў цвет* [8, с. 162]; *Далікатны, як панскі цюцька* [8, с. 141]. *Раздуўся, як кавальскі мех* [8, с. 152]; *Баюся я цябе, як леташняга снегу* [8, с. 187].

Акалічнасныя распаўсюджвальнікі больш характэрныя для прыказак і прымавак з параўнаннямі, у якіх суб'ектам параўнання выступае дзеянне або працэс, названыя дзеясловам: *Папаў у свет, як у капейку* [8, с. 151]; *Пляснуў, як дзячыха на лёдзе* [8, с. 151]; *Абабіўся, як пень пры дарозе* [8, с. 160]; *Пагуляў, як рыба на лёдзе* [8, с. 261].

Прыведзеныя сінтаксічныя канструкцыі з'яўляюцца даволі распаўсюджанымі для беларускіх народных выслоўяў з параўнаннямі. Значна менш пашыраныя складаныя сказы розных тыпаў, у якіх прэдыкатыўныя часткі ўяўляюць сабой развітыя двухсастаўныя сказы. Сярод беларускіх народных выслоўяў можна адшукаць выразы з ужо адзначанай будовай складаназлучаных сказаў: *Кніга – маленькае акенца, ды праз яго ўвесь свет відзён* [8, с. 177]; *Ты, як Ілля, а ён, як свіння* [8, с. 267]. Асобныя парэміі па сінтаксічнай будове ўяўляюць сабой бяззлучнікавыя складаныя сказы: *Благі чалавек, як вугалле: або апячэ, або абмарае* [8, с. 187]. Пры гэтым у складаназлучаных і складаных бяззлучнікавых сказах параўнальныя звароты ўскладняюць адну з прэдыкатыўных частак. Некаторыя прыказкі маюць сінтаксічную структуру складаназалежнага сказа з даданым параўнальным: *Язык ляшчыць, як калаўрот трашчыць* [8, с. 159]; *Гады ідуць, як вада плыве* [8, с. 162].

Разгляд граматычных асаблівасцей беларускіх прыказак і прымавак з параўнаннямі ў сваім складзе дазваляе адзначыць распаўсюджанасць такіх парэмій у беларускай моўнай прасторы. Большасць выслоўяў маюць злучнікавыя параўнанні з пашыраным ужываннем параўнальнага злучніка *як*. Па марфалагічным выражэнні суб'ектаў параўнання ў беларускіх

парэміях пераважаюць дзеясловы. У большасці выпадкаў у прыказках і прымаўках функцыянуюць параўнальныя звароты. Зрэдку сустракаюцца выразы, якія па сінтаксічнай структуры з'яўляюцца складаназалежнымі сказамі з даданымі параўнальнымі часткамі. Параўнальныя звароты ў беларускіх парэміях ствараюць выразнасць і вобразнасць і дапамагаюць дакладна і лаканічна абазначыць сфармуляваць эмоцыі і пачуцці.

Літаратура

1. Ничипорчик, Е.В. Отражение ценностных ориентаций в поговорках / Е.В. Ничипорчик. – Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2015. – 358 с.
2. Хазанова, К.Л. Жывёльны свет і асабістае жыццё чалавека ў прыкметах і павер'ях каляндарнай абраднасці беларусаў / К.Л. Хазанова // Известия Гомельского государственного университета им. Ф. Скорины. – 2015. – № 4(91). – С. 133–136.
3. Станкевич, А.А. Речевые средства создания контраста в белорусских пословицах и поговорках / А.А. Станкевич // Лінгвістычныя даследаванні. Харківський національний педагогічний університет імені Г.С. Сковороди. – 2016. – № 41. – С. 139–144.
4. Цімашэнка, Н.П. Беларускія парэміі са структурай складаназалежнага сказа / Н.П. Цімашэнка // Известия Гомельского государственного университета им. Ф. Скорины. – № 4 (91). – 2015. – С. 145–149.
5. Хазанова, К.Л. Парэміі ў вывучэнні моўнай дыялектаў / К.Л. Хазанова // Украінська літаратура в загальноєвропейському контексті : збірник наукових праць. – Мелітополь, 2019. – Вип. 2. – С. 224–228.
6. Хазанова, К.Л. Аб прыцягненні парэміянага фонду беларускай мовы да вывучэння сінтаксісу ў школе і вучылішчы / К.Л. Хазанова // Современное образование: преемственность и непрерывность образовательной системы «школа – университет – предприятие» [Электронный ресурс] : XII международная научно-методическая конференция, Гомель, 14–15 февраля 2019 г. : материалы / М-во образования Респ. Беларусь, Гомельский гос. ун-т им. Ф. Скорины, Главн. управл. образования Гомельского обл. исполкома ; редкол.: И.В. Семченко (гл. ред.) [и др.]. – Электрон. текст. данные (8,78 МБ). – Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2019. – Системные требования: IE от 11 версии и выше или любой актуальный браузер, скорость доступа от 56 кбит. – Режим доступа : <http://conference.gsu.by>. – Заглавие с экрана. – С. 867-870.
7. Хазанова, К.Л. Лексічны паралелізм беларускіх і рускіх парэмій, звязаных з вясельнай абраднасцю / К.Л. Хазанова // Региональные аспекты современных историко-правовых филолого-культурологических, психолого-педагогических, естественнонаучных и экономических исследований : сб. материалов международной научно-практической конференции, посвященной 85-летию Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского и 20-летию филиала университета в г. Новозыбкове, Новозыбков, 15–16 октября 2015 г. : в 2 ч. / Ред. кол.: В.В. Мищенко, В.Н. Пустовойтов, С.Н. Стародубец. – Брянск : Изд. БГУ, 2015. – Ч. 1. – С. 126–132.
8. Рапановіч, Я.Н. Беларускія прыказкі, прымаўкі і загадкі / Я.Н. Рапановіч. – Выд. 2-е, дап. і перапрацаванае. – Мн. : Вышэйшая школа, 1974. – 384 с.
9. Беларуская граматыка: у 2 ч. / АН БССР. Ін-т мовазнаўства імя Я. Коласа ; рэд. М.В. Бірыла, П.П. Шуба. – Мн. : Навука і тэхніка, 1986. – Ч. 2: Сінтаксіс. – 327 с.
10. Сравнение (риторика) [Электронный ресурс]. – Режим доступа : [https://ru.wikipedia.org/wiki/Сравнение_\(риторика\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Сравнение_(риторика)). – Дата доступа : 15.05.2019.

УДК 811.111'24:001

Специфика реализации коммуникативных интенций автора англоязычной научно-популярной статьи

Е.В. ХОМЕНКО

Представлены результаты дискурсивного анализа англоязычного текста научно-популярной статьи. Конкретизированы прагматические и языковые средства, актуализирующие коммуникативные интенции автора: аргументативная стратегия адресанта и используемые им тактики, особенности предикативных структур, использования лексических единиц, дифференцированных оценочными значениями. Обоснована практическая значимость проведенного исследования – целесообразность использования текстов указанного жанра в процессе иноязычного образования студентов технического университета.

Ключевые слова: англоязычный научно-популярный текст, коммуникативная интенция автора, адресат, аргументативная стратегия, предикативная структура, оценочное значение лексической единицы.

The results of discursive analysis of the English text of the popular scientific article are presented in the article. Pragmatic and linguistic means actualizing communicative intentions of the author are concretized: argumentative strategy of the addressee and tactics used by him, peculiar properties of predicative structures, use of lexical units differentiated by estimated values. The practical significance of the study is justified – the appropriateness of using texts of the specified genre in the process of foreign language education of technical university students.

Keywords: English-language popular science text, communicative intention of the author, addressee, argumentative strategy, predicative structure, estimated value of a lexical unit.

В современных условиях наиболее востребованными на рынке труда оказываются специалисты инженерно-технологического профиля, что обуславливает требования к набору компетенций, которыми должны обладать такие специалисты. Одной из основных компетенций в этом наборе является профессиональная иноязычная коммуникативная компетенция, которая рассматривается как основа для будущей профессиональной деятельности специалиста. Сформированность указанной компетенции предполагает способность реализовывать собственные коммуникативные интенции в контексте конкретной ситуации общения, а также осознавать коммуникативные намерения адресанта, воспринимать, понимать и интерпретировать репрезентируемую информацию при чтении и аудировании.

Однако в связи с тем, что дисциплина «Иностранный язык», на которую согласно учебным планам почти всех специальностей отводится 100–110 учебных часов, преподается, как правило, на первом курсе обучения, будущие специалисты, оканчивая технический университет, имеют недостаточный запас знаний для того, чтобы переводить англоязычную специальную литературу, реализовывать свои коммуникативные интенции в ситуациях профессионального общения и, соответственно, мы не можем говорить о сформированности профессиональной иноязычной коммуникативной компетенции. Цель обучения иностранному языку на младших курсах первой ступени получения высшего образования сводится к формированию общепрофессиональной компетенции.

Формирование данной компетенции у студентов на первой ступени в техническом университете достигается через чтение, понимание, главным образом, англоязычного научного текста и построение собственной профессиональной иноязычной речи. Логически правильное конструирование текста определенной жанровой принадлежности предполагает: определение структурно-семантических компонентов (содержательных фрагментов), конституирующих конвенциональную схему построения текста; коммуникативных интенций (прагматических установок) автора, реализующихся в тех или иных структурно-семантических компонентах текста и их целевого назначения; факторов, определяющих воздействие репрезентируемой информации на адресата, т. е. потенциала используемых языковых средств, их взаимодействия при изложении информации.

В этой связи перспективным представляется выбор в качестве *объекта исследования* такого жанра научного текста как научно-популярный. *Цель исследования* состояла в выяв-

лении лингвистических и экстралингвистических характеристик текста научно-популярной статьи в плане языковой реализации в нем основных прагматических факторов в зависимости от жанровой принадлежности. *Актуальность проведенного исследования* определяется не только научной задачей – выявление лингвистических особенностей реализации коммуникативных интенций автора такого текстового жанра, как научно-популярная статья, но и задачами сферы образования в использовании технологий обучения студентов технических специальностей нормам профессионального межкультурного общения, которые предполагают работу с англоязычной научной литературой, соответствующей уровню профессиональной подготовки обучающихся. *Новизна результатов* проведенного исследования состоит в конкретизации и обобщении прагматических и языковых характеристик анализируемой жанровой разновидности англоязычного научного текста (научно-популярный текст). Выявлены языковые средства, актуализирующие коммуникативные интенции авторов научно-популярных статей. *Материалом для данного исследования* послужили Интернет-версии англоязычных научно-популярных изданий по энергетической тематике и проблемам окружающей среды.

В процессе исследования мы использовали следующую схему комплексного анализа текста, позволяющую пошагово подойти к установлению его жанровой принадлежности, к формулированию основной и сопутствующих прагматических установок автора, к адекватному определению темы, проблем и главной мысли текста [1]:

1. Кто пишет/говорит (профессиональный и/или социальный статус автора)?
2. Для кого пишет/говорит (профессиональный и/или социальный статус адресата)?
3. С какой целью (авторская интенция/основная прагматическая установка автора текста/сопутствующая прагматическая установка отдельного фрагмента текста)?
4. Что пишет/говорит (предметное содержание текста/фрагмента текста/тема, проблемы, идея)?
5. Как пишет/говорит (композиция/архитектоника текста; языковые средства экспликации предметного содержания текста/фрагмента текста/темы/проблемы; языковые средства экспликации авторской интенции/основной прагматической установки/сопутствующей прагматической установки/идеи/главной мысли текста)?
6. Каков эффект (мысли, чувства, эмоции интерпретатора/адресата)?

С учетом вышеизложенного была сформирована экспериментальная выборка в объеме 200 текстов.

В поле интересов лингвистов находятся не только основные компоненты научного дискурса, но, прежде всего, общие и дифференциальные признаки жанровых разновидностей научного дискурса. Исходя из основных параметров дискурса, а именно: коммуникативной ситуации, участников общения и текста, научно-популярную статью можно охарактеризовать как вербальный компонент научного дискурса, представленный в письменной форме и полученный в процессе взаимодействия субъектов коммуникации в определенной ситуации научно-профессионального общения. Автор научно-популярной статьи и её адресат отличаются уровнем своей научно-профессиональной подготовки. В нашем случае адресат был представлен студенческой аудиторией первой ступени получения высшего технического образования, не владеющей знаниями в области специальных дисциплин, но проявляющей профессиональный интерес к обсуждаемым проблемам. Автор научно-популярной статьи, реализуя свою основную коммуникативную интенцию, информирует адресата об определенном научно-техническом факте/процессе/явлении, и в то же время корректирует его ценностную ориентацию по отношению к рассматриваемому явлению. С целью оказания речевого воздействия на адресата и обоснования собственной точки зрения автор осуществляет отбор языковых средств для вербализации излагаемой информации, выдвижения наиболее важных фрагментов текста и их оценки, при этом учитываются пресуппозиции адресата, прогнозируется интерпретационная версия собственного текста. По мнению З.Д. Львовской, данное обстоятельство показывает отношения обусловленности, существующие между субъектами коммуникации в процессе их текстопорождающей и интерпретационной деятельности [2, с. 107]. Дифференцированное использование пресуппозиций адресата позволяет автору оказывать различное прагматическое воздействие на адресата. Причем сила этого воздействия, по мнению Л.А. Киселевой, определяется как уровнем интеллектуального развития адресата, так и его эмоциональным состоянием во время восприятия излагаемой информации [3, с. 41].

Рассмотрим, какие же коммуникативные стратегии можно выделить в процессе общения автора научно-популярной статьи и его адресата, а также какие языковые средства образуют отношения в когнитивной сфере при восприятии адресатом информации, репрезентируемой в тексте статьи рассматриваемого жанра. В связи с тем, что автор научно-популярной статьи не только описывает определенные факты, но и пытается аргументированно обосновать собственное мнение по обсуждаемой в статье проблеме, представляется целесообразным рассмотреть процедуру передачи знания от одного коммуниканта к другим, т. е. реализацию аргументативной стратегии автора. Данная стратегия является комплексом конкретных речевых действий, при осуществлении которых адресант оказывает определенное воздействие на адресата, в результате чего происходит изменение его мнений и оценок окружающей действительности. Основываясь на результатах исследования аргументативной стратегии автора научно-популярной статьи были проанализированы используемые им тактики, с помощью которых происходила реализация коммуникативных интенций адресанта.

Тактика 1. *Осознание актуальности проведенного исследования, полученных практических результатов.* Указанная тактика реализуется посредством следующих тактических ходов: привлечение внимания к основному этапу процесса текстопорождения – этапу формулирования проблемы; проявление интереса к рассматриваемой проблеме; привлечение внимания реципиента к особо значимым характеристикам предмета исследования для формирования о нем соответствующего мнения (сходство/различие с другими объектами/явлениями, достоинства/недостатки); привлечение внимания адресата к теме публикации, актуальности и значимости изучаемой проблемы. Например, *The country's record-breaking air pollution means that China's booming solar sector could be producing more clean energy* 'Рекордное загрязнение воздуха в стране означает, что процветающий солнечный сектор Китая может производить больше чистой энергии' [4] – акцентирование внимания адресата на актуальности и важности рассматриваемой проблемы.

Тактика 2. *Вовлечение адресата в исследование проблемы.* Для реализации данной тактики автор использует несколько тактических ходов: а) предвидение возможной реакции адресата: *The new projection suggests up to 630 million people live in places that could be underwater by 2100* 'Новый прогноз предполагает, что к 2100 году в местах, которые могут оказаться под водой, проживает до 630 миллионов человек' [5]; б) обращение к ранее использованным понятиям, терминам для того, чтобы показать отсутствие необходимости повторно аргументировать собственную точку зрения, представленную в высказывании; в) привлечение внимания адресата к перспективам последующего изучения рассматриваемой проблемы: *Past efforts to reduce air pollution have saved millions of lives, and future efforts could save millions more* 'Прошлые усилия по сокращению загрязнения воздуха спасли миллионы жизней, а будущие усилия могли бы спасти еще миллионы' [4].

Тактика 3. *Формирование мотивированности к прочтению статьи.* Данная тактика реализуется посредством такого тактического хода, как акцентирование внимания адресата на поле исследования для обеспечения понимания коммуникативно-информационного содержания статьи (констатирование уровня знания в конкретной научно-профессиональной области): *You don't want to support coal power, but finding a green alternative is easier said than done* 'Вы не хотите поддерживать угольную энергетику, но, что касается зеленой альтернативы, то о ней легче сказать, чем сделать' [6].

Тактика 4. *Аргументирование.* Для реализации обозначенной тактики адресант использует тактические ходы – определенные разновидности аргументации, представляющие собой отдельные аргументы/сочетания аргументов разных типов для доказательства выдвинутого тезиса. Нами были определены наиболее употребительные разновидности аргументации [7], используемые авторами научно-популярных статей. Самой распространенной в рассматриваемом жанре является аргументация-подтверждение мнения, прагматическая функция которой заключается в убеждении реципиента в правомерности представленной точки зрения. Данная разновидность аргументации реализуется посредством ссылок на результаты научных исследований других ученых, на общепризнанное знание/мнение: *These results illustrate just how badly solar and fossil fuel-driven pollution get along* 'Эти результаты показывают, насколько сильно загрязняются солнечные и ископаемые виды топлива' [4].

Достаточно распространенной является причинная аргументация, в основе которой лежат причинно-следственные отношения. Анализируемая разновидность аргументации реализуется при помощи аргументов, иллюстрирующих объективно существующие логические связи между рассматриваемыми объектами/явлениями: *If these regions continue to scale up on solar, Labordena explains, «the provinces in this region may benefit the most from cleaning up the air»*. 'Лабордена объясняет, что если эти регионы продолжат наращивать солнечную энергию, «провинции в этом регионе могут извлечь наибольшую пользу от очистки воздуха»' [4]; *The greatest potential for health and climate benefits from renewables lies in the Midwest <...> of America. That's because coal is still a major energy source for those regions <...>* 'Наибольший потенциал для здоровья и климатических выгод от возобновляемых источников энергии находится на Среднем Западе <...> Америки. Это потому, что уголь по-прежнему является основным источником энергии для этих регионов <...>' [8].

Речевое воздействие, посредством которого автор регулирует восприятие, понимание и последующую интерпретацию информации, репрезентируемой в тексте научно-популярной статьи, корректирует или изменяет убеждения адресата, осуществляется при помощи использования лексических единиц, дифференцированных оценочными значениями (общеоценочными лексемами с положительной/отрицательной оценочной семантикой, лексемами с различными семантическими типами частнооценочных значений) [9, с. 13]. Анализ языкового материала свидетельствует о том, что в текстах рассматриваемого жанра актуализируется в основном рациональная оценка (утилитарная *effective power supply* 'эффективный источник питания', темпоральная *the future of global energy mix* 'будущее глобального энергетического баланса', параметрическая *huge power resources* 'огромные энергетические ресурсы', телеологическая *significant amount of nitrogen oxides, sulfur dioxide* 'значительное количество оксидов азота, диоксида серы'), характер которой в большинстве случаев является положительным, что, на наш взгляд, обусловлено прагматической установкой автора, направленной на демонстрацию новизны и практической значимости описываемого объекта. Наряду с этим, выявлены единичные случаи смены знака с положительного на отрицательный, и наоборот, а также усиление значения рациональной оценки посредством использования наречий-интенсификаторов, что ведет к повышению эффективности реализации прагматической установки адресанта. Например, *deceptively simple* 'обманчиво простой', *highly essential work* 'очень важная работа'.

При этом следует отметить, что в научно-популярных статьях соотносительность языковых единиц с определенными типами оценок является относительно условной. Это связано с многозначностью прилагательных, тип оценки которых можно определить, опираясь на контекст, т. е. с помощью объекта оценки. Так, в семантике лексемы *sustainable* усматривается совмещение оценочных смыслов (совмещаются утилитарная и темпоральная оценки). В контексте *the world urgently needs new forms of affordable and sustainable energy sources* 'мир срочно нуждается в новых формах, доступных и устойчивых источниках энергии' утилитарная оценка указывает на такое качество, как устойчивость, надежность; в контексте *stable and sustainable energy supply reduces the risk associated with increase of <...>* 'стабильное и устойчивое энергоснабжение снижает риск, связанный с увеличением <...>' темпоральная оценка указывает на динамичность, постоянство происходящего процесса. В контексте *as the increase in the total energy consumption is growing impressive potential of wind energy is becoming more evident* 'по мере роста общего энергопотребления впечатляющий потенциал ветроэнергетики становится все более очевидным' лексема *impressive* указывает на целесообразность использования данного вида энергии, и соответственно, является телеологической оценкой. В контексте *by cutting health costs and avoiding the social costs of carbon emissions, people could see impressive benefits going to renewable energy* 'сокращая расходы на здравоохранение и избегая социальных издержек, связанных с выбросами углерода, люди могут увидеть впечатляющие преимущества использования возобновляемых источников энергии' прилагательное *impressive* выражает эмоциональное отношение автора. В контексте *the high investment cost and high incremental risks of this stations favor the switch to considerable water savings which might be more efficient* 'высокая инвестиционная стоимость и высокие дополнительные риски этих станций способствуют переходу на значительную экономию воды, которая может быть более эффективной' *considerable* указывает на целесообразность создания водных запасов и рассматривается нами как телеологическая. Определения, выделенные в таких словосочетаниях, как *international loans* 'международные кредиты', *national product* 'национальный продукт', *global warming* 'глобальное потепление', *overall global target* 'общая глобальная цель'

характеризуют степень, интенсивность развития анализируемых объектов/ явлений и относятся к одной из разновидностей темпоральных оценок, выражающих степень осуществления чего-либо, интенсивность развития объекта/явления. Таким образом, данные, полученные нами в ходе выполнения исследования показали, что разные типы оценок могут переплетаться и не всегда возможно их строго дифференцировать. Наша дифференциация оценочных значений основывалась, прежде всего, на контекстуальном анализе и на четком определении их узуальных значений.

Был также проведен анализ некоторых особенностей рассматриваемой жанровой разновидности научного текста, выражающихся на синтаксическом уровне, – частотность употребления предикативных структур определенного типа. Результаты анализа синтаксических средств в рассматриваемых текстах с точки зрения реализации в них предикативности показали, что в научно-популярном тексте широко используются полипредикативные конструкции, представляющие собой сложносочиненные или сложноподчиненные предложения с различными типами придаточных предложений. К наиболее частотным полупредикативным конструкциям можно отнести инфинитивы в функции обстоятельства цели, определения, дополнения, а также причастные обороты. Частота употребления субъектного инфинитивного оборота и объектного инфинитивного оборота значительно ниже. Например, *The researchers used a sea-level projection to estimate how many people might be living on land that will be underwater in the near future* ‘Исследователи использовали проекцию уровня моря, чтобы оценить, сколько людей может жить на суше, которая будет находиться под водой в ближайшем будущем’ [5]. Достаточно распространенными являются структуры со свернутой предикативностью, представляющие собой определительные сочетания типа *fossil fuel-powered sectors* ‘секторы, работающие на ископаемом топливе’; *fuel-driven pollution* ‘загрязнение топливом’; *greenhouse gas emissions* ‘выбросы парниковых газов’; *coal-fired power plant* ‘угольная электростанция’.

Таким образом, результаты исследования и сделанные на их основе выводы позволили уточнить представление о способах актуализации коммуникативных интенций автора в текстах англоязычных научно-популярных статей. Представляется целесообразным включать в содержание учебной программы (ее лингвистическую составляющую) по дисциплине «Иностранный язык (английский)», предназначенной для студентов инженерно-технологических специальностей, изучение языковых средств реализации феноменов аргументации и оценки, особенностей предикативных структур, используемых в научно-популярном тексте.

Литература

1. Кунцевич, С.Е. Лингвистическая категория тема текста в теоретическом и прикладном аспектах / С.Е. Кунцевич // Науковий вісник Волинського національного університету ім. Л. Українки. – 2011. – № 2, ч. 2. – С. 78–83.
2. Львовская, З.Д. Современные проблемы перевода: значение и смысл текста, коммуникативная эквивалентность, переводческая деятельность / З.Д. Львовская ; пер. с исп. В.А. Иовенко. – М., 2008. – 219 с.
3. Киселева, Л.А. Вопросы теории речевого воздействия / Л.А. Киселева. – Л. : Изд-во ЛГУ, 1978. – 160 с.
4. Air pollution is choking solar energy around the world [Electronic resource]. – Mode of access : <https://www.popsci.com/smog-reduces-solar-energy/>. – Date of access : 20.12.2018.
5. New elevation data triples the people at risk [Electronic resource]. – Mode of access : <https://www.popsci.com/story/environment/sea-level-rise-worse-than-we-thought/>. – Date of access : 12.11.2019.
6. Arcadia Power helps you switch to green energy in minutes [Electronic resource]. – Mode of access : <https://www.popsci.com/arcadia-power-clean-energy/>. – Date of access : 30.01.2019.
7. Варгина, Е.И. Научный текст и его воздействие (на материале английского языка) / Е.И. Варгина. – СПб. : С.-Петербург. гос. ун-т, 2004. – 212 с.
8. Switching to renewable energy is actually cost-effective [Electronic resource]. – Mode of access : <https://www.popsci.com/renewable-energy-cost-effective/>. – Date of access : 12.11.2019.
9. Арутюнова, Н.Д. Аксиология в механизмах жизни и языка / Н.Д. Арутюнова // Проблемы структурной лингвистики : сб. науч. тр. / Акад. наук СССР, ин-т рус. яз. ; отв. ред. В.П. Григорьев. – М. : Наука, 1984. – С. 5–23.

УДК 821.161.1.091*В.Л.Кигн-Дедлов:17.021.2:323.1:75*В.М.Васнецов.

Национальное сознание В.М. Васнецова в восприятии В.Л. Кигна-Дедлова

Цзи Хэхэ

В данной статье анализируется восприятие росписи художника В.М. Васнецова во Владимирском соборе в Киеве, определяется специфика его глубоко национального сознания в исследовании В.Л. Кигна-Дедлова «Киевский Владимирский собор». От художников своего времени В. Васнецов отличался повышенным вниманием к проблемам проявления национального в живописи. В своем творчестве художник совершил резкий поворот от бытового начала к высокому религиозному искусству. В его картинах представлены уникальные национальные образы – русский Христос, русская Богоматерь, русские святители и святые, русские пейзажи и орнаменты, и русская душа.

Ключевые слова: живопись, художник, религия, Бог, святой, душа.

In this article the perception of the V. Vasnetsov's paintings in the Vladimir Cathedral in Kiev and the specificity of his deep national consciousness based on the work of V.L. Kign-Dedlov «Kiev Vladimir Cathedral» are analyzed. The artist was distinguished from the artists of his time by his increased attention to the problems of nationality in painting. In his work, the artist made a sharp turn from daily themes to religious art. In his paintings there are many national images – the Russian Christ, the Russian Virgin Mary, Russian saints, Russian views and ornaments, and the Russian soul.

Keywords: painting, artist, religion, God, saint, soul.

В.М. Васнецов (1848–1926) – великий русский художник-живописец, основоположник «неорусского стиля», который в своих работах использовал богатый русский фольклор и русские исторические события. Это достойный национальный творец того времени. Его творчество открыло современникам другой мир в русскую религиозную живопись. В.Л. Кигн так оценил его работы: «Когда я смотрю на картины Васнецова, я вижу в них не только художественную, но и национальную победу» [1, с. 54]. А обер-прокурор Святейшего синода К.П. Победоносцев полагал, что росписи Васнецова «составят эпоху в искусстве» [2, с. 186]. В этой эпохе характерны национальность и национальное сознание.

Васнецов родился в семье православного священника в селе Лопьяле Вятской губернии (ныне – в Уржумском районе Кировской области), где сохранились вековые традиции древней русской культуры. Когда ему было 19 лет, молодой человек отправился в Санкт-Петербург и вначале учился в Рисовальной школе общества поощрения художника, а через год начал учиться живописи в Императорской Академии художников. В связи с тем, что в то время в художественной общественности лидировал реализм, художники обратили особое внимание на жанровые картины, в сюжетах которых сблизили себя с жизнью бедных людей, Васнецов не был исключением, и создал такие качественные картины, как «С квартиры на квартиру» (1876), «Книжная лавочка» (1876), «Балаганы в Париже» (1877), «Военная телеграмма» (1878).

Но скоро он осознал, что искусство должно и славить, а не только обличать, должно отражать и красоту, а не только уродливость. Таким образом, художник начал работать по былинно-историческому направлению. В результате им были нарисованы такие знаменитые картины, как «Три царевны подземного царства» (1881), «Богатыри» (1881–1889), «Витязь на распутье» (1882), «Царь Иван Васильевич Грозный» (1887), «Иван-Царевич на Сером Волке» (1889). Сюжеты этих картин представляют собой те рассказы, былины и исторические события, которые хорошо известны русскому народу. Можно сказать, что с того времени в картинах Васнецова началось появление многих национальных элементов. Такая традиция продолжалась и нашла заметное отражение в дальнейшей церковной живописи великого художника.

Стоит отметить, что еще во время работы в Московском историческом музее в 80-е гг. у Васнецова проявились тенденции к повороту к религиозному направлению. Так, напротив картины «Охота» (одна из четырех картин «Каменного века») на стене под потолком была

картина «Богоматерь». Именно из нее, по мнению В. Кигна-Дедлова, и «выросли великолепные национальные религиозные картины во Владимирском соборе в Киеве» [1, с. 53].

Этот поворот имеет под собой серьезную основу. С точки зрения В. Кигна-Дедлова, северяне – «раса установившаяся давно, спрятавшаяся от суеты мирской в своих лесах, в духовной жизни – высококультурные люди» [1, с. 47]. В. Васнецов – такой же северянин, в мировоззрении которого религия занимало особенное место. Художник прекрасно понимал и чувствовал религию. С детства он уже познакомился с церковью, иконами, богослужением и молящимися в церкви. Вначале мальчик учился в духовном училище, а затем в духовной семинарии. Такая среда роста и учебная биография заложили прочную основу для его выдающегося успеха в искусстве. Что касается искусства, то в данном вопросе В. Кигн-Дедлов был категоричен: «Пока искусство не стало на национальную почву – нет искусства» [1, с. 54]. В своих росписях во Владимирском соборе в Киеве В. Васнецов в полной мере показал нам, что есть настоящее для русского народа искусство. Здесь прекрасно соединились религия и русские реалии, христианские сюжеты и русские лица. В каждой картине легко увидеть любовь художника к Родине. Именно благодаря такой любви Васнецова и других художников «весь собор становится благодарственной молитвой высшим силам за Россию» [3, с. 153].

Владимирский собор был создан в честь 900-летия крещения Руси, которое имеет исключительное значение в истории восточнославянского народа. Именно с того времени русская и византийская культуры тесно переплелись; под влиянием православия восточные славяне вступили на путь быстрого развития, добившись немалых успехов в литературе, живописи и других областях культуры. Можно сказать, что такие культурно-исторические связи сблизили два народа по духу. Перед работой в новом храме В. Васнецов познакомился с росписями в Киевском Софийском соборе, Кирилловском и Михайловском монастырях, для которых характерна определенная ориентация на византийский стиль. Кроме этого, он исследовал работы раннего христианства в Италии. А в конечном счете, в изображении Христа художник придерживался византийской традиции, а не западной (католической); древней традиции, а не традиции своего времени – реализма. Например, картина «Евхаристия» «с Христом, в стоячем положении, с апостолами, подходящими к Нему с двух сторон вереницей, с ангелами по бокам Спасителя, в великолепных одеждах, с богатыми рипидами в руках» [1, с. 55]. В противовес натурализму, такое изображение черпало вдохновение из древних киевских церквей. В этом направлении творчества, вне всякого сомнения, проявляется идентичность древнерусской культуры и духовной истории России.

Следует отметить, что В. Васнецов не в полной мере руководствовался византийской традицией. Он хорошо понимал тот факт, что по нации он русский. И отражал такое сознание в своих религиозных картинах, где национальные образы – русская Богоматерь, русские святителя, русские святые, русские пейзажи, русский характер и русская душа.

Центром собора считается изображение Богоматери, которое давно уже знакомо русскому народу. Это женщина, как все московские монахини, «в платке, плотно закрывающем волосы и часть лба, и в темной развивающейся одежде» [1, с. 64]. Лицо ее – русское, «с большими темными глазами, полными покорной скорби и вместе с тем сознания величия и важности этой скорби, с правильным тонким носом и прекрасным печальным ртом» [1, с. 64]. На ее руках младенец, который тянется вперед маленькими руками. Это изображение было написано с супруги художника с сыном-младенцем. По словам В. Кигн-Дедлова, это «Богоматерь из скромного деревянного дома на Полянке перенеслась в Киев, во Владимирский собор» [1, с. 64]. Очевидно, это русская женщина, русская мать, русская Богоматерь, которая близка русским. Помимо этого, сражающиеся с дьяволом ангелы и херувимы-дети вокруг Богоматери и Спасителя представляют собой тоже те лица, которые русским знакомы уже с детства. Либо они слышали у кого-то, либо читали где-то, либо своими глазами видели в церквах.

На южной стене алтаря изображаются шесть русских святителей: Антоний Печерский – начальник всех русских монахов; Сергей Радонежский – духовный собиратель русского народа; Феодосий Печерский – один из основателей Киево-Печерской лавры; Стефан Пермский, создавший для коми алфавит; митрополит Петр, внесший немалый вклад в единство

русского государства; государственный деятель и митрополит Алексей. Несмотря на то, что эти святители жили в разные эпохи, они имеют общие черты. В первую очередь, это те лица, которые хорошо знакомы русскому народу. Это старцы седые, с бородами и морщинами на лицах. В их руках книги, крест – символы ума и святости. В их глазах можно ощущать богатый опыт, свет и надежду. «Это национальные типы, такие же реальные, как герои «Отцов и детей», «Войны и мира», «Карамазовых» [1, с. 67], хотя они уже далеко от русских ушли, но здесь они близки русским. Для взрослых это строгие отцы, а в глазах детей это добросердечные дедушки. Это покровители русского народа.

На боковых столбах изображается двенадцать русских святых до Московского царства: братья Борис и Глеб – покровители русской земли и небесные помощники русских князей; Михаил Тверской – первый великий князь всей Руси; князь Михаил Черниговский; блаженный чудотворец Прокопий Устюжский; князь Андрей Боголюбский, под правлением которого Владимиро-Суздальское княжество стало влиятельным и впоследствии стало ядром современного Российского государств; художник Алипий, с него начиналась русская живопись; древнерусский летописец Нестор, который имеет немаловажное значение для русской (славянской) литературы; просветитель вятичей Кукша, сделавший большой вклад в распространение христианства на территории Руси; епископ Никита Новгородский и святые княгини – Ефросиния и Евдокия. В. Кигн-Дедлов пишет, что «это целая галерея национальных типов» [1, с. 67]. Все они – гордость славянской нации. В выборе конкретных святых «отразилась определенная идеализация Киевской Руси в нравственно-политической оценке разных периодов русской истории» [3, с. 155]. Этот выбор усиливает чувство национальной гордости и уверенности не только самого художника, но и целого народа. Хотя в XIX в. Российская империя считалась могущественной, но она отставала от Западной Европы и Соединенных Штатов во многих сферах. А в киевский период, восточнославянский народ им не уступал. Такой славной истории нельзя забывать, а надо передавать из поколения в поколение!

Кроме национальных лиц, во Владимирском соборе В. Васнецов изображал и вселенских святителей. На северной стене алтаря были написаны Василий Великий, Афанасий Александрийский, Григорий Богослов, Иоанн Златоуст, Климент папа Римский и Николай Мирликийский. Лица их также традиционны, но художник своей кистью их «оживил по-русски» [1, с. 71]. Несмотря на яркость изображения, эти святители уступают русским. А что касается пророков, они не статичны, а в движении, «со взглядами, устремленными на определенную точку, с лицами, воодушевленными определенным чувством и определенной мыслью» [1, с. 72].

В. Васнецов не только расписал святых, но и увековечил русские пейзажи и орнаменты. Узоры и краски на арках и карнизах в соборе тоже носили славянский характер. Эти орнаменты говорят людям «не о Греции, не о Возрождении, а именно о светлой, наивной и вместе с тем сложной Руси, о резьбе ее церквей и домов, о красках ее ставен, ларцев, парчей, шелков и металлических вещей» [1, с. 61]. А что касается пейзажа в росписи, он слишком похож на тот ночной вид, который знаком москвичам и гостям этого города. По мнению В. Кигна-Дедлова, здесь написано «то же зеленоватое холодное зимнее небо, тот же задымленный пурпур зари, те же звезды, словно искрящиеся льдинки, те же черные облака» [1, с. 64]. Все это литератор раньше увидел в Москве. Перед этими картинами прихожане никогда не чувствуют себя как в чужбине, иногда даже вспоминают о прекрасном прошлом в родном крае. Помимо этого, окружающее Бога Отца небо и вихри вокруг креста изображены так же, как в реальности, будто когда-то он увидел их на территории России.

Воспитываясь в яркой религиозной обстановке, В. Васнецов серьезно относился к духовности. В личной переписке с В. Кигном он считал душевное счастье настоящим. Действительно, художник не празднословил. После окончания школы перед Васнецовым было два выбора: обеспеченная жизнь и рискованный путь. Молодой человек решительно выбрал последний, т. е., свободное искусство, которое отвечало его свободному духу. Несмотря на критику публики, наш художник отстаивал свою позицию – мысль картины важнее всего, и в работах должно отражать поэзию, спокойствие, гармонию и многое духовное. И это сознание в полной мере отражалось в его церковных росписях.

Выше отмечалось, что изображение Христа соответствует византийской традиции. Но это не означает, что Васнецов копировал византийского Христа. Ведь все Спасители в картинах Васнецова живые: на лице Христа в «Евхаристии» проявляется великое таинство; лицо в «Страшном суде» рассказывает верующим о совести и справедливости; лик в «Крестной смерти» показывает страдающим успокоение после невыразимых мук; Спаситель в куполе также изображается в покое, «в том божественном покое, который все поддерживает, все знает, все любит и украшает» [1, с. 57]. Перед этими картинами приверженцы осознают, что необходимо быть добрыми ко всем в любое время и спокойными даже в трудный момент. Васнецовская Богоматерь проявляет великую материнскую любовь, милосердие, чистоту и волю. Это «святая женская душа, покорная, безропотная, не активная, а сострадающая и исцеляющая состраданием» [1, с. 69]. Она повлияла на бесчисленных женщин на славянской территории. А картина о шести русских святителях «передает то, что таит в себе вера, вера в добро и в добродетель, то, в чем в данном случае выражается любовь – обожание святости, то, чем мы дорожим в нашей истории, образы наших подвижников, наших нравственных героев» [1, с. 66]. Сквозь призму этого изображения, вспоминая о великих подвигах, благородном идеале и духовном величии древних, люди ставят их в пример и стремятся к такому же успеху в своей жизни. В этом заключается очарование душевной силы. На лицах мужских изображений можно увидеть энергию и силу. Это типичные русские мужики. Они во всех случаях готовы победить зло и защищать Родину. Им нисколько не уступают женщины, на лицах которых можно читать веру и надежду. Это идеальные русские женщины, которые никогда не склонятся перед судьбой.

В орнаментах и красках также отражается русская душа. Орнаменты в соборе не показывают «ничего грузного, ничего мрачного, все смотрит ясным весенним днем» [1, с. 61]. А светлые и мирные краски изображений производят на посетителей единое впечатление – «сдержанная радость» [1, с. 62]. В отличие от католических церквей, в этих созданиях «Нигде не найдете ни мук, ни скорби. Нет изможденных тел, нет изображений мучений, крови, орудий казни, пронзенных боков» [1, с. 62]. В действительности, здесь люди не видят ничего плохого, лишь хорошее, приятное и активное, ощущают только радость и успокоение. Ведь здесь даже страдание изображено светлым и мирным. Это абсолютно русский характер – широта души и стойкость в трудный период.

Таким образом, выросший в религиозной обстановке В. Васнецов совершил творческий поворот от бытовых реалий до церковных картин. И в последних художник в полной мере проявляет свое национальное сознание. Все написанные им во Владимирском соборе лица, орнаменты, пейзажи и окраски знакомы русскому народу. И в них отражается русская душа. Благодаря им русская церковная живопись начала развиваться по национальному пути. А одним из первых оценил значимость этого поворота для русского искусства В.Л. Кигн-Дедлов, который жил и творил на Гомельщине.

Литература

1. Дедлов, В.Л. Киевский Владимирский собор. Школьные воспоминания: художественная публицистика / В.Л. Дедлов. – М., 2007. – 240 с., 8 л. ил.
2. Победоносцев, К.П. Письма к Александру III / К.П. Победоносцев. – М., 1926. – Т. II. – С. 384.
3. Степанова, С.С. Художественная программа росписей Владимирского собора в Киеве / С.С. Степанова // Вестник славянских культур. Искусствоведение. – 2016. – № 1. – С. 150–161.

УДК 811.161.3'42'367.333'367.335.2:821.161.3-3*Б.Пятровіч

Сінтаксічная функцыя злучальных слоў у даданных азначальных частках складаназалежнага сказа (на матэрыяле зборніка Барыса Пятровіча «Спакушэнне»)

Н.П. ЦІМАШЭНКА

Аўтар выяўляе марфалагічную прыналежнасць і характарызуе сінтаксічную функцыю злучальных слоў у даданных азначальных частках складаназалежнага сказа, які з'яўляецца прадуктыўным сродкам перадачы інфармацыі і сродкам стварэння вобразнасці ў мове твораў Барыса Пятровіча; указвае на адценні значэнняў паміж прэдыкатыўнымі часткамі складаназалежных сказаў у залежнасці ад сродкаў сувязі.

Ключавыя словы: сінтаксічная роля, сродак сувязі, злучальнае слова, складаназалежны сказ, даданая азначальная частка.

The author reveals the morphological affiliation and characterizes the syntactic function of the syndetic words in the attributive clauses of the complex sentence, which is a productive means of information transmission and a means of imagery creation in the language of Boris Petrovich's works. The shades of meanings between the predicative parts of the complex sentences depending on means of communication are indicated.

Keywords: syntactic role, means of communication, syndetic word, complex sentence, attributive clause.

Сярод шматлікіх праблем мастацкага стылю даследчыкі вылучаюць праблему ўзаемасувязі слова і вобраза, у вырашэнні якой немалаважную ролю адыгрывае сінтаксічны склад твора. Цікавым у гэтым плане з'яўляецца зборнік апавяданняў «Спакушэнне» вядомага беларускага пісьменніка Барыса Пятровіча, чые творы вызначаюцца сваёй непаўторнасцю і адметнасцю не толькі лексічнага, але і сінтаксічнага ладу. Уся творчасць гэтага празаіка адлюстроўвае нацыянальны каларыт сучаснага беларускага народа. Мова твораў Барыса Пятровіча характарызуецца лексічнай, марфалагічнай, сінтаксічнай насычанасцю. Зборнік «Спакушэнне» не выключэнне. Актуальнасць даследавання заключаецца ў тым, што складаназалежныя сказы, пашыраныя ў мове, вылучаюцца сваёй прадуктыўнасцю і ў гэтым апавяданняў гэтага аўтара.

Складаны сказ, у якім пры дапамозе падпарадкавальных злучнікаў або злучальных слоў аб'ядноўваюцца сінтаксічна нераўнапраўныя прэдыкатыўныя часткі, называецца складаназалежным. Складаназалежны сказ складаецца, як правіла, з дзвюх нераўнапраўных прэдыкатыўных частак, у якіх адна частка паясняе другую і сінтаксічна ёй падпарадкоўваецца. Фармальным паказчыкам гэтай залежнасці выступаюць падпарадкавальныя злучнікі і злучальныя словы, якія знаходзяцца ў даданай частцы: *Разамлелая, прыгожая жанчына¹, **якая** нехаця прычынаецца² – самая вабная жанчына ў свеце¹* [1, с. 138]; *Пакуль са мною не здарылася гісторыя¹, **пра якую** і хачу расказаць²* [1, с. 272]. Неабходна дадаць, што ў зборніку апавяданняў «Спакушэнне» часцей сустракаюцца складаназалежныя сказы з некалькімі даданымі: *Яна здавалася цяпер такой бездапаможнаю¹, **якой** бывае жанчына толькі тады², **калі** грэх не скарыстацца гэтай бездапаможнасцю³...* [1, с. 107]; *Схапіўшы гаспадарчую сумку¹, **што** стаяла ў парозе², Сцяпан кінуў туды пачаргова пляшку, шклянку, відэлец¹, **за якія** трымаўся³, спыніўся, падумаў¹, **на чым** яшчэ маглі застацца сляды пальцаў⁴, узяў анучку, няспешна і акуратна працёр тронкі нажа ў целе, потым ручкі шуфлядаў, паклаў анучку ў кішэню і выйшаў з хаты, не патушыўшы святла, не зачыніўшы дзвярэй¹* [1, с. 36].

Паміж галоўнай і даданай часткамі могуць выражацца розныя віды семантыка-сінтаксічных адносін. Яны абумоўлены зместам галоўнай часткі і перш за ўсё тым, які член галоўнай часткі паясняецца і якімі моўнымі сродкамі ажыццяўляецца гэта паясненне. У залежнасці ад гэтага паміж галоўнай і даданай часткамі існуюць розныя віды семантыка-

сінтаксічных адносін: суб'ектныя, працэсуальныя (прэдыкатыўныя), аб'ектныя, азначальныя (атрыбутыўныя) і акалічнасныя. У даным артыкуле наша ўвага будзе скіравана на складаназалежныя сказы з даданымі азначальнымі часткамі, што характарызуюць прадмет ці прымету прадмета, аб якім паведамляецца ў галоўнай частцы. Сам прадмет абазначаны назоўнікам, а яго прымета – указальным займеннікам (*той, такі, гэтакі*): *Але словы гэтыя падзейнічалі на яго магічна. Асабліва тыя, што* напісаны былі вяззю – арабскай альбо ініай чужой [1, с. 235]; *Бо чым больш ты любіш чалавека, тым мацней табе ў рэшце рэшт хочацца падзяліцца з ім* **тым** адзіным, **той** радасцю, **якой** надзяліў цябе Бог, каб ашчаслівіць каханага і, магчыма, затрымаць яго пры сабе [1, с. 274]. Для сувязі даданай азначальнай часткі з галоўнай у мове апавяданняў са зборніка «Спакушэнне» Барыса Пятровіча ўжываюцца злучальныя словы і зрэдку падпарадкавальныя злучнікі *што, які, чый, калі, каб* і інш.: *Пачуццё чакання, якое чыталася б тады ва ўсёй постаці бабулькі, мне падалося невыносным* [1, с. 4]; *Я схпіў невялікую сумку-візітоўку, што* цялёпалася на баку, і вытрас з яе паперы і кнігі [1, с. 13]; *Пра час, калі здавалася, што ўсё забараняюць і табе кроку нельга ступіць без дазволу* [1, с. 16]; *Жаданне, каб бабулька нарэшце падышла да мяне, паступова ператварылася ва ўмольнае падрогванне* [1, с. 4]; *Самая вялікая памылка малтаў, што* яны з дрэва ступілі на зямлю, а не ў неба [1, с. 107]. Як вядома, злучальныя словы выражаюцца адноснымі займеннікамі і прыслоўямі, якія, з'яўляючыся сродкам сувязі даданай часткі з галоўнай, выконваюць адначасова сінтаксічную ролю члена сказа.

Мэта нашага даследавання – выявіць і ахарактарызаваць сінтаксічную функцыю злучальных слоў у даданых азначальных частках складаназалежнага сказа, які з'яўляецца прадуктыўным сродкам перадачы інфармацыі і сродкам стварэння вобразнасці ў мове твораў Барыса Пятровіча.

Са злучальных слоў, якія звязваюць даданыя азначальныя часткі з галоўнымі, у мове зборніка «Спакушэнне» найбольш пашыраныя *які* і *што*: *На момант яна сцялася, нібы пастарэла ад болю, а затым з лёгкім рыпеннем, якое* халадзіла цела, адчыніла дзверы [1, с. 3]; *Ехаць у абшарпаным чырвоным дызелі, які* адным сваім знешнім выглядам выклікаў непрыемныя, нат агідныя пачуцці [1, с. 3]; *Падумаўшы гэтак, я ўзяў заступ, што* прытоена стаяў ля сцяны [1, с. 20]; *Мішка ўзяў у яго прап'яканку, паклаў на сук, што* з суседняга дрэва тырчаў, прыцэліўся – лясць! [1, с. 27].

З марфалагічнага пункту погляду злучальныя словы *які, што* з'яўляюцца адноснымі займеннікамі і ў структуры сказа могуць выконваць розную сінтаксічную функцыю. Канешне, вельмі важнай і актуальнай застаецца праблема размежавання злучальных слоў і аманімічных ім падпарадкавальных злучнікаў, праблема ўстанаўлення іх адрознівальных прымет. Трэба падкрэсліць, што словы *які, каторы, чый* не маюць аманімічнай пары сярод падпарадкавальных злучнікаў і з'яўляюцца толькі займеннікамі. Таму памылкі, якія дапускаюць навучэнцы школ і часам студэнты пры вызначэнні сінтаксічнай ролі гэтых займеннікаў, выкліканы іншымі прычынамі. Слова *што* можа ўжывацца ў ролі займенніка і ў ролі падпарадкавальнага злучніка: *А потым на могілках, што* побач з гарадзішчам, з'явілася яшчэ адна свежая магіла [1, с. 43] (адносны займеннік); *А таму і не было надзеі, што* нешта зменіцца [1, с. 170] (падпарадкавальны злучнік). Калі яго можна замяніць на словы *які, каторы*, то слова *што* будзе з'яўляцца злучальным словам (займеннікам). Параўн.: *А потым на могілках, якія* побач з гарадзішчам, з'явілася яшчэ адна свежая магіла.

Неабходна адзначыць, што ўжыванне злучальных слоў, выражаных адноснымі займеннікамі, можна падзяліць на прыназоўнікавае і беспрыназоўнікавае. Акрамя таго, злучальныя словы звязваюць прэдыкатыўныя часткі складаназалежнага сказа на семантычным і граматычным узроўнях: не маючы пастаяннага лексічнага значэння, у кожным канкрэтным выпадку яны семантычна напаўняюцца за кошт паясняльнага назоўніка галоўнай часткі (семантычная сувязь); у родзе і ліку яны дапасуюцца з азначальным назоўнікам галоўнай часткі, а склонавая форма злучальных слоў дыктуецца членам сказа даданай часткі (граматычная сувязь).

У мове твораў Барыса Пятровіча злучальнае слова *які* ў складзе даданай азначальнай часткі можа ўжывацца ў назоўным склоне і выконваць функцыю дзейніка: *Па некалькі метраў вакол дзічкі трактарысты не заворвалі, пакідалі лапкі зямлі, які* заўсёды ярка зелянеў густою, упартаю травой [1, с. 116]; *Сябра, які* падараваў яго, казаў, *што* адзін шык вырубав чалавека на паўгадзіны [1, с. 32]; *Стаіўшыся за дрэвам, можна было выбраць момант і неспадзеўку спыніць прахожэга, які*, абліваючыся казытлівым халодным потам, спяшае дахаты [1, с. 31]. З'яўляючыся даданым членам сказа, яно ўжываецца ў адпаведным

ускосным склоне з прыназоўнікам і без яго. Каб правільна высветліць сінтаксічную ролю злучальнага слова, можна карыстацца метадам трансфармацыі, пры якім злучальнае слова замяняецца яго семантычным адпаведнікам – назоўнікам (з залежнымі словамі або без іх), з якім яно звязана па сэнсе і граматычна: *Я ведаў, што яна пакажа на хату, крытую чырвонай дахоўкай, падобную да хаты, у **якой** прайшло маё дзяцінства* [1, с. 7] – ***У хаце** прайшло маё дзяцінства*; *Жыў ён у кардоннай хатыцы, **якую** навесілі на бярозу школьнікі* [1, с. 12] – ***Хатку** навесілі на бярозу школьнікі*. Прымяненне метаду трансфармацыі дае магчымасць дакладней устанавіць семантычны мікракантэкст, мінімальнае слоўнае акружэнне, у якім рэалізуецца лексічнае значэнне прыназоўніка і раскрываецца характар сінтаксічных адносін, што вызначаюць функцыю прыназоўнікава-склонавай формы злучальнага слова як члена сказа. Высокай частотнасцю ў мове апавяданняў Барыса Пятровіча вызначаюцца спалучэнні займенніка *які* з прыназоўнікамі *ДА, ПРА, У, НА*: *Тут я яму паверыў – стабільнасць, **пра якую** ён гаворыць, для яго цяперашняя, вядома ж, даражэйшая за любое... за нейкае там юначае каханне* [1, с. 307]; *Таму прыдумка ягоная, **пра якую**, зразумела, цень не здагадваўся, у рэшце рэшт усё ж спрацавала* [1, с. 317]; *Але, прызнацца, мне самому хацелася пабачыць тую жанчыну, **да якой** ён пісаў ліст* [1, с. 304]; *А яшчэ – дуб Зміцер, тры бярозы – Вера, Надзея, Любоў, і рабіна Рая, **да якой** ён прыходзіў, каль асабліва цяжка было, каб параіцца, і заўсёды меў тут адказ на свой клопат ці чарговы непраходны ступар у развіцці сюжэта новага аповеда...* [1, с. 331]; *Нічога не скажу я і пра суд над дзедам-вартаўніком, **на якім** яго апраўдалі, бо прызналі вар'ятам* [1, с. 19]; *Праз колькі хвілінаў сядзелі яны за сталом, **на якім** на сённяшняй неразгорнутай газеце ляжалі няўмела накрэмзаныя скрыглікі сала і шчыра надкусаны агурок* [1, с. 33]; *Хата, у **якой** жонка ранкам знайшла акрываўленага гаспадара з нажом у грудзях, была хоць і прыватнай, аднак двухкватэрнай* [1, с. 37]; *А зрабіць камін у звычайнай панэльнай дзевяціпавярхоўцы, у **якой** ён жыў, было абсалютна нерэальна* [1, с. 328]. Заўважым, што прыназоўнік *У* самы прадуктыўны сярод усіх прыназоўнікава-склонавых злучэнняў.

Такім чынам, у даследаваных намі апавяданнях са зборніка Барыса Пятровіча «Спакушэнне» злучальнае слова *які*, што з'яўляецца самым прадуктыўным у адносінах да частотнасці ўжывання, сустракаецца ў пазіцыі ўсіх членаў сказа:

– дзейніка: *І тут я ўбачыў адзінага чалавека, **які** яшчэ варушыўся ў гэтай зале* [1, с. 4]; *У кожнага, пэўна, ёсць свой вобраз-сімвал дзяцінства, **які** найчасцей прыгадваецца* [1, с. 113]; *І гэтая пекната нейкім чынам адганяла жых, **які** павінен быў апанаваць* [1, с. 125]; *Шляхам драбнення аднаго лёсу (чалавека, краіны, чалавецтва, сусвету) на дзясяткі, тысячы... мільярды...розных лёсаў, **адзін з якіх**, урэшце, можа быць ідэальна правільным* [1, с. 183];

– выказніка: *І таму адзіная аддушына для многіх – забыццё, **якое** дае гарэлка, а яшчэ такія вось «п'яныя» сходкі* [1, с. 221];

– дапаўнення: *Напісаў аповед, **які** вы толькі дачыталі* [1, с. 111]; *А яна была ўжо зусім побач, па той бок чоўна, і ўзіралася ў ягонае дно, **на якім** поўзалі ў вадзе, счапіўшыся па двое, па трое, ракі, збіваліся ў страшныя, ад настаўленых ва ўсе бакі клюшніў, купкі* [1, с. 70]; *Без чоўна, **які** хлопцы бралі ў знаёмага дядка на вечна зачыненай чоўнавай станцыі напрат за пляшку «чарніла», дабрацца сюды было цяжка* [1, с. 72];

– азначэння: *Назаўтра раніцаю хлопцы сплавалі на чоўне ў вёсачку, дзясяткі два хатаў **якой** былі абыякава, хаатычна, нібы пярлоўка курам, рассыпаныя на супрацьлеглым беразе возера* [1, с. 69]; *Не аўтобус, а звычайны бартавы «газончык», у кузаве **якога** некалькі радоў лавак – адпаліраваных за гады да бляску дошак* [1, с. 191];

– акалічнасці: *Гэтыя звыклія, даўно падзеленыя абавязкі выканалі ў момант, схопілі вядро, электрычны ліхтар і рванулі да возера, на справу, **дзея якое** і прызджалі сюды* [1, с. 68]; *Засталіся нават сям-там крытыя чаротам хлявы, з **якіх** мы цягалі чараціны на стрэлы для лукаў* [1, с. 118]; *Ён адчуў раптам сябе мужчынам і толькі, забыўшыся на тыя абставіны, у **якіх** ён цяпер знаходзіўся, забыўшыся на ўсё на свеце* [1, с. 125–126].

Такім чынам, адносны займеннік *які* ў ролі злучальнага слова ў даданных азначальных частках найчасцей выконвае функцыю дзейніка і дапаўнення, менш выступае ў пазіцыі акалічнасці і недапасаванага азначэння, злучальнае слова *які* ў ролі выказніка прадстаўлены адзінкавым прыкладам. Прааналізаваўшы тэксты твораў Барыса Пятровіча, мы прыйшлі да высновы, што беспрыназоўнікавыя і прыназоўнікавыя формы злучальных слоў-займеннікаў характарызуюцца рознай частотнасцю ўжывання ў даданных азначальных частках складаназалежных сказаў, што прадстаўлены ў мове зборніка «Спакушэнне».

Прыназоўнікавыя формы выкарыстоўваюцца радзей за беспрыназоўнікавыя. Ступень іх функцыянальнай актыўнасці залежыць ад лексічнага значэння прыназоўніка, яго стылістычнай замацаванасці, злучальных магчымасцей. Прыназоўнікавыя формы займенніка *які* ў разгледжаных пазіцыях выконваюць функцыю асобнага структурнага элемента прэдыкатыўнай часткі, аднак яны могуць уваходзіць і ў склад словазлучэнняў, цэльных па сэнсе і сінтаксічным ужыванні. У структуры такіх словазлучэнняў займеннік *які*, выступаючы ў форме ўскоснага склону, заўсёды размяшчаецца ў залежнай пазіцыі. Займеннік кампенсуе адсутны кампанент і, дзякуючы сваёй анафарычнасці, утрымлівае ў семантыцы словазлучэння пэўнае рэчыўнае значэнне. У выніку гэтага словазлучэнне захоўвае сваю лексічную і структурную цэласнасць, што дазваляе яму быць асобным членам сказа.

Неабходна адзначыць, што злучальнае слова *які* ў розных склонавых формах найбольш часта сустракаецца ў структуры даданных азначальных частак у тых выпадках, калі аўтару зборніка «Спакушэнне» трэба перадаць чытачу апісанне знешняга выгляду герояў, іх унутранай характарыстыкі, прычым у адной сінтаксічнай канструкцыі можна сустрэць некалькі даданных азначальных са злучальным словам *які*: *Файная, сціпная, разумная дзяўчына...і прыгожая: светла-русыя валасы, якія спадаюць на плечы, вялікія вочы, якія яна не падводзіць фарбай, пухлыя вусны і міленькі, маленькі носік – найлепшы на ёй... у яе... такія ж маленькія вушкі, якіх амаль не відаць з-пад валасоў...* [1, с. 318–319].

Злучальнае слова *што* таксама з'яўляецца прадуктыўным сродкам сувязі ў складаназалежных сказах з даданымі азначальнымі часткамі, што прадстаўлены ў мове зборніка «Спакушэнне». У адрозненне ад злучальнага слова *які*, злучальнае слова *што* рэалізуецца толькі ў функцыі дзейніка або прамога беспрыназоўнікавага дапаўнення: *Ізноў неяк не вязаліся ў Сцяпанавай галаве гэтыя словы з тым худым мужчынам у трусах, што сядзеў прад ім* [1, с. 35]; *А пакорліва зірнуў на жанчыну і раптам зноў прыгадаў таго мужчыну, што ўлез у хату праз акно* [1, с. 133]; *Дзверы печкі-буржуйкі, што стаяла амаль пасярод хаты, Гой пакінуў расчыненымі* [1, с. 189]; *Не хацеў будзіць дзяцей, што салодка спалі* [1, с. 208] (злучальнае слова *што* ў ролі дзейніка); *Пытанне, што рабіць тут, у гэтым райцэнтры, ад пачатку не паўставала перада мною* [1, с. 43]; *Гэта, пэўна, ад той самагонкі, што Б. прынесла, розум памутнеў* [1, с. 138]; *Хоць і карціць паглядзець, як пужане кагосьці кавалак трактарнае гусеніцы, што падчаниў я ў дупле на іржавым дроце* [1, с. 120] (злучальнае слова *што* ў ролі прамога дапаўнення). У адзінкавым выпадку злучальнае слова *што* ў структуры непадзельнага словазлучэння ўваходзіць у склад выказніка: *Большасць з вас я ведала толькі па творах, чула пра конікі, што выкідаў той ці іншы на нейкіх афіцыйных сустрэчах* [1, с. 221]. З вышэйадзначанага можна зрабіць вывад, што адносны займеннік *што* ў ролі злучальнага слова ў даданай азначальнай частцы, як правіла, з'яўляецца дзейнікам; у функцыі дапаўнення сустракаецца нячаста ў мове зборніка «Спакушэнне».

Такім чынам, адносныя займеннікі *які*, *што* заўсёды паводзяць сябе як назоўнікі. У межах даданай прэдыкатыўнай часткі, як правіла, яны выступаюць у якасці асобнага структурнага элемента, займаючы пазіцыю аднаго члена сказа або залежнага кампанента сінтаксічна непадзельнага словазлучэння. Рэчыўным зместам слоў *які*, *што* могуць быць назоўнікі любога лексічнага значэння – прадметнага і абстрактнага. Гэта пашырае іх спалучальныя магчымасці як залежнага кампанента словазлучэння і дае магчымасць утварыць розныя прыназоўнікава-склонавыя формы. Незвычайна шырокая варыятыўнасць прыназоўнікава-склонавых форм адрознівае іх ад назоўніка і абумоўлівае багацце іх сінтаксічных функцый.

Неабходна заўважыць, што ў мове зборніка «Спакушэнне» намі выяўлена адзінкавае ўжыванне злучальнага слова *чый* у складзе даданай азначальнай часткі, дзе яно выконвае ролю выказніка, а таксама злучальнага слова *хто*, якому належыць роля дзейніка: *Таму нейкага надпісу – чыя гэта кніга, хто ёй карыстаўся, як робіцца цяпер, на ўклейцы не мелася* [1, с. 271].

Злучальныя словы тыпу *дзе*, *куды*, *адкуль*, *калі* і інш., звязваючы прэдыкатыўныя часткі складаназалежнага сказа, паміж якімі існуюць атрыбутыўныя адносіны, уносяць дадатковыя акалічнасныя адценні месца, часу і інш.: *І вось настаў момант, калі ў час абедзеннага перапынку сябра паклікаў да сябе шэф* [1, с. 59]; *У тваю аднапакаёўку, дзе ўвесь час сядзіць дэкрэтная жонка?* [1, с. 127]. Злучальныя словы *дзе*, *куды*, якія часта выкарыстоўвае аўтар зборніка «Спакушэнне», звязваюць з галоўнымі тыя даданыя азначальныя часткі, якія маюць дадатковае прасторавае значэнне (месца і кірунку); гэтыя даданыя звычайна паясняюць у

галоўнай частцы назоўнік з прасторавым значэннем ці ўказальны займеннік пры ім: *А той падышоў да месца, **дзе** я раней ляжаў, спыніўся і ўвесь скалануўся: разгублена бразнуўшы дужкай, вядро стала на зямлю* [1, с. 18]; *І не хачу пісаць пра доўгія і нудныя месяцы, праведзеныя ў шпіталі, **дзе** нейкай разнастайнасцю вылучаліся хіба што дні аперацыяў* [1, с. 19]; *А мне трэба было ўжо быць там, у той хаце, **дзе** я зараз прачынаўся ў калысцы...* [1, с. 48]; *Ды ў дзіцячых кніжках, **дзе** вычвараюцца мастакі, як хочучь* [1, с. 90]; *У самоце я часта спыняюся над тым месцам, **дзе** загінула Арына* [1, с. 112]; *І я мог бы назваць той маленькі палескі гарадок, **дзе** яна адбылася, калі б не выселілі яго пасля Чарнобыля* [1, с. 123]; *У іхнім гарадку была толькі адна вялікая крама – універмаг, **дзе** можна было набыць нешта вартае* [1, с. 123]; *Іван адышоўся да прыбіральняў, **дзе** кірмашовага людз было найменей, і аглядзеў знаходку* [1, с. 235]; *У рэстаранцы, **куды** згаладалы Алесь прыплёўся палуднаваць, давалі ўсё ўчарашняе, але чакаць яго даводзілася не менш, чым сённяшняе, – гадзіну* [1, с. 146]; *І адна сухастойна не паслухалася, пацягнула яе не ў той бок, **куды** меркавалі, а ўпала проста на яе мужа* [1, с. 194].

Даданыя азначальныя, якія паясняюць у галоўнай частцы назоўнік з часавым значэннем ці ўказальнае слова пры ім і звязваюцца з ёю злучальным словам калі, маюць дадатковае адценне часу: *Але найбольш гульняў каля дзічкі было ў той кароткі час, **калі** зжыналі жыта і па ўсім полі стаялі копы саломы, яшчэ не сцягнутыя да краёў у сцірты, а само поле не было ўзарана* [1, с. 116]; *У кожнага чалавека ёсць у жыцці такі момант, **калі** самы патаемны сон раптам спраўджваецца* [1, с. 127]; *Ружовым, яшчэ туманным вясновым ранкам, **калі** пачынае ўжо крапаць з дахаў і радасна чырыкаюць перазімавалыя вераб'і* [1, с. 140].

З прыведзеных намі прыкладаў відаць, што сярод прыслоўяў, што выконваюць функцыю злучальных слоў у даданных азначальных частках, у мове твораў Барыса Пятровіча самым прадуктыўным з'яўляецца прыслоўе *дзе*.

Даданыя азначальныя са злучнікам *каб* маюць адценне пажадання і мэты: *Жаданне, **каб** бабулька нарэшце падышла да мяне, паступова ператварылася ва ўмольнае падрогванне* [1, с. 4]. Даданыя азначальныя са злучнікам *быццам* выражаюць дадатковае адценне параўнання: *Зноў і зноў набіваў прапаканку, аднак пляшка, **быццам** была яна гумавай ці загаворанай, вісела цэлая* [1, с. 27]. Аднак падпарадкавальныя злучнікі не характэрныя для сувязі даданай азначальнай часткі з галоўнай у мове зборніка «Спакушэнне».

У апавяданнях Барыса Пятровіча намі была выяўлена вялікая колькасць рознага тыпу сінтаксічных канструкцый (як правіла, гэта складаназалежныя сказы, але даданыя азначальныя часткі могуць уваходзіць і ў структуру складаных сказаў з рознымі відамі сувязі), у складзе якіх ёсць некалькі даданных частак з атрыбутыўнымі адносінамі: *Я пісаў ужо, што было гэта ў далёкім, даўнім дзяцінстве, **якое** скончылася для мяне разам з тым стрэлам, **што** зрабіў мяне калекам* [1, с. 19]; *Я хутка прайшоў праз вёску, не зазірнуўшы нават на вуліцу, **дзе** за школай, **у** **якой** некалі працавалі мае бацькі, павінна была стаяць нашая хата* [1, с. 119]; *У мяне ж ёсць абавязкі перад людзьмі тут, ёсць родныя і блізкія, **якім** я патрэбны, **якія** чакаюць мяне з камандзіроўкі...* [1, с. 46]; *Хлопцы таксама кіравалі на далёкі край вёскі, **дзе** пачыналася заўсёды свята, **адкуль** выходзілі дзяўчаты з вялізным вянком з траў, галінак і красак у руках і, з песнямі, павольна ішлі да другога канца вёскі, **дзе** раскладвалася мужчынамі вогнішча* [1, с. 52].

Такім чынам, даданыя азначальныя часткі – важны і дзейсны сродак перадачы інфармацыі рознага характару ў структуры складаных сказаў мовы зборніка Барыса Пятровіча «Спакушэнне». Часцей за ўсё такія даданыя звязваюцца з галоўнай пры дапамозе злучальных слоў *які*, *што*, якія выконваюць, як правіла, ролю дзейніка або дапаўнення; злучальных слоў *дзе*, *адкуль*, якія выконваюць сінтаксічную ролю акалічнасці месца.

Літаратура

1. Пятровіч, Б. Спакушэнне : апавяданні розных гадоў / Б. Пятровіч. – Мн. : Кнігазбор, 2013. – 340 с.

Философия

УДК: 101.8:316.3(043.3)

Социальная коммуникация как предмет социально-философского анализа

Ю.Л. БАНЬКОВСКАЯ

Социальная коммуникация становится неотъемлемым социально-конституирующим фактором человеческого существования и социального развития. Она рассматривается в качестве универсального полифункционального феномена, воздействующего на все сферы функционирования общества и содействующего формированию стабильных межличностных и intersubjective связей между людьми. В данной работе осуществляется реконструкция основных современных социально-философских подходов к исследованию социальной коммуникации, выявляются качественные характеристики данного феномена.

Ключевые слова: социальная коммуникация, коммуникативные связи, социальная система, социальное взаимодействие, культура.

Social communication becomes an integral socio-constitutive factor of human existence and social development. It is considered as a universal multifunctional phenomenon affecting on all spheres of society functioning and contributing to the formation of stable interpersonal and intersubjective relationships between people. The reconstruction of the main modern socio-philosophical approaches to the study of social communication is carried out; the qualitative characteristics of this phenomenon are revealed in the paper.

Keywords: social communication, communicative relations, social system, social interaction, culture.

Коммуникация является неотъемлемым условием человеческого существования и самоопределения. Она содействует процессу идентификации существующих и формированию новых социальных норм, присущих и универсально признаваемых различными социальными группами, имеет огромное значение для поддержания устойчивости и стабильности функционирования общества. Г.Д. Лассуэлл рассматривает коммуникативные связи в качестве неотъемлемых атрибутов жизнедеятельности человека, которые являются следствием необходимости сохранения социальных институтов и духовных ценностей. Следовательно, коммуникация способствует осуществлению контроля за обществом, корреляции социальных связей и взаимодействий с целью сохранения социального наследия и обеспечения социокультурной преемственности [1, с. 53–67].

В настоящее время существует несколько интерпретаций понятия «коммуникация». Она представляет собой способ связи объектов, процесс передачи информации. Классическая модель коммуникации, представленная в работах Н. Винера и К. Шеннона, базируется на ее рассмотрении в качестве процесса конструирования, передачи, распространения, приема и обмена информацией между субъектами. «Коммуникация изучает то, каким образом передатчики и получатели информации ее кодируют и декодируют, как отправители используют каналы и средства коммуникации» [2, с. 2]. Задача линейной трансляции информации от отправителя к получателю заключается в сохранении смысла сообщения. «Коммуникация – это передача осмысленных сообщений благодаря различным символам и знакам» [3, с. 55]. Таким образом, коммуникация предполагает не только передачу некоторого сообщения, но и его понимание, что создает предпосылку для возникновения диалога. Для нее характерно наличие взаимосвязи и взаимодействия не только между отдельными субъектами, но и между представителями различных социальных групп, институтов и общностей.

Исследования в области коммуникации и диалога становятся одними из основных тем философских изысканий XX в. Основным фактором, детерминирующим данную направленность, стал поворот научных и философских концепций к проблеме языка.

В XX в. было сформировано несколько подходов к исследованию коммуникации. В-первых, функциональный подход, акцентирующий внимание на ценностно-нормативной среде как наиболее значимого фактора, детерминирующего процесс коммуникации. Следовательно, последняя невозможна вне культурно-ценностных матриц. Любой элемент культуры является функционально необходимым компонентом существования системы, тогда как его исчезновение или изменение приводит к ее дестабилизации. Поддержание принятых в обществе норм обеспечивается целенаправленностью коммуникативного акта, интеграцией различных коммуникативных средств, ориентирующих субъекта на совершенствование процесса передачи информации. Т. Парсонс полагал, что любое общество состоит из ряда подсистем, таких как экономическая, политическая, социальная и система попечения, которые отличаются друг от друга по своей структуре и функциям. Несмотря на данные отличия, их задача заключается в том, чтобы обеспечить устойчивое развитие общества, его способность к стабильности. Функциональные проблемы социальной системы Т. Парсонс предлагал рассматривать как проблемы распределения и интеграции. Любое действие направлено на сохранение контролирующих систему структур, внутреннюю ее интеграцию, целеориентацию на внешнюю среду и приспособление к условиям окружения. «Все социальные системы допускают определенную совместимую со стабильностью систем величину отклонений от нормативных ожиданий и конфликтов» [4, с. 49]. Таким образом, центральными вопросами становятся проблемы порядка, солидарности и сохранения внутренней стабильности общества. Коммуникация содействует обеспечению данных аспектов.

Во-вторых, интерпретационный подход, базирующийся на субъективном восприятии мира сквозь призму культуры. Э. Холл полагал, что эффективность коммуникации зависит от принадлежности субъектов к одной культуре. Она задает возможность понимания действий отдельных людей или социальных групп, осознания их ценностей и предпочтений. Большое влияние на исследование процесса коммуникации в рамках данного подхода оказала теория культурного релятивизма У. Самнера, акцентирующая внимание на ценность и самодостаточность каждой культуры. Общение между представителями различных культур должно быть выстроено на основании уважительного отношения к традициям и ценностно-нормативным стандартам друг друга, ибо невозможно достижение понимания их культурной специфики за пределами общения.

В-третьих, феноменологический подход, исследующий коммуникацию в качестве формы живого диалога или проживания живого опыта. А. Шюц рассматривал ее как фактор языковой социализации людей. Понимая социальную реальность как результат интерпретирующей деятельности людей, М. Бубер полагал, что коммуникация должна способствовать их взаимопониманию. Начало понимания закладывается в дорефлексивном опыте, приобретаемом человеком в жизненном мире. Значимость для субъекта представляет любой контакт, ибо он создает основание для возникновения опыта. Переживая отношение другого человек осознает их сходство и различие. Особую ценность при этом приобретает умение субъекта уважать различия, присущие другим людям.

В-четвертых, интеракционистский подход, в котором коммуникация рассматривается в качестве процесса совместной междисциплинарной разработки символов, знаков и значений. Содействуя взаимодействию субъектов посредством языка, она тесно связана с выявлением и реализацией ими общности их интересов. Д. Мид рассматривает коммуникацию в качестве механизма, обеспечивающего субъективную осмысленность сообщений. Любой диалог предполагает свою направленность окружающих, способствует их оценке, осмыслению и изучению намерений [5, с. 216].

В европейской мысли сегодня доминируют направления теории коммуникации, представленные Ю. Хабермасом, Н. Луманом.

В качестве методологической основы своей теории Н. Луман взял концепцию Т. Парсонса. Данный подход его не устраивал по причине отсутствия в системе случайности и самонаправленности. Он рассматривал систему не просто как совокупность элементов и связей между ними. Для него она выступает в качестве нового единства, отличающегося от элементов и связей и обладающего своими собственными системными свойствами. Т. Парсонс рассматривал любую структуру сквозь призму выполняемой ею функции. Н. Луман преобразовал данную теоретическую установку. Он полагал, что любой системный элемент характеризуется наличием некоторой функции, содействующей формированию их взаимозависимости

друг от друга. Общество является открытой системой, взаимодействующей с окружающей средой. Любые операции, осуществляемые в системном образовании, имеют смысл только тогда, когда они происходят внутри ее и отграничены от окружающей среды. Выход за пределы данных границ приводит к утрате их смысловых значений и качества. Вследствие предъявления к системе все новых требований со стороны среды, происходит ее самообновление.

Ответом системы на процессы изменения внешнего мира выступает стремление приблизить потенциал своей организованности к потенциалу внешней среды, что является недостижимым. В результате система постоянно выполняет «догоняющее действие». С целью своего самосохранения система осуществляет редукцию, то есть выбор отношений между элементами. Редукция комплексности осуществляется посредством смысла, то есть снижения высокой степени неопределенности, уменьшения тех факторов окружающей среды, которые направлены против единства социальной организации. Стремление к данной редукции приводит к игнорированию или реагированию на осуществленные изменения среды при одновременной их фиксации и сопоставлении внутри себя и вовне. Благодаря границе, установленной смыслом, система фильтрует комплексность своего окружения. В результате устанавливается внутренний структурный порядок. «Коммуникативные процессы связывают партнеров, каждый из которых реализует свои собственные селективные достижения и знает о том, что то же самое делает и другой. Назовем этих партнеров “Эго” и “Альтер”. Все коммуникативные средства предполагают социальные ситуации, характеризующиеся наличием возможностей выбора со стороны каждого из участников, то есть ситуации с обоюдно контингентной селективностью. Именно это и обеспечивает им их функцию – управлять процессами трансляции селекций во всей их селективности от Альтера к Эго» [6, с. 16–17]. Посредством понятия аутопойезиса Н. Луман характеризовал механизм самовоспроизводства системы. Структура аутопойетической системы способна к воспроизводству возможностей, позволяющих системе соответствовать вариативности внешней среды. Процесс аутопойезиса осуществляется благодаря коммуникации, основанной на единстве трех компонентов: информации, сообщения и понимания, объединенных посредством смысла и разграничивающей систему от внешней среды.

В отличие от Ю. Хабермаса Н. Луман полагает, что процесс коммуникации может быть осуществлен вне конкретного человека. «Не человек способен коммуницировать – коммуницировать способна лишь система» [7, с. 110]. Данное обстоятельство не означает, что для процесса коммуникации нет необходимости в сознании человека. Н. Луман полагает, что сознание представляет собой часть операционально замкнутой, реализующей определенные функции, напрямую не контактирующей с другими сознаниями, системы. Взаимопроникновение коммуникации и сознания осуществляется посредством языка и схемы. Язык трактуется Н. Луманом шире, нежели сознание, ибо он способен к функционированию вне рефлексии. Его задачей является осуществление взаимосвязи между коммуникацией и мышлением. Под схемами или фреймами Н. Луман понимает смысловые комбинации. Схемы присутствуют в социальной памяти. В них содержатся редукции представлений о жизни.

Противоречия внутри системы неизбежны, что приводит к возникновению конфликта. Со временем одни противоречия сглаживаются, но растет число других. «Коммуникативный ответ на отклонение и тематизация этого отклонения в рамках социальных систем называются конфликтом. Все социальные системы потенциально конфликтны. Варьируется лишь степень актуализации этого конфликтного потенциала, которая, в свою очередь, зависит от степени дифференциации систем и общественной эволюции» [8, с. 13]. Конфликты возникают тогда, когда появляются разногласия между участниками общения. Социальные позиции людей в обществе неравны, что служит основанием для их возникновения. Более высокие позиции обладают большим доступом к ресурсам, следовательно, социальные группы больше заботятся об их благополучии. О низших уровнях они беспокоятся только тогда, когда они угрожают высшим. Выживание системы возможно только при выполнении каждым элементом своих функций.

Теория Н. Лумана акцентировала внимание на поиск условий, обеспечивающих позитивные для системы последствия конфликта. Социальная коммуникация содействует процессу конституирования порядка. Релевантная теория самореферентных систем Н. Лумана отражает

коммуникативную сущность структур. Специфика его теории заключается в том, что он осуществляет замещение традиционного различения между субъектом и объектом на структурное и функциональное противопоставление системы и окружающей среды. Их дифференциация осуществляется посредством аутопойетических операций. Функциональное единство множества социальных систем, из которых состоит общество, обеспечивается посредством коммуникации, на основании которой осуществляется процесс самоописания социальной системы.

В отличие от Н. Лумана Ю. Хабермас разделил социум на две сферы существования – системный и жизненный миры. Жизненный мир основан на символическом взаимодействии субъектов и базируется на наличии общего смыслового пространства. В основании системного мира расположены анонимные взаимоотношения. Чаще всего они возникают в сферах экономики и государственной власти и характеризуются официальным и деловым стилем взаимоотношений людей. Теория рациональной коммуникации Ю. Хабермаса оказала значительное воздействие на выработку механизмов совершенствования политической системы. Автор обосновывает, что коммуникация не должна быть основана только на одном административном источнике, а наоборот в подлинном своем смысле она возникает в диалоговом пространстве гражданского общества.

В зависимости от целей участников взаимодействия Ю. Хабермас выдвигает различные типы социальных действий: стратегические, нацеленные на достижение и удовлетворение желаемых потребностей человека; нормативные, направленные на создание взаимовыгодных соглашений, осуществляемых посредством подчинения своей модели поведения разделяемым общественным ценностям и нормам; драматургические, нацеленные на создание публичного имиджа; коммуникативные, предполагающие выработку соглашений с целью принятия совместного решения в определенной ситуации, достижения взаимопонимания. Все эти типы действий предполагают наличие либо отсутствие рациональности. Действия рациональны лишь в том случае, если они будут осознаны людьми. Более того, Ю. Хабермас полагал, что степень их рациональности зависит от способности людей разрешать конфликты посредством аргументации.

По Ю. Хабермасу, взаимодействие людей в обществе основано на их языковой активности. Он акцентировал свое внимание на изучении коммуникативного действия, которое рассматривалось как действие, происходящее в рамках жизненного мира. В жизненном мире осуществляется взаимодействие человека и социума. Его элементами являются культура, общество и личность. «Моральные убеждения и нормы покоятся на жизненных формах, репродуцируемых коммуникативным поведением связанных с этими жизненными формами людей» [9, с. 67]. Жизненный мир представляет собой основание для достижения взаимопонимания посредством коммуникативного действия. «Жизненные миры могут быть предельно структурно дифференцированы, они формируют функциональные сферы для воспроизводства культурных ценностей, социальной интеграции и социализации узкоспециализированных подсистем – комплексный характер каждого из жизненных миров ограничен работой механизма взаимопонимания» [10, с. 369]. Интересы, потребности, стремления и желания выступают в качестве побудительных мотивов, обуславливающих не только сознательную практическую и теоретическую деятельность людей, но и их отношение к социальной реальности.

Коммуникация служит основанием конституирования социального интересусубъективного символического пространства. Она задает условия достижения взаимопонимания и рационального согласия, содействующих социальной интеграции. Выступая формой общения между людьми, коммуникация направлена на выработку новых общезначимых целей, установление общественной гармонии. Результатом отклонения человека от ожидаемого способа действия является возникновение противоречий. Общество подвержено периодическим кризисам. Государство и экономика стремятся с ними справиться, что приводит к патологиям и обеднению жизненного мира. Причиной конфликтов является преобладание целерациональных действий, ибо их результатом становится дезинтеграция человеческих отношений, рост манипулятивных тенденций и искажение коммуникации. Следовательно, в основании социального развития заложено наличие противоречия между жизненным и системным миром. Результатом их развертывания становится возникновение конфликтов между такими сфера-

ми общественной жизни, как экономика, политика с одной стороны, и культура, ее ценности – с другой. Таким образом, свою основную задачу Ю. Хабермас видел в ориентации на исследование субъект-субъектных отношений, на диалог как носитель коммуникационного сообщения и на достижение взаимопонимания.

На основании изложенного, можно сделать следующие выводы. Во-первых, происходящая в настоящее время глобальная трансформация общества сопровождается не только проникновением коммуникации во все сферы его жизнедеятельности, возникновением качественно нового типа коммуникативных структур и процессов, но и глубоким переосмыслением природы социальной реальности, места и роли коммуникации в развитии общества. Коммуникация становится объектом разноуровневых исследований и рассматривается в различных аспектах. Во-вторых, реконструкция социально-философских подходов к рассмотрению коммуникации позволила прояснить ее сущностные признаки. Данный анализ необходим по причине ее многогранного значительного воздействия на процессы, происходящие в социальной реальности. Социальная коммуникация как сфера символического интересубъектного взаимодействия оказывает конструктивное воздействие на формирование ценностей, способствует достижению взаимопонимания и стабильности функционирования общества. Коммуникация содействует реализации многомерных взаимодействий индивидов и проектированию ими культурных ценностей и традиций.

Литература

1. Smith, B.L. The mystifying intellectual history of Harold D. Lasswell / B.L. Smith. // *Politics, personality and social science in the twentieth century: Essays in honor of Harold D.Lasswell* / Ed. by Rogow A.A. – Chicago : Univ. of Chicago press, 1969. – P. 53–67.
2. Fiske, J. *Introduction to Communication Studies* / J. Fiske. – London : Routledge, 1990. – 203 p.
3. *Communication and Global Society* / ed. by Guo-Ming Chen, William J. Starosta. – N.Y. : Lang, 2000. – 314 p.
4. Парсонс, Т. О социальных системах / Т.Парсонс. – М. : Академ проект, 2002. – 830 с.
5. Мид, Д. От жеста к символу / Д. Мид. // *Американская социологическая мысль* / Р. Мертон [и др.] ; под общ. ред. В.И. Добренкова. – М. : Межд. ун-т бизнеса и управления, 1996. – 557 с.
6. Луман, Н. Власть / Н. Луман. – М. : Праксис, 2001. – 249 с.
7. Луман, Н. Общество как социальная система / Н. Луман. – М. : Логос, 2004. – 232 с.
8. Луман, Н. Власть / Н. Луман. – М. : Праксис, 2001. – 249 с.
9. Хабермас, Ю. Будущее человеческой природы : На пути к либеральной евгенике? / Ю. Хабермас. – М. : Весь мир, 2002. – 143 с.
10. Хабермас, Ю. Философский дискурс о модерне / Ю. Хабермас. – М. : Весь мир, 2003. – 414 с.

УДК [101.1+316.4+930.1](323.173)

К вопросу определения сепаративных процессов в сложных синергетических системах природы, техносферы и социума

Е.С. ЕРМАКОВ

Статья посвящена исследованию феномена сепаратизма в сложных синергетических системах различного онтологического ранга. На основании системно-синергетического и сложностного подходов формируется общенаучное определение сепаративных процессов. Особое внимание уделяется атрибутивным характеристикам сепаратизма и их корреляции с нарушениями определённых качественных состояний сложных синергетических систем, связанных с отношениями части и целого в данных системах. Формулируется общенаучная эвристика и перспективы применения предложенного определения сепаративных процессов.

Ключевые слова: сепаративные процессы, синергетика, сложность, рекурсивность, структурно-функциональная, темпоральность, сетевая адаптация, энергичность.

The article is devoted to the study of the phenomenon of separatism in complex synergetics systems of different ontological rank. The general scientific definition of separative processes is formed on the basis of system-synergetics and complexity. Special attention is paid to the attributive characteristics of separatism and its correlation with violations of certain qualitative condition of complex synergetics systems that are related with the relations of part and whole in these systems. The general scientific heuristics and prospects of application of the proposed definition of separative processes are formulated.

Keywords: separative processes, synergetics, complexity, recursiveness, structural-functional harmony, temporality, network adaptation, vitality.

Целостностное понимание существующего мира в контексте постнеклассической научной рациональности предполагает обращение к сложным саморазвивающимся и самоорганизующимся синергетическим системам различной природы, порождающим в своём развитии новые уровни своей системной иерархии. Как указывает В.С. Стёпин, к таким системам следует отнести «биологические объекты... современные сложные компьютерные сети, предполагающие диалог человек-компьютер... все социальные объекты, рассмотренные с учетом их исторического развития» [1, с. 49]. Ввиду этого, актуализируется проблема коэволюционного развития подобных систем, что предполагает обращение к кризисным процессам, происходящих с данными системами.

В данной статье предлагается рассмотреть сепаративные процессы как особые кризисные состояния в динамических системах различного онтологического ранга – природы, техносферы и социума, – которые или влекут за собой утрату и разрушение целостности этих систем, или приводят к наращиванию их структурно-функциональной сложности, которая даёт системе способность противостоять новым кризисным состояниям того же порядка. Эта предельно общая формулировка нуждается в содержательном раскрытии, поэтому обращение к данной проблеме предусматривает нахождение тех оснований, которые позволят ввести термин «сепаративные процессы» в общенаучный контекст.

В ходе исследования будет использован системно-синергетический подход, суть которого заключается в рассмотрении синергетических процессов в системах различной природы через призму диалектического единства порядка и хаоса, которое приводит к их самоорганизации. При этом своё значение приобретают системные характеристики данных процессов и их корреляция с дальнейшей «судьбой» обозначенных систем. Следует отметить, что с точки зрения общей теории систем, сложность систем, которые способны к самоорганизации, определяется не столько числом элементов, сколько численностью прямых и обратных связей и взаимодействий, в том числе и со средой, определяя её динамику и поведение.

Однако при всех достоинствах системно-синергетический подход лишь отчасти обращает внимание на процесс формирования сложности в синергетических системах. Как правильно отметили В.И. Аршинов и В.Г. Буданов, «наша земная цивилизация в целом в процессе своей эволюции вошла в эпоху *сложности* как сущностного феномена процесса

глобализации. Вошла необратимо. Что делает всю ситуацию в целом изначально неопределенной и не прогнозируемой (курсив наш. – Е.Е.)» [2, с. 60]. Исходя из этого, системно-синергетический подход будет дополнен парадигмой *сложности*, введенной в научный оборот Э. Мореном. Как отметил В.И. Аршинов, «сложность принимает во внимание рекурсивную связанность многообразий, пучков, перспектив, контекстов, в которых ее частичные проявления становятся наблюдаемыми» [3, с. 36]. С методологической точки зрения, в контексте свойств синергетических систем принцип сложности позволит выявить характерные для сепаративных процессов качественные состояния этих систем.

Обращая внимания на сепаративные процессы в социуме, Дж.О. Герцлер связывает их с процессами «дезорганизации, или деструктуризации и дефункционализации, которые постоянно угрожают организации, стабильности, непрерывности и операционной эффективности общества» [4, р. 13]. К примеру, под сепаратизмом, происходящим в социально-политических системах, мы понимаем класс явлений, возникающих вследствие кризиса внутри определенного государства, но не вследствие внешней агрессии, и направленных на отделение от этого государства определенной его части с целью дальнейшей её *институционализации* [5, с. 164]. Данное понятие акцентирует внимание на тех особенностях сепаративных процессах, которые *инициируют* изнутри процессы разрушения и распада целого и, соответственно, приводят к отделению определенной его части или частей, которые осознают себя в своём бытии как отдельное самостоятельное целое. В данном случае речь идёт о развитии дихотомии «часть-целое» до такой степени, что в дальнейшем невозможно их единое существование и функционирование без радикальных изменений внутри самой системы. Предполагаем, что такое возможно лишь в том случае, когда в сложных саморазвивающихся системах изменяется ряд их качественных состояний.

Под «рекурсией» как качественного состояния сложных саморазвивающихся систем следует понимать наличие в них такого типа обратной связи, которая не только способна поддерживать в них сложность, но и эту сложность *обеспечивать* [6, с. 173]. В контексте синергетики, рекурсивность системы можно трактовать как её способность к поддержанию связи со своими элементами и средой. При этом своё значение приобретает связь со средой, которая влияет на систему лишь опосредованно, что подразумевает как определенную с ней связанность, так и в то же время независимость от неё, проявляющуюся через самоорганизацию составных подсистем целостности и, соответственно, её самосохранение. Таким образом, в подобных сложных системах на первый план выходит внутреннее состояние системы как прошлое, так и настоящее. Такие сложные системы, согласно Ф. Валера, следует считать «операционально замкнутыми» [7, р. 26].

Как отметила В.В. Василькова, «операциональная замкнутость... систем проявляется... в том, что здесь нет однозначной причинно-следственной связи в виде прямого реагирования на входные воздействия. Не столько *внешний* стимул, сколько *внутреннее* состояние системы определяет её поведения, используя энергию внешней среды. Окружающая среда влияет на систему только как *источник* модуляций, вызывающих спонтанные изменения структуры внутренней связи в ограничениях, налагаемых организацией (курсив В.В. Васильковой. – Е.Е.)» [8, с. 141]. Иными словами, при деструктивном влиянии внешней среды сложные автопоэтические системы необязательно будут реагировать на данное влияние изменением своего внутреннего состояния. Скорее, данное влияние через положительную обратную связь сможет запустить ту цепь рекурсивных изменений в системе, которые станут инициатором определенных в ней процессов, в том числе и приводящих к её распаду. Поэтому, перефразируя С. Бира, если организационные структуры системы *не* рекурсивны, то сама система *нежизнеспособна* [9, с. 76].

Таким образом, в контексте вышесказанного считаем, что сепаративные процессы в сложных системах инициируются тогда, когда происходит нарушение рекурсии в этих системах вследствие «переключения» части их структуры или на себя, или на *иную* сложную систему, вместе осознающие себя как единую целостность. Подобное может происходить, когда внешние воздействия, населяющиеся системой и её частями разной значимостью, поразному *резонируют* вместе с внутренними флуктуациями, связывая дальнейший естественный дрейф системы или с её распадом, или с такими изменениями, которые вновь скоординируют обособившиеся части и остальную систему. Это, однако, не объясняет, при каких условиях часть и целостность различно воспринимают внешние воздействия, поэтому остановимся на раскрытии такой характеристики сложных систем, как «множественность».

Согласно общей теории систем, «множественность» можно определить как обладание системой определённым разнообразием элементов. В то же время, согласно В.Н. Садовскому, система не есть определённое множество элементов: она фиксирует в себе и связь между ними [10, с. 105]. Отсюда, на наш взгляд, при изучении сложных систем и процессов, происходящих в них, необходимо обращать внимание не столько на совокупность элементов и подсистем целостности, сколько на их *разнообразие* и качество связи между ними: первое является «основой устойчивости сложной системы, поскольку обеспечивает ее готовность к многовариантному будущему» [6, с. 175], второе же – «делает сложное сложным» [6, с. 172], налаживая тем самым согласование составных частей целостности и, соответственно, выработку общего *модуса существования*.

Данное понимание множественности стоит дополнить синергетическим её видением, включающим два важных момента. Во-первых, наличие в системе определённого разнообразия её элементов может быть необходимым условием, которое позволяет говорить о возможной нелинейности самой целостности, которое проявляется через влияние внешних воздействий на неё. Их корреляция с внутренними флуктуациями системы инициирует в ней процессы, подвергаящие целостность кризисным для неё состояниям. Множественность системы, в данном случае позволяет целостности «самопорождать режим устойчивости за пределами равновесия. Разрушение такого режима может приводить к новым устойчивостям» [11, с. 248].

Во-вторых, что более важно, с точки зрения сложности элементы синергетических систем под корреляционным влиянием внешних воздействий, имеющих стохастический характер, *эмерджентно* взаимодействуют друг с другом, как части единого целого, тем самым определяя «её идентичность и целостность, не присущи никакой из её составляющих» [12, с. 9]. Как правильно указал Э.М. Сороко, выявляется необходимость в налаживании структурной гармонизации системы через её внутреннее разнообразие: «когда элементы совокупности обнаруживают пронизывающую всех их сквозную связь, когда они “схвачены” единым для всех отношением, замыслом, планом, алгоритмом, идеей, фиксированы посредством единой меры, эталона, нормы, стандарта, проявляя тем самым свои различия на фоне общей всем им сущности, можно вести речь об их гармонизации в пределах их совокупности» [11, с. 117].

Таким образом, отсутствие такой гармонии и порождает в сложных системах различие в «понимании» частью и определённым целым внешних воздействий, ведь отдельные ансамбли систем порождают свою значимость внешних вызовов. Ввиду этого возникает проблема рассогласования темпомиров отдельных элементов систем, или иными словами – темпов их эволюции. Как отметили Е.Н. Князева и С.П. Курдюмов, согласовать темпомиры может только хаос, проявляющийся на микроуровне в форме любого типа диссипативных структур: «хаос выступает здесь как средство усложнения организации и как средство гармонизации темпов развития различных фрагментов сложной структуры. Без хаоса структуры развивались бы в разных темпомирах, а будучи правильно (резонансно) объединёнными... в единую сложную структуру, они начинают развиваться с одинаковой скоростью, происходит синхронизация темпов развития процессов в них» [13, с. 128–129]. Однако стоит помнить, что данная синхронизация на первом этапе *нестабильна* по своей сути – хаос на микроуровне переходит на макроуровень и «разрушает то, что сам построил» [8, с. 178], актуализируя тем самым потенциальные и усиливая актуальные антагонизмы между отдельными частями и целым.

Инициирование сепаративных процессов как явлений деструкции и разрушения целостности связываются нами с редукцией множественности к однообразию, что приводит к потере структурной гармонии внутри целостности. Вследствие этого нарушается *согласованность* темпомиров различных элементов системы, приводящая к возникновению ситуации, когда одинаковые внешние воздействия «понимаются» целостностью и её отдельными частями по-разному. Микроуровневые флуктуации внутри целостности, «подпитанные» внешней средой, в совокупности с нарушением рекурсии, могут перерасти в макроуровневые по причине отсутствия «определённых пределов» в виде отрицательной обратной связи [14, с. 159]. Отсюда следует, что для сохранения целостности сложной системы принципиально необходим механизм формирования данной связи. Нарушение данного механизма чревато потерей *адаптивности* всей системы не только к внешним воздействиям, но и к внутренним флуктуациям.

Адаптивность сложной системы служит необходимым условием её сохранения. Как заметила Е.Н. Князева, в сложных системах «имеет место и адаптация элементов друг к другу, их со-адаптация и адаптация системы к среде» [15, с. 74–75], при этом первоочередное значение приобретает взаимодействие элементов систем друг с другом, определяя тем самым их способность к совместному развитию. Являясь автономными, отдельные элементы и части сложных систем в процессе взаимодействия как между собой, так и со средой, должны иметь не только гибкость, но и умение к спонтанной взаимосвязи и когеренции между собой. Изучая сетевую организацию сложных систем, Р. Альберт и А.-Л. Барабаша отметили, что стабильность системы напрямую зависит от того, насколько в ней развиты узловые компоненты как совокупности связей и отношений между элементами систем [16, р. 86]. При этом в сложных системах, ввиду отмеченной выше определенной самостоятельности их элементов, «небольшое число узлов содержит очень большое число связей... а огромное число узлов содержит лишь несколько связей» [17, с. 6].

Сетевая организация сложных систем, таким образом, подсказывает нам, что сепаративные процессы могут возникнуть в том случае, когда между целостностью и теми частями системы, в которых присутствуют сепаративные тенденции, нарушены или *вовсе отсутствуют* взаимодействие и коммуникация, что приводит к потере их адаптивности друг к другу. Однако только при наложении воздействий среды и внутренних флуктуаций системы, имеющиеся потенциальные антагонизмы и конфликты смогут актуализироваться внутри определённых частей и тем самым дать толчок к инициации сепаратизма. При этом, с одной стороны, имеется нарушение структурного сопряжения сложной системы и среды, которое связано не только с их взаимным влиянием друг на друга, но и тем, что среда и сложная система не способны больше вместе к коэволюции.

С другой стороны, между определенными элементами сложной системы отсутствует не только рекурсивное, структурно-функциональное, темпоральное, но и адаптационно-сетевое сопряжение, тем самым формируя способность и к отделению, и к организации собственного, уже отдельного от целостности, бытия вследствие наличия определенной *энергийности*, вплоть до ценностно-смысловой. Подобную энергийность следует трактовать как тот субстрат существования частей сложных систем, в которых сепаративные процессы стали возможны. Именно энергийность и определяет, как и каким образом, используя внутренние и внешние возможности, часть будет «отталкиваться» от целостности и самоорганизовываться. Иными словами, процесс раскола целостности является в то же время и морфогенезом отделившейся части.

Суммируя изложенное, представим в таблице корреляцию нарушения качественных состояний сложных систем и атрибутивных характеристик сепаративных процессов (таблица). Представленная таблица эксплицирует порядок утраты сложной системой своей целостности.

Таблица – Корреляция нарушений качественных состояний сложных систем и атрибутивных характеристик сепаративных процессов

<i>Качественные состояния</i>	<i>Атрибутивные характеристики</i>
Нарушение рекурсивности	Обособленность
Нарушение структурно-функциональной гармонии	Однообразность
Нарушение темпоральности	Рассогласованность
Нарушение сетевой адаптации	Упрощённость

Таким образом, сепаративные процессы с общенаучной точки зрения есть катастрофические процессы, инициируемые кризисными состояниями внутри сложных синергетических систем и связанные с отделением их части или частей вследствие нарушений определённых качественных состояний этих систем, приводящих к обособлению, однородности, рассогласованности и упрощённости внутри их. *Катастрофическое* начало сепаратизма связано с тем, что он не столько связан с дезинтеграцией сложной системы, сколько является организующим источником само-организации и формообразования отделившейся части. Именно это и имел в виду Р. Том, когда писал, что «атрибутом всякого процесса морфогенеза является конфликт, борьба между *двумя* и *многими* аттракторами (курсив наш. – Е.Е.)» (Цит. по: [14, с. 90]).

Основываясь на предложенном определении, считаем, что сепаративные процессы в биологических системах связаны с делением клеток и возникновением опухолей, как доброкачественных, так и злокачественных; в психо-ментальных – в первую очередь связаны с психическими расстройствами и нарушениями развития личности; в социальных – не только с разнообразными дезорганизирующими и дисфункциональными процессами в различных социумах, в социально-политических общностях и системах, но и социокультурных системах, к примеру, в эволюционной динамике языка; и, наконец, в техносфере – с утратой единства коэволюции техники, с одной стороны, человека и природы – с другой, которая связана с разрушающим влиянием научно-технического прогресса на эволюцию биосферы.

В заключение укажем общенаучную эвристику и возможности применения понятия сепаратизма при изучении кризисных состояний различных сложных синергетических систем.

1) Предложенное определение сепаративных процессов предполагает не только дальнейший поиск актуальных примеров данных процессов в конкретных сложных синергетических системах, но и их систематическое исследование, включающее нахождение как общего, так и особенного. В данном случае речь идет о четкой конкретизации явления сепаратизма в каждом из найденных случаев через выявление его специфических черт.

2) Обращение внимания на сепаративные процессы в сложных синергетических системах актуализирует изучение тех факторов, которые эти процессы инициируют. Это предполагает нахождение как внутренних, так и внешних факторов, влияющих на состояние сложных систем различной природы. Ввиду их синергетической специфики особое внимание следует уделить факторам стохастического характера.

3) Наконец, выделение сепаративных процессов как отдельных кризисных состояний предполагает нахождение тех комплексных методов и технологий, которые способны «работать» с данными процессами. Считаем, что такие методы и технологии должны носить конвергентный характер, то есть иметь направленность на связывание и схождение части и целого в новую, более усложнённую целостность.

Литература

1. Стёпин, В.С. Типы научной рациональности и синергетическая парадигма / В.С. Стёпин // Сложность. Разум. Постнеклассика. – 2013. – № 4. – С. 45–59.
2. Аршинов, В.И. Парадигма сложности и социогуманитарные проекции конвергентных технологий / В.И. Аршинов, В.Г. Буданов // Вопросы философии. – 2016. – № 1. – С. 59–70.
3. Аршинов, В.И. На пути к сетцентричному пониманию сложности / В.И. Аршинов // Сложность. Разум. Постнеклассика. – 2018. – № 3. – С. 34–55.
4. Hertzler, J.O. Society in action: a study of basic social processes / J.O. Hertzler. – New York : Dryden Press, 1954. – 474 p.
5. Ермаков, Е.С. «Фазовая» модель сепаративных процессов: от стабильности к распаду социально-политических общностей и систем / Е.С. Ермаков // Известия Гомельского государственного университета им. Ф. Скорины. – 2019. – № 1. – С. 163–169.
6. Парадигма сложности в перспективе философской стратегии Жюль Делёза. Материалы круглого стола / О.В. Аронсон, В.И. Аршинов [и др.] // Философия науки и техники. – 2016. – Т. 21, № 2. – С. 149–181.
7. Varela, F.J. Two principles for self-organization / F.J. Varela // Self-organization and management of social systems. Insights, Promises, Doubts, and Questions / ed. H. Ulrich, G. Probst. – Berlin, 1984. – P. 25–32.
8. Василькова, В.В. Порядок и хаос в развитии социальных систем : Синергетика и теория социальной самоорганизации / В.В. Василькова. – СПб. : Лань, 1999. – 478 с.
9. Бир, С. Мозг фирмы / С. Бир ; пер. с англ. М.М. Лопухина. – М. : Либриком, 2009. – 416 с.
10. Садовский, В.Н. Основания общей теории систем. Логико-методологический анализ / В.Н. Садовский. – М. : Наука, 1974. – 280 с.
11. Сороко, Э.М. Золотые сечения, процессы самоорганизации и эволюции систем: Введение в общую теорию гармонии систем / Э.М. Сороко. – Изд. 4-е. – М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. – 264 с.
12. Хищенко, В.Е. Несколько шагов к новой системной методологии / В.Е. Хищенко // Социологические исследования. – 2001. – № 3. – С. 8–15.

13. Князева, Е.Н. Основания синергетики. Режимы с обострением, самоорганизация, темпомии / Е.Н. Князева, С.П. Курдюмов. – СПб. : Алетейя, 2002. – 414 с.
14. Морен, Э. Метод. Природа природы / Э. Морен ; пер. и вступ. статья Е.Н. Княzewой. – Изд. 2-е, доп. – М. : «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2013. – 488 с.
15. Князева, Е.Н. Система и среда: сопряжение сложности, эмерджентности и управленческой активности / Е.Н. Князева // Междисциплинарные проблемы средового подхода к инновационному развитию / Под ред. В.Е. Лепского. – М. : «Когито-Центр», 2011. – С. 74–83.
16. Albert, R. Statistical mechanics of complex networks / R. Albert, A.-L. Barabasi // Review of Modern Physics. – 2002. – Vol. 74. – P. 47–97.
17. Евин, И.А. Введение в теорию сложных сетей / И.А. Евин // Компьютерные исследования и моделирование. – 2010. – Т. 2, № 2. – С. 121–141.

Институт философии
НАН Беларуси

Поступила в редакцию 13.12.2019

Философия – открытая система

В.Н. КАЛМЫКОВ

Показано, что философия есть определённая, имеющая свою специфику, предмет и структуру и вместе с тем неопределённая, предполагающая открытость, продолжение. В статье акцентировано внимание на открытость философии, что продемонстрировано через изменение проблемного поля философии. Охарактеризованы полутональность и антиномичность философии, её творческий характер.

Ключевые слова: бытие, человечество, социум, культура, цивилизация, проблемность, полутональная философия, антиномии, интегративность позиций.

It is shown that philosophy is a certainty that has its own specificity, subject, and structure, and at the same time, uncertainty, which presupposes openness, continuation. The article focuses on the openness of philosophy, which is demonstrated through a change in the problem field of philosophy. The semitonal and antinomy of philosophy, its creative character are characterized.

Keywords: being, humanity, society, culture, civilization, problemness, semitonal philosophy, antinomies, integrativity of positions.

Философия в своём развитии прошла этапы от целостного универсализма к суммативному, далее к целостно-системным концепциям, фрагментаризму и к возрождению философии как целостного мировоззрения. Историко-философский процесс, по мнению Т.И. Ойзермана, можно рассматривать по этапам: дифференциация (например, Фалес, Анаксимен, Анаксимандр); дивергенция (Гераклит, элеаты); поляризация (Демокрит и Платон); радикальная поляризация (материализм и идеализм, рационализм и иррационализм, рационализм и эмпиризм); синтез идей [1, с. 64].

Философия XX–XXI вв. характеризуется множеством направлений и вместе с тем стремлением создать целостное учение на основе многоаспектного решения различных проблем разными школами. На фоне существенных трансформаций и модернизаций, происходящих ныне в развитии социума, культуры и науки, сталкиваются в противоречивом единстве глобализм и изоляционизм, традиционализм и постмодернизм, экологизм и технократизм, антропологизм и превращение человека лишь в товарную единицу и т. д. Происходит сближение восточного и западного стилей мышления, рациональных и иррациональных, научных и вненаучных подходов, когнитивных и ценностных параметров знания и т. п. Стремление к многостороннему, с разных позиций осмыслению проблем иногда приводит представителей неклассической философии к эклектике – механическому смешению противоположных исходных принципов в рамках своих философских систем.

Современная философия больше ориентирует человечество не на изменение мира, а на сохранение цивилизации. Человек предстаёт не как властелин природы и центр мироздания, а как существо, включённое в многообразие жизни, соотносящееся с различными частями живого не на основе господства и конкуренции, а на базе взаимности и сотрудничества при возрастании роли кооперативных эффектов и несиловых взаимодействий. Впрочем, силовых сценарий воздействий на мир сохраняется.

Радикальные трансформации неклассической философии «можно свести... к “слому” традиционных представлений о наличии в философии “вечных тем” и фиксированного мета-словаря, а значит – к отсутствию единого логического пространства для философского дискурса» [2, с. 72].

В недалёком прошлом одной из «вечных» тем был инициированный Ф. Энгельсом основной вопрос философии. В его содержании было выделено два аспекта: «генетический аспект соотношения материи и сознания (так называемый вопрос о первичности) и функциональный (вопрос о познаваемости мира)» [3, с. 724].

Отметим, во-первых, в философии на смену «основному» вопросу пришло изменяющееся проблемное поле философских размышлений, где выносятся на первый план те или иные конкретные проблемы. Например, для Ф. Шеллинга основной является проблема об отношении

свободы и необходимости; А. Камю заявлял, что вопрос о смысле жизни является самым неотложным; П. Риккерт самой острой назвал проблему зла, насилия, экзистенциалисты – существования человека в «пограничных», порой трагических ситуациях. Для неопозитивизма основным стал вопрос о природе научного знания. Лингвистическая философия в центр своего внимания поставила проблему языка, провозглашая, что «сейчас широкой популярностью пользуется точка зрения, согласно которой философия является деятельностью по прояснению и уточнению языка, совершенствованию аналитической техники мышления» [4, с. 190]. В современном мире, когда существует угроза гибели всего человечества, центральной является проблема обеспечения выживаемости человечества и достойного существования отдельных людей на основе укрепления жизнеспособности социума, преодоления опасности ядерных, экологических, техногенных, антропологических и иных катастроф, выбора приемлемой стратегии развития общества. В индивидуальном измерении закон сохранения человечества выражается в разумной и изменяющейся мере сочетания и чередования активизации и экономии в течение жизни энергии того или иного конкретного человека [5]. В этом же аспекте В. Божанов полагает, что «мы вышли на этап инновационной цивилизации, на котором трансформации может подвергаться биологическая составляющая человеческого естества, его идентичность. В связи с этим как одна из актуальнейших проблем современности обозначилась проблема сохранения природы человека» [6, с. 88, 89].

Во-вторых, современная философия, различая материальное и идеальное, вместе с тем акцентирует внимание на их сближение и взаимопроникновение. Идеальное существует как материализация замыслов, участвует и присутствует во всём, что человек делает разумно.

В-третьих, фундаментальным выступает не только деление бытия на материальное и идеальное, но и выявление в объектах бытия качества и количества, на что указывает один из универсальных законов диалектики. Пифагорейская идея познания мира с помощью чисел вновь становится актуальной. Значимыми стали проблемы цифровизации мира. Кстати, в стратегии «Наука и технологии», принятой на втором съезде учёных Беларуси (декабрь 2017 г.), одним из ключевых названо направление внедрения сквозной цифровизации экономики и создания ИТ-страны. Развитое математическое знание выражает не только количественную, но и качественную сторону предметов и событий мира. Итак, выделение в бытии количества и качества является не менее значимым, универсальным, чем деление на материальное и идеальное.

Что касается познаваемости мира, то отметим, что познание не есть движение к абсолюту, к полной воспроизводимости действительности. Это вытекает из факта, что сущее и его фрагменты есть единство относительно завершённых, упорядоченных, стабильных состояний вещей и одновременно непредсказуемых, изменчивых, хаотических. Первое даёт основание для удовлетворительного, а второе – для отрицательного или скептического ответа на вопрос: «Познаваем ли мир и человек в мире?». Позиции неопределённости в вопросе познаваемости мира усилились, когда были открыты сферы, участие сознания в которых ограничено (воля, бессознательное, интуиция и т. д.). Вопросы о сущности и смысле бытия, жизни и смерти человека, его назначения, о цели истории, выбора ценностей и другие далеко не всегда поддаются конечному решению.

Основной вопрос философии, несмотря на высказанные комментарии и замечания, тем не менее сохраняет своё значение как этап развития философской мысли.

В истории философии предпринимались усилия дать подходы к пониманию философии. Так, Платон полагал, что удивление есть начало философии. Действительно, удивление означает пробуждение сознания, открытие нового в привычных и общепринятых воззрениях. Первую попытку выделить философию как специфическую область теоретического знания, как учение о первопринципах сущего предпринял Аристотель. Он отмечал: «наиболее достойны познания первоначала и причины, ибо через них и на их основе познаётся всё остальное...» [7, с. 68]. Помимо теоретического знания Аристотель в философии выделил практическую (учение о человеческой деятельности) и поэтическую (о творчестве) части. Ф. Бэкон и Р. Декарт понимали под философией целостную науку, облечённую в понятийную форму. Изумление, сомнение и вопрошание – три источника, которые питают философию, утверждал М. Хайдеггер.

Различные определения понятия философии дают и современные философы [8, с. 390], [9, с. 82], [10, с. 22], [11, с. 4], [12, с. 8], [13, с. 21]. Однако философия не завершена, она – открытая система. Согласимся с мнением М. Хайдеггера, что философия не поддаётся определению через что-то другое. Этот тезис вытекает из обсуждения Хайдеггером взглядов ряда философов (Гераклита, Платона, Аристотеля, Гегеля и др.) и различных вариантов ответа на

вопрос «Что такое философия?» (дело разума, вопрошание, удивление, ответ на зов Бытия и др.). Хайдеггер приходит к выводу: «мы никогда не дойдём до подлинного, т. е. достоверного ответа на вопрос «что такое – философия?» [14, с. 121]. В одном ряду с точкой зрения Хайдеггера находится позиция М.К. Мамардашвили, который полагал, что мир в целом и человек не завершены, а философия строит понятия, посредством которых универсальные проблемы мироздания предстают в предельно возможном виде. Категория же возможности выражает тенденцию развития предмета, события, его потенциальное бытие в виде зародышей будущего в настоящем, то есть возможность – синоним открытости.

Об открытости философии свидетельствует, как уже продемонстрировано, изменяющаяся проблематика философии. Кардинальными мировоззренческими проблемами современности стали проблемы самосохранения и дальнейшего развития цивилизации, трансгуманизма, технологических рисков, путей преодоления глобальных кризисов, поиска новых этико-гуманистических и экологически ориентированных регуляторов деятельности, культуризации и дискультуризации и т. д. В центре внимания сейчас выступают социотехносфера развивающегося мира, культура и её антипод антикультура. Если культура характеризует совокупность проявлений жизни, самосохранения человечества, то антикультура выражает устремлённость к гибели. Носителями дискультуризации являются те, кто не творят, а разрушают мир и самих себя [15, с. 71].

Одной из нетрадиционных черт философии является её полутональность. Древние греки изображали богиню Афины, покровительницу мудрости, с совой, сидящей на плече. Римляне называли её Минервой и отмечали: сова вылетает на охоту в сумерки. Это, в нашем истолковании, подчёркивало, что всё видится не чётко, как днём, а неясно, в самых общих чертах, то есть в полутонах. Полутональная философия рассматривает объекты мира не только как стабильные, относительно устойчивые, но и одновременно как изменчивые, гибкие, неопределённые, делая акцент на последнем [16, с. 90]. Если для естественно-научных текстов характерна точность смысла, строгость определений и понятий, то в философских текстах, наряду с отмеченными чертами, присутствует многосмысленность, неопределённость (в меру), открытость.

Социально-гуманитарное знание в целом в значительной степени носит конвенциональный характер. П. Рикёр утверждал: множественность интерпретаций и даже их конфликт является не пороком, а достоинством понимания. Так, допуская домысливание, можно полагать, с определённой долей вероятности, что И. Кант и Г. Гегель подошли к предидеям разнообразия общественной жизни (локализации) и единства (глобализации), ненасилия и силового принуждения. Первый провозглашал, что каждая нация должна иметь мужество пользоваться собственным умом, вечный мир понимал как нравственный идеал, а второй был приверженцем системной универсальности мира, в отличие от Канта допускал войну как средство решения межгосударственных конфликтов. Отмеченные взгляды представителей немецкой философии в дальнейшем вылились в современные концепции локализации и глобализации, диалога и вместе с тем столкновения жизненных альтернатив, мирного решения возникающих проблем путём договорённостей, компромиссов и действий с позиции силы.

Полутональность философии выражается в отказе от категорических и односторонних утверждений. Объекты бытия представляют собой целостность со своими противоположностями. Наличие противоположностей в объектах бытия и их отражение в сознании нашло своё выражение в антиномиях. Антиномии, по И. Канту – это противоположения, которые могут быть аргументированы с одинаковой степенью логической доказательности. Антиномии, то есть противоречия, утверждал Г. Гегель, существуют во всех предметах всякого рода, во всех представлениях, понятиях и идеях. Приведём один из примеров универсальной антиномичности. Хотя в мире всё меняется (одна антиномия), есть и сила инерции, сопротивление изменению. В сложных саморегулирующихся системах наблюдается стремление к равновесию, то есть к существованию вопреки изменениям, поддержанию важных для сохранения системы параметров в допустимых пределах (противоположная антиномия). Например, для личности характерно как изменение и новизна (тезис), так и относительно неизменное, то есть верность определённым принципам и идеалам, моральным нормам (антитезис).

В отличие от антиномичности, опирающейся на раздвоение противоположностей, в синергетике речь идёт о развилке, разветвлении, множественности альтернативных линий раз-

вития бытия и её аналогов в сознании. Корректны оба подхода: рассмотрение развития как двуединства противоположностей и развития как множества линий, тенденций.

Открытость философии проявляется в её творческом характере, новых подходах, уточнениях по различным позициям. Для подтверждения ограничимся одним примером. Широко известно описание развития в форме раскручивающейся по вертикали спирали, которое давали Ф. Энгельс и В.И. Ленин. Современная философия под влиянием синергетики утверждает, что когда структура того или иного объекта, имеющего начало и конец, в основном определяется и наступает насыщение информацией, спираль принимает форму сходящейся. При этом уменьшается неопределённость и возрастает уровень организации объекта. Порядок (определённость) и беспорядок (хаос, неопределённость) выступают как две стороны, перетекающие друг в друга, одного и того же мира. Новизна подходов не исключает роли традиций. Традиции, согласно Т. Куну, являются условием возможности дальнейшего научного развития. Чтобы осуществлять прорывы в науке, необходимо опираться на прежние достижения и приращивать к ним новое.

Полутональность, открытость философии выражается, в том числе, в интегративности позиций. Интегративный подход к социуму, например, проявляется в учёте и синтезе наиболее ценных, плодотворных идей разных обществоведческих программ: диалектико-материалистической, культурно-центристской, структурно-функциональной, социопсихологической, коммуникативного социального действия и др. Сочетаемые концепции не должны логически противоречить друг другу, а соотноситься по принципу дополнительности. Цель синтеза – представить общество как целостную систему, единство многообразных его динамичных сторон, связей и отношений [17]. В целом же, подтверждается позиция Т.И. Ойзермана об этапах историко-философского процесса, где речь идёт о синтезе идей.

Хотя философия не завершена, она – открытая система, в некоторых установках и целях, в формулировке абсолютных истин, стиле изложения, стремлении к отысканию истины, опоре на логические правила и методологии и т. д., философия относительно устойчива. Устойчивость философии выражается в наличии её предмета (отношение «человек – мир», «человек – человек») и структуры. По своей структуре философия включает в себя онтологию, праксиологию, гносеологию и эпистемологию, аксиологию, философскую антропологию, социальную философию. В качестве ядра философии нередко называют теорию диалектики, обогащённую синергетикой.

Итак, философия есть определённость, имеющая свою специфику, предмет и структуру, и одновременно неопределённость, предполагающую открытость, продолжение, дальнейшее углубление и расширение тематики. В предлагаемой статье акцентировано внимание на открытости философии.

Литература

1. Митрохин, Л.Н. Из бесед с академиком Ойзерманом / Л.Н. Митрохин // Вопросы философии. – 2004. – № 5. – С. 33–77.
2. Румянцева, Т.Г. Классическая и неклассическая философия в их отношении к традиции / Т.Г. Румянцева // Национальная философия в глобальном мире: тезисы Первого белорусского философского конгресса. – Минск, 2017. – С. 71–72.
3. Можейко, М.А. Основной вопрос философии / М.А. Можейко // Новейший философский словарь. – Изд. 3. – Минск : Книжный дом, 2003. – 1280 с.
4. Касавина, Н.А. Как возможна популярная философия? / Н.А. Касавина // Вопросы философии. – 2019. – № 6. – С. 187–198.
5. Калмыков, В. Закон сохранения человечества / В. Калмыков // Беларуская думка. – 2010. – № 10. – С. 94–99.
6. Божанов, В. Наше будущее: человек или искусственный интеллект? / В. Божанов // Беларуская думка. – 2019. – № 7. – С. 84–90.
7. Аристотель. Метафизика / Аристотель // Соч. : в 4 т. – М. : Мысль, 1975. – Т. 1. – 550 с.
8. Философский словарь / под ред. И.Т. Фролова. – 4-е изд. – М. : Политиздат, 1980. – 444 с.
9. Современная философия: словарь и хрестоматия / отв. ред. В.П. Кахановский. – Ростов-н/Д : Феникс, 1995. – 511 с.

10. Основы философии: учеб. пособие / рук. автор. колл. и отв. ред. Е.В. Попов. – М. : ВЛА-ДОС, 1997. – 320 с.
11. Философия: учеб. пособие / В.С. Стёпин [и др.] ; под. общ. ред. Я.С. Яскевич. – Мн. : РИВШ, 2006. – 624 с.
12. Философия и методология науки: учеб. пособие / Ч.С. Кирвель [и др.]. – Минск : Выш. шк., 2012. – 639 с.
13. Философия: учебное пособие / Ч.С. Кирвель [и др.] : под ред. Ч.С. Кирвеля. – Минск : Выш. шк., 2015. – 528 с.
14. Хайдеггер, М. Что такое – философия? / М. Хайдеггер // Вопросы философии. – 1993. – № 8. – С. 113–123.
15. Калмыков, В. Противоречивость культурного функционирования социума / В. Калмыков // Беларуская думка. – 2019. – № 10. – С. 69–74.
16. Калмыков, В. Неизменная изменчивость. О полутональности философии / В. Калмыков // Беларуская думка. – 2014. – № 11. – С. 90–94.
17. Калмыков, В.Н. Смысл синтезного подхода к рассмотрению общества / В.Н. Калмыков // Известия Гомельского государственного университета им. Ф. Скорины. – 2008. – № 3 (48). – С. 8–17.

Гомельский государственный
университет им. Ф. Скорины

Поступила в редакцию 12.11.2019

УДК 322:2-67(476)

Десекуляризация как фактор модернизации современной Беларуси

В.А. ОДИНОЧЕНКО

Рассматривается роль десекуляризации в процессе модернизации современной Беларуси. Подчеркивается проблемный характер рассуждений. Понятие «десекуляризация» охватывает широкий круг явлений. Основным ее содержанием в современной Беларуси является преодоление советского атеистического наследия. Модернизация Беларуси связана с процессом вхождения в пространство европейской культуры, одним из основных принципов которой является право на свободу совести. Посредством его осуществления формируется творчески активная личность.

Ключевые слова: десекуляризация, модернизация, право на свободу совести, творческая личность.

The role of desecularization in the process of modernization of modern Belarus is considered. The problematic nature of reasoning is emphasized. The concept of «desecularization» covers a wide range of phenomena. Its main content in modern Belarus is the overcoming of the Soviet atheistic heritage. The modernization of Belarus is connected with the process of entering the space of European culture, one of the basic principles of which is the right to freedom of conscience. Through its implementation, a creatively active personality is formed.

Keywords: desecularization, modernization, right to freedom of conscience, creative person.

Мы хотели бы подчеркнуть проблемный характер данной статьи и возможность иных точек зрения на соотношение десекуляризации и модернизации. Как это будет видно из дальнейших рассуждений, плюрализм мнений является, на наш взгляд, не только показателем, но и фактором модернизации.

Состояние современного белорусского общества характеризуется исследователями посредством понятия «трансформация». На наших глазах происходит переход от социалистического к иному пути развития, который считается более прогрессивным и соответствующим мировым тенденциям. Частью этого процесса является десекуляризация. Под ней обычно понимается происходящее во второй половине XX в. возвращение религии в общественную сферу. Говоря кратко, религия перестала рассматриваться только как частное дело человека, что было ранее. Для нас важно понимание причин и механизмов десекуляризации в современной Беларуси. В качестве первого шага отметим, что приставка де означает противоположное действие. Таким образом, десекуляризация является реакцией на секуляризацию, преодоление ее последствий.

Поэтому необходимо сказать, что такое секуляризация. Она определяется как «процесс уменьшения влияния религии на реализацию общественных и частных отношений, потеря религией своих позиций в культуре и обществе» [1, с. 756]. Используя привычную для нас марксистскую терминологию, напрашивается схема отрицания отрицания: секуляризация – это преодоление религиозного состояния общества, десекуляризация – процесс, направленный против секуляризации. Однако мы хотели бы предостеречь от такой трактовки. Десекуляризация – это не возвращение к десекулярному состоянию, даже на более высоком уровне. В марксизме использовалась линейная трактовка истории, которая рассматривалась как смена общественно-экономических формаций. Можно было четко выявить направленность развития, а также его показатели. Прежде всего это был прогресс в экономике. Сейчас же подчеркивается многофакторность исторического процесса, и в связи с этим необходимы дополнительные усилия по выявлению критериев развития.

Мир стал сложным. Поэтому для его понимания необходимо использовать различные подходы. Они раскрывают многообразие реальности, в которой мы живем.

Начало десекуляризации в Беларуси положили причины внешнего по отношению к религии характера, прежде всего, изменения в политике правящей в СССР Коммунистической партии по отношению к религии. Но постепенно, по мере формирования религиозной сферы на первый план вышли внутренние причины. В настоящее время они усиливаются и, на наш

взгляд, в будущем станут определяющими. Мы можем констатировать, что десекуляризация зависит от процессов трансформации, происходящих в общественной жизни современной Беларуси, но в то же время оказывает на них влияние.

В настоящее время развитие общества обычно связывается с его модернизацией. Под ней понимаются изменения, соответствующие новым требованиям (от фр. *moderne* – *новый, современный*). Таким образом, модернизация воспринимается как прогрессивное развитие общества, обеспечивающее переход на более высокий уровень.

Теория модернизации была разработана в контексте линейной трактовки истории. Обычно модернизация рассматривается как переход от традиционного к современному обществу. Таким образом, в ней настоящее противопоставляется прошлому.

В этой связи перечислим отличительные черты современности. Как правило, к ним относят индустриальное развитие, ускоренную урбанизацию, развитие всеобщей грамотности, демократизацию, секуляризацию. Последняя, как правило, рассматривается в качестве сущностной характеристики современного общества: «Модерн всегда должен опираться на то, что бог умер, расколдованный социальный мир действует по рациональным, познаваемым законам, а любая личность является автономной» [2, с. 150].

Если исходить из этих установок, десекуляризация может трактоваться как возвращение назад к элементам домодерного (досовременного) общества.

Кроме того, в Беларуси религия связывается с традиционными моральными ценностями, и, соответственно, десекуляризация рассматривается как возвращение к традиции. Приведем в этой связи характерное высказывание, принадлежащее Президенту Беларуси А. Лукашенко: «Более тысячи лет христианство формирует общие для всех восточных славян этические и эстетические идеалы, служит основой нравственности и культурных традиций. Сегодня оно играет огромную роль в укреплении моральных устоев, проповеди единства, миролюбия и взаимопомощи» [3, с. 3].

Отметим, что традиция должна быть понята в ее конкретности. Более адекватно, на наш взгляд, говорить не о традиции, а о традициях, присущих каждой из культур, в том числе и в их религиозном измерении. Для христианства, которое является одним из источников европейской культурной традиции, характерен поиск ответов на встающие в обществе вопросы. Таким образом, на каждом этапе своей истории оно стремилось быть частью современности.

В рамках темы наших рассуждений важно учитывать два значения понятия «современность»: это то, что происходит именно сейчас (мы бы еще добавили «и здесь»), и то, что соответствует имеющимся проблемам. Эти значения взаимосвязаны: осмысление любой проблемы должно иметь конкретный характер за счет пространственной и временной локализации, и только в этом случае можно стремиться к ее решению.

Десекуляризация – процесс, отражающий характер нашей современности. В качестве ее примеров приводятся: распространение исламского фундаментализма, возрождение религии в бывших социалистических странах, а также усиление присутствия религиозных организаций в общественном и культурном пространстве Европы.

Они по-разному связаны с модернизацией. Исламское возрождение явилось реакцией на западную политическую и культурную экспансию. Одним из его результатов стало возвращение к принципам шариата и, как следствие, насаждение норм традиционно мусульманских форм поведения, находящихся в явном противоречии с современностью. В то же время первоначальным толчком к возрождению религиозной жизни в странах бывшего Советского Союза послужила «перестройка», одной из целей которой было ускорение развития страны. Произошел отказ от проводимой в Советском Союзе атеистической политики. Для Беларуси и ее соседей это означало реальное осуществление принципа свободы совести, что, как и осуществление других свобод, является одним из факторов развития современной европейской культуры.

Таким образом, мы считаем сам подход, рассматривающий десекуляризацию как отказ от прогрессивного развития, несовременным, т. е. не соответствующим тем процессам, которые происходят в настоящее время. Добавим, даже возвращение к традиции, как правило, вызвано насущными проблемами общества. Но в случае десекуляризации, если рассматривать ее в контексте линейных трактовок истории, происходит не возвращение, а движение вперед в новых условиях.

Всякое состояние общества продуктивно рассматривать не только как итог, но и как этап развития. Мы исходим из неоднородности исторического процесса, обладающего качественным своеобразием в каждый период, в том числе и по отношению к религии. Секуляризация была установкой Нового времени, поскольку считалось, что религия является консервативной силой, препятствующей прогрессу. В конце XIX в. в Европе были популярными теории о постепенном исчезновении религии по мере исторического развития общества. Однако события XX в. эти прогнозы не подтвердили. Ожидаемой массовой секуляризацией сознания не произошло. Американский социолог П. Бергер, который был одним из теоретиков секуляризации в шестидесятые годы прошлого века, впоследствии заявил, что «большая часть мира сегодня, конечно, не светская. Она очень религиозна» [4].

Следует отличать техническую и социально-культурную модернизацию. Первая сводится к обновлению машин, оборудования и производственных процессов, приведение их в соответствие с современными нормами, техническими условиями, показателями качества и в целом имеет линейный характер. Техника непрерывно усложняется и совершенствуется. В современном обществе это очевидно.

Социально-культурная модернизация – это развитие общества в соответствии с такими базовыми ценностями современности как свобода, демократия, права человека и т. д. Для нее характерна нелинейность, поскольку она связана со сменой системы ориентиров. Поэтому она содержит в себе полемическую установку по отношению к своим предшественникам.

Эти два вида модернизации взаимосвязаны, однако не совпадают. Зачастую социально-культурную модернизацию рассматривают по аналогии с технической как процесс улучшения и совершенствования общества. В этом случае рассуждения о ней приобретают отвлеченный характер, речь уже идет не о механизмах модернизации, а о желательности ее осуществления.

Нам важно учитывать различие между первичной и вторичной модернизацией. Первая произошла в Европе в Новое время и связана с формированием национальных государств, развитием рыночной экономики, индустриализацией, становлением свободного и активного индивида. Вторичная модернизация происходит в тех странах, которые для интенсификации своего развития заимствуют те или иные черты западной цивилизации. Соответственно их еще называют органической и неорганической модернизацией. Первая происходит на основе своей собственной культуры, вторая – на основе заимствований.

Толчком к осуществлению догоняющей модернизации служит осознание своего отставания от стран-лидеров. На наш взгляд, это является свидетельством жизненной силы общества, способности увидеть свои проблемы и предпринять усилия по их решению. При этом учет культурной специфики порождает различные национальные модели догоняющей модернизации.

Имеется опыт успешного осуществления вторичной модернизации в странах Юго-Восточной Азии. В них произошло сочетание норм традиционной культуры, таких как дисциплинированность, трудолюбие, коллективизм и выработанной в Европе Нового времени установки на техническое развитие.

Нам следует учитывать, что мы находимся в ином состоянии по сравнению с азиатскими странами. Территория Беларуси долгое время была частью европейского культурного пространства, и на ней происходили те же процессы, что и в остальной Европе. Таким образом, проведение модернизации в Беларуси возможно на собственной культурной основе. Одним из фундаментальных ее компонентов является формирование активной творческой личности, действующей в соответствии со своими убеждениями.

Одним из компонентов современной европейской культуры является право на свободу совести. Характерно, что оно было также частью модернизационного проекта, осуществляемого в Советском Союзе, хотя и понималось в контексте официально проводимой жесткой атеистической политики.

Право на свободу совести было закреплено в Конституции БССР. Согласно ей, граждане имели право «исповедовать любую религию или не исповедовать никакой, отправлять религиозные культы или вести атеистическую пропаганду» [5]. Однако в условиях монопольного господства коммунистической идеологии свобода совести не могла осуществляться, как, впрочем, и другие свободы: слова, собраний, политической деятельности и т. д.

Существующий тип общества был несовместим с правами человека. Советское государство выступало в качестве всеобщего распределителя благ. Оно давало квартиру, место в детском садике, зарплату, премию, путевку, учило, лечило и т. д. И было непонятно, какие можно иметь права по отношению к своему благодетелю.

Также и в настоящее время идея наличия у человека неотъемлемых прав является для большинства населения нашей страны непривычной. Их осуществление требует выработки новых форм поведения на основе осмысления того, что такое личность, и как должны строиться ее взаимоотношения с надындивидуальными структурами. Это обуславливает решение вопросов, имеющих глубокий философский характер. В частности, что такое свобода, демократия, социальная справедливость и т. д. Мы рассматриваем десекуляризацию в Беларуси как часть процесса модернизации, способствующую осуществлению этих ценностей.

В ситуации, происходящей в современной Беларуси трансформации, в том числе и в религиозной сфере, важно понимание того, что секуляризация не имела всемирного характера. Она явилась частью европейского культурного проекта, базирующегося на схемах рассуждений, выработанных в рамках христианства, и включала в себя принципы разделения светской и духовной власти, ценности человеческой личности, а также интерес к изучению созданного Богом мира. По словам одного из наиболее известных теологов XX в. Х. Кокса, «не случайно, что в первую очередь процесс секуляризации начался в странах так называемого христианского Запада, там, где влияние библейских религий на историю оказалось наиболее заметным. Развитие естественных наук, демократических политических институтов, культурного плюрализма – все те достижения, которые мы обычно связываем с западной цивилизацией, – едва ли можно понять без учёта того первого импульса, которым послужила Библия. Хотя люди уже давно не осознают этой связи, она всё ещё существует. Культурные влияния продолжают действовать ещё долго после того, как бывают забыты их источники» [6, с. 33].

Не следует воспринимать секуляризацию как то, что осталось за нашей спиной. Она продолжается в современных условиях и отличается от атеистической политики, которая принудительно проводилась в СССР. Мы исходим из того, что секуляризация и десекуляризация – это процессы, которые взаимодействуют в нашем обществе, и посредством их осуществляется принцип свободы совести.

Актуальным в свете рассматриваемой нами проблемы десекуляризации как фактора модернизации является остро стоящая проблема активизации и использования творческого потенциала человека. В современном обществе это служит фактором не только социально-культурного, но и экономического развития. Поэтому в настоящее время существует социальный запрос на людей способных к инновациям и нестандартному типу решения проблем.

В этой связи сошлемся на утверждение современного американского социолога Ричарда Флориды, книга которого «Креативный класс» (2002) стала бестселлером: «мы сегодня ценим креативность как никогда высоко и культивируем ее с особенным усердием. Творческая деятельность – отличительная черта человека как вида – в наше время приобретает невиданный размах» [7, с. 19].

Индивидуальность и самовыражение – важные факторы развития современного общества. В этих условиях утверждается культура свободного выбора, противостоящая принудительности внешних норм, а также традиции. Творчество предполагает выход за рамки общепринятого. Мы сошлемся на слова академика НАН Беларуси Е.М. Бабосова: «Прежде всего следует отметить, что творческий человек стремится к инновационной деятельности в любой сфере социальной действительности. Данная черта личности предполагает готовность к риску. Это подразумевает, что человек, формулирующий новую идею, предлагающий новаторский принцип работы, должен иметь смелость высказать, а если потребуются, то и убежденно отстаивать свою правоту. А для этого необходимо думать так, как до сих пор не думал никто» [8, с. 5]. Поэтому установка на инновации должна сопровождаться созданием механизма, который превращал бы их в фактор развития.

В условиях возрастания роли личности в развитии общества актуальным делается осмысление моральных установок, разработанных в культуре. При этом акцент должен быть сделан не на их традиционность, а на актуальность как способов организации поведения людей.

Для ситуации, сложившейся в современной Беларуси, это особенно важно. Поскольку в ней сейчас наблюдается ценностная дезориентация. Принципы советской морали утратили свое ориентирующее значение. На смену им пришли либеральные ценности, которые зачастую воспринимаются поверхностно: как схемы поведения свободного от обязательств индивида.

В этих условиях необходима реактуализация нравственности. Расширение религиозной сферы является, на наш взгляд, одним из факторов этого процесса.

В нашем обществе острой является проблема наличия социальных институтов, которые могли бы предложить систему нравственных принципов. Отметим, что не только религиозные организации оказывают влияние на формирование нравственности. Этим занимаются также семья, школа, общественные организации и т. д.

Однако при обосновании морали с религиозных позиций происходит апелляция к нормам, которые рассматривают как имеющие сверхъестественную природу. Это позволяет проповедовать моральные принципы даже вопреки господствующим в современной культуре потребительским настроениям.

Отметим, что за время независимости в Беларуси произошло усложнение общественной жизни. Отсутствие официальной идеологии и признание возможности различных мировоззренческих позиций предполагает новые принципы организации поведения. Резко возрастает значимость не только возможности свободного выбора, но также и норм, способных служить жизненными ориентирами.

Таким образом, модернизацию мы рассматриваем как системное явление, элементом которого является взаимодействие процессов секуляризации и десекуляризации. Развитие современной Беларуси осуществляется по схемам, отличным от тех, которые использовались во времена БССР. Происходящая в настоящее время десекуляризация является одним из факторов модернизации страны и необходимым компонентом построения общества европейского типа.

Литература

1. Безнюк, Д.К. Секуляризация / Д.К. Безнюк // Религия: Энциклопедия / сост. и общ. ред. А.А. Грицанов, Г.В. Синило. – Мн. : Книжный Дом, 2007. – С. 756–757.
2. Мартыянов, В.С. Может ли современность быть множественной? / В.С. Мартыянов // Россия реформирующаяся : ежегодник / отв. ред. М.К. Горшков. – М. : Новый хронограф, 2013. – Вып. 12. – С. 132–156.
3. Лукашенко, А.Г. Приветствие участникам Международной научной конференции «Крещение Руси в судьбах народов Беларуси, России и Украины: выбор цивилизационного пути» / А.Г. Лукашенко // Крещение Руси в судьбах народов Беларуси, России и Украины: выбор цивилизационного пути : материалы Междунар. науч. конф., Минск, 6–7 июня 2013 г. / редкол.: В.Г. Гусаков [и др.]. – Мн. : Изд-во Белорусского Экзархата, 2013. – С. 3.
4. Berger, P. Epistemological modesty: an interview with Peter Berger [Электронный ресурс] / P. Berger. – Режим доступа : <https://www.religion-online.org/article/epistemological-modesty-an-interview-with-peter-berger/>. – Дата доступа : 16.12.2019.
5. Конституция (Основной Закон) Белорусской Советской Социалистической Республики (с изменениями и дополнениями) [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.pravo.by/pravovaya-informatsiya/pomniki-gistoryi-prava-belarusi/kanstytutsyynae-prava-belarusi/kanstytutsyi-belarusi/konstitutsiya-1978-goda-s-izmeneniyami-i-dopolneniyami/>. – Дата доступа : 14.12.2019.
6. Кокс, Х. Мирской град: Секуляризация и урбанизация в теологическом аспекте / Х. Кокс. – М. : Восточная литература, 1995. – 263 с.
7. Флорида, Р. Креативный класс: люди, которые меняют будущее / Р. Флорида. – М. : Издательский дом «Классика-XXI», 2007. – 421 с.
8. Бабосов, Е.М. Возрастающая роль креативной личности в развитии сетевого общества / Е.М. Бабосов // Журн. Белорус. гос. ун-та. Социология. – 2017. – № 1. – С. 4–10.

Технический редактор: *О.Г. Шляхтова*. Корректоры: *В.А. Бобрик, Г.Н. Петухова*

Подписано в печать 10.02.2020. Формат 60 × 84 1/8. Бумага офсетная.
Ризография. Усл. печ. л. 22,79. Уч.-изд. л. 19,85. Тираж 129 экз. Заказ № 74.
Цена свободная

Издатель и полиграфическое исполнение:
учреждение образования
«Гомельский государственный университет
имени Франциска Скорины».

Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя,
распространителя печатных изданий № 3/1452 от 17.04.2017.
Специальное разрешение (лицензия) № 02330 / 450 от 18.12.2013.
Ул. Советская, 104, 246019, Гомель.